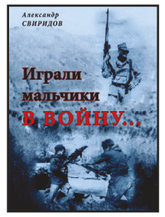
ООО Издательство «Серебро Слов»
представляет новые книги:



Л.А. Дудин
«Гвардии генерал Соколов»
Книга, за которую наше издательство получило диплом
за вклад в патриотическое воспитание молодёжи
на II Межрегиональном фестивале
«Региональная книга России»

А.А. Свиридов
«Играли мальчики в войну»
Автор – кадровый офицер и ветеран-афганец
создал реальную картину службы воина-интернационалиста.

А.В. Курганов
«Земляки»
Книга «Земляки» у Алексея Курганова первая.
Но, надеемся, не последняя.
Автор продолжает работать, пишет новые тексты.
В его архиве и сейчас имеются интересные рассказы, и даже стихи!
Мы уверены, что каждый, прочитавший эту книгу,
будет с нетерпением ожидать выхода следующей.

ISBN 978-5-906926-96-8

СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЖДЬ

Серия «Серебро Слов»

СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЖДЬ

2

Международный литературно-художественный альманах

2

2013-2018

Да свершатся смелые планы!
Альманах талантам откроется!
И пусть книг армада построится
Именами новых титанов!

И зерно добра станет колосом –
Урожаем света и истины!
И мечтами светлыми, чистыми!
Да восславит мир наши помыслы!

Э.Офледи

СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЖДЬ

Международный
литературно-художественный
альманах

Издание 2-е

Коломна
Серебро Слов
2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

С32

ISBN 978-5-906438-05-8
ISBN 978-5-906926-96-8 (Том 2)

© Авторы, 2013, 2018
© Минаев Д.В., обложка, 2013, 2018
© Серебро Слов, 2013, 2018

Серебряный дождь. *Международный литературно-художественный альманах. Том 2. Изд 2-е.* **–** Коломна: Серебро Слов, 2018. – 144 с.: ил.

Серебряный дождь стихотворений, – то грустный, то весёлый, – способен обновить внутренний мир человека, столь же многогранный и бескрайний (а может быть, и больше!), сколь мир внешний…

Шеф-редактор:
Председатель Правления Московской областной организации Союза писателей России,
Заслуженный работник культуры РФ
Л.К. Котюков

Главный редактор:
Заместитель Председателя Правления Московской областной организации Союза писателей России
С.С. Антипов

Ответственный редактор и руководитель проекта:
Секретарь Правления Московской областной организации Союза писателей России
Д.В. Минаев

Редакционный совет:
Л.А. Дудин, **Э.В. Хандюков, И.Е. Витюк,**
В.К. Лория, О.А. Новикова

Компьютерная вёрстка: *А.А. Минаева, К.Б. Орлов*
Корректор: *А.Е. Русских*

ООО Издательство «Серебро Слов»

Сайт: *http://tvoyakniga.ru*
E-mail: *dogovor.serebro@gmail.com, serebro.slov@gmail.com*
Телефоны: *8 (916) 964-84-64, 8 (926) 433-33-99*
Интернет-магазин: *http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/*

* * *

Ответственность
за опубликованные материалы несут авторы.

* * *

При использовании опубликованных в издании материалов ссылка на альманах обязательна!

Подписано в печать 19.12.2017
Формат 60x84/8.
Бум. офс. №1. Печать офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва,
Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5.
Тел: 8 (495) 322 38 30
www.t8print.ru

Я вечен в невозможном…

…Задумывались ли вы когда-нибудь, почему два слова – «поэт» и «пророк» – так часто ставят рядом? Почему Кастальский ключ, первоначально служивший источником вдохновения жриц-прорицательниц, позднее плавно, но прочно перешёл в статус одного из символов Поэзии? Каким образом «волшебство созвучья слов» (по меткому выражению Андрея Макаревича) растормаживает порой в человеке загадочную способность к мысленному проникновению в будущее?

Возможно, дело в том, что и поэзия, и пророчество требуют от своих служителей в первую очередь – восприятия образов. Во вторую – ритма: именно ритм способен ввести сознание в некий особенный режим, раскрывающий врата Вдохновения.

Небесного мечтания обитель.
И в ней, как метеор, он заплутал.
Сам по себе лишь – беспристрастный зритель
(В.Атанасова)

Разница – только в цели. Вернее – в её наличии и принципиальном отсутствии. Спросите Поэта – зачем он пишет? И в 95% случаев ответом вам будет немое изумление во взоре или моментальное уточнение: «Не зачем, а почему!» – и дальше уже индивидуальные вариации. Истина, однако, проста и конкретна: низачем. Огонь – горит. Птица – поёт. Поэт – пишет.

Манипулируя словами,
Жонглируй шариками рифм.
Поверь, заговорив стихами,
Что в Слове ты неповторим.
(Э.Хандюков)

Ну а разведать, что там, в будущем, – это как раз очень практично.

Вот и получается: там, где весталки, шаманы, прорицатели – стараются искусственно вызвать у себя вдохновение, – Поэт просто бросается душою ему навстречу, словно пловец в волны моря.

Мы постигаем в мире красоту,
а красота несовместима с низким.
От века так. Уходят в высоту
конструкции, деревья, обелиски.
(В.Симонов)

А дальше происходит очень интересная вещь…

С целью или без оной пускаетесь вы в это волшебное плавание, – а море-то на всех одно! Таинственная область, где обитают Образы, Архетипы, Мифы… но нет Времени. Вернее, всё существует одновременно. Будущее – в том числе.

Я вечен в невозможном,
Где рай не помнит ада!
Где никому не должен,
Где ничего не надо…
(Л.Котюков)

Так что Вдохновение для каждого припасает свои подарки: для Поэта – образы из ещё-не-произошедшего во временнОм потоке (порой случайные и не до конца ясные даже для самого автора, пока события не раскроют их смысл), а для любопытного исследователя – возможность уловить состояние чистого, не отягощённого практическими целями наслаждения свободой, полётом фантазии… И однажды грань между ними может стереться…

…И вот тогда, пространство взором
окинем ночью. Звёзды. Высь.
И вдруг поймём, каким же вздором
забита крошечная жизнь.
(В.Толстоус)

«А как же мы?! – могут спросить уважаемые Прозаики. – Вот так всегда вы, поэты, рассуждаете о своём высоком предназначении и особой судьбе, а о нас забываете. Несправедливо. Разве чужды нам эти понятия – образ, фантазия, вдохновение?..»

Поспешу ответить: противопоставление это – сугубо кажущееся. Талантливая проза – это всегда «медленная» поэзия. Ритмические волны художественного текста протяжённы, неспешны, они танцуют под собственную – тихую и плавную – музыку… Если вам кажется, что вы её не слышите – просто прочитайте для контраста, скажем… инструкцию к микроволновке или сотовому телефону, а потом – вот это:

«Там всё не так, как здесь. Там пахнет полынью Безлюдных Пространств и манят таинственные огни бесконечных граней Великого Кристалла. Там каждую ночь жгут костры добродушные чуки, а из глубин заброшенных подземелий устало и грустно взирают фрески верных Хранителей. Там мир полон сказок и чудес, там можно летать и разговаривать со звёздами…»
(А.Ильин)

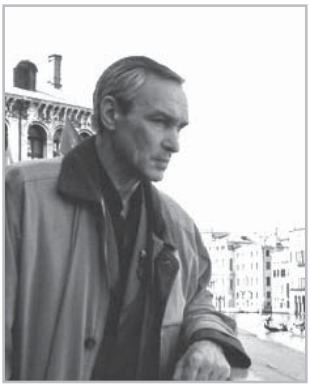
А в конечном счёте в этот удивительный мир время от времени попадаем все мы – вне зависимости от рода занятий и от того, имеем ли мы привычку подолгу оставаться наедине с бумагой. Музыкант, строитель, резчик по дереву, учитель, врач… – все мы по-своему создаём Красоту.

Кастальский ключ… Не его ли влага проливается благодатным серебряным дождём на наши головы в моменты Вдохновения?..

…А вверху – словно Кто-то услышал:
Тотчас грянули грома раскаты,
Вот и дождь барабанит по крыше,
И бегут под зонтами девчата!
Мне б за ними, да счёт не оплачен,
Но подсказку Всевышнего понял,
И со мною Любовь и Удача,
И от гнёта, как дождь, я свободен!
(С.Антипов)

Вы же – любите дождь…
Пахнут волосы осенью.
Вы же любите дождь…
Пятикрылым зонтом
Наше счастье мозаикой
пóд ноги бросится…
Семицветною радугой…
Тропкой… Мостом…
Вы же любите дождь?..
(И.Бестужев)

Анастасия Русских,
член Союза писателей России



Лев Котюков

г. Москва

Лев Константинович Котюков – ныне один из самых известных поэтов в России. Он – автор более чем тридцати книг поэзии и прозы, получивших заслуженное признание в нашей стране и за рубежом.

Он первый поэт в истории России, отмеченный за литературные труды Московской Патриархией Международной премией имени Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, а также лауреат ещё тридцати семи международных, всероссийских и региональных литературных премий.

Председатель Правления Московской областной писательской организации, Секретарь Правления Союза писателей России, Заслуженный работник культуры России, Главный редактор журнала «Поэзия», академик Академии Российской словесности и ряда других академий зарубежья и России.

Памяти незабытого поэта

Он не менял поэзию на жизнь.
Он в Слове жил, как вечности посланец.
Он повторял, угрюмо глядя ввысь:
«В родной стране я, словно иностранец…»

О, как прекрасен на закате свет!
Но зримому и явному не верьте.
Он был поэтом. Умер как поэт.
Но стал вдруг человеком после смерти…

В июльских дождях

Пролетел легкокрылый июнь,
Где мы были навек молодыми.
Стало время седым, будто лунь,
И мгновения стали седыми.

Мы угрюмо молчим о своём,
Будто в бездну на миг заглянули.
Как слепые, по травам бредём
За слепыми дождями июня.

Но бессрочный июнь впереди
И мгновенья без убыли света…
И прозреют слепые дожди
На околице вечного лета.

***

Всё темней этой жизни стезя.
Напролёт в тёмном поле ни зги.
Умирают до срока друзья.
И бессрочно плодятся враги.

И плодится завистное зло.
И в стогу задохнулась игла.
А кому-то опять повезло:
Он поверил в безумие зла.

Этот мир повредился в уме, –
И безумье выходит на круг.
И друзья затерялись во тьме,
И друзьям я сегодня – не друг.

И молчу я один без огня.
Опрокинулась ночь, как овраг…
И врагов нынче нет у меня,
Ибо я – сам себе – главный враг…

***

Презрев пустое время,
Судьба даёт отсрочку.
Но медленно и верно
Я обращаюсь в точку.

И всё ж ещё поётся!
И вдаль иду по росам.
И пусть в лицо смеётся
Огромный знак вопроса.

Я вечен в невозможном,
Где рай не помнит ада!
Где никому не должен,
Где ничего не надо…

***

Распахнут мир во все концы, –
И нет пределов совершенству.
Ничтожны мира мудрецы
В бесплодных поисках блаженства.
А все пытают смыслом – жизнь –
Пред бездной вечного забвенья…
Но смысл, увы, давно не смысл, –
И разум – недоразуменье!..

Вечный свет

1
Вдруг кажется, что зло не превозмочь
И сгинуло бессмертье в бесконечном.
Но свет рождает неземная ночь,
И, слава Богу, эта ночь не вечна.

2
Вдруг кажется: не эта жизнь прошла!
Вдруг кажется: нет смысла в невозможном.
Но вечен свет, как Божия душа,
Но вечен свет, он дышит Духом Божьим.

3
И вновь Господь даёт любовь сполна,
Намного больше, чем мы жаждем сами…
И ничего, что ночь ещё темна,
Что пустота за нами – и пред нами…

Грядущее

Всё скупее земные желанья,
И напрасно галдит вороньё.
Отступают пустые мечтанья,
И ничтожно неверье моё.

И внимает душа настоящему,
И грядущие сны далеки.
И уносятся листья скользящие
По теченью осенней реки.

Может, сбудется самое лучшее!
Но, бессчётно сжирая года,
Никогда не наступит грядущее.
Никогда! Никогда! Никогда!..

Твоя душа

Ну что с того, что всё, увы, предрешено, –
И сгинет, как любовь, в забвении влекущем?..
Но может, то сбылось, что сбыться не должно, –
И пусть горит огнём грядущее в грядущем.

Но то, что не сбылось, – томится сном во мне –
Оврагом ледяным за белою сиренью,
Где тьма и тени душ, как голоса в огне,
Где лишь твоя душа вовек не станет тенью.

Где осыпает свет серебряная высь
На долы и леса великолепной ранью,
Где тайный жар любви объемлет нашу жизнь,
Где Господу не надобно страданье…

***

Меркнут в памяти лица,
Меркнут годы любви.
Эх бы, снова родиться,
Где поют соловьи!

Эх бы снова и снова
За июньским дождём
В тайне вечного Слова
Оставаться вдвоём.

И забыть, как безумье,
Все земные слова,
Чтоб в дыму полнолунья
Пела в росах трава.

И спастись в невозможном, –
И с последней Весной
В одиночестве Божьем
Жить любовью одной.

Чтоб в краю соловьином
Были все не одни,
Чтоб не меркло в незримом
Солнце зримой любви.

Но душа одинока,
И в незримом – темно…
И спастись раньше срока –
Никому не дано.

***

Бьёт крылом ледяная дорога,
Бьёт крылом ледяная волна…
И душа никому, кроме Бога,
В этой жизни, увы, не нужна.

Но кому-то я нужен до срока,
Но кому-то не нужен навек…
И сгорает душа одиноко,
И сгорает в душе человек…

В невозможном

Мир ожиданием живёт –
В пустой, безумной круговерти…
И в жизни тяжкой кто-то ждёт
Хотя бы самой лёгкой смерти.

И беспросветна даль и высь,
И ожиданье длится, длится…
И повторится эта жизнь,
Но смерть уже не повторится…

***

Добился, пробился – и что же?!
Угрюм, как пустой огород…
И только душа в невозможном
Над вечною бездной поёт.

Поёт, что не будет разлуки
У края бескрайнего дня,
Поёт, что – ничто наши муки,
Что в бездне споёт без меня…

Во сне одиночества

Можно жить без грядущего.
Можно всё позабыть.
И во сне одиночества
Можно быть, как не быть.

И безудержно полнится
В гуле чёрных огней
Одинокое множество
Одиноких людей.

И порою рассветною
Всё смотрю на Восток,
И от сна забываясь,
Как во сне, одинок.

Переполнена светом
Одинокая рань,
Но без устали лезет
В душу тусклая дрянь.

И от жизни не скрыться
В бездне тесного дня.
Одиночество века
Будет жить без меня.

Одинокое множество.
Всесжигающий свет.
Но во сне одиночества –
Одиночества нет.

Григорий Осипов

г. Москва

Григорий Борисович Осипов – известный поэт, автор ряда поэтических книг, получивших общественное признание. Лауреат литературных премий имени А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Ф.И.Тютчева, Н.С.Гумилёва, С.А.Есенина, Н.М.Рубцова и других.

Секретарь Правления Московской областной писательской организации, Заместитель Генерального секретаря профсоюза журналистов России, специальный корреспондент Государственной Думы и Совета Федерации, Главный редактор журнала «Галерея века», член редколлегии журнала «Библиотека», академик Академии Российской словесности и ряда других академий.

Незнакомец

Догнал Незнакомец, по виду чудак,
В руках нёс терновую ветку.
Он вымолвил тихо: «Живёшь ты не так,
Как надобно жить человеку».

Все мысли смешались в моей голове.
Откуда он взялся, откуда?
Не видно следов на песке, на траве,
Не слышно шагов. Что за чудо?

Дохнули просторы прохладой земной,
Хоть не было ветра в помине.
Повёл разговор Незнакомец со мной,
Назвал невзначай моё имя.

Раздвинул рассвет потаённую даль.
Укрылись туманы в болоте…
Вздохнув, Незнакомец печально сказал:
– Радей о душе, не о плоти.

Храни свою душу до судного дня,
Люби своё дело земное.
Но только молчи, что ты видел меня,
Молчи, что общался со мною.

Вдруг капнула кровь с воспалённого лба,
Высокого лба Незнакомца,
И спрятала тень путевого столба
Лучи восходящего солнца.

Вдруг ветер подул от речных берегов…
И с тихой печалью во взоре
Исчез Незнакомец – не слышно шагов
В безмолвном тревожном просторе.

***

Не осталось в душе, не осталось
Ничего, что когда-то берёг.
Поздней жизни земную усталость
Незаметно впустил за порог.

Внял свеченью звезды запоздалой,
Неживой и холодной, как лёд,
Одинокой, печальной, усталой,
Завершающей поздний полёт.

Не нашёл на Земле опустевшей,
На отжившей шершавой стерне,
На дороге, средь пыли осевшей,
След любви, что спешила ко мне.

Не увидел на поле разлуки
Тайный свет невозвратных очей.
Лебединые тонкие руки
Растворились в забвенье ночей.

Не услышал взволнованной речи
В потаённой родной стороне:
И не вышел никто мне навстречу,
И не вспомнил никто обо мне.

Не осталось в душе, не осталось
Ничего от любви молодой,
Ничего, что извечным казалось,
Но, как вечность, осталось со мной.

***

Осенняя птица кричала
О чём-то печальном своём
Над поздним огнём краснотала,
Над тёмным, пугливым ручьём.

Кричала печальная птица,
Свой крик устремляя ко мне,
Как будто хотела забыться
Навек в неразгаданном сне.

Над вечным огнём краснотала
В рассветной загадочной мгле
Забытая птица кричала
На всеми забытой Земле.

Летел её крик над осокой,
Над светом, застывшим в меже,
К далёкой душе одинокой,
Ко всеми забытой душе.

***

Открой врата земного рая,
Судьба-владычица моя,
Чтоб, путь чужой не повторяя,
Своим мечтам был верен я.

Чтоб мать моя вздыхала реже
И до преклонных лет жила,
Чтоб свет звезды предвечной брезжил
Над тишью отчего села.

И чтоб душе моей ранимой
Стремился кто-нибудь помочь,
А очи женщины любимой
Светили мне и день и ночь.

И чтоб друзья мои явились,
Чья жизнь померкла в скорбный час,
А их сердца, как прежде, бились,
Струился свет любви из глаз.

Чтоб верил дружбе настоящей
И не жалел для дружбы сил,
И годы жизни предстоящей
О снисхожденьи не просил.

Пенсионер

С тоской смотрю в глаза пенсионера
И на кургузый старческий наряд.
Так что же это: явь или химера?
В чём он-то пред Всевышним виноват?

Бутылки собирает в подворотнях.
И бедствует, и жизнь свою клянёт.
Кто у него, скажите, старость отнял?
Кто сделал унизительной её?..

Закат крылами горестными машет
Над пестротой осеннего листа.
А он, как тень судьбы своей вчерашней,
Скользящей за черту, где пустота.

А я ещё живу на этом свете?
Что ждёт меня, когда наступит срок?
Не Бог, не Царь, а я за всех в ответе,
Но, Боже, Боже, как я одинок!

***

Погода хороша.
Сияет высь сквозная.
О чём грустишь, душа,
Душа моя живая?

Откуда грусть берёшь,
Когда в разгаре лето
И ты в тиши берёз
Гуляешь до рассвета?

Где твой задорный смех,
Улыбка молодая?
Какой же тяжкий грех
Несёшь, душа родная?

Любовь твоя жива,
Друзья с тобою рядом.
Зачем хранишь слова,
Наполненные ядом?

Зачем мечты свои
С тревогой отвергаешь
И в призрачной дали
Неторопливо таешь?

Во сне и наяву
Витает дух разлада.
Неужто я живу
Совсем не так, как надо?!

***

Пускай на сердце давят годы,
Я буду петь, пока живой,
Под обновлённым небосводом,
Под вешней, волглою листвой.

Я буду петь об отчем крае,
Где сны хранит зацвётший сад,
О перелётной птичьей стае,
Что возвращается назад.

О материнском старом доме,
Где тишина грустит внутри,
О звёздах, что в речном затоне
Спят молчаливо до зари.

О ветре, что гуляет в поле
Близ одинокого села,
О бесприютной русской доле,
Что и меня в полон взяла.

Я буду петь, и песнь печали
Вновь будет таять в вышине,
И песнь мою услышат дали,
Ещё неведомые мне.

Там, за рекой

Там, за рекой, где золотое поле
Внимает предрассветной тишине,
Живёт мечта моя о лучшей доле
В сердцах людей, что помнят обо мне.

Там, за рекой, куда уносит ветер
Лихое время юности моей,
Живое пламя раннего рассвета
Тревожит память невозвратных дней.

Там, за рекой, где тают в поднебесье
Дымы и думы дальнего села,
Душа моя летит над редколесьем
Навстречу жизни, что давно прошла.

Там, за рекой, где веет грусть забвенья,
Где я торил когда-то первый след,
Встаёт рассвет у тихого селенья,
И тает в дымке вечный лунный свет.

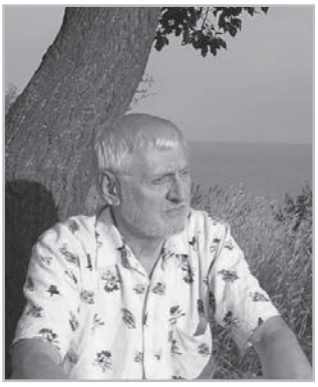
Встаёт рассвет в пустом седом просторе
Там, за рекой, у отчего огня,
Где ветры века о грядущем спорят,
Где грусть берёз, как прежде, ждёт меня.

***

Ни о чём не жалей, ни о чём,
Что ушло, то ушло безвозвратно.
Лишь сверкнуло нездешним лучом,
Лишь коснулось судьбы… Ну и ладно!

Индевеют в предзимье дома,
И вдоль берега движется стужа,
А на сердце сгущается тьма
Оттого, что себе ты не нужен.

И живёшь с горькой мукой тщеты
В ожидании жизни нетленной.
И комет ледяные цветы
Всё огромней в пространствах Вселенной.



Эдуард Хандюков

г. Москва

Эдуард Валентинович Хандюков родился 12 сентября 1940 года в Приазовье, в городе Мариуполе.

Окончил Ленинградское Высшее инженерное морское училище имени адмирала С.О.Макарова и Московское Высшее художественно-промышленное училище (бывш. Строгановское).

Секретарь правления МОО СП России, член редколлегии журнала «Поэзия».

Действительный член Академии медико-технических наук. Лауреат Московской областной литературной премии имени Ярослава Смелякова за 2011 год. Лауреат конкурса «Лучшая книга 2008-2011». Награждён Орденом «М.Ю.Лермонтов», Золотой Есенинской медалью, памятной медалью «100-летие А.Т. Твардовского».

Снег

Памяти Николая Рубцова

Снег, снова снег, и снова о тепле
Мечтаешь ты на стылых полустанках.
Поёт метели старая шарманка,
И чёртики снуют на помеле.

За городской неоновой мурой
Едва заметны перемены года –
Весенних рек весёлая свобода,
Сиянье радуг летнею порой.

Ещё дымится осени зола,
И вся земля в оранжевом и красном,
А на душе и холодно, и ясно –
Тебе не в силах удержать тепла.

…Снег, снова снег, и снова о тепле
Уже другим мечтать на полустанках…
И где-то мальчик на звенящих санках
Летит вослед звезде твоих полей.

Пустыня

Твой лик избороздили шрамы
Верблюжьих троп и стародавних битв.
В песках поющих спят поля и храмы,
И свитки недописанных молитв.
На зыбкий след змеиного лекала
Ложится тень орлиного креста.
Под плач и хохот старого шакала
В ночи, срываясь, падает звезда…
Горит лилово в утреннем тумане
Горы далёкой снежная чалма,
И одинокий путник на бархане,
Молясь, сомкнёт ладони у чела.
Пиалы опрокинутого неба,
Калёные бухарским гончаром,
Прольют дожди, как сказочную небыль,
И саксаулы обожжённым ртом
Им благодарно отсылают стебель –
Зелёный звук стволов окаменелых,
В многоголосые вливаются хоры,
Чтоб щедрость твоя маками горела
Вкруг дастарханов Лейлы и Зухры.
…На глиняных ногах забвенья
Идут века вдоль пересохших рек.
Кто умалит и кто ускорит бег
Твоих загадок на пути к свершеньям?!

Молитва

Молитва сердца – спелой вишней
Упала в неземную реку…
И этот всплеск едва был слышен
И ангелу, и человеку.

Купаясь в золоте заката,
Плывут слова, слова молитвы, –
О нескончаемых утратах, –
Ушедших с миром и убитых…

Повенчанных и обручённых
Со смертью в храме Расставанья –
О, сколько их, ожесточённых,
Ушло без слёз, без покаянья?!

Но даже их – простит Всевышний,
И станут небылью невзгоды…
И вишнями падут чуть слышно
Молитвы в неземные воды.

Валаама скиты под венком облаков

Валаама скиты под венком облаков,
Венценосные сосны Ладоги,
Как улыбка твоя, далеко-далеко,
По ту сторону грома и радуги.

По ту сторону светлой июльской воды
С камышами и щуками сонными,
С куполами церквей без крестов и святых,
С островами, как сон, невесомыми.

Slavuj

Наталии Воробьёвой-Хржич

Vrabac по-хорватски – воробей,
А поди ж ты, – всё в полёт и в пенье…
С Загреба сквозь даль и темень дней
Белые летят стихотворенья.

И куда б дороги ни вели,
Им не ведать страха полумеры, –
Нет, не vrabac, slavuj-Натали
С песнями Любви, Надежды, Веры!

_____
Vrabac (врабац) – воробей.
Slavuj (славуй) – соловей.

Пройдя тернистою тропою

Пройдя тернистою тропою,
Решив проблему – быт и я,
Давай похрюкаем с тобою
Перед корытом бытия.

Мы не участники той драмы,
Где тщетно делят золотой.
Погоним лихо пятаками
Волну по луже разливной…

Нам далеко ещё до точки –
В чулане спит хозяйский нож.
Давай понюхаем цветочки
И дружно скажем:
– Мир хорош!

В дни, когда зацветает миндаль

В дни,
когда зацветает миндаль,
жаль,
что жизнь быстротечна цветка.
Века
повторяют цветения миг…
Поник
цветок на краю весны.
В дни,
когда облетает сад,
звездопад –
предвестник разлук…
Круг
замыкается знаком вины.
В дни,
когда оживает метель,
шмель
белокрылый колдует в снегах…
Очаг,
да хранит он тепло,
о былом
навевая сны.

Позабыть, ну хотя бы забыться

Позабыть,
ну хотя бы забыться.
Лица
старых друзей молоды.
Ты
желаешь забвенья –
тенью зыбкой
в завтра уплыть.
Нить
сучит твоя пряха.
Страха нет,
и весёлости нет.
Поэт –
он свидетель судеб,
хлеб и камень
дарующий днесь.
Здесь,
над белой ещё страницей,
забыться,
забыться, –
себя позабыть.

Не с руки

Не с руки звезде высокой
Бредить байками Востока.
У неё весомей тайны
В бесконечности астральной.

В ярком свете озаренья
Нет полёта без причины…
Жди, Земля, звезды паденье,
Жги, Земля, свои лучины.

Грёзы

Манипулируя словами,
Жонглируй шариками рифм.
Поверь, заговорив стихами,
Что в Слове ты неповторим.

Нет откровенья, нет и песни
Ни шёпотом, ни под «ура».
И что ни делай, хоть ты тресни,
Игра словами – лишь игра.

Овидии, Гомеры, Данте,
У ваших лир высокий строй!
Такие presto и andante,
Что жизнь не кажется игрой.

Кому потомки будут верить,
А современники простят?
Кому из вас откроют двери
В условный рай, в условный ад?..

Взалкавшие трудов и славы,
Старатели времен иных,
Кому достанется по праву
Блеск самородков золотых?..

Мне весело и жутковато
Вдруг оглянуться и понять,
Что нет в забвеньи виноватых,
Что славу некому унять.

А рядом жизнь пивною пеной
Под стрекотанье ЭВМ,
И смертный глас души бессмертной,
И новизна и ветхость тем.

Спешат машины спозаранку,
Мы, полусонные, спешим –
У каждого свои приманки
Своих заоблачных вершин.

…Сидит старушка на бульваре
У всей Европы на виду.
О тульском грезит самоваре,
На нашу глядя суету.

Покой Парнаса не нарушу

Покой Парнаса не нарушу,
Сбивая прозу на сонет.
Жена да убоится мужа!
Да убоится слов поэт!

В боязни той любовь и верность
Делам и помыслам благим.
В боязни той дорога в вечность
За неоплатно дорогим.

Неизречённые слова

Неизречённые слова –
Они и в камне, и в пылинке.
Кивают молча дерева
Звезде высокой и травинке.

Все будто в сны погружены
Зелёные и голубые…
И кажутся слова пустыми
Перед величьем тишины.

Привычка жить

Глухой, безрукий и хромой,
И сифилитик, и слепой,
И тот, кто безнадёжно нищ,
Он не спешит под сень кладбищ.

Смиренно молит от души:
«Направь, мой Боже, время вспять!..»
Есть у людей привычка жить,
Но нет привычки умирать.

Чудо памяти

Ночь напролёт до утренней зари
Пел соловей, подругу охраняя,
Чтоб, не дай Бог, залётные хмыри
Не увели очарованье мая.

Так каждый год,
так каждую весну, –
А сколько их ушло за косогоры?
Воспоминанья разве что вернут
Чужих садов сирени и заборы…

Куст бузины разросся над ручьём,
Мой соловей,
увы, осип под старость…
О память обо всём и ни о чём!
О чудо памяти,
что ты во мне осталась!

Наперекор трубящей новизне
Журчит ручей под косогором тихо,
И кажется, поёт на бузине
Всё тот же соловей
Всё той же соловьихе…

Один – не значит одинок

Один – не значит одинок.
Душа наполнена любовью.
И дай Бог силы! Дай Бог срок!
Крестом не встанет в изголовье.

Подруга есть, но нет жены,
Друзья в дороге потерялись,
Мосты любовью сожжены, –
Лишь в сердце лёгкая усталость.

Корысть в любви как мир стара,
Как мир стара любовь поэта…
Но дотянуть бы до утра,
Но дотянуть бы до рассвета…

Леонид Дудин

пгт. Белоозёрский, Воскресенский р-н, Московская обл.

Родился в деревне Харитонов Починок Костромской области. Служил в Группе советских войск в Германии в должности командира взвода разведки, старшим офицером батареи. После – учёба и окончание Военной инженерной академии имени Петра Великого.

В качестве представителя Главного управления космических средств работал на предприятиях, занимающихся освоением дальнего и ближнего космоса. За большой личный вклад в развитие космонавтики отмечен многими правительственными и общественными наградами.

Работал главным редактором газеты «Наши вести» и Белоозёрского телевидения, первым редактором газет «Вертикаль», «Округа», «Воскресенск литературный».

Пишет стихи и прозу. В последние годы увидели свет книги: «На вершине пирамиды», «Испытатели», «Главный конструктор», «Сын земли русской», «Поехали!..», «Белоозёрский. Очерки истории», «Цветы Болгарии. Венок сонетов», «Гвардии генерал Соколов».

Действительный член Академии Российской словесности, член Президиума Академии, Международного сообщества писательских союзов, Союза писателей России.

Лауреат Всероссийских литературных премий им. М.Ю.Лермонтова, И.Д.Сытина, Всероссийской музыкальной премии им. Андрея Петрова, многих региональных и областных.

Член правления Московской областной организации Союза писателей России, руководитель Воскресенского ордена «Культурное наследие» литературного объединения «Радуга» им. И.И.Лажечникова.

Редактор газеты «Воскресенск литературный».

Ветеран Военно-космических Сил.

Первый Почётный гражданин городского поселения Белоозёрский.

Лёд на реках растает…

(фрагменты из книги)

Светлой памяти поэта Владимира Фирсова…

Сразу же после возвращения из станицы Вёшенской с поминок Михаила Александровича Шолохова (сорок дней) я зашёл в отдел литературы и искусства газеты «Красная Звезда» поделиться увиденным и услышанным на донской земле.

– А ты знаешь, что Фирсов болен? – едва я успел переступить порог, сообщил Вячеслав Лукашевич.

– Не знаю. Откуда мне знать…

– В госпитале лежит.

Звоню Фирсовым. Людмила Васильевна, жена Владимира Ивановича, ответила, что «Володя болен и лежит в Красногорском госпитале».

– Что у него?

– Сами пока не знаем, – с грустью сказала Людмила Васильевна. – Да и врачи не знают. Что-то с лёгкими… На грудь жалуется…

Быстро попрощавшись с коллегами из «Красной Звезды», я рванул в госпиталь, благо что дорога к нему мною давно была изучена.

* * *

Владимир Иванович не ожидал меня увидеть, но и не удивился, когда я зашёл в палату.

– Какими судьбами? – спросил поэт низким голосом.

– Разными, – отвечаю. – Вот весть не очень-то хорошую сорока на хвосте принесла…

– Бывает…

– Не пойму, что с тобой могло случиться? Вроде всё время вместе были… В дороге, что ли, простыл? Может, в степи? – забрасываю вопросами Владимира Ивановича, а в мыслях своих перебираю события недельной давности, возвращаясь к нашей поездке на родину великого писателя, чтобы почтить его светлую память.

* * *

Когда меня спрашивают, давно ли мы знакомы с Владимиром Ивановичем, то мне почему-то всегда затруднительно ответить на этот вопрос, а тем более назвать точную дату нашей первой встречи, потому как очные и заочные свидания так перемешались в памяти, что не только они, эти свидания, но и весь мир, в котором я живу, мне кажутся то ли счастливой небылью, то ли ещё более счастливой былью.

В далёкие шестидесятые годы в авиакосмической Самаре, в редакции газеты Мотостроительного завода имени М.В.Фрунзе, Ольга Павловна Егорова, ответственный тогда секретарь газеты, подсунула мне (именно подсунула – по-другому сказать не могу) журнал «Молодая гвардия» с вложенной заранее закладкой на нужной, как ей казалось, странице и, употребив почти повелительное наклонение, сказала:

– На, читай! Тебе будет очень даже полезно…

И сделала она этот жест не зря. Я понял суть его сразу, а особенно остро понимаю сейчас.

* * *

В те годы, в годы шумихи и гама, – а точнее, в годы столпотворения вокруг нью-столичной поэзии, мы, периферийные стихоплёты, в подражательстве своём всеядно хватались за любой вознесенсковский и К° суррогат, заполонивший так же, как и сейчас, всю необъятность России. Ольга Павловна – страстный патриот российской словесности, знаток и почитатель великих наших классиков – редко ошибалась в оценках печатного вала, а потому её толкование того или иного произведения принималось нами, инженерно-техническим составом, так, как и принято принимать толкования Учителя.

В тот светлый миг она выжидательно смотрела на меня, как бы продолжая первую фразу: вот, мол, смотри, где живёт настоящая поэзия. Смотри хорошенько, читай так же хорошенько и, как надо, мотай себе на ус.

Я открыл предложенную страницу. Вижу: стихотворение «Журавли». Автор – неведомый мне Владимир Фирсов. И посвящение: М.А.Шолохову. Не кому-то из друзей-приятелей или друзей-литераторов, а самому Михаилу Александровичу! «Круто, – думаю, – завернул мужик». Однако факт есть факт.

* * *

Лёд на реках растает.
Прилетят журавли.
А пока
Далеко от родимой земли
Журавлиные стаи.

Вот такая фольклорная заставка. А вернее, такая вот незамысловатая присказка.

Зафиксировав одной строфой «общий фон», поэт немедля, призвав на помощь грустные порывы откровенности, переходит к самой главной идее стиха, к его сущности, едва уложившись в сдвоенную строфу – единственную во всём стихотворении.

Горделивые птицы,
Мне без вас не легко,
Я устал от разлуки,
Будто сам далеко,
Будто сам за границей,
Будто мне до России
Не дойти никогда,
Не услышать,
Как тихо поют провода
В бесконечности синей.

Так что же случилось с поэтом? Почему великая печаль заполонила каждую строку исповедальности? Послушаем:

А случилось такое,
Что и осень прошла,
И зима
Распластала два белых крыла
Над российским покоем.
И метель загуляла
На могилах ребят,
Что в бессмертной Земле,
Как в бессмертии, спят.
Хоть и пожили мало.

Вот и резанули по моему сердцу, приближаясь к апогею, пронзительные слова Владимира Ивановича. Или, как говорится, достал меня Фирсов по-настоящему.

Дальше я читал с перебоями, с остановками, принимая эту тяжёлую правду, и, впитывая её, верил, что так на самом деле всё и было, что губы погибших парней шептали когда-то журавлиное трубное имя не только в ожидании прилёта их, но и при прощании, когда умирали за землю свою. Я резко почувствовал боль потери ещё и потому, что совсем недавно (по тому времени) возвратился из-за границы, где вся Европа до реки Эльбы покрыта могилами советских солдат и офицеров. И она, эта боль, с каждым годом тревожит всё острее и острее. Без остановок…

А вот автор стихотворения, по малолетству не участник войны, но не понаслышке, – воочию видел разрушенную и исковерканную фашистами Смоленщину и тысячи могил на ней, – не может смириться с великими потерями и рвёт свою и мою души, возможно, и справедливыми сомнениями:

Вот и грустно: а может,
Я живу, да не так?
Может, жизнь моя стоит
Пустячный пятак,
Никого не тревожит?

Может, я не осилю,
Может, не устою?
Может, дрогну – случись –
В справедливом бою
За свободу России?

Комментировать эти строчки ни к чему. Они первозданного состояния и – никакого подтекста. Лишь высокое сердцебиение.

Я принял творчество Владимира Ивановича как нечто данное с первой самой заочной встречи. И принял навсегда. И всё, что было издано и опубликовано из его творений в периодике, я старался найти и прочесть.

А тема «Журавлей» мною так и не была осилена. Но в скором времени под влиянием этой высочайшей гражданственности стихотворения я написал «Погоны», где выразил свою линию поведения и свои нравственные устои.

***

Э. Киселеву

Когда я под Красное знамя
Из дома служить уходил,
Отец мне на добрую память
Погоны свои подарил.
Он с ними в большие атаки
Бесстрашные роты водил,
Стоял у пылающих маков
Над плитами братских могил.
И если придётся мне где-то
В боях справедливых не встать, –
Погоны прошу моим детям
В победный салют передать.

Через годы, редактируя мою книгу, Владимир Иванович поставил это стихотворение заглавным, отделив от основного текста целым листом.

* * *

В день смерти Михаила Александровича Шолохова я позвонил Владимиру Ивановичу. К тому времени мы с поэтом были уже знакомы лично и, хотя и не часто, но уже встречались.

– Собираешься, – спрашиваю, – в Вёшенскую?.. – тишина в трубке. – Что молчишь?

– Нет, не собираюсь, там везде кордоны, – ответил он. – Нас не пустят.

– Почему? Такого быть не может…

– Может. Поедем позже.

Это «позже» настало, определившись самым правильным русским обычаем – сороковым днём после смерти. Сороковинами.

Мы с Вячеславом Казимировичем Лукашевичем – поэтом, писателем, публицистом – как представители газеты «Красная Звезда» оказались в том же поезде, что и делегация журнала «Молодая гвардия». Словно бы сговорились. Цель одна: к Шолохову. В станицу Вёшенскую.

Поздно вечером, уже закончив ужин и успев наговориться, мы залегли на свои полки. В полудрёме я услышал резкий стук в купейную дверь и голос:

– «Красная звезда» здесь?

– Здесь, – отвечаю. Слезаю вниз… Открываю дверь. Передо мной Юрий Павлович Манохин, зять Михаила Александровича.

– Приглашаешься в наше купе, – сказал он, сжав мою руку. – Поехали…

– Я не один. Со мной Лукашевич. Вячеслав Казимирович Лукашевич. Слышал такого?

Юрий Павлович долго молчал, видимо, до конца не понимал, кто такой Лукашевич, делал вид, что при чём здесь какой-то Лукашевич, когда здесь Дудин. Однако проговорил:

– Приглашаетесь оба, – и вышел.

Я разбудил Славу.

– Нет, не пойду, – зевнул он. После некоторой паузы, сообразив, что к чему, отрезал: – Разве с подобным вином, как у нас, ходят в гости?.. Да ещё к таким высоким людям.

– Ну и что…

– Сказал нет – значит, нет.

* * *

Вино у нас действительно было неважное, какое-то перекислое, называлось «Прибрежное», купленное на задворках Казанского вокзала. Но в те годы вино или водка нормального розлива в Москве фактически не продавались. Поскольку я знал, куда ехал, потому и прихватил в дорогу две пол-литровые бутылки чистейшего спирта-ректификата (не зря же я представлял космическое КБ), о которых даже не заикался несколько суток, молчал до теперешнего, как мне показалось, совершенно нужного момента. И вот сейчас, видя неоспоримую решительность Лукашевича не появляться у «высоких людей» с таким дрянным вином, – я не выдержал и прямо, что называется, открытым текстом, шлёпнул:

– А у меня спирт есть, – сказал так тихо, вроде бы полушутя, но, видимо, достаточно убедительно, поскольку реакция Лукашевича была незамедлительной:

– Правда, что ли?

– Почему бы и нет… Правда. Самая настоящая.

– Покажи!

Распахнув портфель, я подчёркнуто небрежно достал одну из двух ёмкостей со свежезолотистой этикеткой «Столичная», наполненную под завязку обещанной жидкостью.

– Открывай! Не верю, – потребовал Лукашевич.

Я открыл бутылку и передал ему. Слава поднёс сосуд к носу и сделал глубокий вдох, а затем, не спеша чуть пригубил.

– Годится, – и добавил: – С этим добром можно куда хошь идти.

* * *

– От нашего стола – вашему столу, – выпалил я известную фразу и разом поставил ноль-пять на середину столика. За ним, за столиком, в красном углу огромно восседал сам Анатолий Степанович Иванов с весёлой супругой; чуть менее огромно – сам Владимир Иванович Фирсов с красавицей супругой и ещё ряд сотоварищей, которых я мало знал. Было понятно, что у сидящих заканчивалось или, возможно, закончилось уже всё то, что можно было выпить, так как Анатолий Степанович без особых церемоний взял пол-литровку и сразу наполнил гранёный стакан.

– Анатолий Степанович, предупреждаю, – поспешно затараторил я, видя необратимый процесс, – это чистый спирт! Понимаете, чистый!

– Понятно, – и осмотрел всех. – Так чистый, говоришь?

– Да, Анатолий Степанович, чистый…

Автор «Вечного зова» и других замечательных вещей закрыл глаза и при общем молчании выпил до дна, закусив, как говорится, рукавом, и, не ставя стакан на стол, выдохнул:

– И правда, чистый… Вечный зов наш…

Бутылка пошла по кругу. Публика оживилась. Разговоры настраивались на «кто во что горазд», но Владимир Иванович, хоть и отвлекаясь, не забывал, зачем мы с Лукашевичем здесь, и, улучив момент, заглушая общий гам, громко произнёс:

– Представляю Лёню Дудина! Пишет стихи! Очень даже неплохо пишет! Давайте послушаем!..

Публика как-то разом затихла. Я растерялся, не зная, что мне делать. «Подобного случая, – думаю, – не будет. Чтобы такая аудитория собралась ещё раз – исключается. Надо читать…»

Теперь-то я осознаю, что всё тогда было сделано правильно: в данном составе мы уже не собирались. Да и не соберёмся никогда. Нет среди нас, царство им небесное, Анатолия Степановича, нет Славы Лукашевича.

Тогда я единым махом выдал «Дядю Ваню», «Погоны» и «Осень на Белом озере». Они-то, слушатели, наверняка не запомнили, о чём я тогда вещал, но мне память, к счастью, не изменила. Моя читка, да это и понятно почему, всеми была одобрена, но особо эмоционально продолжал выступать Владимир Иванович:

– Это стихи! – восклицал он. – Это настоящие стихи! – он нисколько не обращал внимания на «оживление в зале» и на моё смущение. – Вы поняли, что это поэт! – никак не унимался он. – Вы хоть поняли?!

Я пытался не раз возразить, опровергнуть его категоричность, но ничего в тот поздний вечер у меня из этого не получилось. А публике уже было не до моих стихов.

* * *

В госпитале разговор с Владимиром Ивановичем не то чтобы не клеился, а был каким-то вялым, или, как иногда принято говорить, шёл разговор ни о чём, пока я не вытащил из целлофанового пакета шаль. Громадную, с яркими розами на печально-чёрном фоне. Вот тогда Владимир Иванович оживился и, не вытерпев, спросил:

– Где взял-то?

– Жена твоя, Людмила Васильевна, подарила.

– Не может быть.

– Может. Что, не узнаёшь наряды собственной жены?

– Кажется, и правда, её… шаль… – взял в руки и стал потихоньку разворачивать. – Её, её шаль… – и грустно посмотрел на меня.

– Всё нормально, Владимир Иванович. Это у дуба она меня шалью накрыла, чтобы я случайно не замёрз. Я же выступал в одном костюмчике, помнишь?

– Что-то припоминаю…

– Так вот, Владимир Иванович, я знаю, где ты простыл, – твёрдо сказал я. – У дуба… Когда читал поэму о Михаиле Александровиче. Ты же помнишь, какой был ветрище. Я уверен, что у дуба…

– Возможно. Убедил. Меня в поезде, считай, сразу после выступления скрутило… Ну а шаль-то как к тебе попала? – не поверив, переспросил Владимир Иванович.

– Попала вот…

…Событие сорока дней вершилось достаточно официально и строго. Председательствовал, если можно так сказать о поминках, первый тогдашний секретарь Ростовского обкома КПСС И.Бондаренко. Он взволнованно, с партийных высот, говорил о творчестве великого земляка и, к счастью, с высот человеческих. В его словах была глубокая искренность, он говорил, что ростовчане лишились чего-то того, о чём не сказать словами, и чего у них, ростовчан, уже никогда не будет.

Мы глубоко понимали его слова и разделяли неподдельное беспокойство, что ростовчане действительно лишились надёжнейшего и вернейшего заступника всех обиженных и униженных. Лишились мудрейшего советчика. По теперешней терминологии можно бы сказать, что не стало у казаков с той поры всемогущей «крыши», а загубленная страна – донское казачество – сказочной Атлантидой ушла из реальности в нетленно-вечные строки «Тихого Дона». И только там осталась жить, сияя своей первозданностью.

Выступлений было много. Все, кто бы ни брал слово, говорили и о международном величии Михаила Александровича, и о российском. Подобное явление литература двадцатого века выдала лишь единожды.

– Слово предоставляется «Красной Звезде», – объявил Бондаренко, в упор глядя на меня. От неожиданности я оторопел, растерялся и не знал, что надо в данный момент говорить. Потом-то, на второй день, в поле у шолоховского дуба, я совсем неплохие произнёс слова. А сейчас…

– От «Красной Звезды», – поднявшись из-за стола, сказал я, – выступит заместитель начальника отдела литературы и искусства капитан второго ранга Вячеслав Казимирович Лукашевич.

Об этой двадцатисекундной паузе и о «свинье», которую я подложил Славе, разговоров потом было очень много. Но когда, со временем, народ успокоился, все сошлись на том, что мой «ход» был правильным.

Позднее, в редакции газеты, он рассказывал сослуживцам:

– Когда Леонид объявил, я содрогнулся. Но в полемику идти и устраивать цирк, – исключалось. У меня в мозгах прокрутилась вся жизнь, всё, что было пройдено по части газетчика, куда-то уплыло, исчезло. Я стал вспоминать какие-то отдельные слова, вытаскивать из памяти всё святое, связанное с именем Михаила Александровича, с его землёй, с его гением.

При случае я и сейчас включаю магнитофон и с замиранием сердца слушаю Славино выступление.

– Уважаемые друзья! Сорок дней тому назад перестало биться сердце человека, чьё имя как ясное знамя чести и совести донского казачества будет вечно сиять над Тихим Доном. Здесь, на этой земле, политой кровью борьбы за великую вольность, не было человека, писателя, и уже не будет, который с такой беспристрастностью рассказал бы о жестоких сражениях друг с другом сынов России, забывших Бога; детей России, запутавшихся в сетях оголтелых интриг.

Яркость образов, несравненный колорит языка, масштабность мирных и боевых полотен, нарисованных непревзойдённым мастером литературного жанра, – останется навсегда, пока жива русская речь, пока живо Слово.

* * *

На второй день поминок большая группа станичников и гостей выехала в степь к шолоховскому дубу. Недалеко от могучего дерева хозяева расставили столы, накрыли их «чем богаты, тем и рады», и поминальное действо вступило в новую, если можно так сказать, заключительную фазу.

Вёшенский хор исполнил старинные и современные казачьи песни, те, которые по нраву были Михаилу Александровичу. От одной из них, говорили, он полушутя-полусерьёзно отмахивался, но, тем не менее, принимал. Вот фрагменты из народного творения, о котором идёт речь.

Моют вербы золотые косы,
Бежит река, прозрачная до дна…
Широко с высокого откоса
Шолохова родина видна.
Пролетают гуси вереницей
Над караванами донских судов…
Мимо славной Вёшенской станицы,
Утонувшей в зелени садов.

Песни чередовались с выступлениями гостей, станичников, родственников. Говорились тяжёлые, но светлые поминальные слова. Говорили многие. Порядок выступлений не был запрограммирован. Никакого регламента. Кто хотел, тот и высказывал свои мысли. Относительный порядок поддерживал в роли тамады Николай Александрович Булавин, бывший когда-то секретарём Михаила Александровича и партийным секретарём Вёшенского райкома партии. Это был основательный спокойный человек, коренной казак и совсем не похожий – даже близко! – на работника коммунистической идеологии.

Один за другим поднимались тосты. Сущность выступлений сводилась к одному: Михаил Александрович вечен на этой вечной Земле, другой такой писательской громады, так высоко воспевшей донское казачество, – у нас уже никогда не будет. Говорили много, говорили искренне…

Владимир Иванович до слёз расчувствовался, однако встал и попросил послушать свою «Соловьиную ночь», которую так любил Михаил Александрович. Великий писатель понимал, что это произведение – бессмертный шедевр поэтической классики.

Надо отметить, что стоял очень сырой ветреный день конца марта. Окрест только что убрался снег. Сплошным косяком шли по Дону, громоздясь, вздымаясь на дыбы и ломаясь по всей ширине русла, не ослабшие ещё глыбы льда. Вместе с тяжёлыми стонами ломки на больших скоростях летел из Придонья знобкий ветер.

Нет смысла вспоминать мне, как читал Владимир Иванович. Есть смысл обратиться к Анатолию Степановичу Иванову, рассказавшему, какое впечатление на золотой свадьбе Шолоховых произвела «Соловьиная ночь» на Михаила Александровича.

«Михаил Александрович и Мария Петровна слушали поэта стоя, как и всех тех, кто в этот светлый для них день обращался к ним с проникновенным душевным словом.

…Сидела старая у дома,
К сухим глазам прижав ладонь,
А дед принёс огонь черёмух,
Пускай не яркий, но – огонь.
И в мире не было милее
Той соловьиной высоты.
И старая, от счастья млея,
Уткнулась в мокрые цветы.

Шолохов слушал, забыв о тлеющей в руке сигарете.

Стихи кончались грустно:

…Но всё не вечно в мире этом,
Что говорить, закон таков.
Роса черёмуховых веток
Оплакивает стариков.
Но вновь озвучены осины,
Кусты черёмух и ручьи!
Опять, опять по всей России
Поют ночами соловьи.
И мы – в который раз! – с любимой
Идём до дедова крыльца,
Чтоб в море голубого дыма
Услышать прежнего певца.

(Он так, бывало, рассыпался!
Аж закипал черёмух вал.)

Но соловей
Не отозвался.
Видать, не перезимовал.

Стих голос поэта. Шолохов молчал. И все молчали. Фирсов даже, по-моему, растерялся – к месту ли прозвучало его стихотворение?!

Наконец Михаил Александрович шевельнулся, неторопливо положил истлевший окурок в пепельницу, медленно стал доставать новую сигарету. И глуховатым голосом, обратясь к жене, произнёс:

– Вот видишь, Маша, что такое – поэзия… А мне бы пришлось целый роман написать…»

Тогда, в сороковины, Владимир Иванович, воздев руки к небу и высоко запрокинув лицо, читал, закрыв глаза, оглашая степное пространство, выворачивая наизнанку голос и душу. Порывы ветра, пытаясь помешать поэту, на какие-то доли мгновений ослабляли его голос, разнося волны слов на тысячи направлений. Но, видимо, опомнившись, замирали и давали Владимиру Ивановичу очередной шанс во всю мощь произнести: «А мы – в который раз! – с любимой идём до дедова крыльца!..»

И долго ещё читал поэт свои творенья, посвящённые Михаилу Александровичу. Никто его не останавливал. Даже не пытался этого сделать.

* * *

Конечно, здесь, в степи у дуба, простыл Владимир Иванович. И я, возможно, тоже оказался бы в больнице, но меня пожалела Людмила Васильевна. Она накинула на меня, сказав при этом: «За лучший тост», – свою траурную шаль.

Мне было не до оценки своего выступления: я слушал Поэта. И гордость моя за него искренне и открыто сияла на всём моём лике. Я чувствовал это, но узнал о сиянии от других и чуть позже.

* * *

Владимир Иванович прошёлся по палате. Обернулся ко мне:

– Как-то и не жалко…

– Чего не жалко?

– Что попал в госпиталь… Читал-то хоть я нормально?

– Ты блестяще читал, Владимир Иванович.

– Ну, слава Богу, что тебе понравилось.

* * *

Сейчас на московских поэтов и не поэтов нашёл, как бы сказала моя мать, «новый стих», то есть, в переводе на крестьянский язык, явилось новое «помутнение мозгов» – титуломания, премиемания. Звон. Пыль на ветру.

«Не так-то много у нас хороших поэтов, но среди них найдётся всего лишь несколько человек, говорящих о России таким приглушенно интимным и любящим голосом, который волнует и запоминается надолго. Владимир Фирсов принадлежит к этим немногим избранным».

Вечен Великий Шолохов. Справедливы, точны, вечны и его слова. Вечен в сиянии его слов и образ Поэта.

* * *

В конце сентября – начале октября 2011 года воскресенские поэты и прозаики посетили Болгарию в качестве делегатов VIII Международной встречи славянских писателей. Мне было предложено выступить с докладом в Софии и Плевене о состоянии современной русской поэзии. Кроме всего, в моём выступлении прозвучали такие слова: «Классик русской литературы Владимир Фирсов на вопрос о теперешнем состоянии русской поэзии ответил так: «С горечью отмечаю, что окрест царит унылое однообразие. Словоблудие. Отсутствие культуры поэзии. Какая-то обречённость. Но и среди этой тусклой повседневности можно встретить в глубинке страны чистые роднички зарождающихся строчек и образов молодых авторов. К тому же, нельзя не заметить и творчество состоявшихся мастеров словесности Максима Замшева и Андрея Шацкова».

Слова Владимира Ивановича в моём тексте «заковычены», хотя и были сказаны по телефону. Когда я записал и прочитал, то спросил его:

– Правильно, Владимир Иванович?

– Правильно, – ответил он.

– Кавычить?

– Кавычь.

Рядом с ним, на другом конце провода, находилась Людмила Ивановна.

– Дай, Владимир Иванович, трубку Люсе.

Зачитываю ей текст.

– Людмила Ивановна, я правильно записал?

– Правильно. Всё правильно.

Это, думаю, было последнее интервью, которое дал Владимир Иванович. Скорей всего, – не интервью, а его откровение и ответ на мои больные вопросы, которые надо было разрешить до поездки в Болгарию.

По объективным причинам я не провожал в последний путь дорогого мне человека, классика русской литературы. Но на сорок дней меня поэт Сергей Антипов доставил на Троекуровское кладбище. Здесь мы встретили Людмилу Ивановну и с ней самых ближайших родственников. Шёл тихий, тихий снег. Но за ночь он успел накрыть погост покрывалом спокойной белизны, из-под которого чуть просматривались захоронения. Священник отслужил панихиду. Мы положили цветы. Молча. Без речей.

– Лёня, поехали с нами, домой, – тихо сказала, обращаясь ко мне, Людмила Васильевна. – К вечеру друзья соберутся…

– Надо бы, – ответил я ей, – да сердце, боюсь, взорвётся.

Виктор Симонов

г. Луховицы, Московская обл.

г. Москва

От редакции:

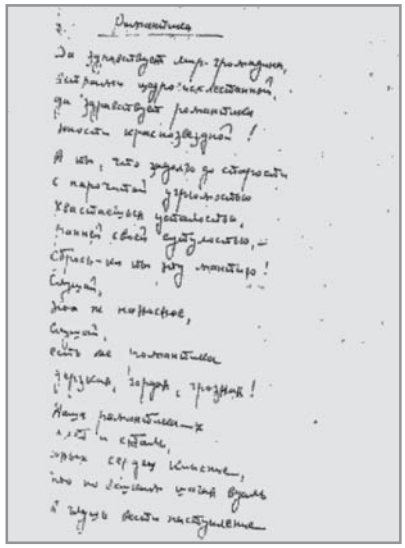
Сегодня мы хотим познакомить наших читателей с творчеством замечательного поэта-романтика, поэта-шестидесятника Виктора Алексеевича Симонова (1928 – 1977).

«ЗА МЕЧТОЙ УХОЖУ В ПОГОНЮ ПО ДОРОГАМ ЗЕМНОГО ШАРА…»
(Слово к 85-летию со дня рождения поэта)

Творческий путь поэта может быть простым (в тиши уютных кабинетов за письменным столом немало стихов было написано), а может – тернистым, когда – «по городам и весям», по бескрайним просторам страны, мировым широтам; когда – в поисках и сомнениях, в желании познать новое, неведомое; когда – романтика души и романтика жизни ложатся беглыми строчками в путевом блокноте и стихи рождаются как-то сами, опережая грифель карандаша…

Именно такой путь – тернистый, насыщенный событиями и встречами, любовью и дружбой, красотами мира – прошёл в своём творчестве (и жизни!) поэт-романтик Виктор Симонов, уроженец Земли Луховицкой – живописнейшего уголка юго-восточного Подмосковья. Виктор Алексеевич – из простой крестьянской семьи (родился 22 ноября 1928 года в дер. Головачёво, что недалеко от современного города Луховицы). Отец был кузнецом. В семье было пять сыновей, а значит – верных помощников отцу. И в ударах кузнечного молота, в звонких переборах молотков-«подголосков», в ярких брызгах искр-окалин виделось мальчишке – будущему поэту – что-то необыкновенное, романтическое. А ещё – в бескрайней красоте окружающей природы…

Учился Виктор сначала в обычной сельской школе, потом – в райцентре, в Луховицах. В школе увлёкся чтением, литературой. А ещё самостоятельно занялся переводами с немецкого (мальчишке не было и 13 лет, когда началась Великая Отечественная война. А в те годы многие юноши и девушки изучали немецкий язык, готовясь, конечно же, в разведчики). Позже Виктор профессионально овладел немецким языком, самостоятельно изучил английский.



Страница
из путевого блокнота В.Симонова.

Сочинять стихи начал ещё в школе. Но, как заметил сам Симонов в своей автобиографии, «писать начал рано, печататься – поздно». Романтическая душа привела Виктора в Московский институт инженеров землеустройства, который он окончил в 1952 году. Будучи геодезистом, Виктор Алексеевич много поездил по родной стране, был в КНР. Работа в изыскательских партиях, в строительных отрядах – среди природных красот (и одновременно суровых буден) Сибири, Забайкалья, Урала, Средней Азии, Казахстана и других мест, рядом с молодыми товарищами-романтиками 50-х – 60-х – не только наполняла душу поэта новыми впечатлениями, но и питала его творчество. Как отметил руководитель курса, на котором Виктор Симонов учился в Литинституте, поэт А. Жаров, «Поэзия В. Симонова интересна тем, что она живая, не выдуманная…». И ещё – «в героях В. Симонова мы видим героев нашего времени, преобразователей жизни…» – т.е. простых парней и девчат, рабочих, геологов, строителей, с которыми Виктор Алексеевич Симонов прошёл не один километр, съел, как говорится, «не один пуд соли»…

Литературный институт им. Горького Виктор Симонов окончил (заочно) в 1963 году. Кстати, с 1962 года в этом институте учился Николай Рубцов. Наверняка их творческие пути-дорожки пересекались. Тем более что Николая Рубцова и Виктора Симонова объединяла любовь к творчеству замечательного поэта-рязанца (почти земляка В.Симонова) Сергея Есенина.

Виктор Симонов печатался много. Его стихи, очерки, рассказы публиковались в газетах «Комсомольская правда», «Советская Россия», «Литературная Россия», «Социалистическая индустрия», «Комсомолец Узбекистана», «Комсомолец Киргизии», «Комсомолец» (Челябинск) и других. И, конечно же, на родине – в газете «По ленинскому пути». В своих родных Луховицах Виктор был одним из первых участников литобъединения, организованного по инициативе «патриарха луховицкой поэзии», поэта-суриковца М.В. Праскунина. Приезжая «из дальних странствий» на свою малую родину, Виктор Алексеевич всегда встречался с коллегами по перу, а для молодых поэтов был мудрым наставником. Умел Виктор Симонов писать и для детей. И не случайно в 1974 году издательство «Малыш» выпустило две книги нашего автора – сборник стихов «Солнце в дупле» и повесть для детей «Как вертолёт поле полол».

К сожалению, Виктор Алексеевич не успел издать отдельную книгу своих «взрослых» стихов. Только в различных сборниках последнего времени (например, в луховицких «Земляках») можно найти его поэтические произведения. А его замечательные очерки вообще «затерялись» в газетных подшивках, а также хранятся в фонде Луховицкого историко-художественного музея.

Много творческих замыслов было у Виктора Симонова. Он задумал написать историческую книгу о событиях 1905 года в Луховицах и Зарайске (бывшем

тогда уездным центром нашего края). Ведь участники Первой русской революции тоже были во многом романтиками – революционными. Но не успел… Многое из задуманного не успел воплотить в жизнь Виктор Симонов… Но живут его стихи, его проникнутые романтизмом очерки, рассказы. И, обращаясь к творчеству Виктора Алексеевича Симонова, мы словно попадаем в замечательное время, время настоящих романтиков, которые могут и нас, живущих в «высокотехнологичном XXI веке», зажечь… любовью к настоящей жизни, любовью к окружающему нас (естественному!) миру. Приведём строки Виктора Симонова из его заветного путевого блокнота:

Да здравствует мир-громадина,
ветрами щедро исхлёстанный,
да здравствует романтика
юности краснозвёздной!..

Романтику «краснозвёздной юности» Виктор Симонов сохранил на всю свою творческую жизнь – от «малой речки под горой» до «голубых ледников Тянь-Шаня». И – к вершинам поэзии!..

В.Когтев, краевед, г. Луховицы, Московская обл.

Речка в тальнике шумела

Белеют шиферные
кровли
в разливе лип,
а под горой
среди ракит смеётся Вобля,
сверкая синею струёй.

Как деревенская
девчонка –
вся в бусах свешенных
ветвей…
Я обегал её сторонкой,
тайком подсматривал
за ней.

Стоял неловкий,
оробелый,
на волны глядя не дыша,
а речка в тальнике шумела,
плескалась в чаще камыша.

Потом лилась светло
и тихо,
играя с солнцем золотым,
к озёрам розовой гречихи,
к туманным заводям
ржаным.

А мне хотелось,
так хотелось
пойти за речкой в даль полей,
что, позабыв свою
несмелость,
ушёл я всё-таки за ней.

Плыла заря
за перелогом,
я шёл дымящейся травой…
Так началась моя дорога
от малой речки под горой.

Высота

Апрельский ветер
крылья распростёр,
бегут ручьи
торжественно, со звоном,
взойдём с тобой на синий косогор
и захлебнёмся воздухом зелёным.

Мы постигаем в мире красоту,
а красота несовместима с низким.
От века так.
Уходят в высоту
конструкции,
деревья,
обелиски.

Взлетает беркут с мокрого куста,
косматый ветер по ущельям
рыщет.
Нам так необходима красота,
чтоб становиться собранней
и чище.

Песенка о Луховицах

Кого-то носит в Крым,
кого-то на Кавказ,
а кто-то ночью бредит
заграницей.
Но если день один
им побывать у нас,
они б навек влюбились
в Луховицы.

Где золото песка,
застенчивость берёз,
стеклянное кафе
уже в привычку,
а позади кафе
косматый бродит лось,
как стрелочник,
встречая электричку.

А в соснах полусвет,
а в ёлках полутьма,
грибник,
сюда забредший
из столицы,
от белых и маслят
не раз сойдёт
с ума
и всё же не захочет
исцелиться.

От ближнего ДК
с порывом ветерка
доносятся напевные
страданья,
и лёгкая Ока
бежит издалека,
как девушка
на первое свиданье.

Мужчинам повезло:
здесь модницы кругом,
а платьица в ходу
лишь только «мини»,

здесь танцы и кино,
и есть родильный дом,
который, к сожаленью,
тесен ныне.

В плакатах стадион –
заезды мастеров!
Такой азарт
владеет стадионом,
что, если ты здоров
и не ломаешь дров,
то, как Цыбров*,
стать можешь
чемпионом.

Кого-то носит в Крым,
кого-то на Кавказ,
а кто-то ночью бредит
заграницей,
но если день один
им побывать у нас,
они б навек влюбились
в Луховицы.

1971 г.

**Владимир Матвеевич Цыбров – знаменитый луховицкий мотогонщик, чемпион СССР, Европы, мира.*

***

Я письма слал
с Тянь-Шаня и Урала.
Писал стихи,
грустил и тосковал.
Любимая покорно ожидала,
а я от рук любимой отвыкал.

Я шёл под небом,
синим и пологим,
дышал теплом и горечью земли.

В меня навек вошли её дороги,
неизлечимо душу обожгли.

Я никогда не отступал от спора.
Какое счастье,
что средь бурь и гроз
мог вспоминать о девушке,
с которой
мне встретиться
когда-то довелось!

Как счастлив я,
что знаю вешний праздник
её любви,
тепло её забот.
Что с ней живёт
мальчонка синеглазый,
которому недавно стало год.

(из сборника «Позовите в дорогу, звёзды»)

***

Я тянусь к росткам зелёным,
к свежим травам на заре.
Знаю:
добрым и влюблённым
много легче на земле.

В пёстрой путанице буден,
в круговерти праздных дней
я тянусь к хорошим людям,
словно к россыпи огней.

Эта страсть неистребима.
Час пробьёт,
я на звезду
тёплой струйкою рябины,
снежным ландышем взойду.

(из сборника «Земляки-2»)

***

Позовите в дорогу, звёзды,
освежите меня, туманы,
начинать никогда не поздно,
начинать никогда не рано.

Все невзгоды свои развею,
обогретый людским участьем.
Лишь в хорошее крепко верю,
крепко-накрепко верю в счастье.

За мечтою иду в погоню
по дорогам земного шара.
…Вновь и вновь приложу ладони
к голубым ледникам Тянь-Шаня.

(из сборника «Земляки-2»)

Выпускница

…Утро. Нежная прохлада.
День – как чистая тетрадь.
И тебе совсем не надо
К девяти часам вставать.

Твой портфелик отдыхает,
В нём учебники лежат.
С золотой каймой по краю
Выпускницы аттестат.

Как дневник, перелистала
Друг за другом десять лет.
Детство было – и не стало,
И уроков больше нет.

И немного грустновато,
Что, быть может, навсегда
Все подруги, все ребята
Разойдутся кто куда.

Дружба в сердце не погаснет.
В путь большой теперь иди.
Этот день – начало счастья,
Новой жизни впереди.

29 июня 1951 года г.Луховицы.
(из сборника «Земляки»)

В гостях у Грина
(новелла)

Я уезжал от моря.

Скрипуче перекликались чайки. Хлопьями взлетала пена, перемешанная с песком и водорослями. Тёмные тугие валы с силой били в гладкие отвесные скалы, на вершине которых находилась древняя генуэзская крепость. Изящная лента шоссе свободно лилась под колёсами междугороднего автобуса «Судак – Феодосия», уводя из живописной долины, пропитанной свежестью утренних туманов и спелыми запасами виноградников.

Моя попутчица – белокурая синеглазая москвичка – изумлённо рассматривала щедрый крымский пейзаж. Чем дальше уходил автобус от берега, тем больше возрастало её изумление.

– Как же так, – наконец сказала она, тщетно пытаясь справиться с ветром, рвавшимся в окно и бесцеремонно теребившим её пестренькое платьице, – всю жизнь любить море, отдать морю каждую свою строчку… и вдруг поселиться вдали от кораблей, вдали от… – тут она с досадой прихлопнула взлетевший подол своего наряда, – от морского простора, от всего, чем дышал… странно!

Мне тоже было странно. Я вспоминал «Алые паруса», «Бегущую по волнам», «Золотую цепь» и множество других великолепных историй, рассказанных удивительным писателем, одно имя которого является синонимом созданного им фантастического и всё-таки близкого к реальности звонкого мира романтики. Я полагал, что Александр Грин должен был жить уж если не на корабле – этакой парусной загадочного вида яхте, – то непременно у самого-самого Чёрного моря, чтобы из воды прямо на ступеньки крыльца выползали смешные мохнатые крабы, чтобы солёный ветер наполнял дом таким весёлым гулом, как в огромной отполированной раковине. Однако Грин предпочёл поселиться на расстоянии от моря.

Я ещё не догадывался о том, что Грину не требовалось море под окнами своего дома. Он сам создавал его – грозным и ласковым, таинственно-ночным в полдень и ослепительно-сверкающим в полночь. Каким хотел!

В городок Старый Крым приехали мы около полудня. Было жарко. По тяжёлой глянцевитой зелени, по черепичным крышам построек на шершавые камни мостовой стекало солнце. В густом лесистом парке пересвистывались дрозды.

Домик писателя мы отыскали на тихой, утонувшей в зелени улочке. Пахло свежеполитой землей, пахло маками. По улочке струился лиловый свет. В его зыбком озарении нам предстал одноэтажный, выше среднего роста, как и его хозяин, дом, повёрнутый фасадом вдоль усадьбы. Дом словно приподнялся на носки и, застенчиво полуотвернувшись, пытался разглядеть за деревьями нечто для себя дорогое и важное. Может быть, море?

На белёной стене мемориальная доска: «Здесь с ноября 1930 г. по июль 1932г. …».

Моя синеглазая попутчица шёпотом предупредила:

– Нина Грин – жена писателя!

По ту сторону калитки среди рдеющих цветочных грядок навстречу нам шла приветливая женщина. Она была стара. Домашний выцветший халат, какой носят лишь только старые женщины, пожалуй, ещё сильнее подчёркивал её возраст, но умные живые глаза блестели молодо, а её уже отягощённая годами походка была бодрой и даже, в известном смысле, элегантной. Мы объяснили ей цель своего прихода.

Разговаривая с нами и заметив, что я приготовил фотокамеру, Нина Грин ловко подхватила вынырнувшую из огромных маков пушистую кошку, лукаво промолвив:

– Иди, иди, знаменитой станешь!

Кошка, по-видимому, справедливо решила, что в этом деле и без неё достаточно знаменитых, и, получив из рук добродушной хозяйки необходимую долю ласки, снова улизнула в цветы.

Набежал порыв ветра. Закипела листва в нарастающем шуме безбрежных садов, мне почудился плеск приближающегося моря. Я вдруг явственно представил себе, как больше трети века тому назад, в такой же плещущий листвой день, Александр Грин, неизлечимо больной, усталый, но окрылённый удачей в тяжком своем труде, выходит на крыльцо. Высокий, худой, он стоит, широко, по-матросски расставив ноги, и щурит светло-карие глаза. Мягкие струи ветра отбрасывают русые волосы, распахивают белую рубашку, обнажая на груди татуировку – дань и девиз молодости: бегущая по волнам шхуна…

Утром я думал, что уезжаю от моря. В полдень мне казалось, что Грин поссорился с морем, выбрав Старый Крым местом своего жительства. А теперь, в конце дня, я понял, что собственными ногами, обутыми в модные тесные ботинки, я пришёл к другому праздничному морю, к благодатному морю гриновской романтики.

На крылечке развевались пионерские флажки. По складкам одного из них бежала надпись: «А. Грину от пионерского клуба «Алые паруса».

Как после большого праздника, мы шли по улицам Старого Крыма. Город покачивался. Огромным кораблём листвы и солнца он уплывал в синюю даль. Мечтательная глазастая девочка в алом сарафане разглядывала лодочку, сооружённую ею из бумаги. Моя синеглазая попутчица тихонько рассмеялась.

– Здравствуй, Ассоль! – крикнула она девочке, и девочка, шевельнув длинными ресницами, серьёзно ответила:

– Здравствуйте!

В. Симонов.

(Из газеты «По ленинскому пути» от 7 мая 1968 г.)

Всегда в пути

Виктор Михайлович Ольховик – геолог. У него нет бороды, он не носит пресловутую клетчатую ковбойку и вообще мало похож на расхожий образ геолога. Дело, которому он служит, вряд ли вызовет острую зависть юноши или девушки, мечтающих о романтике трудных дорог. Виктор Михайлович занимается поиском строительных материалов. Камень, песок, глина и им подобное – вот предмет его поисков. Им он посвятил свою жизнь, ради них он отправляется в дальние и ближние вояжи. Иногда я вижу его на улице. Невысокого роста, смуглый, несколько полноватый, он идёт своей неторопливой походкой, разглядывая окружающее. Так ходят в многодневные маршруты.

Как-то я необдуманно спросил:

– Виктор Михайлович, в наш конкретный век хочется конкретных итогов. Могли бы вы указать на что-нибудь рукой: вот, дескать, из нашего материала сработано?

Он удивился чрезвычайно:

– То есть как это «на что-нибудь»? Всё делается из наших материалов. Всё!

Я ожидал, что Ольховик назовёт и перечислит месторождения, в открытии которых принимал непосредственное участие, но вспоминать и называть он, видимо, не захотел, а только лишь повторил:

– Города, дороги, заводы. Да всё!

Видите, как оборачивается. Счастлив тот человек, который на вопрос о конечных результатах своего труда может ответить подобным образом.

Что говорить, отыскать золотую жилу весьма интересно. Ещё интереснее найти кимберлитовую алмазную трубку. И куда как замечательно открыть месторождение редкого минерала. Об этом снимают фильмы, пишут романы, ставят пьесы.

Но дом, в котором мы с вами живём, но дороги и тротуары, по которым мы с вами ездим и ходим, но сказочные дворцы метро, которым мы с вами радуемся, но заводы, посёлки, города – всё это строительные материалы, полезные ископаемые в преобразованном виде. А природа не дарит их просто так.

Нужен поиск. Тяжёлый, неутомимый, каждодневный. Ибо напрасно думать, что обыкновенные минералы водятся вокруг нас в изобилии и стоит лишь присмотреться да ковырнуть разок-другой лопатой.

Если бы! Тот же самый песок, хороший, пригодный для нужд промышленности и строительства, попадается далеко не на каждом шагу. Даже в пустыне, где сам знойный воздух пропитан песком. Что такое песчинка? Нечто невесомое, эфемерное. Но и она имеет вес, размеры, определённую форму, структуру. Десятая доля миллиметра отклонения от стандарта – и всё месторождение оказывается непригодным к использованию.

Гудят буровые станки, бурильщики выбивают керн. Льётся влажная струйка породы, вынутой из глубины земли. Виктор Михайлович жадно вглядывается в золотистый керн, подставляет ладонь. Порода вспыхивает на солнце искрами – впору залюбоваться. А геолог стоит и решает извечную свою задачу: быть или не быть месторождению?

Где же начало поиска? Помнится, Виктор Михайлович поразил меня однажды, показав на местности горные выработки петровских времён. Это было в Калужской области, неподалёку от Обнинска. Выработки, конечно, уже не походили на выработки. Скорее на заросшие водоёмы.

– Как вы узнали? – поинтересовался я.

– Очень просто, – усмехнулся Виктор Михайлович. – Поднимал архивные материалы, беседовал с местными жителями. Иначе нельзя. Иначе возьмёшься искать то, чего здесь давно нет. Бывает, выберет геолог участок: и лес там, и травы, и грибы в траве отменные. Девственная природа, одним словом. А начнут бурить – и выясняется, что участок не что иное, как рекультивированный карьер. Его давным-давно выработали, потом засыпали землёй, посадили деревья. Деревья выросли, участок задерновался, вот и получилась природа.

…Познакомились мы с Ольховиком на Мангышлаке в ту, теперь уже неблизкую пору, когда возникал город Шевченко. Московские изыскатели жили тогда в одном из деревянных бараков, притулившихся на крутом берегу Каспийского моря. Стояла осень – пора непогоды, – и по ночам было слышно, как глухо шумит и ворочается вода да, шурша, царапает крышу холодный ветер. Порой припускались ливни и хлестали, и стучали в окна, в тонкие барачные стены.

Город, пока ещё без названия, уже строился, требовал материалов. В степи шёл усиленный поиск. Геологи, расширяя зону обследования, уходили всё дальше и дальше, в глубь знаменитой впадины Карагие. С «точек» возвращались поздно. Люди приезжали мокрые, иззябшие. Их брезентовые плащи гремели, словно железные.

Таким появился и Виктор Михайлович. Он был тогда техноруком экспедиции. Я только что прилетел из Москвы, а он приехал с Хоз-Булакского месторождения камня.

– Месторождение сложное, – говорил он, – но перспективное. Так что работы нашему брату здесь будет много.

Мне сразу понравился его негромкий голос, мягкая неторопливая речь, округлое лицо с южным непреходящим загаром. Весь он был по-домашнему уютным: видно, его мало тяготили неурядицы изыскательской жизни.

И даже первая фраза, которой он начал рассказ о себе, прозвучала тоже уютно и по-домашнему:

– До войны я жил в Одессе.

Он жил на Большом Фонтане. Есть там такие загадочные улицы. Кроме Большого, ещё Средний и Малый Фонтаны. Через всю войну пронёс он синий студенческий билет как некий символ мирной жизни, как залог доброго будущего. А война началась для него с первой своей минуты. Авиационная часть, в которой служил Ольховик, базировалась под Даугавпилсом, и конечно, немцы сразу же обрушили на неё жестокий удар.

Военная судьба прихотлива. Он служил оружейником, был командиром пулемётного отделения, лётчиком-наблюдателем. Но не только наблюдать за противником вылетал он. В трудную минуту, когда немцы шибко донимали, а боевых машин не хватало, использовали и тихоходные «Уточки». Под крылья исхитрялись прилаживать бомбы, бомбами загружали кабину и с такой «начинкой» отправлялись на передовую… Одним словом, на войне как на войне. Были удачи, были неудачи. Всё было.

Летом сорок шестого года демобилизованный старший сержант Ольховик вновь переступил порог вуза. Страна становилась на ноги. Возрождала разрушенное, строила новое. С геологов спрос был особый. Формировались и уходили на поиски сырья многочисленные экспедиции.

Стороннему человеку работа геолога представляется несколько облегчённой: пришли, увидели, открыли. Однако специалист знает, что скрывается за этими тремя словами.

«Землю собирали по кусочкам», – сказал известный советский поэт. Он прав. Радости геологического открытия предшествуют неудачи и разочарования, постоянное напряжение и готовность немедленно повторить самое трудное.

– В Хакассии, это уже после Чукотки было, свернули мы свои изыскания, – рассказывает Ольховик. – Ждали самолета. Стал я напоследок просматривать полевые материалы, и вдруг выяснилось, что на одном из участков необходимо побывать ещё раз. Осмотреть местность, отобрать контрольные образцы. А как побывать, если на завтра самолёт заказан? До участка без малого тридцать километров. Туда и обратно – шестьдесят. Добро бы по равнине, а то по горам. Западный Саян, как-никак. Подумал я, подумал и решился.

Он пошёл один. Надеялся обернуться. И обернулся. Последние километры одолевал, как в атаке, бегом и тянул на себе рюкзак с увесистыми образцами, ружьё и прочее походное хозяйство. Товарищи бросились навстречу, почти на руках втащили его в самолёт. Так добывается истина. Независимо от того, устраивает она вас или нет.

Постепенно маршруты Виктора Михайловича смещались к югу. Он работал в Туве, изучал верховья Енисея, затем в Средней Азии, которую прошагал поперек каракумских песков от Чарджоу до Кызыл-Арвата и дальше к Красноводску.

Всякое бывало на этом долгом маршруте. Не раз и не два пригодилась ему суровая школа войны. В знойных, иссушающих песках пустыни, где опрометчивый шаг грозил смертью, он чувствовал себя, как в бою. Если на Чукотке в качестве врага номер один выступала вечная мерзлота, то в пустыне им был песок. Горячий, беспощадный, он останавливал, сковывал. Чтобы одолеть очередной бархан, под колёса машин бросали тростниковые маты, ватники, всё, что попадало под руку.

Борьба изо дня в день. И не только с природой. В те трудные послевоенные годы по экспедициям шастало немало всяческого люда, бывшего не в ладах с законом. Им, этим людом, руководили далеко не романтические побуждения. Однажды у Ольховика попытались угнать машину со снаряжением. На второй машине, вдвоём с шофером, геолог пустился в погоню. Было всё, чему полагается быть в таких ситуациях. И бешеная езда по такырам, и вспышки предупреждающих ракет в ночном небе, и машина преследователей, вставшая, наконец, поперёк пути…

Сотни тысяч километров по родной земле. Десятки открытых месторождений полезных ископаемых. Одни из них уже разрабатываются, давая жизнь предприятиям, посёлкам, городам, другие стоят на очереди.

Идёт по земле человек – геолог московского проектного института Виктор Михайлович Ольховик. Он занят хорошим, добрым делом. Возвратившись из командировки, я иногда встречаю его на Павловской улице. Он идёт своей неторопливой, но спорой походкой, какой ходят в далёкие маршруты:

– Какая сегодня забота?

Виктор Михайлович добродушно улыбается:

– Поиски диатомитов!

– Где?

– На Южном Урале.

Мудрёным словом «диатомиты» геологи называют породу, в обиходе именуемую серой глиной. Это материал для силикатного кирпича. Значит, будут новые жилые дома, новые корпуса заводов и фабрик.

В. Симонов,
начальник изыскательской партии.
(Из газеты «Социалистическая индустрия»
от 7 августа 1976 г.)

Благодарим родственников В. Симонова и сотрудников Луховицкого историко-художественного музея за интересные материалы.

Александр Калинников

г. Воскресенск, Московская обл.

Александр Михайлович Калинников, член Союза писателей России, *родился 5 марта 1964 г. в посёлке Новая Дуброва Брянской области. В 1981 году с золотой медалью окончил Ратчинскую среднюю школу Воскресенского района Подмосковья. Затем – Сельскохозяйственную академию им. К.А. Тимирязева.*

Вся его дальнейшая жизнь связана с Воскресенским районом. Трудился в племзаводе «Ачкасово», совхозе «Фаустово». Организовал фермерское хозяйство «Анна». Занимая активную жизненную позицию, Александр Калинников плодотворно работает в депутатском корпусе района. В 2012 году избран главой Воскресенского муниципального района.

Человек творчески одарённый, он постигает не только многие естественные науки, но также не равнодушен и к таким гуманитарным явлениям как поэзия, проза, история.

По духу ему близка лирика. Стихи о женщине, о любви – это каждый раз новое открытие самого потаённого. Свежесть образов, неповторимость каждого мгновения, огромное желание ежеминутно, ежечасно дарить любимой всю гамму переполняющих чувств… Дарить всегда.

***

Как парусник, измотанный ветрами,
Я у тебя лишь гавань находил.
Но не всегда призывными огнями
В глухой ночи мне твой маяк светил.

И снова я сквозь частые невзгоды
Искал приют, где можно отдохнуть,
Где мог я от душевной непогоды,
Покоем убаюканный, уснуть.

В морях судьбы годами я скитался, –
Поблекли краски, дыры в парусах,
И якорь где-то в море оторвался,
И лишь молчанье слышал в небесах.

Опять один, среди тоски и шири.
Как жаль, что был я счастлив только миг…
Ищу тебя в безумном этом мире,
А твой маяк зовёт к себе других.

***

Наступит час, а он не за горами:
Оставив ношу тяжкую забот,
Любовь легко под белыми крылами
В цветущие луга нас унесёт, –

Тогда мы, обнажив тела и души,
Подставим их под ласки лунных струй,
И песню песней долго будем слушать,
И вспоминать наш… первый поцелуй.

Пусть травы удивляются тобою,
Роняя лепестки и благодать,
Пусть будет ветер тёплою рукою
Твой лёгкий стан и волосы ласкать.

Тогда меня опять наполнит сила,
И я воскресну телом и душой,
И будешь ты от радости счастливой,
И буду я от радости хмельной.

***

Что ж, буду жить, приемля как условие,
Что ты верна, хоть стала ты иной.
Иль я оглох, иль ты хранишь безмолвие,
Иль я ослеп, иль всё покрыто мглой.

Не согревают солнце и одежды,
Смертельный холод душу леденит.
Без веры, без любви и без надежды
Тобой покинут и забыт.

***

Когда опустится на землю тень ночная, –
Так мало красок различает глаз.
И лишь на солнце белый снег сверкает,
Как самый драгоценнейший алмаз.

Лишь в отражённом свете видно краски,
И всё сияет редкой новизной.
Но кто на солнце взглянет без опаски,
Тот будет ослеплён его красой.

Забыв про всё, тобой я любовался.
Смотрел в упор, не отрывая взгляд,
С восторгом к нежным граням прикасался,
Безумен был и был безумству рад.

***

Бег лепестков в огнях неторопливых,
Несмелое мерцание свечей,
И запах розы в локонах любимых,
И страстное сияние очей.

Вода, огонь и роз благоуханье,
Две трепетные тени на стене
И дорогое очертанье,
Вдруг отражённое во мне.

Слиянье губ и рук, и тел сплетенье,
Восторг, порыв и нежности волна.
Воды, огня, цветов, любви смешенье,
И ты – царица мира и жена!

***

Недугом тяжким поражён иной,
Зовёт он смерть, а врач даёт леченье, –
Своею благородною рукой
Больному продлевает он мученья.

А я давно свой знаю приговор,
И снадобья нет от моей болезни.
Мою любовь – мой грех и мой позор –
Лечить твоей любовью бесполезно.

Не надо тратить жалость и любовь –
Лекарства редкие и очень дорогие.
Давно остыла в этих жилах кровь.
Мне не помочь, и ждут давно другие.

Твоя любовь мне лишь продлит мученья.
В забвеньи смерть, но в смерти – избавленье.

***

Неверный свет свечи – мерцание надежды
В холодном безразличии ночи.
Ты только не молчи!
Ты будь моей, как прежде!
Ругай, кричи, но только не молчи!

Молчание твоё – подобно смерти.
Когда ты здесь молчишь – как будто нет тебя!
Живу иль не живу? Пожалуйста, проверьте.
И как мне жить, не слыша, не любя?!

Подражание Шекспиру

Один богат, другой кичится властью,
А тот уменьем хвастает своим.
Один силён и для других опасен,
Другой прекрасен, словно херувим.

А я ничем в толпе не выделяюсь.
Никто, ничто. Нам имя – легион.
И если быть заметным постараюсь,
То, будто шут, я становлюсь смешон.

Но есть отличье от других и прочих.
Я всех богаче и сильнее всех –
Моей любовью, чистой, непорочной,
Я награждён взамен других утех.

И титул мой взамен других названий,
Моё богатство не отнять другим.
Умение любить – моё призванье.
И титул мой – любил, люблю, любим.

И не найти тебе вернее друга, –
Хоть только в этом вся моя заслуга.

***

Божественна, безумно хороша!
Ты, словно благодать, сошла на землю.
С тобой одной восторг любви приемлю.
Ты – Богом окрылённая душа!

Тебе служить, тебе одной молиться –
Вот назначенье, данное судьбой.
К тебе прильнуть – как родником напиться,
И обожать, и преклоняться пред тобой!

***

Как мало помню – запахи и звуки,
Дыханье чистое, румянец на щеках…
Но Боже мой! Как много помнят руки…
Не перечислить в песнях и стихах!

И память рук вовеки не забудет
Изгибы бёдер, чашу живота,
Лилейность кожи, локоны и груди,
И приоткрытые уста…

Как помнят руки содроганье тела,
Движение навстречу в унисон,
И этот миг, когда душа летела
В короткий горько-сладкий сон!..

***

Мороз лютует, ночь роняет звёзды,
А нам тепло в объятиях любви.
Свеча горит, совсем горит не просто,
И чуть примяты локоны твои.

Глаза открыты и призывно влажны,
И губы шепчут, будто в первый раз:
Не верь, что всё придумано до нас.

Да, я любил, и ты уже любила!
Не тех! Не так! Напрасно всякий раз.
Но жизнь свою ведь мы живём впервые, –
Её никто не проживал до нас.

Как хорошо, любимая! Как нежно!
Какую радость даришь ты сейчас!
Хоть в Камасутре нет главы про нас,
Она была бы лучшей – без прикрас!

Всё для тебя – весь мир и эти строки,
Рождённые сегодня в первый раз!
Не верь, что всё придумано до нас!

***

Сменяется рассветом тень ночная.
Сменяется прохладой летний зной.
И песни соловья в начале мая
Заботой наполняются иной.

В природе всё живёт, цветёт и вянет,
И тише льётся сердца звень,
Но розы запах лишь свежее станет,
Когда падёт ночная тень.

Как роза от жары – и ты устала.
Моей любовью ты утомлена.
И в том моя ошибка и вина,
Что розе тихой тени не хватало.

Себя кляня, меня ты проклинаешь,
Мою любовь в другой тени спасаешь.

***

В твоём дыханье чистом – утра свежесть,
В твоей груди – истомы нежность,
Твой аромат – весны благоуханье.
Уста твои скрывают благодать.

И хочется любить и обладать
В восторге, неге и очарованье.

***

Ты видела, как тихо умирают
В саду осеннем гроздья нежных роз
И как покорно головы склоняют,
Когда их тронет холод и мороз.
Их солнце позднее уже не согревает,
Лишь иней превращается в слезу.
И слёзы эти лепестки роняют,
И сами падают в холодную росу.
И я покорно голову склоняю
Пред холодом твоих осенних глаз.
Тепла любви лишённый, умираю,
Слезой в холодных росах растворясь.

Пусть, лепесткам подобны, эти строки
Укроют от тебя мои пороки.

***

Ты – вдохновение моё,
моё дыханье.
Мой свет, мой воздух,
радость и печаль.
Ты умиление моё,
моё желанье
И очарованная даль.

***

Испив однажды чашу наслажденья,
Теперь я вечной жаждой награждён.
Тоской желанья, мукой вожделенья
Наполнен день и беспокоен сон.

Живу одной мечтою – обладанья,
В твоих объятьях быть и трепетать.
Опять, опять горячие лобзанья
Дарить тебе и в сердце принимать.

Нектар сладчайший всех твоих желаний,
Смертельный яд в холодном блеске глаз
Готов я пить до дна без содроганий,
В одном бокале всё смешав на раз!

***

О женщины! Бог знает, как люблю
Вдыхать ваш пряный аромат желаний.
Лишь с ваших губ живую воду пью –
Источник наслажденья и страданий.

Во все века, колена преклоня,
Средь вас, о женщины, не проходил я мимо.
Порою радуясь, порою жизнь кляня,
Лишь ты, о женщина, желанна и любима!

Вот срок настал – звонят колокола
Не погребальным звоном, но венчальным.
Но минет срок – и, женщину любя,
Не буду ни унылым, ни печальным.

***

Мой нежный ангел! Милый образ твой
Хранил все дни в моих воспоминаньях.
Я целовал тебя в своих желаньях
И дни разлуки согревал тобой.

Любимая, родная – это ты!
Ты звание другое носишь ныне –
Высокое – родившая мне сына!
Родившая мне Бога из мечты.

***

Где мне найти слова, чтоб прозвучали
С твоею красотою в унисон,
Чтоб чистоты твоей не запятнали
И чтобы не прогнали чудный сон.
Ты – чудный сон, моё очарованье.
Мой нежный друг, живительный родник.
Ты – солнца свет, ты – чистое дыханье.
К тебе навек я всей душой приник.
Ты – чудный сон, навеянный судьбою,
Ты первая любовь – последний грех.
Молюсь тебе и преклоняюсь пред тобою.
Ты мне жена и Бог – одна из всех.

***

Не знал Господь, заветы составляя,
Как может быть сильна моя любовь.
Как море чувств бездонное, без края!
Огонь души, палящий мозг и кровь.
И в этом море нежности безбрежной,
В тепле моей любви, моей тиши,
Хотел я отогреть комочек снежный
Твоей израненной души.
Но прав Господь! – и заповедь седьмая
Нарушена. И ты – мой смертный грех.
Тебя не спас и сам живу, страдая!
И не найти покоя мне вовек.
Ты наказание моё и преступленье.
Я был твой грех, но я и избавленье.

***

Лазурью чистой упивается природа.
Блистают капельки дождя
На чистой зелени листвы,
Кругом янтарь и позолота!

В полдневный час свежо, как утром ранним,
Природа празднует расцвет своей красы!
И ласковых небес хрусталь голубоватый,
И облака, как клочья лёгкой ваты, –
Блистает всё!

И капельки росы – как радость –
водопадом бесконечным,
Чуть тронешь ветку, падают, звеня.
В лучах звезды горят сияньем вечным,
Струями жаркими холодного огня.

***

Прости, что раньше не услышал
Поток невысказанных слов.
Что не сумел узнать Любовь
В устах сомкнутых и в глазах закрытых.
Пойми, что слово главное «Любимый»
Я не сумел услышать потому,
Что ты его тогда произносила
Ему и мне, и всем. И никому…

***

Восторг! Безумство! Беспредел! –
Души смятенье!
Ты – мой кумир! Ты мой удел!
Моё решенье.
Одно решение – навеки!
В одно мгновенье.
И, как струна, дрожит душа,
Вся в изумленьи.

***

Когда ты лжёшь, мою спасая душу
От ревности бесплодной и тоски,
Когда мой мир и мой покой разрушен,
Не видят очи, нет в руках руки, –

Я не живу, а тихо умираю.
В печаль и боль спускаюсь с головой.
Надежду, веру и любовь теряю,
Теряю жизнь – теряю образ твой.

***

Все запреты нарушив, тебя полюбил,
Позабыв о скрижалях святых.
Голос разума в море любви утопил,
Растворился в объятьях твоих.

Я не верил в обман твоих солнечных глаз, –
Разве ангелы могут предать?
Я не верил тогда и не верю сейчас,
Что без крыльев ты сможешь летать.

***

Сольются в поцелуе два дыханья,
В объятиях ликующих – тела,
Два сердца, две души в одном желанье,
Как два неразделимых дерева.

Под общей сенью – общее движенье,
С тобою только счастие постиг.
В одно и то же время пробужденье.
Полёт и смерть в один и тот же миг.

***

День без тебя похож на ночь глухую:
Без звёзд, без ветра, мрак и тишина.
И ночь проходит – жуткая, как бездна.
Есть лишь паденье долгое – без дна.

Во мне ничто жить без тебя не хочет.
И жизнь почти покинула меня.
Днём не живу, страшась прихода ночи,
И ночь не сплю, – боясь прихода дня.

II Международная писательская встреча «Братство», посвящённая 75-летию города Воскресенска

Болгарские писатели города Плевена (Международная творческая ассоциация «Сцена на духовности») и писатели Воскресенского ордена «Культурное наследие» литературного объединения им. И.И. Лажечникова на приёме у Главы Воскресенского муниципального района Московской области А.М. Калинникова.

1 ряд, сидят, слева направо: **Галина Голова** – поэт, прозаик; **Марина Золотова** – поэт; **Галина Васильчук** – прозаик; **Людмила Чебышева** – поэт; **Люлин Занов** – поэт, публицист; **Елена Юрова** – заведующая библиотекой АНО ДК «Химик»; **Елена Агапова** – директор Воскресенской типографии.

2 ряд, стоят, слева направо: **Сергей Антипов** – поэт, прозаик, учредитель Издательского Дома «Серебро Слов»; **Виктор Лысенков** – прозаик; **Ольга Севостьянова** – заместитель главы района: **Ольга Шилкина** – начальник управления культуры района; **Лъчезар Стаменов** – драматург, прозаик; **Владимир Кондрашов** – глава Администрации района; **Григорий Осипов** – поэт; **Леонид Дудин** – поэт, прозаик, руководитель ЛИТО; **Александр Калинников** – поэт, глава района; **Стефан Моллов** – поэт, прозаик, руководитель ассоциации «Сцена на духовности»; **Валентина Атанасова** – поэт; **Александр Квардаков** – глава города Воскресенска; **Ольга Новикова** – поэт, прозаик; **Чавдар Луканов** – директор Дома Культуры города Плевена; **Людмила Башкирова** – директор информационного агентства, главный редактор газеты «Наше слово»; **Евгений Пряничников** – директор усадьбы Кривякино; **Вальдемар Носов** – генеральный директор ООО «Искра – ВЭКТ» (телевидение).

Фото Сергея Глебова

Сергей Антипов

г. Москва

Антипов Сергей Сергеевич, родился в 1973 году в Москве.

В 1997 году окончил Московский Государственный инженерно-физический институт (МИФИ) по специальности «физика металлов».

Автор шести книг. Публикации в «Московском Литераторе», журнале «Поэзия» и другой периодике.

Член Правления Московской областной организации Союза писателей России. Член Союза журналистов России. Награждён золотой Пушкинской медалью «Ревнителю просвещения» от Академии Российской словесности, Большой серебряной медалью им. Гумилёва и золотой медалью им. Есенина от Союза писателей России. Лауреат премии «Золотое перо Московии» и Дипломант губернаторской премии им. Роберта Рождественского.

Истина Жизни

Сердце клокочет, как рваная красная тряпка,
Что позабыли на мокром, холодном ветру,
Мозг, как мобильник, сигналит о срочной зарядке:
«Дайте надежду мне, или я скоро умру!»

Пальцы, немея, впиваются в кожу до боли,
Кто-то и соли уже заготовил для ран,
Плюнуть на всё и забыться сегодня мне, что ли? –
Хватит ломиться в закрытую дверь, как баран!

Только упрямо трепещет больная аорта,
Кровь разгоняя под рифмы из простеньких слов:
«К чёрту ненужные страхи, сомнения – к чёрту!
Бейся до крови за истину жизни – Любовь!»

Бальзаковским женщинам интернета

А вообще меня мало кто любит…
Чаще тайно клянут и боятся,
И не то чтобы с кем-то был грубым,
Просто ставлю на место паяцев…

Просто в шутках бальзаковских женщин
Я не вижу ни грамма смешного:
Им бы чувств настоящих, сердешным,
А они подражают Пруткову!

Ладно б – делали это красиво,
Тонкий юмор – находка поэта,
Но, увы, бесталанное чтиво –
Признак климакса в дебрях «инета»!

Их «таланты» до боли известны:
Бузотёрки со сдвигом по Фрейду,
Им бы вправить мозги, если честно,
Но тупым недоступны «апгрейды»*!

Пусть история всех нас рассудит
И корявое смоет в клозеты,
Ведь историю делают люди,
И порой эти люди – поэты…

* **Апгрейд** – *улучшение компьютерной программы.*

Не нужны

Не нужны нам давно Диогены, –
Чудаки не в чести у толпы,
Ведь от них постоянно проблемы
И теряется смысл красоты!

Не нужны и зануды-Сократы,
Что выносят остатки мозгов
У заносчивых дегенератов –
Самых разных чинов и постов!

Но зато всех нужней – лизоблюды
С бесконечно смердящей слюной,
Да продажные шкуры-иуды
С чем-то острым за подлой спиной…

Так и зябнут философы в бочках,
А мерзавцы – не ведают срам,
Позабыв о Божественных строчках:
«Мне отмщение, и Аз воздам!»

Отповедь

У глупых не прибавится ума,
У злобных не износятся клыки,
Бездельникам же нравится весьма
Пописывать убогие стихи!

Им кажется, что всякий раз шедевр
Рождается в их «светлых» головах,
И будут с них другие брать пример,
А кто-нибудь с восторгом скажет: «Ах!»

Забавно б это было, но, увы:
«Шедевры» нынче некуда девать,
Ведь сыплются убогие труды
Из рога изобилия опять!

И в ворохе пустой галиматьи
Отыскивать Поэтов всё сложней,
И маются таланты в забытьи
По прихоти зазнавшихся людей…

Стишки строчить, увы, не мудрено,
И сложности в «пиаре» тоже нет,
Но есть тут обстоятельство одно:
Не всякий, нынче пишущий, – Поэт…

Дряхлость и глупость

Старость и мудрость обычно подруги,
Но не всегда эта дружба видна:
Вляпавшись в женский маразм на досуге,
Понял, что старость приходит одна!

Грустно, однако, что старость и злоба
Часто, увы, словно сёстры, бредут,
Зная об этом, смотрю теперь в оба:
Стойко храню стихотворный редут!

Буду как прежде спасаться делами,
Радуясь жизни, творя и любя,
Царски даруя озлобленным дамам
Счастье от самосжиранья себя!

Графоманам века

Слава компьютерам, слава «инету»!
Радость великая, чудо преславное:
В каждой деревне теперь по поэту,
Пишут фигню, но ведь это не главное!

Главное – граждане нынче при деле,
Кумушки пишут о тайных желаньях,
Пишут по многу: раз сто за неделю,
Ну и конечно, все жаждут признанья!

На языке «идиоцко-олбанском»
Можно общаться и думать: «Я в тренде»!
Это как будто при жизни босяцкой
Пить самогон, как хорошее бренди!

Мне поначалу казалось забавным,
Что не скучают на пенсии люди,
Но при глумленьи над другом бесправным
Думаю: что же с Поэзией будет?

Вместо Ахматовой, Пушкина, Блока
Выйдут на сцену иные кумиры,
Пошлые шутки, похабные строки –
Явят без совести граду и миру!

Боже, прости мою грешную душу:
Глупо щеку подставлять бесноватым,
Буду бороться – и знаю: не струшу,
Что графоманами буду распятым…

Отпускное

Духота отпускного июля
Усыпляет тихонько столицу, –
Чтоб не пасть от снотворной пилюли,
Заказал капучино с корицей!

Ворошу креативные мысли
Из далёких глубин подсознанья:
Как успеть, победить и не скиснуть
От тревожной тоски ожиданья…

А вверху – словно Кто-то услышал:
Тотчас грянули грома раскаты,
Вот и дождь барабанит по крыше,
И бегут под зонтами девчата!

Мне б за ними, да счёт не оплачен,
Но подсказку Всевышнего понял,
И со мною Любовь и Удача,
И от гнёта, как дождь, я свободен!

Бежать

Бежать, не ведая сомнений,
Из мира тех, кто слеп и глух,
Бежать от порчи и глумлений,
От злобы пакостных старух…
Бежать навстречу новым лицам
С молитвой Божьей на устах
И жечь ненужные страницы,
И гнать коварный, подлый страх…
Бежать туда, где ждут и любят
Не за награды и гроши,
А где всего ценнее в людях –
Живая искренность души!

Подмосковная сиеста

Зной подмосковной сиесты,
Время запряталось в тень,
Вспомнил надёжное средство
С пользой прожить этот день!
Прочь суетливые мысли –
Всё отключу хоть на час,
Чтоб через травы и листья
Слышать Всевышнего глас!
И отстранённое что-то
Вспышкой в сознанье моём
Дарит способность к полёту –
Сходу на мощный подъём!
И воспаряю над бездной –
Весь растворяюсь в борьбе,
Господи, как не исчезнуть?
Как возвратиться к себе?..

Прозренческое

Полагал по лохматой наивности,
Что кому-то ещё интересен
Не манящим шуршаньем наличности,
А каскадом стихов или песен.
Но разбились о лбы толоконные
И пустые фальшивые речи,
Как о стены железобетонные,
Мои чувства, и больше не лечат…
И решил я теперь не морочиться,
Пусть других лобызают и ценят,
Не так страшно в душе одиночество
Для того, кто смеётся последним!

Маргарите

Не проявлена, скрыта до времени
Многомерная явь моих снов,
Где за мрачными толстыми стенами
Ожидает свободы любовь…
Только шансы, увы, незначительны,
Настоящее – редкость всегда…
И идут за гроши искусителю
Устремления, силы, года…
Сребролюбие, похоть, тщеславие
Этот мир захватили давно,
И ничтожным, по сути, желаниям
Править бал у людей суждено…
Но однажды с улыбкой открытою,
Бескорыстна, свободна, легка,
Ты придёшь наяву Маргаритою,
Чтоб обнять своего чудака!

Ольга Новикова

г. Воскресенск, Московская обл.

Ольга Александровна Новикова, член-корреспондент Академии Российской словесности, член Союза писателей России.

Автор поэтических сборников «Я любовь назову твоим именем», «Маков цвет», книги «Протоиерей Александр Сайгушев. Житие», «Стихи и картинки для мальчика Димки».

Печатается в международной, центральной и местной прессе.

Награждена Золотой Пушкинской медалью «Ревнитель просвещения», медалью «За жертвенное служение» во имя св. Благоверных князей Российских Бориса и Глеба за труды во славу Отечества, Веры и народа российского, правлением Международной федерации русскоязычных писателей – медалью «Мастер словесности» и другими государственными и общественными знаками отличия.

Плотник

1

– Я! Те-бя! Не! Лю-блю! – почти выкрикнул он, нарочно делая длинные паузы между словами и ударения на каждом слоге.

Ксения от неожиданности вздрогнула и замерла. Он, словно испугавшись своей решимости, ждал ответа, резкого, истеричного, какого угодно, но – ответа.

А она молча смотрела на дорогое ей лицо и не верила своим ушам.

Тогда он, опомнившись, быстро заговорил:

– Я сказал сейчас неправду! Я сказал неправду, поверь, Ксения! Не-прав-ду! Но ты должна понять… Понимаешь, дол-жна!

Она понимала, она хотела задать ему сто тысяч вопросов, но не могла. К чему? Ведь приговор вынесен… А в голове, вместо упрёков и осуждений, крутилось: «Как я люблю тебя! Как же я тебя люблю! Как же я люблю тебя, хороший мой, милый мой…» Она пестовала эти мысли, как маленького ребёнка, но вслух не могла произнести ни одного слова. «Я знаю, ты не уйдёшь, ты никогда не уйдёшь», – думала она, глядя на него.

Но он ушёл.

…На улице гудели машины, куда-то спешили люди. Было жарко. Июньское солнце плавилось и проливало раскалённое тепло на весь мир. Возле автобусной остановки суетились воробьи, проворно растаскивая кем-то брошенную горстку семечек. Не отставали от них и голуби. Малыш в ярких шортиках, широко расставляя ножки, охотился за птицами, пытаясь поймать. Он звонко хлопал пухлыми ладошками, но птицы не очень-то боялись его.

Жизнь кипела. Ксения брела, ничего не видя и не слыша. Она не стала ждать автобуса и медленно шла по тротуару мимо цветущих кустов шиповника. Над лёгким ароматом розовых лепестков кружили с неустанным жужжанием насекомые.

Уход убил Ксению. Не было слёз. Было молчаливое подчинение обстоятельствам. Куда идти? Домой – не хотелось: мама будет расспрашивать. Вообще-то, она с утра собиралась к сестре на дачу, но могла и не уехать. Дети, скорее всего, гуляют, но могут быть и дома. Нет! Не хватало ещё разреветься перед ними… Может, дома и никого, но одиночество тоже невыносимо. Ксения не знала, что делать.

Она с сыновьями временно жила у мамы: в её квартире заканчивался ремонт. Заканчивался именно сегодня. Вечером ей, Ксении, нужно принять работу и расплатиться с рабочими. Ксения посмотрела на часы – около трёх. Рано! «А вдруг закончат раньше?» – подумала она и направилась в сторону старого квартала, где находился её дом.

Невысокая, стройная, в узкой до колен юбке, Ксения выглядела почти девчонкой, несмотря на то, что её мальчишки-близнецы заканчивали десятый класс. Пышные русые волосы, не знавшие парикмахерских ухищрений, она умела высоко и ловко прихватывать заколкой, и они прядями стекали по шее, плечам, ниспадая почти до талии. Волосы были предметом её гордости: не раз Ксения ловила на себе восхищённые взгляды мужчин и завистливые – женщин. Негустая чёлка не могла скрыть большие зелёные глаза с широкими зрачками, которые от природы были таковыми и придавали выражению глаз необычайную глубину…

Весь её облик являл яркое несоответствие между вызывающе ладно скроенной фигурой и пронзительно-печальным взглядом иконы.

Ксения шла очень медленно. Спешить ей было некуда. Никто её не ждал. Некого ждать было и ей. Хотя она до сих пор не верила в происшедшее и подсознательно чувствовала, что произошло великое недоразумение, чудовищная ошибка. Ждала: вот-вот он окликнет её…И она знала, что простит, и уже простила его, только бы он позвонил. Но мобильник упрямо молчал…

2

Вот и знакомый двор. В песочнице копошились дети, молодые мамы с колясками стояли рядом, негромко переговариваясь.

Ксения вошла в подъезд, поднялась по тёмной лестнице. Дверь в квартиру была приоткрыта. В нос ударил запах краски, который Ксения не переносила с детства – болела голова. Но сейчас она не обращала на него внимания: ремонт заканчивается, и она вот-вот с сыновьями переедет в чистенькую квартиру.

Полы были покрашены, плинтусы прибиты. Плотник – молодой мужчина лет двадцати пяти, которого Ксения нашла по объявлению, – доделывал последние штрихи… «Вовремя пришла, заканчивает», – подумала Ксения, проходя на мысочках по уже высохшей дорожке к открытому окну. Лёша, так звали мастера, был малоразговорчив, на звук шагов, продолжая работать, даже не повернулся…

– Здравствуйте, – поздоровалась Ксения. – Заканчиваете?

– Да, – кивнул Лёша, не поворачивая головы. Ксении неразговорчивость мастера даже нравилась, она и сама-то в жизни не была болтушкой, а сегодня и тем более ничто её не трогало: она закрылась в себе. До сознания медленно доходил смысл утреннего разговора, и она всё глубже погружалась в свои мысли, а может, и не в мысли, потому что их было настолько много, словно не было совсем… В её душе созревало ГОРЕ, которое всё-таки случилось, несмотря на то, что ни в коем случае случиться оно не могло. Но случилось.

Ксения облокотилась на подоконник нового окна и высунулась на улицу. Смотрела и думала. Напротив магазина компания подростков с банками пива громко смеялась, что-то обсуждая, при этом частенько награждая друг друга крепкими выражениями. Ксения, волнуясь, вглядывалась в лица: «Моих нет ли?» Нет. Хоть и знала, что – не увлекаются, – но материнское сердце всегда в тревоге за своих детей.

Для Ксении время остановилось. Она отрешённо наблюдала за оживлением, которое царило внизу, но чувствовала другое: как всё быстрее и быстрее вызревало её ГОРЕ. Чувствовала, как оно, острое и больное, всё глубже входило в душу. Эта боль разрасталась, ныла, стонала и разрывала душу на части, переходя в боль тела: болела и кружилась голова, отяжелели ноги, руки дрожали, мир перед глазами крутился, словно в мутном калейдоскопе. «Ты дол-жна по-нять! Ты дол-жна по-нять!» – стучало в голове. Вот оно что… Но куда деться от невыносимой боли?

Ксения по-прежнему смотрела вниз из окна четвёртого этажа, и вдруг словно кто-то подкинул мысль: а ведь одна секунда – и всё кончится: эти мысли, эта боль, эта безысходность… Всё, всё, всё.. Внизу – небольшой газон, зелёный кустарник, на солнце греется кошка…

– Что, хозяйка, фигово? – перебил мысли голос будто издалека. Она оглянулась, но не ответила. Рядом с ней, высунувшись на улицу из соседней створки окна, стоял Лёша в мокрой от пота футболке и шортах с налипшими на них опилками…

3

Ксения молчала, продолжая смотреть вниз.

Что-то очень сильное и притягивало, и отталкивало одновременно. «Нет, нет, конечно, нет».

– Курите? – опять тот же голос, но уже близко, рядом. Очнувшись, Ксения оглянулась. Лёша протягивал ей пачку сигарет, но она отрицательно качнула головой. Не курила.

Плотник закурил, высунувшись на улицу, стряхивая пепел вниз.

Солнце спряталось за облака, издалека наплывали с неровными очертаниями тучи. «Наверное, пойдёт дождь, – мелькнуло в голове Ксении. – Хорошо бы…» Подул ветер. Её волосы слегка растрепались. Но опять выглянуло солнышко, и она невольно поморщила носик и прищурила глаза. «Хоть бы дождь! – снова подумала Ксения. – Хоть бы гроза!» Разные, непонятные ей самой, чувства зарождались и боролись в ней сейчас. Хотелось, чтобы обрушился пенной лавиной дождь, сильный, проливной, с раскатами грома и яркими вспышками молний. Может, тогда её переживания пусть и не прошли бы совсем, но хотя бы притупились.

…Солнце опять укрылось за тучку. Сверкнуло. Посвежело. Потянуло сквозняком. Сомнений не оставалось. Надвигалось…

Ксения отвернулась от окна. Достала из кошелька деньги. Протянула мастеру: «Вот». Лёша, затушив окурок, аккуратно, не пересчитывая, убрал их в поясную сумочку. Его рабочие инструменты уже были собраны возле большого рюкзака, и он укладывал их, ловко обтирая сухой тряпкой.

Судя по готовности, можно было подумать, что он торопился уйти.

– Может, обмоем ремонт? Вроде неплохо получилось, – вдруг нарушил тишину его голос. Ксения повернулась к мастеру, рассеянно пожав плечами. Она соображала с трудом, но пыталась расстегнуть дрожащими пальцами застёжку на кошельке. Она поняла, что надо ещё дать денег, но услышала, что входная дверь уже захлопнулась…

Откуда-то появилось и нарастало раздражение. «Когда же он уйдёт? Такой молодой, а без выпивки – ни шагу… Алкоголики! Сколько беды от них! И хотя магазин в этом же подъезде, в грязной одежде пошёл! Алкоголики!»

Ксения невольно выглянула в окно, где компания подростков уже не столько веселилась, сколько громко спорила, перекрикивая друг друга, размахивая пивными банками. Несколько пустых банок валялись рядом на клумбе, густо заросшей цветущими одуванчиками.

4

…Шаги – на лестнице, чуть слышно открылась входная дверь. Вернулся плотник с пакетом в руках. Ксения отвернулась от окна и презрительно наблюдала за ним, ожидая, как из пакета появятся водка, пиво… «Интересно, сколько?»

Тряпкой, которой обтирал инструменты, Лёша смахнул опилки с табуретки, накрыл её выцветшим полотенцем. Он, казалось, не обращал внимания на молодую женщину, следящую за каждым его движением. Первой из пакета появилась коробочка «Рафаэлло», затем четверть хлеба, кусок варёной колбасы, связка бананов, последней появилась бутылка шампанского. Мастер извлёк из поясной сумки перочинный нож, медленно нарезал продукты и не спеша разложил их на столике. Движения его были спокойными, несуетливыми, он словно нарочно растягивал время. Ничто не выдавало его усталость, несмотря на то, что он весь день работал.

Закончив незатейливую сервировку, Лёша достал из кармана сотовый телефон, щёлкая клавишами и настраивая музыку, и приспособил устройство рядом на табуретке. Закончив несложные приготовления, он будто вспомнил, что он – не один, поднял глаза и неожиданно для Ксении смущённо спросил:

– Можно – я под душ? Неудобно как-то к столу… – и обвёл взглядом свою рабочую одежду. Не дожидаясь ответа, удалился. Из ванной донёсся плеск воды.

Ксения безучастно смотрела на табуретку-стол, перевёрнутые набок табуретки-стулья…

Посреди ремонтного беспорядка в квартире и не менее страшного беспорядка в её душе тихонько излучал музыку маленький потёртый мобильник. Знакомые мелодии, любимые песни… Как давно она не радовалась, как давно жила в ожидании того, что случилось сегодня. Сколько времени она обманывала себя, отгоняя, отсрочивая давно назревшее расставание. Как давно изжила из своего сердца радость, а поселила тревогу и страх…

Лёша довольно быстро вышел из ванной. По его смуглой коже кое-где стекали капельки воды, блестели тёмные короткие волосы. Под спортивной майкой определялись хорошо накачанные мускулы.

За окном заметно потемнело, длинные лучи солнца падали узкими полосками на свежевыкрашенный пол, освещая на сухом пятачке двух совершенно незнакомых людей: мужчину и женщину.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Молчали. О чём они думали в этот момент? Каждый о своём? Или оба об одном и том же?

…По узкой дорожке вдоль стены Лёша подошёл к окну, возле которого замерла Ксения. Он протянул ей руку, но она отказалась от помощи и стала краешком пробираться к столику.

Она не слышала точно, что за музыка разливалась по комнате, но чувствовала, что самая лучшая, только давным-давно позабытая. И Ксения постепенно, сама того не осознавая, понемногу вспоминала её, – но нет, не памятью, – а доведённой до отчаяния душой, растревоженным сердцем – всем своим существом. Музыка вливалась в неё, попадая в каждую клеточку, обволакивая каждый нерв, превращая каждый миллиметр плоти в бесплотную невесомость.

Лёша налил вина в пластмассовые стаканчики.

– За вас! – просто произнёс он и впервые в упор посмотрел на Ксению. Она подняла глаза навстречу его взгляду… На красивом лице с гладко-матовой кожей мальчика Ксения увидела тёмные, из-за расширенных зрачков почти чёрные, глаза, чуть опущенные веки. На неё смотрели глаза зрелого мужчины, полные необъяснимой печали…

Ксения пригубила вино, тут же вспомнила, что целый день ничего не ела. Но аппетита не было. Она взяла конфету, которая таяла во рту, а на пальцах остались прилипшие кокосовые крошки. Ксения по-детски слизнула их и тут же заметила, что лицо Лёши посветлело, он улыбнулся за всё время первый раз. Ксения тоже улыбнулась, но напряжённо, одними уголками губ.

Внутри оттаивало. С большим трудом, но всё же оттаивало. Потеплело. Ушла боль, которая терзала сильнее тяжёлой болезни. Ушли мысли, от которых помрачался разум. От Лёши исходила детская искренность, доброта, и Ксения вспомнила своих мальчишек, своих двойняшек, которых любила больше всех на свете. «Как же давно я их не видела, – подумала она, – почти целый день…».

5

Лёша поднялся навстречу Ксении:

– Приглашаю на танец! – движения его были легки и непринуждённы, слова – просты и недвусмысленны. «В школьное окно смотрят облака…» – звучали знакомые слова песни, и Ксении вспоминалась пора школьных лет.

…«Миллион, миллион, миллион алых роз из окна, из окна, из окна видишь ты…» – и память рисовала картины первой любви. У Ксении закружилась голова. Что же это? Что происходит? Оказывается, вся её счастливая жизнь осталась где-то в далёком прошлом, а она и не замечала этого столько лет?..

Они танцевали, едва касаясь друг друга, но не было стеснения и неловкости. Их выразительные глаза стали ещё выразительнее, а широкие зрачки расширились ещё больше. Ничто другое их не объединяло, и совсем ничего друг о друге они не знали. И не хотели знать.

«Что же это? – роились мысли в голове молодой женщины. – Сон? Или когда-то всё это уже было со мной? Когда? В далёкой юности? А может, в прежней жизни?». Ксения напрягалась, но не могла вспомнить, да и не очень-то хотела. Единственное, чего она хотела сейчас, – чтобы музыка не кончалась никогда…

Лёша подхватил Ксению на руки и стал медленно кружить по комнате. Места было мало, но у него получалось ловко. «Сильный», – подумала Ксения, слегка держась руками за его шею, боясь, что он может её уронить. Но в тот самый момент, когда она вот-вот, как ей казалось, могла упасть, он подхватывал её, и они кружились дальше. Музыка не кончалась… И Ксения вдруг отметила, что она смеётся, что смеются они вместе. «Странно, я же не сказала ему ни единого слова, что же нам так смешно? – думала она. – Я же с ним даже не разговаривала!» Но её радовала непритворная улыбка молодого человека. Женским чутьём Ксения чувствовала, что Лёша, как и она, давно не был таким раскованным и счастливым.

Лёша кружил её на небольшой площадке высохшего пола, как маленькую девочку, бережно и легко. И при этом кружении Ксения ощущала прикосновение его горячей щеки и не менее горячих рук.

– Хватит. Я устала, – резко остановила его Ксения.

Она присела на табуретку, поправляя разметавшиеся волосы, и заметила, как горит её лицо…

Они выпили по глотку вина. Молча. Без тостов. Лёша жадно ел бутерброд. Съела и Ксения. Иногда они встречались взглядами, улыбались, как друзья, которые увиделись после долгой разлуки. «Может, вот это – счастье? Понимать по глазам, не проронив ни слова? А что же со мной было раньше? Что? – не давала себе покоя женщина. – Неужели я всю жизнь обманывалась, принимая за счастье совсем другое?»

Дождь всё-таки собрался. Первые капли тяжело застучали по стеклу. Вдалеке громыхнуло. Ворвался ветер, и нервно хлопнули рамы – одновременно на кухне и в комнате. Ксения, вздрогнув, быстро поднялась, но Лёша опередил:

– Я закрою.

Громко стучало в голове, громко стучало сердце. Новое, большое и неизведанное надвигалось на неё, но не было страшно, она хотела остановить время, запомнить каждую минуту, секунду…

Он вернулся и остановился напротив неё, а она отчаянно пыталась застегнуть непослушной заколкой непослушные волосы, которые никак не хотели собираться в причёску. Лёша отвёл её руку, отобрал заколку, и наконец-то волосы, рассыпаясь, упали так, как хотели…

6

Они сидели рядом, очень близко друг к другу. Он положил голову на её плечо и, точно невзначай, прикасался щекой к её щеке. Они молчали, слушая дыхание друг друга, и счастливее их не было во всём мире…

– Ты любишь стихи Гумилёва?

– Не знаю, не помню, – растерялась Ксения.

– Хочешь, почитаю?

– Да.

Он долго читал на память любимые стихи о гордой птице, которая погибла, и ещё о чём-то, но она слышала только его голос, видела его профиль: с небольшой горбинкой прямой нос, упрямо сжатые, но чётко очерченные губы с маленькой родинкой над верхней губой.

– Ты похож на маму? – спросила Ксения.

– Да, – ответил он с нежностью и добавил: – Она у меня красивая. Очень. И молодая. Но мы редко видимся…

Больше Ксения ни о чём не спрашивала, не спрашивал ни о чём и он. Сегодня у них не было прошлого.

Лёша задумчиво поднял пластмассовый стаканчик и произнёс:

– Я хочу поднять тост за матерей! – от неожиданности и удивления Ксения сжалась и перестала дышать, а Лёша продолжал: – И рассказать услышанную в детстве легенду о матери.

Ксения оторопела: все чувства сегодняшнего дня – и радость, и боль, и горе, и счастье, – всё перепуталось и перемешалось в её голове. Душа маялась и не находила себе места в маленьком существе женщины.

На миг ей показалось, что он заметил её смятение, её боль, пока ещё не осознанную, но уже настойчиво-беспощадную.

Но это ей только показалось, а он, ничего не замечая, продолжал:

– Юноша любил девушку и обещал жениться на ней. В доказательство своей любви невеста приказала принести ей в дар сердце матери. Сын убил мать и ночной порой спешил к возлюбленной. Впотьмах он споткнулся и упал. А молчавшее до этого сердце испугалось: «Ты не ушибся, сынок?»

У Ксении похолодели руки, по спине побежали мурашки, её знобило.

– Я пью за материнское сердце, – повторил Лёша и выпил до дна. Ксения пригубила. Она уже слышала эту легенду, знала её, но сегодня рассказ звучал особенно правдоподобно.

Ксения притихла и боялась пошевелиться.

Совершенно противоположные мысли разрывали теперь её на части. Она боялась даже взглянуть на рассказчика: что он думает о ней? Кем она видится ему? Почему он рассказал ей эту легенду? А может, он намекнул ей на возраст?..

И в душе становилось всё больнее…

Наконец она осмелилась перевести на Лёшу взгляд: его бесстрастное лицо сияло, глаза блестели. Видно было, что он очень старался и хотел угодить молодой женщине, и снова, сегодня уже в который раз, все сомнения Ксении разом рассеялись под его улыбкой.

«Мы думали о разном!» – молниеносно пронеслось в её голове. А он хотел только одного – понравиться, и теперь, как ребёнок, ждал похвалы. Она облегчённо выдохнула и ласково взъерошила густые волосы…

7

Догорал тёплый вечер конца июня. Было тихо. После дождя как будто всё обновилось и началась новая жизнь. Отмытые от городской пыли тополя распространяли свой неповторимый аромат горечи и счастья. Ксения не могла надышаться этим чудным настоем.

Хозяева выгуливали собак, вездесущие воробьи купались в лужах, громко чирикая и беспрестанно взмахивая взъерошенными крылышками. Изредка по мокрому асфальту проносились машины, поднимая тысячи брызг.

Несмотря ни на что, жизнь продолжалась во всей красоте и многообразии.

Мужчина и женщина шли плечом к плечу.

Лёша крепко держал Ксению за руку и, если она выскальзывала, снова ловил её. Они шли молча. Шли и шли, вслушиваясь в лёгкий шелест июньского вечера, в музыку жизни и радости и, возможно, думая о том, почему такой несправедливо долгой была их разлука…

Дорога вела мимо сквера, через парк. Можно было доехать на автобусе, но Ксении хотелось как можно дольше идти рядом с юношей. Вот показался сквер: это место встреч молодёжи города. Внезапно Ксения опомнилась: а вдруг здесь гуляют её ребята? Они не должны видеть… Мгновенно сработала мысль: выдернуть свою руку из Лёшиной, – но… не смогла. Она всё понимала, но не могла отказаться от нахлынувшего счастья. Ей казалось, что такой счастливой, как сегодня, она не была никогда, и поэтому всё равно, что случится потом…

В парке с деревьев падали капли воды даже при небольшом дуновении ветерка. Стоял обворожительный дух свежести и чистоты. Потревоженные дождём белые зонтики аниса издавали пряно-медовый аромат, и весь парк благоухал от высоких соцветий.

Темнело. Фонари не горели, и людей в парке почти не было. Многочисленные лужи после дождя покрылись жёлтой пыльцой. Кружил голову едва уловимый запах цветущей липы.

Лёша разговорился. Он то забегал вперёд Ксении и рассказывал ей истории своего детства, изо всех сил стараясь рассмешить её, и смеялся сам, если задуманное удавалось, то становился задумчивым и серьёзным и не очень охотно вспоминал о суровых законах армейской жизни, о кавказской войне, на которой успел побывать…

– А знаешь, как пахнет осина? У её коры особый запах. Хочешь, закрою глаза и по запаху отыщу это дерево?

– Нет, нет, – смеялась Ксения. – И так верю!

Незаметно они пришли на другой конец города, где жила мама Ксении.

Слышалось, как за углом дома смеялась молодёжь, кто-то качался на детских качелях, и они жалобно поскрипывали. Недалеко от входа в подъезд горел единственный во дворе фонарь.

Сверху смотрела на них большая луна, и небо светилось от множества ярких звёзд.

Ксении казалось, что за этот день она прожила целую жизнь.

8

…Они стояли друг против друга, не отпуская рук. Он целовал её. Потом освободил руки и перебирал волосы, трогал губы, глаза, точно слепой, стараясь пальцами запомнить каждую малость.

– Какой твой этаж? – спросил он.

– Шестой, – ответила она.

– Я буду ждать, как загорится свет, – он снова взял её руки. – Обязательно! Слышишь?

Она кивнула и скрылась за дверью подъезда.

…Мама уже спала. Обувь ребят стояла на месте, – значит, дома. Из-под двери выглядывала голубоватая полоска. «Опять в компьютере», – пронеслось в голове.

Ксения, не разуваясь, стремительно вошла в свою комнату. Не зажигая света, встала у окна. На тропинке, едва освещённой луной и блёклым фонарём, виднелась фигура молодого человека. Он внимательно следил за окнами. Прошло несколько минут. Он прошёл вперёд, снова остановился и смотрел на окна, потом вернулся и всё ждал, ждал…

И только когда он решительно зашагал прочь, Ксения упала на диван и зарыдала…

Людмила Андреева

г. Азов, Ростовская обл.

Прошу Христа

Прошу Христа о радости земной –
Пускай и мне отыщется
в ней место.
Прошу,
чтоб чёрный ангел стороной
Пронёсся,
не назвал своей невестой.

Прошу любви –
в сердца своих детей
К родному крову,
Богу и Отчизне,
Чтоб им не стать рабами
снов и тел,
Не возвеличить
эго чьей-то жизни.

Прошу за мать свою и за отца:
«Дай Бог им дней
и благодати бренной,
Огня – в очаг,
бальзама – на сердца,
Тепла Земли
и нежности Вселенной!»

За белую росинку на траве
(Пусть не стряхнёт её беда лихая),
За свет любви,
как чудодейный свет,
Чтоб вечно –
ни конца ему, ни края.

И за стихи души:
«Дай жить им, Бог!
Спасать, кромсая зло
до злачной сути,
От пустоты и от гнилых дорог,
От роковых
влекущих перепутий…

…за Голос,
серебрящийся добром,
Летящий через ночь
в рассвет лиловый.
…за то, чтоб, не жалея ни о чём,
Могли ответить:
для чего и кто мы?»

Едва смолкает дня
гнетущий шум,
Прошу Христа простить,
прошу, прошу…

***

Ни раньше, ни позже –
Всё так, как случилось:
Размытые смыслы,
Туман и изжога,
И счастье, что вместе
С бокалом разбилось,
И окна, что плачут
Отсутствием Бога…

И голые души
Над пропастью вечной
Опять оробели –
Молитвенно стонут…
Молчанием студит
Дождливая млечность,
И не благодатью
Влечет её омут…

Ты смотришь на звёзды,
Скрывая тревогу,
Изводишься бытом
И сжатостью комнат…
И всё на местах,
И всего – понемногу…
А мне так хотелось,
Чтоб ты меня помнил.

***

В той странной осенней мути
В тревожащем листокруте
Оставили мы сердца,
Чтоб больше не маяться.

С надеждой слепой на случай.
Написано же, что «лучше
Лишиться частицы тленной»,
Чем таять во тьме Вселенной.

Наверно, боялись лиха
И Божью утратить милость…
Но осень зачем-то дико
В агонии нервной билась,

И тягостный дождь сомнений
Нещадно вторгался в мысли,
И плакали наши тени,
Забытые в парке Жизни.

Твой взгляд

На миг один: зелёных глаз поля,
Спасённые от снега тополя,
В целительной лазури неба бриз,
Ко времени призыв:
«Остановись!»

На миг, на послеснежие одно,
На зимний страх
остаться белым сном,
На сотни
обращённых к счастью лиц,
Взывающих к Любви:
«Продлись, продлись!»

И – на мечту крылатую мою,
И – на надежду быть
с тобой в Раю…
Смотри же в душу мне,
не отвернись!
Я гибну, продлевая этим жизнь.

***

Непостиженье. Больно.
Давят дожди и стены…
Раны врачуешь солью,
Синью морской пены.

Нечто, рифмуясь с болью,
Разума рвёт турбины.
Горечь непрекословья –
Грусти земной глуби́ны.

Пламенный бриз заката.
Голос души нечаян.
Это за счастье плата –
Бал одиноких чаек.

Максиму

Страхи: исчезнуть, забыть,
всё разрушить,
Стать неуделом, слепой,
нелюбимой…
Дождь одиночества,
бьющий по душам.
Капли, смеющиеся, как мимы.

Клочья отмоленного вдохновенья.
В горле – простуженная истома.
Ревность, кипящая –
нощно и денно.
Вечный вопрос раздирающий:
«Кто мы?»…

Тени растущие. Банты и свечи.
Восковый лоск.
Мотыльковые драмы.
Здесь оставляет тоскующий вечер
Рукой тумана свои эпиграммы.

Зябну и кисну, а сумерки плачут.
Рвусь,
защищаюсь лирическим смехом.
Вот так бывает – никак не иначе –
Когда болеешь одним человеком.

Валентина Атанасова

г. Плевен, Болгария

Валентина Атанасова родилась в 1951 году в деревне Николаево Плевенской области Болгарии. Работает библиотекарем в Доме культуры имени Николы Ракитина в Плевене. Стихи впервые были опубликованы в 1979 году в местной, а затем и в центральной печати. Её творческий путь интересен и объёмен. Она автор многих поэтических книг. Печатается в альманахах, антологиях, журналах. Переведена на несколько европейских языков. Часто выступает по национальному радио. Она – одна из инициаторов установления творческих контактов с российскими писателями.

Поэт

Небесного мечтания обитель.
И в ней, как метеор, он заплутал.
Сам по себе – лишь беспристрастный зритель,
Гравюра, сотворённая средь скал.
Добудет бедняку горбушку хлеба
Он со стола, что яствами богат.
А для натуры тонкой звук победы –
Услышать грома пламенный раскат.
Создания из мглы и подлой мысли
Влекут его с бесстыдством в трудный путь.
Ведёт в борьбе неравной поиск смысла
И в песне передаст он жизни суть.
О, этот стон из воплей человечьих –
Не цель. Его удачен страстный стих.
Ошибок не пропустит он беспечно.
Подарит людям свет от строк своих.

В Константинове

Они необозримы, велики –
Рязанские лесные дали…
Живёт деревня у реки
И в небо шепчет о бывалом.
Встречает с радостью своих гостей
Невидимая тень поэта.
И много лет хранит музей
Всё то, что было им воспето.
Не исчезает к матери любовь,
И манят чудеса природы,
Куда Сергей вернулся вновь,
И всё, что дорого здесь сроду.
И этот деревенский мир простой,
Слова и горестные вздохи
Летят, летят над полем и Окой
И в небе незаметно глохнут.

Исповедь

Любовь бурлит на кончике пера,
Для чувств смятенных пристань – символ веры.
Свой мир поэт возводит для добра,
Без войн и зла, по тонким нитям нервов.
В чернильнице моей ночная мгла,
Порыв души лишён игривой позы,
Просила я Небесного Посла
Шальной прилив смирить в строке серьёзной.
Я в истине святой клялась не раз,
Сквозь суету, с улыбкою надежды,
Душа то улетала, то лилась,
То вихрем пела в соснах безмятежных.
Зарёй рассветной я стремилась к Вам,
В просторе неба ангелом хранима.
Напевы снов струились по холмам.
Восход рождал твой лик неповторимый.

Перевод Татьяны Деглиной

Владимиру Высоцкому

Ты птица, опалённая в полёте,
Или комета в тёмных небесах?
Что ж о тебе молчит сегодня кто-то?
Что страх? Молва недобрая прошла, –
О мёртвых, мол, не говорят плохого.
А мы поём сегодня похвалу
И по достоинству мы оценить готовы
Твои стихи, которые люблю.
Твой голос – хриплый, дерзкий, ясный –
Пороки жизни нашей не скрывал.
И в длинных песнях очень часто
О сокровенном грустно напевал.
Ты пел, как будто бы прощаясь,
И людям мелким подлость не простил.
И голос твой не зря звучит годами,
И отдано не зря любви таланта, сил.

Перевод Людмилы Чебышевой

Море маков

Моей незабываемой подруге – Ольге Новиковой

Маков без счёта, огромное море,
Волнами дышит сердце равнины.
Маков алеет дивное море
И оживает по воле ветра.
Сколько желаний в себя собирает,
Сколько надежды от века скопилось,
Их невесомые стебли качает,
Яркие краски звоном рассыплет.
Шутка ли, только я в руки возьму,
Звоном дрожат, доверяясь лишь ветру,
В нежных ладонях его, словно эхо,
Песня звучит, ни на миг не смолкая.
На невесомых волшебных качелях
Не уловить ни конца и ни края,
Где зарождаются с трепетом волны,
Чтобы исчезнуть за горизонтом.
Как убаюканный, глаз не спускаю
С жаркого танца огненных волн –
Среди равнины, укутанной солнцем,
Властвует только теперь тишина.
Здесь свою жизнь они коротают
В свете, раскинутом до горизонта,
Среди равнины, солнцем залитой,
Гимном восторженным о красоте.

Перевод Сергея Глебова

Елена Балашова

Германия

Любовь – наивное дитя

Любовь – наивное дитя,
Что зла и подлости не знает –
И всё на веру принимает,
И всё прощает нам любя.
Смеётся радостно и звонко.
И плачет горько, безутешно –
Душа его ещё безгрешна –
И принимает мир, как сказку,
Даря ему любовь и ласку.

Спасибо памяти моей

Спасибо памяти моей!
Она хранит, что сердцу мило:
И тихий лепет
серебристых тополей,
И что со мною в детстве было.

Родные лица, шалости мои,
Друзей, что жили по соседству,
Туманы голубые у воды,
И крики петухов
на всю окрестность.

Там всё иное, всё было не так.
Мне жизнь теперешняя опостыла.
Вернуться бы туда,
где лебедей косяк
Проносится над краем
дорогим и милым.

Уходят дошколята в первый класс

Уходят дошколята в первый класс –
Закончились беспечные денёчки,
И грусть невольно охватила нас –
Уходят в жизнь сынки, уходят дочки.

Заправлены в пенал карандаши,
Тетрадки аккуратные в портфелях,
В большую жизнь
вступают малыши –
Им школа открывает
к знаньям двери.

Научатся они читать, писать,
Решать замысловатые задачи
И садик свой всё реже навещать.
Желаем нашим малышам удачи.

Подруга уезжает

Природа плакала навзрыд,
Когда подруга уезжала:
Весна имела жалкий вид,
И солнце в небе не сияло.

Оно закрылось от людей,
И непонятно: день ли, вечер?
Серо в душе и нет идей,
И где-то спит бродяга-ветер.

Ничто не радует теперь:
Унылы мысли и порывы,
Душа устала от потерь –
И впереди нет перспективы.

Мне жаль себя – подругу я теряю.
Никто не знает:
встретимся ли вновь?
Моя подруга дом свой обретает,
А это много значит для неё.

В чужой стране
мы не смогли прижиться.
Как птицы в клетке, –
жалкое житьё.
Она домой, на Родину стремится –
И я, конечно, рада за неё.

Откинув ночи покрывало

Откинув ночи покрывало,
Разбросив рыжие лучи,
На небе солнце воссияло,
Туманом землю облачив.

Земля, потягиваясь сонно,
Дремоту с глаз своих смахнула,
Росой умылась и зевнула,
И потянулась к солнцу томно,
Всем телом:
страстно и нескромно.

Некрасивых женщин не бывает!

Некрасивых женщин не бывает.
Все они – как яркие цветы.
Кто-то их лелеет, поливает,
Наполняет светом доброты.

И они от счастья расцветают
Ещё лучше с каждым новым днём.
Некрасивых женщин не бывает!
Помните, пожалуйста, о том!

Если же глаза её потухли,
Синяки на коже расцветают, –
То не потому, что жмут ей туфли, –
Счастья этой женщине не дали.

Обошли её теплом, заботой,
Никогда цветка не подарили,
Пользовались все её работой,
А о ней, бедняжке, – позабыли.

Женщина, бывает, как лошадка –
Тянет воз, который не по силам,
Утирая пот с лица украдкой,
Потому что рядом
нет МУЖЧИНЫ.

Некрасивых женщин не бывает –
Красотой её сияет дом.
Тот, кто этой истины не знает,
Сожалеет горестно потом.

Играют мальчики в войну

Играют мальчики в войну,
Стреляют понарошку:
То камень в курицу метнут,
То в пёсика, то в кошку.

Играют мальчики в войну,
Стреляют с пистолетиков.
Из-за куста кого пугнут,
Ну что с них, с малолетиков?

Заплачет кошка жалобно,
И захромает курица,
От боли пёсик заскулит
Тоскливо на всю улицу.

А бабушка испуганно
Со страху перекрестится:
– Когда же он намается?
Когда же перебесится?

Играют мальчики в войну –
В руках их автоматы.
Они защитники страны –
Забрали их в солдаты.

Играют мальчики в войну:
Ракеты запускают…
– А защищают ли страну?
– Да кто теперь то знает…

А Мир вокруг всё рушится,
А мальчики стреляют…
Когда ж они подружатся?
Когда же мир настанет?

Вернётся счастье!

Во сне похмельном
вряд ли всё забудешь.
Такое никому не удалось.
Под чарку выть
в своей берлоге будешь –
Так на Руси издревле повелось.

Чем понапрасну
тратить свои силы
На сон хмельной да на вытьё,
Найди другую, что ещё красивей,
И станет радостней житьё.

Постройте дом, детишек народите,
А возле дома посадите сад,
Село родное снова возродите –
Вернётся счастье
в край родной назад!

Держись, Деревня-матушка

Держись, Деревня-матушка,
Не падай в грязь лицом!
Поднимется, касатушка,
Россия пред Творцом.

Поднимется, помолится –
И сбросит гнёт оков.
Ей истина откроется
Под звон колоколов.

Вновь нивы заколышутся,
И замычат стада,
И песня будет слышаться,
Когда придёт страда.

Людская боль забудется –
Придёт желанный час:
О чём мечтали – сбудется,
Когда не станет нас.

Качается маятник

Есть время для радости,
Есть – для печали.
Одно из них – после,
Другое – в начале.

Качается маятник
Счастья и грусти:
То болью придавит,
То сразу отпустит.

И мы подчиняемся
Этому ритму,
И плачем, и каемся,
Встав на молитву.

Мы просим здоровья
И счастья у Бога,
И только нам станет
Полегче немного,

Как маятник времени
Снова качнулся,
И мир за мгновение –
Перевернулся.

Добро и зло

Добро и зло, как свет и тень,
Всегда по жизни вместе.
И что для вас сейчас добро –
Кому-то зло – поверьте.

А то, что было злом для вас,
Добром окажется тотчас,
Но только – в другом месте.

Добро ты сделай и забудь –
Назад его уж не вернуть.
Да и не надо возвращать,
А делай снова и опять.

А дашь на дашь творить добро, –
То получить возможно зло.
Не сожалей о том, что дал,
А сожалей о том, что взял.

Колокольный звон

Грозный звон – набат –
Громовой раскат.
Над землёй гудит,
Всем вставать велит.

Колокольный звон,
Как народный стон:
Над землёй плывёт,
За собой зовёт.

Поднимает рать,
Чтоб на битву звать.
За честной народ
Битва та идёт.

Звоном лечатся –
Нечисть мечется.
Звон в последний час
Провожает нас.

А на праздник звон –
Поясной поклон:
Душу радует –
Люди празднуют.

Благовест плывёт –
Отдыхай, народ.
Звон малиновый играют –
В небе ангелы летают.

Стреляет горе очень точно

Стреляет горе очень точно.
И часто убивает наповал.
Хотя и сжалось всё
до малой точки,
Но словно кто-то
на курок нажал –
Вмиг струны радости порвались,
Лишь жилка бьётся на виске,
Куда-то ангелы умчались –
И жизнь висит на волоске.
Ещё немного, ещё чуть-чуть –
И… ничего уж не вернуть.

Когда прозрение настанет

Нас червь познания толкает
Вперёд и вдаль от родных мест,
Но день прозрения настанет,
И мы оглянемся окрест.

Кругом чужие маски-лица,
Чужие небо и трава.
И места нет, где прислониться
Душе измученной. Едва

Прозрение наступит,
А червь познания уснёт –
Тоска по Родине за горло
Железной хваткою возьмёт.

И так захочется вернуться
В места, где пели ковыли.
Где песни, словно реки, льются,
Где наши тропки заросли.

Родной могиле поклониться,
Попить воды из родника,
Упасть в траву и затаиться,
Смотрясь в родные облака.

И плакать, плакать бесконечно…
О том, чего уж не вернуть;
О том, что время быстротечно,
И как легко нас обмануть.

Мама! Мама! Мамочка…

Мама! Мама! Мамочка –
Нежный свет очей,
На щёчках две ямочки –
Нет тебя милей.

В платьице из ситца
Ты дороже всех.
Добротой искрится
Твой весёлый смех.

Бедным было детство –
Сиротой росла.
Только повзрослела –
На войну пошла.

Хрупкая девчонка –
Тонкий стебелёк.
Сквозь войну с винтовкой
Путь домой пролёг.

Санитарный поезд,
Раненые, кровь…
В госпитальный запах
Ворвалась любовь.

Раненый солдатик,
Голова в бинтах –
Вспоминать не станем мы,
Как ты всё смогла.

Хрупкая девчонка
С русою косой,
Молодость твоя была
Очень непростой.

Но война закончилась –
Всё имеет срок.
Поезда с солдатами
Едут на восток.

Вот и ты вернулась –
В шинели до пят.
На груди медали
Золотом горят.

С мужем, что из госпиталя,
Прожила свой век.
Он был, слава Господу,
Не злой человек.

Дети твои выросли –
Было в жизни всё,
Только за печалями
Быльём поросло.

Годы пролетели –
Ты ушла от нас,
Но с портрета светит нам
Свет любимых глаз.

Как жаль! Как жаль…

Как жаль! Как жаль!..
В моей душе живёт печаль.
Так часто хочется спросить:
– Ну как мне, мама, дальше жить?

Так часто хочется сказать,
Но где мне сил на это взять?
Пишу в надежде на ответ –
Ответа нет. Ответа нет.

Под толстой каменной плитой
Твоя душа нашла покой.
И только изредка, во сне,
Приходишь, мама, ты ко мне.

Мне хочется с тобой поговорить,
Но порвалась меж нами нить.
Ты стала лёгкой тенью
В кошмарных сновиденьях.

Но всё равно я встрече рада –
Хоть твоего не вижу взгляда.
С рассветом сон мой улетает.
О, как тебя мне не хватает!

Два дерева – одна судьба

Наблюдала я картину:
Как, сливаясь воедино,
Будто он в неё влюблён,
Обнимал Берёзку Клён.

Он своим шатром зелёным
Укрывает стан белёный,
А она, прильнув игриво,
Шелестит кудрявой гривой.

Осень, лето иль зима –
Им судьба одна дана:
Рядышком всегда стоять
И друг друга обнимать.

Мы идём по параллелям

Мы идём по параллелям,
А сойтись бы надо в круг.
Перепутали мы цели, –
И Любовь споткнулась вдруг.

Нам бы тут остановиться,
Оглядеться не спеша,
Но суровы стали лица, –
И Любовь в слезах ушла.

Не нашла я тебя лучше,
И ты тоже не нашёл.
Лишь тоска змеёй ползучей,
Где была раньше Любовь.

Поблекли чувства, словно краски

Поблекли чувства, словно краски
На старом выцветшем холсте.
Ничто не радует, и даже ласки –
Теперь не те, совсем не те.

Быть может, всё идёт как надо,
И зря мы сетуем на жизнь.
Любовь даётся как награда,
И ею надо дорожить.

Живи и радуйся мгновенью
Тому, что было и прошло.
Любовь как фетиш, искушенье…
Нам к ней стремиться суждено.

Почему?

Почему, скажи на милость,
Всё так резко изменилось?
Почему? Скажи мне! Почему?

Почему так происходит?
Мы ответа не находим.
Почему? Скажи мне! Почему?

Я грущу, не сплю ночами,
Что случилось между нами?
Почему? Скажи мне! Почему?

Охладели наши чувства, –
На душе тоскливо, пусто.
Почему? Скажи мне! Почему?

Почему так происходит,
Что любовь от нас уходит?
Почему? Скажи мне! Почему?

Почему? Скажи мне!.. Почему?..

Ну вот и всё!

Ну вот и всё –
мы больше не женаты.
Ну вот и всё!
Предъявлен жизни счёт!
И нет пути, ведущего обратно,
И не известно,
что ещё нас ждёт.

Всё буднично, всё просто,
безвозвратно.
Все слёзы пролиты,
и высохли глаза.
Горит пунцовым небо
предзакатно,
И изменить в прошедшем
ничего нельзя.

В житейских передрягах всё забыто:
Касанье рук, тепло лучистых глаз…
А будущее – пеленой сокрыто,
Но точно знаю: там не будет
ВМЕСТЕ НАС.

Когда на сердце рана

Когда на сердце рана
Болит так непрестанно,
Проходит времени кусок –
И боль уходит в уголок.

Сидит тихонько там и плачет,
Глаза в слезах от горя прячет.
Так, затаившись на года,
Она сидит там иногда.

Но если снова боль придёт –
Она здесь прежнюю найдёт.
Они сольются в общий ком –
И плохо будет всем потом.

Отболело

Отболело, милый, отболело –
Боль мою снегами замело.
Всё, что раньше радовалось, пело, –
В прошлое с годами унесло.

Ты сейчас живёшь, наверно, где-то;
Может быть, ты кем-то и любим,
Но свои закаты и рассветы
Уж давно встречаю я с другим.

Не грущу, над фото не рыдаю,
Позабыла руки и черты,
Я тебя так редко вспоминаю –
Для меня навеки «умер» ты.

Мы встречаемся не с теми

Мы встречаемся не с теми
И потом живём, как тени.
Не живём, а существуем,
День и ночь себя линчуем.

Дурной сон

Проходят годы…
Где же я была?
Жила, как все,
ходила в магазины,
Тебя любила и ждала.
Мелькают в памяти картины:

Твои измены, жалкое вранье,
Мои страданья, слёзы и рутина…
Я так устала от всего!
Сотру, как пыль,
как с полки паутину!

То было привиденье или сон?
Ночной кошмар
мучительный и тяжкий?
Душа издала тихий стон,
И я перекрестилася украдкой.

Кошмар ушёл в небытие,
Фантом распался на частицы –
Пусть каждому достанется своё,
И сон дурной
пусть больше мне не снится.

Добрый Дождик

Дождь пошёл, рассыпал жемчуг –
Не собрать его никак.
Шелестят дождинки, шепчут;
Тает жемчуг на руках.

Я ладони подставляю –
И кружусь, как во хмелю.
Дождь вокруг меня сверкает,
Я ловлю его. Ловлю!

Капли прыгают упруго –
По рукам и по спине…
Попадает даже в ухо –
Сыплет Дождик жемчуг мне.

Добрый Дождик, лейся, лейся!
Жемчугами осыпай!
Спелым колосом налейся –
Пусть богатым будет Край.

В природе всё имеет срок

Приходит Осени восторг –
И Лето сразу – за порог.
Отдав свои бразды правленья,
Оно ушло без сожаленья.

В природе всё имеет срок:
Уйдёт и Осень за порог.
Поблекнут краски карнавала –
Она уйдёт, как не бывала.

А ей на смену с дивной сказкой
Зима приедет на салазках.
Потом опять придёт Весна –
И повторится всё сполна.

Наденет лес убор зелёный,
Земля красавицей влюблённой,
Умыв лицо своё дождями,
Опять покроется цветами.

А за Весной вернётся Лето.
Так повторяется всё это –
Из года в год наперечёт,
Пока Земля наша живёт.

Как жалко, что уходит лето

Как жалко, что уходит лето,
Даря остатки теплоты.
Всё меньше солнечного света,
Пожухли травы и цветы.

Алеют ягоды рябины,
Калина очень хороша,
Поблекли летние картины –
Приходит Осень не спеша.

Уже не слышно птичьих трелей –
Их стаи тянутся на юг.
И песнь бродячих менестрелей
Дожди осенние поют.

Подожди, золотая пора

Задождило опять с утра –
Снова Осень стоит у порога.
Подожди, золотая пора,
Дай погреться ещё немного.

Мы с тобою ещё погрустим
И закружимся в листопаде,
А пока ты меня отпусти,
Не мани золотою прядью.

Мне б погреться ещё чуть-чуть,
Насладиться теплом и светом, –
Впереди ждёт нелёгкий путь –
Дай проститься мне
с добрым летом.

А за осенью – холода,
За осенней красою – вьюга.
Будет слышаться иногда
В шуме ветра мне голос друга.

Осень – это праздник расставанья

Осень – это праздник расставанья.
Ведь за ней пожалует Зима,
Белые, холодные страданья,
Всё в снегу: деревья и дома.

Осень – это праздник расставанья.
До весны деревья будут спать.
Яркие, цветные одеянья,
Будет в сундуках мороз держать.

Просвистят холодные метели,
Пробегут коротенькие дни,
И под звон волнующей капели
Оживут деревья и цветы.

Побегут ручьи, вернутся птахи,
Солнце будет ласково светить,
И, надев зелёные рубахи,
Вся природа снова будет жить.

Бродила Осень городом

Бродила Осень городом –
И рисовала красками:
То обдавала холодом,
То согревала ласками.

Бросалась в лица листьями
Багряными и жёлтыми,
Одаривала кистями
Рябиновыми, горькими.

Бродила Осень городом
С этюдником и красками
И, где покрыла золотом,
Всё становилось сказкою.

Проходит Осень

По городам и вёсям –
Проходит Осень:
Стара и жалка,
С клюкою-палкой.

В наряде ветхом,
Слеза под веком,
Седая Осень –
Погреться просит.

Озябли руки,
Поникли плечи:
Час скорой разлуки –
Уже недалече.

Остатки платья –
Срывает ветер,
А за ненастьем –
Зима навстречу.

Это – между нами

Все врут отныне зеркала!
Неужто я так сильно постарела?
В душе любви ещё так много и тепла,
Но зеркалу до этого нет дела.

Оно мне льстиво не соврёт.
Оно покажет все огрехи.
Холодным пальцем больно ткнёт –
И я надену все «доспехи».

Чтобы подправить антураж
Достану тушь и краски, –
Ведь мой наивный макияж
Подстать железной маске.

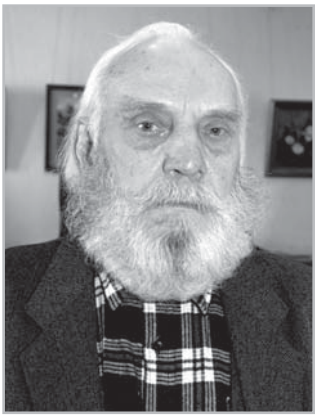
Надену платье помодней
И надушусь духами…
Мне жизнь покажется светлей,
Но это – между нами!

Карапуз и Арбуз

Кушал, кушал карапуз
Спелый, сладенький арбуз;
А когда всю мякоть съел,
Сам в него с ногами сел:
Смотрите, тёти, дяденьки,
Какой я полосатенький!

Старый пень

Стонет старый, дряхлый Пень
На опушке целый день:
– О-хо-хо, прошли века –
Болят кости, потроха;
Зябну, как от лютой стужи,
Никому теперь не нужен.
Даже дружные ребята –
Не растут на мне опята.
Ох, пора мне на покой –
Рассыпаюсь я трухой.



Алексей Богомазов

д. Сабурово, Воскресенский р-н, Московская обл.

Сенокос

(Отрывок из поэмы «Саняра»)

На крутом приокском склоне
Древнее село
Приютилось и не стонет,
Хоть и тяжело.

Поле, лес да чудо-речка –
Всё ласкает взор.
Щи да каша в русских печках –
Значит, крепок двор.

Церковь, вышагнув из леса,
Встала на гранит.
Как нарядная невеста,
До сих пор стоит,

Устремив свой взгляд влюблённый
В высь небес с тоской.
Перед нею луг зелёный
Нежится с рекой.

На лугу сегодня праздник –
Вышел весь народ.
С неба солнце жаром дразнит –
Сенокос идёт.

Вот ребята дружной стайкой
Граблями гребут,
А мужчины в белых майках
Сено в стог кладут.

Нагибаясь над валами,
Ходят старики,
И мелькают меж копнами
Женские платки.

Днями устали не зная,
Даже в жаркий час,
Лихо жнейкой управляет
Котыч-ловелас.

Девки всё по нём вздыхают,
Ждут как своего,
А при встречах так и тают,
Глядя на него.

Вот и здесь они хохочут
На большом лугу.
Как кузнечики, стрекочут
Жнейки на кругу.

Уступая им в работе,
С утренней зари,
Будто лебеди в полёте,
Косят косари.

Впереди старик в рубахе
С русой бородой.
С твёрдой силою во взмахе,
Даром, что седой.

Полинял кудрявый волос…
Дед в работе лют,
На селе его за голос
Дьяконом зовут.

За спиной косою машет
Внук его Иван –
В ряд ложась, травинки пляшут –
Ростом великан.

Так, шагая друг за другом,
Трудятся они.
А за ними по-над лугом
Носятся слепни.

Пот по телу протекает,
Льёт с небес жара.
Косят луг – всегда бывает
Страдная пора.

***

Я в деревне теперь проживаю,
Свежим воздухом вольно дышу,
По вишнёвым аллеям гуляю
И стихи на природе пишу.
Словно искрами всё пролетело.
Вот и стал уже старым, седым,
Но во сне вижу белое тело
И себя всё ещё молодым.
Поздний вечер вздыхает в округе,
Запоздало грустит соловей
И клянётся недальней подруге
В неизменной любови своей.

Разлука

Затуманились жизни мгновенья,
А минуты похожи на тьму.
Даже женскую ласку, терпенье
До сих пор я никак не пойму.

Расцветала сирень голубая,
И ромашки горели в саду.
Я сказал тебе: «Всё, дорогая.
Уже больше сюда не приду».

Был мой путь, как ручей, скоротечен,
И журчали земные дела.
Почему же теперь я отмечен
Бесконечной печалью орла?

Безраздельно упрёк принимая,
Я пока в этом мире живой,
Но постелью мне будет трава луговая,
А Луна – ненаглядной женой.

Аким Болвинов

г. Азов, Ростовская обл.

Гранатовый сок

Давай уедем
Или просто сбежим!
От душного смога
И дымных машин.

От унылых домов
И мрачных идей.
От света рекламы
И глупых людей.

Забудем дела.
Будем петь, танцевать!
Диким пляжем морским
Нам будет кровать.

Очертания тел
Запомнит песок,
А я губы твои –
«Гранатовый сок»…

Собака и тень
(Привет Крылову И.А.)

Собака лаяла на тень.
Рычала, прыгала весь день.
И видно, было ей не лень,
Ведь с нею лаяла и тень.

Собака хочет убежать,
Но тень за нею – догонять.
Она стоит – и та стоять.
Она легла – и та лежать.

И так продлилось целый день,
Пока не стала длинной тень.
Собака, мордой набекрень,
Глядит на тень через плетень.

Приходит ночь. Уходит тень.
Собака, юркнув под сирень,
С упорством крепче, чем кремень,
Ждёт тень…
А завтра будет новый день…

Мораль:
Не сетуйте на груз проблем.
Они, как тень, идут за тем,
Кто, как собака, лает всем,
Что в жизни их полно дилемм!

По «Фаренгейту»

Ну вот. Сегодня минус два.
Не по погоде, а по людям.
Одна, как память, умерла.
Другую вспоминать не будем…

На завтра у меня прогноз
На плюс четыре или восемь.
И амплитуд кривая ось
Перенесёт обратно в осень.

Не нужно помнить всех имён.
Погода врёт, но знаю стойко –
Тем, кто любовью заклеймён,
Тому не важно, минус сколько…

***

Не променять бы
На медь звенящую
Тебя счастливую
И рядом спящую.

Нас, не обвенчанных,
Зимой простуженных,
Найдут в беспамятстве
От чувств контуженных.

У троп заснеженных,
Дорог исхоженных,
Судьбой написанных,
В едино сложенных.

Впрок не загадывал,
Не помня прошлое,
Не пуританское,
Да и не пошлое…

***

Уж лучше тебя и не знать бы!
И сотни таких же, как ты.
Вы все в половом беспорядке
Легли на меня, как бинты,

Стараясь лечить безуспешно
Души кровоточащих ран.
Мотивы все ваши безгрешны, –
На практике сущий обман.

Сдираю – присохших слоями –
Всех вас – безымянных подруг –
И тех, кто продолжат за вами
Слагать этот замкнутый круг.

Проклятье – дурная беспечность.
Проклятье – горячая кровь.
Проклятье
длиной в бесконечность.
Проклятье
с названьем «любовь»…

Раскатал
(читать на манер Маяковского)

Хочу себе бабу похлеще!
Чтоб шила сама себе вещи,
Чтоб слюной захлебнулись мрази,
От зависти корчась в экстазе!

Хочу себе красный феррари,
Чтоб сдохли от зависти твари.
Айфон золотой тыщ за двести
И шубу из норковой шерсти.

Хочу себе дом на Багамах,
Чтоб виски лилось из фонтанов…
Иду за зарплатой, ругаясь,
О губы свои спотыкаясь…

Я приеду!

Мне приятно читать твои буквы
И влюбляться в тебя между строк.
Приготовь мне варенье из клюквы,
Как никто б приготовить не смог.

Так бываешь наивно упрямой,
Жить не можешь без острых углов.
Между нами огромною ямой
Расстоянье больших городов.

А живём мы с тобой в сообщеньях,
Электронно, но всё же живём!
И в зеркальных витрин отраженьях
Вместе мы. Не один, а вдвоём.

Может, хватит играть в эти «куклы»?
Я приеду, зайду на порог…
А там ты и варенье из клюквы,
Как никто б приготовить не смог…

Обращение к ЛЮБВИ

Ну, здравствуй. Где же ты была?
Ждала удачного момента?
Я думал, вовсе умерла
От прошлого эксперимента.

Ан нет! Живее всех живых!
И снова лезешь в мою душу!
Решаешь сразу за двоих?
Решай! Я слова не нарушу.

А если ты на этот раз
Захочешь в сердце поселиться,
Пообещай не прятать глаз
И уходить не торопиться.

Непостоянная, постой!
Я ж без тебя как обречённый!
Останься, подари покой!
Останься, свет неизречённый…

Нина Бушуева

д. Асошники, Луховицкий р-н, Московская обл.

Ах, как ярко горят цветы!

Ах, как ярко горят цветы,
Знаменуя май 45-го!
Как прекрасны мирные дни
Для солдата Советской Армии!

В эти дни он заметен скромностью,
Лишь отвагой живут глаза.
Та война серебрила молодость,
Закаляя в сталь сердца.

Пусть солдатам и их геройствам,
Независимо от чинов,
Наша память, честность потомков
Благодарностью будет цветов.

Май, 1987 год.

Посвящение другу

Ему было лишь 30…

Нам мысль одна покоя не даёт:
Ведь надо ж – опоздали.
Пришли мы все, когда полёт
Судьбою наречён
в заоблачные дали…

Ну почему мы, люди, в суете
Своих забот никчёмных
Порою помним только о себе
Да благах здесь наземных…

Мы всё боимся помешать,
Быть лишними, быть некстати…
Так дружбу можно забывать
И вдруг прийти в закате.

Всё кончено. Теперь мы все пришли.
У всех вдруг отыскалось время.
Встань, милый друг, людей прости,
Болезни скинув бремя.

Мы все потупили глаза.
Нам стыдно, виноваты.
К чему теперь тебе слова…
Их не возьмёшь в награду.

Как коротка твоя судьба –
Не всё ты в жизни смог…
И в этом наша есть вина,
Себя ты не берёг.

Минуты скорбные сейчас;
Как больно сердцу, милый.
Тебя ведь нет теперь средь нас,
От этого ещё унылей.

Прости нас всех. Спокойно спи.
Но знай, что память вечна.
И смерть твоя урок для всех,
Чтоб жили не беспечно.

1987 год

Жизни краски

Жизнь человека красками полна:
То в ней присутствует
весны голубизна,
То осени дождливая слеза,
То праздника весёлая пора.

Всё человек в сравненье познаёт.
В нём время жизни
движется вперёд:
Оно залечит раны боль,
Выздоровленья смех несёт потом.

Известны издавна слова,
Что жизнь людская коротка:
Успел родиться,
вовремя жениться,
Детей взрастить
и к мудрости склониться.

Как узок мир такого изложенья…
Ведь жизни суть –
её же продолженье!
И чудо есть на удивленье
Дитя детей – твоё же отраженье.

Уроки мудрости детям преподнеси,
Не в поучениях – в беседе подскажи,
Чтобы достоинство младых
не ущемлять,
А жизни умно обучать.
Всё это жизнь.
В ней эволюция видна…

1987 год

Художнику

В сказках ладно всё бывает:
Добры молодцы живут,
Все загадки разгадают
И царевну увезут.

Сказку жизнь людей подскажет,
Веру в доброе вселит;
А художник всё раскрасит,
Нас знакомым удивит.

Мы все с явным восхищеньем
Вопрошаем – как он смог?
Видя будней повторенье,
Чудо в этом приберёг.

Видно, есть большая сила…
Где и в чём? А может, в ней –
В бороде такой красивой?..
С ней мужчина нас мудрей.

Красота особая видна

Материнство очень благородно!
Красота особая видна.
Мамой быть всегда природно
На земле в любые времена.

Пусть немножечко тревожно,
И забота мужа так важна,
Чтоб ступала ножка осторожно,
Улыбалась и была мила.

Ах, как пригожа…

Ах, как пригожа, как мила!
Как женственна её походка!
Всегда нетороплива, но быстра
Хозяйка-украинка, с виду кротка.

Всё в сочетанье у неё:
Наружный облик,
внутреннее содержанье.
Полна забот, и всё равно
Она для всех – очарованье!

Метнёт порой игриво взгляд,
Кокетливо встряхнув головкой,
Ну, обернёшься вновь назад,
Чтоб встретиться
с манящею плутовкой.

Ну, хороша!
Природа красотой не обделила.
Ещё в ней пылкая душа
Цимбалы звуком полонила.

1987 год

Ступеньки

Летят года так быстротечно,
Как будто часа миг.
И не заметишь, как беспечно
Вершины жизни ты достиг.

Одна ступенька – то взросленье,
Прощанье с детством –
что ж, пока!
В глазах не то уж удивленье,
И изменяется мечта.

В заботах быта, в суете труда
Красиво песня будет спета.
Любовь, настигшая в пути тебя,
Ступенькой станет нового куплета.

Их будет много,
маленьких ступенек,
Пока пусть к неизвестной высоте,
Но очень важно без предубеждений
Идти по жизненной тропе.

Елена Вилкова

г. Луховицы, Московская обл.

Елена Николаевна Вилкова родилась и живёт в г. Луховицы Московской области. Окончила Первое Московское областное музыкальное училище по классу скрипки, затем Московский педагогический институт имени Н.К. Крупской. Работала в музыкальной школе, потом преподавала русский язык и литературу в авиационном техникуме, где трудится и в настоящее время. Стихи начала писать в старших классах школы, но серьёзно – намного позже. Поэзия для Елены Вилковой не хобби, а значительно больше.

***

Взгляну в темноту за окном,
Наполню бокал я вином.
За старый неласковый год,
За бездну ненужных хлопот,
За горечь обид и утрат,
За скуки удушливый чад,
За то, что была я одна,
За боль до бездонного дна.
За то, что сквозь эти грехи
Меня выпрямляли стихи.

По картине В.Сурикова «Боярыня Морозова»

Гудит-шумит московский люд:
Боярыню Морозову везут.
Скрипят полозья горестных саней,
Чуть слышен звяк смиряющих цепей,
Да не смиренье – в знаменье креста.
За веру ввысь взметнулись два перста.
Горит бессмертной силой гордый взор.
Такие шли за Правду на костёр.

Пытка комаром

Наконец-то ночь. Прохлада.
Кончен день нещадных мук.
Сплю почти… Ах, сон-отрада!..
Вдруг – звенящий тихий звук.
Ближе, ближе. Миг – и звонко:
З-З-З-З…
И пронзительно. И тонко.
И досадно. До слезы.
Над лицом рука застыла:
Сел комар на самый нос.
Хлоп его! Не тут-то было:
Взвился с носа кровосос.
То – над ухом, то – от уха,
То – к лицу, то – вверх и прочь.
Ни тебе пера, ни пуха,
А зуденье на всю ночь.
Засветлеет неба кромка –
И комар к Морфею в сень.
Тут будильник – резко, звонко:
«Здравствуй, светлый летний день!»

Двойник

Кружи́тся-кру́жится холодный дождь…
Ты лёгкой дрожью в комнату войдёшь,
Докучный призрак, сторож мой – двойник.
И прямо в душу взглянет строгий лик.
Мои грехи печалиться-считать
Да налагать бессонницы печать…
И кажется: вот-вот сведёт с ума
Свидетель неотступный – я сама.

Обыкновенная история

Жизнь-то идёт под горочку –
Катится вниз и вниз.
Памяти хрупкую створочку
Приоткрываю… Из
Бытия в отбывшее:
В тонкой дымке встаёт
Девочка. Отскочившего
Мячика лёгкий полёт,
Книжки, пятёрки. За речкою
Въявь Берендеев лес,
Месяц таинственной свечкою
В мире, полном чудес.
Смех без причин. Ожидание
Счастья. Друзья. Новый год.
Первое в жизни свидание,
Вера: любовь не умрёт.
Память кружи́тся-кру́жится.
(Жизнь-то под горочку, вниз…)
Первую грязную лужицу
Приоткрываю. Из
Бытия отбывшего.
Первый удар под дых,
Первую боль застывшего
Сердца. И смех, как жмых.
Выжатый. Смех, как вывих.
Память быстрей и быстрей…
Лица предавших любимых,
Лица предавших друзей…
Стоптана, продана. За́мети
Нынче абсурдом – вниз.
Хрупкую створочку памяти
Не открывай! Держись.
Жизнь-то – крива траектория.
Катится – миг един…
Обыкновенна история
Не серебра – седин.

Надежда Вотинцева

г. Москва

Родилась в Москве. Высшее экономическое образование. Литературные курсы при МГО СПР. Поэт. Член Союза писателей России, Московская городская писательская организация, член Чеховского общества, Союза писателей и переводчиков, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной Гильдии писателей и Международного Союза Творческих сил «Озарение». Награждена медалью А.П.Чехова за «Поэтическое творчество», Золотым дипломом имени Анны Андреевны Ахматовой, дипломом имени М.И.Цветаевой, дипломом имени Ф.И.Тютчева. Дважды лауреат Международного поэтического конкурса «Звезда Полей», дипломант Всероссийского поэтического конкурса «Фотостих-2», лауреат Международного поэтического конкурса Петровской академии наук и искусств «Россия, перед именем твоим…». Публикация в газете «Московский литератор». Постоянный автор питерских журналов «МОСТ», «Край городов», журналов «Союз писателей» и «Страна Озарение» в городе Новокузнецке. Неоднократно публиковалась в проектах «Библиотеки русского Stil-я», в сборнике поэзии «Вдохновение» в Дрездене, журнале «Пражский Парнас» в Чехии. Лауреат проекта «Москва поэтическая».

Многочисленные публикации в российских поэтических сборниках. Издала 2 авторских сборника: «В мир сказочного детства, чудес и волшебства», «Сопрано души». Один авторский сборник издан в Германии при поддержке Международной Гильдии писателей. Переведена на болгарский язык.

***

Я не боюсь казаться быть смешной
И в кураже чуть с Музой заиграться,
Проникнуться открытою душой,
Не вижу смысла вечно притворяться.

И пусть вокруг решительно твердят,
Что простота сейчас несовременна,
А скромность по-иному – не формат,
То и другое, думаю, – бесценно!

Водопаду

Поток летучих вод, сродни белёсой птице,
Бросаясь со скалы так горделиво вниз,
Расправивши крыла, прозрачной вереницей
В глубокое ущелье вздымает веер брызг.

Ревущею волной ничком падёт на землю
И гневно закипит, дробясь о камни лет,
В парящий унисон красе природной внемля,
Вся бликами играя, вновь явится на свет!

Из стаи облаков, как Феникс, возродится
И кинется в обрыв с бескрайней высоты,
Раскидывая перьями, божественная жрица,
Блистая хрусталём богемской красоты!

Шатровый храм

Венчая живописную вершину,
Возвысившись на острове святом,
Никольский скит, подобно исполину,
Застыл на небосводе голубом.

Шатровый храм стоит так одиноко!
Сверкает златым куполом во тьме,
У входа в бухту Ладоги далёкой
Блаженствует в туманной тишине.

Смиренный уголок земного рая,
Где вековые сосны до небес,
И плещут волны, скалы омывают,
У пристани стоит поклонный крест.

Пропитан воздух вечною свободой,
Царит вокруг таинственный покой,
Пейзажи упоительной природы
Расписаны божественной рукой!

***

Где ты, счастье моё, затерялось,
Заблудилось в каком ли краю?..
Увидать бы тебя хоть на малость,
Вмиг почувствовать душу твою.

Над землёю взлететь, будто птица,
Обо всём ненадолго забыть,
Счастьем, словно водою, умыться
И крылами по небу парить.

Чтоб душа так от радости пела
И любовь будоражила кровь,
Да в истоме покрылось всё тело,
Страсть волной захлестнула бы вновь!

***

Свободы сладостна слеза…
Срываю колдовские сети,
Ласкает волосы так ветер,
От счастья светятся глаза.

Судьба раскинет карты в масть,
Истлела горесть в долгих муках,
К мечте протягиваю руки,
Вновь зажигаю чью-то страсть.

Оттает хрупкая душа,
Дарован путь мне поднебесьем,
Мотив ловлю созвучной песни,
На взлёте чувств едва дыша!

Прошу тебя, не уходи…

Ты разожги скорее свечи,
Чаруй улыбкой колдовской,
Под звон бокалов в этот вечер
Развей нечаянный покой.

Вновь увлеки в страстей пучину
Волною пламенных речей,
Под звук мелодии старинной
Романсом душу обогрей.

Пусть плачет звонкая гитара
Созвучно трепетам в груди,
И ночи, кажется, так мало,
Прошу тебя, не уходи!

***

Пруд покрылся осенней листвою,
Пёстрой шалью на тинную гладь,
Тучи виснут над спящей водою,
Очертанье – рукою достать.

Вахту ветер несёт по сезону
И в порывах угрюмой души
По неписанным рыщет законам,
Не приемлет смиренной тиши.

Гнёт нещадно беспечные ветви,
С плеч срывает багряный наряд,
И жар-птицей всё кружит по свету
В унисон золотой листопад.

Монолог поэта о политике

Политика – негодница-подруга –
Смиренный не приветствует покой,
Хранимая холёною «кольчугой»,
Диктует власть безжалостной рукой.

Театр страстей корыстью порождает,
Сценарий жизни подчищает вновь,
Надменно и безжалостно пускает
Со льдом в глазах бессмысленную кровь,

Во власти необузданных желаний,
Ошибку за ошибкою верша.
Но в том ли смысл былого мирозданья?
Молчит в ответ лишь грешная душа…

***

Ну не идут сегодня рифмы,
Какая скука, маета…
Я, как фрегат, сижу на рифах,
Аврал, сплошная суета!

Миг озарения блуждает…
Взмолюсь в надежде в небеса,
Быть может, муза там какая
Раскроет дивные глаза

И кинет пару строф в подарок,
Польются строчки на листок,
Путь сотворения так сладок,
Рождённый стих – души цветок!

***

Объявления, объявления…
Вся обклеена доска,
Неподвластно объяснению,
Тянется опять рука.

Отрываю лист заветный,
Вновь надеждой окрылясь,
Набираю… безответно,
Невезуха! Вот напасть!

***

Прости, отец, что редко навещала!
Наверно, слышишь ты меня теперь?
Жаль, времени отмерено так мало,
Никто не застрахован от потерь.

Гуляешь в поднебесии ты где-то,
Вдыхаешь райских яблок аромат,
Там нету тьмы, извечно царство света,
Откуда не воротишься назад.

Приходишь лишь в ночи, как будто ангел,
Хранишь от бед и горестей лихих,
Как оберег судьбы, святой архангел,
Спасаешь душу от грехов чужих.

Незрим твой лик, тень только ощутима,
Сказать едва хочу тебе слова, –
Сон исчезает и проходит мимо,
В ночном тумане млеет голова.

Тепло внутри, так сердце сильно бьётся,
Слеза стекает горько по щеке,
Лишь поутру, когда засветит солнце,
Мираж исчезнет в призрачной тоске…

***

Сопрано поющей души
В созвучье с возвышенной Лирой,
Сорвавшись со струнок тиши,
В полёте октавы игривой

Крылами мажорной волны
Взмывает в безбрежные дали,
Где царство извечной весны,
Любви, о которой мечтали,

И песнь нескончаемых строк
В палитре немыслимых красок,
Стихами усыпав листок,
Срывает таинственность масок.

***

Поэт, как губка, впитывает мир,
Сквозь тонкую всё пропускает душу,
Пред Богом свято исполняет службу
В созвучие непревзойдённых лир.

Мотив звучит со струн его пера,
То слишком грустный, то в безумном марше,
И с каждым «па» звук пафосней и краше,
Искусна, незатейлива игра.

Эпитеты мелодии под стать,
Так виртуозен стиль неповторимый,
И на волнах привольного экстрима,
Поймав порыв, вновь хочется писать.

Тебе, Родина

Отчизна, милая, родная!
Слова любви тебе дарю,
Другой я Родины не знаю,
За то – судьбу благодарю!

Люблю красу твоей природы:
Бескрайне дивные поля,
Вершины гор до небосвода
И полноводные моря,

Твои обширные просторы,
Которым просто нет конца,
Луга зелёные и долы,
Что волей созданы Творца.

Бурлящих рек твоих разливы,
Зеркальный блеск родных озёр,
Цветные радуг переливы
И сход лавин со снежных гор;

Садов душистое цветенье,
Сирени нежный аромат,
Багряной осени творенье,
Как в танце кружит листопад.

Раскаты неба грозовые,
Глухое уханье совы,
Ромашки скромно полевые
И запах скошенной травы,

Звучанье соловьиных трелей,
Сиянье утренней зари,
Весны певучие капели,
Как эхо Матушки-земли!

И вновь вдохновенье настало…

Любимое кресло, блокнот, одеяло,
Играет за стенкой чуть слышно рояль,
И вновь вдохновенья минута настала,
И рифмы влекут в бесконечную даль.

В мир царства поэзии, лиры прекрасной,
Душа раскрывает там чувства свои
И ловит мгновенья безумного счастья,
Как птица в порыве безбрежном, парит.

С небес сходят робко напевные строки,
Слова благозвучно сливаются в такт,
Стих дивный рождается, словно на вдохе,
И страстно теплом обжигает уста.

Хрустальный дождь

Всё словно хрусталём
Мороз вокруг укутал,
Берёзы, тополя, старинные дубы,
Гирляндой ледяной
Навек как будто спутал,
Деревья превратив в понурые горбы.

И вот уснувший лес
Стоит посеребрённый,
Прозрачные надел на ветви кандалы,
И слышатся порой
Пронзительные стоны,
Под тяжестью скрипят нежнейшие стволы.

И птица не стряхнёт
С ветвей пушинки снега,
Лишь хладом обожжёт прикосновенье к ним,
Да в дымке голубой
Едва заметно небо,
И кажется, тот миг совсем не повторим!

Под небом ветреной Севильи

В горячем танце вновь кружа,
В привычно непокорном стиле,
Парит цыганская душа
Под небом ветреной Севильи.

Поёт гитарная струна,
Звучит аккордами надрывно,
Испанка гордости полна,
Движенья грациозно дивны.

В рывке стремительном рукой
Закинув шлейф за изголовье,
Кидает жгучий взор, лихой,
Пронзая пламенной любовью.

Надменно, в ритме колдовском,
Ловя кураж на страстной ноте,
Внезапно грянет, словно гром,
В каскаде чувств паря на взлёте.

Гитара знойная навзрыд
Берёт высокие октавы,
Испанка вольная кружит,
И неба, кажется, ей мало!

***

Политика губит поэта,
Насилует мерзкой игрой,
Талант не приемлет запрета,
Ему ненавистен покой.

Тесны непомерные сети
Во славу петь гимн похвалы,
Стихам лишь сродни вольный ветер,
Корысть же во лжи – кандалы!

Душой разрываясь на части,
Взывает к свободе поэт,
К возвышенной искренней страсти,
Придав рифме свой пируэт.

С небес шепчет робкая муза,
Творцу расстилает простор,
Политика, словно обуза,
С Олимпа вершит приговор.

Лика Градо

г. Гатчина, Ленинградская обл.

Ты – мой Космос

Ты – милый космос мой,
А я?
Вселенная,
Порой нелепая,
Как летом снег…
Шепчу своей судьбе:
Шагами верными
Стремлюсь навстречу я.
Счастливый смех
Не прячу в облако.
Вдруг стали дороги –
Надежды,
В шорохах любовных па…
Под пледом морока
В карминных всполохах,
Где мягче олова
Твои слова…

Муррр))))котное

Звёздный Муркот навещает ночами
Наши дома. И пыльцу сновидений
Сквозь решето
просыпает случайно:
Где-то цветной…
Ну а где – чёрно-белой…

Внутрь заглянув
(в потаённые смыслы),
Лапкой с царапками
вцепится в тучи –
Смело разгонит,
да чтоб стало чистым
Небо… Послушай сквозь сон:
он – мяучит:

Тихо, на ушко…
мурлычет о светлом…
Связка ключей
от замков тёмных комнат
Эхом звучит –
Там, где кот тёплым пледом
Нас укрывает и дарит свободу…

Законное

Придумай для меня законы…
А я? – им слепо подчинюсь…
Почувствуй в запахе знакомом…
Услышь внутри сентябрьский блюз
Моих эмоций безграничных…
В которых тает: я люблю…
Тебя… Не делая различий…
Предвосхищая чувств салют –
В стране шафрановых окрасов…
Где васильковы небеса…
Где отражаюсь я… и страстно…
Глотками пью… твоё – близка…
Что без меня… ни вдох, ни выдох…
А без тебя – мне жизни нет…
А редкость встреч –
Предельный выход…
В нас оставляет счастья след…

Déjà vu

А губы твои пахнут нежностью
Такой,
Что другим и не снилась,
Правда…
В прохладу ладоней –
Блик дежа-вю –
Ныряю без страха…
Наивно…
Ладно…
Улыбку ловлю
И сплетаюсь в такт…
Безумна…
Люблю…
Наслажденье множу.
И сделав к тебе во вчерашнем
Шаг,
Надеюсь,
Что завтра
Не станет сложным…
Фисташкой на вкус…
Освежает душ
Под струи воды,
И в твои ладони
Я снова вернусь.
Я к тебе приду,
Когда позовёшь
И продолжим:
Сон… и…

Осеннее предчувствие

А осень,
ворвавшись янтарными красками,
Умоет дождями
с напевными гласными,
Накроет тоской,
закурлыкает клинами,
Напишет этюды…
И неторопливыми
Шагами войдёт в наш сентябрь
непростуженный,
Где солнце ещё улыбается
в лужах… и
Ветер-зануда флиртует
с берёзками,
Целуясь с листвой
притягательно-броскою…

Небесное

Наполнен небесами пейзаж
С фигурками из облачного пуха,
Где впечатлений
зрительный вольтаж
Живёт
отдельно от реальных звуков…
Там вертикально смотрит горизонт,
От неба отделяя полосою
Лазурь вершин
и жизненный песок,
Что под ногами топчем мы
с тобою…
Вчера пыталось небо заглянуть
К нам в души…
Облака сложив в пасьянсы…
Быть может, направляя:
Вот он – путь!
Танцуйте,
не забыв про реверансы!..

Отрезок жизненный

Я цепляю ресницами небо
и пробую счастье на вкус,
Не боюсь обжигаться…
Упав ниже плинтуса,
в силах подняться…
Пусть считают нелепостью… Но?!..
Вновь сажаю
свой розовый куст…
Не держа радость чувства
по склянкам…
Пусть даже на радость нет шанса…
Я глотками пью запах цветов,
отражаясь в капельной росе,
Лёгкой тенью наполнив мечты…
Те, которым, наверно, не сбыться,
Принимая, что встречные были
когда-то в судьбе, да… не те,
И мелькали, сменялись, как в
старом кино,
черновой вереницей…

Осенняя зарисовка

В ясной осени.
В той,
Что сейчас –
Соловьём заливается дождь…
А закат?
В горизонте увяз…
А сентябрь?
На других не похож…
Расплескался листвы померанц,
Рыжиною горят купола,
Отражается небо о глянц
Озерца…
Шелестят тополя…

Жанна Германович

п. Ключи, Усть-Камчатский р-н, Камчатский край

Я опальный поэт в деревне

Я валяюсь в сугробе жизни,
Припорошенная судьбой.
Посвящаю стихи Отчизне
Кровью, сердцем, больной душой!

Я царапаю мысли-строки
На заборах и в кабаке –
Мне редактор газетной колонки
Съездил «ласково» по губе!

Я опальный поэт в деревне,
Не примкнувший ни к чьим рядам!
Жгучим веником откровений
Отхлестаю вас по задам!

Я застрелюсь сегодня пробкою от шампанского

Я застрелюсь сегодня пробкою
от шампанского,
Перережу вены
«стеклянною розою».
Мне хочется взрыва эмоций
гигантского
И проснуться с опухшею рожею.

Я ныряю сегодня в кадку
До краёв наполненную самогоном.
Мне до дури противно и гадко,
Мой мозг разрывается стоном.

Я хочу утонуть в безразличье,
Утопиться в вине соблазна.
Мне надоело это безличье,
Простодурье безмозглого клана.

Я шатаюсь сегодня в поле,
Изрыгая проклятья разящие.
Мне несносны тщедушные роли,
Кур в курятниках веселящие.

Я сегодня усну у порога,
Растеряв всё своё приличие!
Мне ни мало сегодня, ни много –
Я плюю на ваше Величие!

Мне не будет ни стыдно,
ни больно –
Я выскажу всё вам в лицо!
Я сегодня собою довольна,
Да и вот уж – родное крыльцо…

Вся жизнь в каком-то бардаке

К небу руки тянут тополя,
Распласталась тень угрюмая
берёзы.
Тусклый свет кривого фонаря
И мои несбывшиеся грёзы.

Лужи вспенило
суровыми дождями,
В облаках запуталась луна.
И слова по строчкам босяками
Шустро разбежались кто куда.

Тихий вздох
полузамытого асфальта –
Пробивают путь
кристаллы родника.
Вспомнилась забитая собака Альфа,
Цепь с ошейником и конура.

Слышен бой стаканов у соседей,
На скамейке спит бездомный кот.
Кто-то, не боясь когтей медведей,
Медленно по улице идёт.

По кустам попрятались дворняги,
Слышен ветра вой на чердаке,
Храп уснувшего под лестницей
бродяги –
И вся жизнь в каком-то бардаке.

Молнией сверкнула безысходность,
Присосались жадно комары.
А замаскированная подлость,
Озираясь, путает следы.

Стонет жалобно поверженная ива,
Монотонно капает вода.
На столбе ворона загрустила,
Стелется дорога в никуда…

Лампа, подмигнув, перегорела,
На листе графита полоса.
Мысль, расправив крылья, улетела,
Поселилась в сердце пустота.

Я слово «тварь» всем сердцем не приемлю!

Мне с каждым годом всё дороже
Собачий лай, мяуканье кота.
Они меня ни капли не тревожат
И в душу не плюют исподтишка.

И сон бессонный мой не нарушают
Их вздохи мартовской любви,
Тоскливый вой – предвестье бури –
Мне колыбель в ночной тиши.

Я слово «тварь»
всем сердцем не приемлю! –
Веду с приятелем особый разговор:
Мне верный пёс
всегда бежит навстречу,
Расстреливая грустью искренне,
в упор.

Бездомный кот,
подброшенный недавно,
Мне греет руки, лапки – я ему.
И, на плечо запрыгнув
без стесненья,
Мурлычет песню про свою судьбу.

Я по-кошачьи, трепетно и нежно,
И по-собачьи, преданно любя,
Живу на свете недочеловеком,
На зло и скверну лая и шипя!

Эпоха королевы металлолома

Я с детских лет
познала слово «грязь»,
В помоях плавала не понаслышке.
Встречала тех, чьё имя – Мразь.
Меня учила жизнь,
а не потрёпанные книжки.

Я с юных лет познала слово «Бомж»,
В землянке их не раз бывала.
Не раз залётная толпа юнцов
Их ПМЖ нахально разрушала.

Я видела как «глушат спирт»
И как с похмелья глупо умирают,
Как ходят, ноги еле волоча,
И под себя «ходить»
привычно начинают.

Как бьются зубы об стакан,
Как пьют, блю..т –
и снова «заливают»,
Как полчаса ты за столом «братан»,
А перебрав, пинками забивают.

И как спиваются с тоски
И одиночества пенсионеры –
Я помню жест трясущейся руки
И взгляд,
так жаждущий тепла и веры.

Я знаю, что такое спать
На незнакомой лестничной
площадке под дверями,
И как в затылок целятся стрелять,
И как свистят проклятия
над головами.

Я помню многих, – многих уже нет, –
И лица их чернее чернозёма,
И я рисую строками портрет
Эпохи той, что не забыть до гроба…
Эпохи той, когда была я
«королевою металлолома»…

Приют израненной души

На окнах ставни, дверь закрыта,
Но прохудился ветхий дом.
И веет атмосферой быта,
Где я и мама, мы – вдвоём.

Где жар печи и треск поленьев,
На кухне столик у огня.
А в поддувале воет ветер,
Небрежно угли теребя.

Где лунный свет играет с тенью
Наивной радужной мечты.
И я, не знавшая сомнений,
Крушила подлость пустоты…

Калитка бережно прикрыта,
Хранит тропа наши следы.
Дверь на чердак
чуть приоткрыта,
Щебечут крохи-воробьи.

И огород зарос травою,
Тальник скучает у крыльца,
С еловых веток запах хвои,
Берёз шумящая листва.

Побит дождём крест на могиле,
Что у подлеска, на бугре.
Мы пса лет пять как схоронили,
И спит наш друг в сырой земле.

Сутулый дом хранит мгновенья
Моей затейливой весны,
Зачатки первых вдохновений… –
Приют израненной души.

Я на завалинке поникшей
Читаю строки прошлых лет.
И сокровенность завитушек –
Мне оберег от зол и бед.

С порой беспечною простившись,
С тоскою в сердце ухожу.
И жизнь потоком быстротечным
Уносит молодость мою…

Года текут рекой шипящей

Я в детство вновь хочу вернуться,
Теплом души обнять весь мир.
И в беззаботность окунуться,
А не в замызганный трактир.

Я вновь хочу по тропке счастья,
Вдыхая вешнюю росу,
Босыми ножками промчаться
И влажную примять траву…

Года текут рекой шипящей –
Кто в омуте, кто на плаву.
А я барахтаюсь в бурлящей
Пучине и причал ищу.

Горят огнём людские судьбы –
Вселенской топи маяки:
Кто благодетель, кто паскудник,
А я – певец своей мечты!

Я на Земле ищу свой Рай
И к Небу строками взываю –
На пожелтевшие листки
Слова чернилами стекают.

Я буквы сердцем вывожу,
За каждой кляксою – грехи.
Смеясь у бездны на краю,
Мой разум рвёт мои стихи!

И душу вам на растерзанье,
Мои вчерашние враги,
Я обнажала, как признанье
В своей таинственной любви…

Я в детство вновь хочу вернуться,
В нём дни надеждою полны…
Боюсь уснуть и не проснуться
От набегающей волны.

От пузырей разящей боли,
Тоски, сжигающей во снах, –
Страшусь, не вынеся сей доли,
Предстать пред Богом в кандалах.

Исповедально-багровые пузыри

Строка за строкою –
Алая гладь,
Я сегодня роняю
Чернил задушевную рябь.

Пусть плещет
Волна за волною,
Ваши души в крови утоплю:
Я сегодня пускаю
Исповедально-багровые пузыри.

Я сегодня с душой нараспашку –
Расстреливайте в упор!
Я сегодня
с сорокоградусной фляжкой –
Выводите на разговор…

Ты помнишь, Вова?

Ты помнишь, Вова, брата Лёшку,
Что за цветмет не раз сидел? –
В аду помойном захмелевший,
Заснул и заживо сгорел…

А Генку помнишь? Да, хромого!
Был сбит, отмучился бедняк…
«Крутой», обкуренной толпою
Был сброшен труп его в овраг.

Серёжку помнишь, что плевался
И кровью харкал через раз?
За жизнь отчаянно цеплялся! –
Помёр, от тубика угас…

А Мишку помнишь? Да не пил он!
Лишь нервы с дымом выпускал.
За правду глотку рвал
с надрывом! –
Сердечный приступ – наповал!..

А Светку помнишь, что любила
Про жизнь под водку говорить?
С кудрями – с «химией» ходила,
Но не могла уже не пить…

А бабку Тоньку, что осипла?
Блокадница и старожил!
К ней шваль залётная всё липла,
И чистый спирт её сгубил.

Мы по весне их схоронили,
Для Тоньки – гроб,
а Светку-то в мешке…
Лежит девчоночка в могиле,
Не видно бабушки в окне…

С.А.

Вы душу рвёте, как рубашку,
И сердце дробью в решето!
На визг и тявканье «дворняжек»
Вам наплевать пора давно.

А я – тоскующий романтик! –
Вам шлю сердечное тепло!..
Да,
в мире слишком много фальши,
Но стойко лишь одно добро!

Противоречие души

Я – сущий бред, эфир, видение!
Бунтарь, безумец! Я – волна!
Я – мощь, я – сила!
Преступление…
Я – шёпот, всхлип… Я – тишина…

Я – глубина, поток, стремление –
Цунами смертоносный пыл!
Я – вихрь, я – брызги,
я – волнение!
Я – ток! Я – сотни тысяч игл!

Я – явь, я – тьма! Я – провидение,
Портал невидимых миров.
Хохочущее сумасшествие…
Я – полк багровых облаков!

Я – сталь клинка,
я – сгусток мыслей –
Я – жало жгущего стиха!
Я – эхо убиенных жизней!
Я – ядовитая стрела…

Я – рёв, я – грех, я – вдохновение,
Я – жар безнравственной любви!
В садах заблудшее сомнение,
Душа, утопшая в крови…

Я – русский бунт!
Я – извращение…
Я – пыль истоптанной степи!
Я – отголосок извержения!
Я – млечный путь чужой мечты…

Я – штиль! Я – зной!
Я – искушение…
Я – внеземная колыбель!
Я – да и нет! – противоречие!
В ночи поющая свирель!

Сергей Глебов

г. Воскресенск, Московская обл.

Сергей Глебов родился в 1972 году в городе Воскресенске. Первые публикации стихов состоялись в 1990 году.

После окончания литературного института им. Горького связал свою жизнь с журналистикой: работал корреспондентом на Воскресенском кабельном телевидении, в телерадиокомпании «Регион», газете «Куйбышевец».

Печатался в периодике Воскресенского района, газете «Пионерская правда», в альманахах «Воскресенск – моя родина светлая…», «Белоберёзовый мир», антологии «Золотая строка Подмосковья», сборнике «Литературный Воскресенск-2007», антологии писателей Болгарии и России «Созвучие». Автор книги «Царь Агей». Член Союза журналистов, член Союза писателей России, член литературного объединения «Радуга» им. Ивана Лажечникова. Награждён медалью имени Елены Слободянюк.

Неслучайное улицы имя…

На тихую улочку на окраине Воскресенска всё стекались и стекались люди. Из динамиков доносилось: «Поле, русское поле…», «Скоро осень, за окнами август…». Под аккомпанемент старых, но не забытых песен в подмосковном городе состоялось знаменательное событие: открытие мемориальной доски Инне Гофф. На улице, ещё до недавнего времени носившей название 1-й Лесной переулок, собрались те, кому небезразлично имя человека искреннего таланта и души. Впервые в жизни города, хорошо известного своими индустриальными победами, состоялось уникальное и историческое событие – увековечено имя земляка, деятеля искусства. Её имя не случайно присвоено этой тихой улочке: на протяжении более чем 30 лет жизнь семейства Гофф-Ваншенкины была тесно связана с этой улицей, с Воскресенском.

Радость этого события разделили родные Инны Анатольевны: муж и дочь – Константин и Галина Ваншенкины, друзья.

Галине Константиновне было всего полтора года, когда она вместе с родителями поселилась в Воскресенске. Сейчас Галина Ваншенкина – известный художник, и пускай время немало изменило в облике улицы, она до сих пор сохранила её первозданные черты: «Там, где стоит гараж, когда-то была лавочка, на которой мы частенько вечерами сидели с девчонками. Теперь улица заасфальтирована, а 40 лет назад здесь была открытая земля. Дом наш выглядел несколько иначе, но это удивительное чувство – снова вернуться сюда. Та же улица, те же лица моих родных девчонок, которых я и сегодня могу назвать их девичьими фамилиями. Здесь я сделала свои первые шаги как художник, а моими натурщицами, конечно же, были подруги. Очень трогательно видеть родные лица, ведь кто-то пришёл сюда с соседней улицы, а кто-то приехал из другого города, чтобы снова увидеться, чтобы снова вернуться в детство».

Слова благодарности родных соседствовали со слезами радости, ведь сама Инна Гофф не могла и представить такое, что её память будет увековечена в городе, который она всем сердцем любила. Воскресенск, его жители, его реалии нашли отражение в повестях и рассказах Инны Анатольевны: в «Биении сердца» – это город Апрельск, в «Точке кипения» – Ратмирово. А ещё портреты Воскресенска и воскресенцев без труда можно отыскать в произведениях «Знакомые деревья», «Поющие за столом», «Девочки», «Рисунок карандашом».

Константин Ваншенкин с дочерью Галиной…

Праздник семьи Ваншенкиных разделил и одногруппник Инны Гофф по литературному институту, ныне известный литературовед, критик, академик Андрей Турков: «Я познакомился с Инной в 1945 году, когда из армии вернулся на 1 курс литинститута. Ей исполнилось всего-навсего 17 лет, она была очень весёлой и страшно увлечена учёбой, новыми друзьями. Вспоминая то время, не могу не упомянуть её замечательную подругу Риту Агашину, волгоградскую поэтессу. Они вдвоём были украшением института – девочки-пичужки. В 1946 году в институт пришёл Костя, потом они поженились.

Мы продолжали дружить: я редакти-

ровал одну из первых книг Константина Ваншенкина «Портрет друга», много писал о нём. И до сих пор мы сохранили возникшие при первой встрече добрые отношения». Андрей Михайлович посетовал на жизненные совпадения двух дружеских семей: уход из жизни Инны Гофф, а затем и смерь его жены, всё чаще они с Константином Яковлевичем встречаются, когда приходит черёд провожать уходящих друзей… «Лишь иногда нас вместе собирают праздничные, как сегодня, поводы. Дай бог, чтобы их было больше», – с нескрываемой грустью произнёс мой собеседник. Андрей Михайлович, хорошо знакомый с Воскресенском литературным, был рад наконец-то состоявшемуся очному знакомству: «Я очень много ездил по маленьким русским городам, и вот моя коллекция пополнилась ещё одним милым и симпатичным городом, – и добавил с улыбкой: – дай Бог, не последним».

Константин Ваншенкин на открытии мемориальной доски…

Инна Гофф была руководителем первого литературного кружка в Воскресенске. Именно от него и ведёт свою историю нынешнее литературное объединение. Семена упали в благодатную почву: Воскресенское ЛИТО «Радуга» сегодня одно из ведущих объединений Подмосковья – среди воскресенских поэтов и прозаиков лауреаты творческих конкурсов. Инициатива местных литераторов по увековечению имени замечательной землячки, талантливой писательницы нашла полную поддержку жителей 1-го Лесного переулка (многие из которых с добротой вспоминают её), администрации и Совета депутатов района: 18 мая 2007 года 1-й Лесной переулок переименован в улицу Инны Гофф.

Под несмолкаемые аплодисменты собравшихся и проникновенные слова «Русского поля» Константин Ваншенкин снял покрывало с мемориальной доски тёмно-зелёного мрамора с выбитыми на ней словами: «В этом доме с 1960 по 1990 гг. жила и работала писательница Инна Анатольевна Гофф. Здесь ею были написаны песни «Русское поле», «Август».

Игорю Северянину

В ненастный день взойдёт, как солнце,
Моя вселенская душа!
И. Северянин

Ты был отрезан от России
И жил в Эстонии чужой,
Стихи твои почти забыли,
Поэт с открытою душой.

Стране священной и безбожной
Не нужен был «мещанский» стих;
Поверить в это невозможно,
Но голос твой надолго стих.

И рвался ты к стране крылатой,
Но в поисках своей тропы
Прошли года, её солдаты
И знать не знали, кто есть ты.

Нет, ты не умер, ты погиб,
Непонятый, в ненастный день;
Как конкистадор – был убит:
Вас чёрная покрыла тень.

О, скольких путь здесь оборвался:
Цветаева, Есенин, Блок…
В могилу дождь из роз ссыпался,
Что брошены страной чужою в гроб!

И непонятно: жаль, что ты
Остался без России,
Иль жаль того, что Русь
Осталась без тебя…

Сергею Есенину

Он последний поэт деревни,
Первый в городе хулиган.
Даже после прощальной обедни
Вслед неслось ему: «Шарлатан!»

Удалые россказни-бредни
С тихой грустью лились по полям.
Удивительный взгляд намедни
Оживал, подчиняясь стихам.

О рязанском родном раздолье
Много песен пропето им,
Но повсюду это приволье,
Узнавая, считают своим.

Не родить ему новое слово:
«Не грусти и не печаль бровей».
Умирать поэту не ново,
Жить в стихах ему не новей.

Чёрной речке

И речкам иногда даются
Пророческие имена…

Галина Го́лова

д. Цибино, Воскресенский р-н, Московская область.

Галина Михайловна Голова родилась в 1957 году в Москве. Окончила МГЗПИ по специальности «Педагогика и методика начального обучения», работает учителем, имеет звание «Отличник народного образования». Член Воскресенского литературного объединения «Радуга» им. И.И.Лажечникова, Член Союза писателей России, награждена медалью имени Елены Слободянюк. Автор книги «Люби меня такой».

Публиковалась в областных газетах «Наше слово», «Округа», в антологии писателей Болгарии и России «Созвучие». В качестве автора-исполнителя выступала в телевизионной программе «В нашу гавань заходили корабли».

СЛАДКИЕ КУКУРУЗНЫЕ ПАЛОЧКИ

(Рассказ)

Был июль. Солнце торжествовало. Надев шёлковый сарафан, под которым скрывалась только одна деталь женского туалета, завязав волосы в тугой высокий хвост, Вероника посмотрела в зеркало. «Отлично!» – заключила женщина и отправилась на рынок за фруктами.

Она шла, беззвучно напевая детскую песенку под аккомпанемент своих каблучков. Неуловимый ветерок приятно прятался в оборках её сарафана. Вероника невольно замечала восторженные взгляды мужчин и, хотя не была кокеткой, внутренне поддразнивала их, потому что ей просто нравилась эта игра. Серьёзная и целеустремлённая, она ещё не научилась просчитывать каждый шаг, как зрелая женщина.

Пройдя Климентовский переулок, Вероника вышла на Пятницкую. Вот она, милая сердцу полоска Замоскворечья с вереницей магазинов, закусочных и конторок. Среди дня пыхтит и пыжится, но как только подземный великан проглотит служащих и покупателей, чтобы выдавить их в разных микрорайонах Москвы, начинает умиротворённо остывать. Чем ближе к Балчугу, тем плотнее ряды двухэтажных домов, хитровато манящих в прошлое города. То тут, то там домишко с аркой или сырым и жутковатым проходным двором. Вечерами здесь каждый звук отдаётся эхом, будто улица – не улица, а длинная бетонная труба. Идёшь и прислушиваешься к собственным шагам, к мыслям, и никто не толкает тебя в плечо, не тарахтят проезжающие машины, никому ты не мешаешь.

Сейчас же, среди дня, Пятницкая пестрела многоликостью, ведя свою шумную игру. Вероника, неся в душе запах улицы, наслаждалась её суетой, которая совсем не мешает молодости, а скорее наоборот. Это её город, её улица.

Женщина дошла до дома с аркой, вглубь которого уходила длинная очередь: конец месяца, «выбросили» для плана сладкие кукурузные палочки. Как было жалко терять время на ожидание! Но хотелось порадовать сынишку лакомством, и Вероника покорилась быстрорастущей очереди.

«Пожалуй, я успею сбегать на рынок», – подумала она, заручившись поддержкой стоящей за ней гражданки.

Летний рынок хлебосольно встретил натюрмортом фруктов, овощей, разносолов. Купив всё необходимое и бережно сложив в сетку, Вероника вернулась к дому с аркой. Оглядев очередь, она поняла, что место своё потеряла: гражданки, стоявшей за ней, след простыл. Незадачливая покупательница решила было идти домой, но её окликнули:

– Вероника!

Она повернулась на зов и увидела в очереди давнюю приятельницу Людмилу, с которой когда-то, будучи студенткой, работала на заводе лаборантом.

– Милка! Привет! Как хорошо, что тебя встретила, – обрадовалась Вероника. – Представляешь, пока бегала на рынок, очередь потеряла, теперь если занять снова, то уж точно ничего не достанется.

– Вставай передо мной. Как живёшь? – спросила подруга и, не дожидаясь ответа, начала рассказ о себе.

– Ну надо же, какая нахалка! Пристроилась! – услышали приятельницы за спиной, но реагировать на реплику не хотелось: мало ли на свете ворчунов!

Женщина лет пятидесяти, которая стояла за Людмилой, возмущалась и нервно подёргивала плечом. Она недовольно «дудела», повторяя одни и те же слова, ожидая поддержки. Но очередь молчала. Веронике стало неуютно от своего вторжения, она порывалась уйти, чувствуя на себе гнев, но подруга взяла её за руку и приказала:

– Стой! Не обращай внимания!

Людмила бросила насмешливый взгляд на очередницу, давая понять, что ни к чему тратить силы по пустякам, и этот взгляд распалил «солистку» не на шутку.

– Ишь ты! Красотка! Влезла без очереди, и хоть бы что! Вы посмотрите на неё! – призывала она окружающих, сверля Веронику злющими глазами.

– Что вы так болезненно реагируете? Без покупки не уйдёте, – вмешался молодой человек с портфелем.

– А вы помалкивайте! Добряк нашёлся! Жалко её, так уходите отсюда, пусть она встанет на ваше место, – не унималась покупательница.

Молодой человек уходить не хотел, поэтому сразу притих. Вероника попыталась вежливо объяснить очередникам, что тоже стояла в очереди, но отходила ненадолго, с кем не бывает! Людмила же не стала искать обходных путей и, дав волю красноречию, приобретённому в период проживания в коммуналке, вступила в бой. Очередь загудела, разделившись на два лагеря: кто-то понимал Веронику, кто-то желал немедленного её выдворения. Утомлённые жарой и ожиданием, очередники уже кляли друг друга, торговлю, власть, клеймя всё за тяготы жизни. Вот он – миг ликования для тех, кому в очереди скучно. Словно бы помчался поезд. Для женщины, выступившей первой, загорелся зелёный свет, и к ней, точно к локомотиву, пристроились её сторонники. Вероника не видела в своём поступке ничего предосудительного: сколько раз, стоя в оче-

редях, она пропускала вперёд незнакомых людей! Ей и в голову не приходило злиться из-за такого пустяка и разрушать свою душу. Она чувствовала, что не для всех стала помехой, и это придавало ей силы. Ей казалось, что она вовсе не она, а образ какого-то существа, способного лишить толпу счастья жизни. Сейчас граждане и гражданки открыто ненавидели друг друга, хотя совсем недавно миролюбиво обсуждали проблемы народонаселения.

Торговля тем временем шла, очередники по инерции продвигались, ругаясь на ходу. Продавщица, подвяленная духотой, работала не спеша. Она привыкла к баталиям. Её глаза со слегка размазанной тушью выражали презрение к покупателям, так как она всегда стояла по другую сторону баррикад. Между ней и народом был прилавок, как пограничный столб. Но шум в очереди докатился и до неё.

– Хорош базар! – скомандовала продавщица. – Мешаете работать!

– Да гоните её вон! – глядя на Веронику, проскрипела хлипкая старушка и внезапно, как капля кипящего масла, выскочила из очереди и ударила Веронику зонтиком. На плече у девушки отпечатался багровый след.

Вероника вскрикнула от боли и, не успев опомниться, почувствовала новый удар: мужчина в капроновой шляпе дёрнул её за бретельки сарафана. Платье шёлковой струйкой скатилось по ногам, обнажив тело. Пальцы рук, ослабев, разомкнулись, и на асфальт посыпались фрукты. На мгновение сборище притихло. Вероника заплакала от боли, от стыда и от обиды. Она ёжилась, прикрывая руками обнажённую грудь. Слёзы текли, обжигая раскрасневшиеся щёки. Доли секунды она стояла посреди умолкшей толпы, прекрасная в своей наготе и пристыженная ею же. Миг казался вечностью.

– Да что же это за зверинец! – воскликнула возмущённая Людмила. – Я сейчас милицию позову! Из-за какой-то кукурузы одежду рвут!

– Да он пьяный! – заметила женщина в очках, глядя на мужчину в капроновой шляпе и уже сожалея о случившемся.

Мужчина и женщина-локомотив испуганно примолкли, только старушенция с зонтиком не унималась, браня всю молодёжь. Вероника уже ничего не слышала, она стыдливо подняла сарафан с земли и попыталась удержать его на себе руками. Но руки стали неуклюжими.

– Возьмите булавку, – сочувственно предложил кто-то и, не дожидаясь ответа, подколол бретельки к сарафану.

– Не плачьте, тётенька,– услышала Вероника за спиной детский голос: девочка лет десяти ловко собирала в сетку рассыпавшиеся на асфальте фрукты. От такой трогательной заботы женщина совсем ослабела. Ополоумевшие участники битвы стали понимать, что выпустили гнев на чистую душу, словно как погубили её. Продавщица, видавшая всякое, пожалев Веронику, сказала:

– Ну и народ! Идите сюда, вам сколько пачек?

Вероника смутилась ещё больше, она с трудом соображала, что ей надо делать. Кто-то тихонько подтолкнул её к прилавку, успокаивая: «Идите, покупайте».

Как загипнотизированная, она подошла к продавщице и взяла на удивление окружающих только одну пачку сладкой кукурузы. Всё её тело стало разбитым. Она почти не слышала сочувственных слов, советов о том, что надо написать заявление в милицию. Женщина не видела лиц своих обидчиков. Слёзы, беззвучные, плотной пеленой закрывали глаза, душили, не переставая.

– Ну, успокойся, не бери в голову, – догоняя подругу, сказала отоварившаяся Людмила. – Люди совсем озверели!

– Знаешь, Милка, – сказала Вероника сквозь слёзы, – мне стыдно, оттого что я поддалась ситуации и сразу не ушла домой, а стояла и слушала всю эту мерзость.

– Глупости! Тебе тоже надо было дать по морде этому в шляпе, да и бабку побить не мешало бы, – горячилась Людмила.

– Я не желаю быть похожей на них.

– Что же делать, если жизнь такая! Вон, смотри, мужик нанизал туалетную бумагу на шпагат, как бублики, тоже, видно, отстоял в очереди. Все мы в очередях, как заложники.

– Почему это случилось со мной? Почему? – терзала себя плачущая Вероника. Ей стало жаль себя. Она не могла осмыслить того, что с ней произошло. Каким образом её, человека, свободного от жажды приобретения, какая-то неведомая сила затянула в скандал и привела к столь унизительной развязке? Почему она не ушла? Почему осталась?

– Что тут думать – «почему»… Той тётке, что затеяла скандал, не важно, где и почему. Хоть в электричке, хоть в поликлинике, хоть в конторе. Таким везде всё не так. А ты у нас красивая, светишься благополучием. Таким всегда завидуют. У нас ведь как? Если у тебя всё хорошо, то мне плохо. И хватит себя корить! Забудь! – заключила Людмила. Попрощавшись по-сестрински, подруги разошлись.

Солнце по-прежнему золотило город, но чуть ослабело, лаская купола окрестных церквушек. Нагревшийся за день асфальт стал мягким, как ластик. Воздух, наполненный выхлопными газами автомобилей, душил. Пятницкая жила своей обычной жизнью. По ней без устали, перебегая из очереди в очередь, сновали юркие приезжие. Казалось, что они никогда не согнутся под тяжестью набитых продуктами сумок. Во дворах накапливалась опустошённая тара: ящики, коробки – результат бойкой торговли. Из открытых дверей магазинов змейкой выползали очереди.

Вероника шла домой с опущенной головой, глядя себе под ноги. Она не слышала стука своих каблучков, не замечала взглядов прохожих, её разбила усталость, было душно, как в сауне. Происшедшие события виделись далёким кошмарным сном. Такая воздушная и юная с утра, сейчас она чувствовала себя постаревшей.

Ей вспомнилось, как однажды в детстве мама принесла домой большую упаковку кукурузных палочек. Казалось, этого добра хватит надолго. Воздушность, запах ванилина притягивал, как нектар пчёл. Мама выдавала детям сладость по чуть-чуть. Этот вкус остался в памяти навсегда. Наверно, именно это воспоминание заставило Веронику застрять в дикой очереди.

Дома она посмотрела на себя в зеркало: задор в глазах исчез бесследно. По щекам снова покатились слёзы. Теперь, не стыдясь никого, она дала им полную свободу. Наплакавшись вволю, она сделала глубокий вдох, а затем резкий выдох. «Всё, – сказала она себе. – Не буду помнить зла. Получила урок, значит, так надо».

Вечером после ужина пухленькие пальчики сынишки ловко справлялись с кукурузными палочками, отправляя их в ротик. Малыш, хитро щурясь, угощал маму и папу, а потом сказал:

– Мамочка! Как вкусно! Ты мне купишь ещё кукурузных палочек?

– Конечно, куплю, радость моя, – ответила Вероника. И улыбнулась.

Николай Дик

г. Азов, Ростовская обл.

Первая влюблённость

Без тебя я чудной,
непоседливый, глупый мальчишка –
Не дружу с головой
и издёрганный, кажется, слишком.
Все ни этак, ни так.
Без тебя я простой забияка,
И какой-то пустяк
обязательно сводится к драке.

При тебе я другой –
молчаливый и слишком
спокойный –
Целый день за тобой
словно ослик брожу
подневольный.
Не могу закричать,
не способен на грубое слово.
Даже в классе на пять
отвечать моё сердце готово.

Что случилось со мной?
Ну какие здесь могут быть шутки?
Видно, этой весной
Совершенно лишился рассудка…

Весна из девятого «А»

Чуть слышно шелестят страницы,
дрожит взволнованно рука,
но не могу сомкнуть ресницы,
и за поля ползёт строка.
Что происходит? Что со мною?
Зачем раскрасила весна
девчонку с рыжею косою
за третьей партой у окна?
Я очарован ей, не скрою –
ещё вчера не замечал,
как на доске её рукою
мелок выводит интеграл.
Не вижу стол, не вижу книжки,
не в силах справиться с собой
и взглядом глупого мальчишки
слежу за мелом и рукой.
Идёт второе полугодье,
к концу урок в девятом «А»,
а для меня весь мир сегодня
за третьей партой у окна.

Шестнадцатилетнее зеркало

Схожу, наверно, я с ума.
Совсем неладное со мною –
смотреть не в силах в зеркала
коварной нынешней весною.
Любое зеркало мне лжёт.
Досадно очень и обидно,
что в отражении урод
мне улыбается ехидно.
Ещё вчера не замечал,
что время изменило внешность.
И вдруг – озлобленный оскал,
недопустимая погрешность.
Весна бушует и поёт,
мечту не удержать в квартире,
а в отражении – урод.
Кому он нужен в этом мире?
Проблема вечная, как жизнь:
ума в шестнадцать маловато.
На зеркала, мой друг, не злись –
лицо ни в чём не виновато.

Весенние вопросы

Стихи по весне, словно певчие
птицы,
из юного сердца летят на страницы,
но вместо слогов появляются точки,
и знаки вопроса
слагаются в строчки.
Наполнено сердце
благими мечтами,
и выразить их невозможно
словами –
на белом листе
вместо рифм и куплетов
десятки вопросов
заждались ответов.

Конечно же,
проще простыми словами,
но сердце весеннее хочет стихами
кричать ежедневно,
что певчая птица
не может в шестнадцать
в темнице томиться.
Но кто ей поможет вопросы и точки
искусно сложить
в поэтичные строчки,
пройти через робость
и этой весною
за счастьем оправиться
вместе с тобою?

Опять злополучные знаки вопроса
в наивное сердце
влетают без спроса,
и тут же слова
превращаются в точки…
Когда же появятся нужные строчки?

Юным девушкам

У девушки особая дорога:
она когда-то – бабушка и мать.
Ещё чуть-чуть, ещё совсем немного –
и предстоит ей деток воспитать.
Не зря её, пока не повзрослела,
в родной семье
стремятся обучать
красою женской
управлять умело:
«Ты женщина и будущая мать!».
Ей предстоит когда-то и навеки
хранить тепло родного очага,
переплывать бушующие реки,
чтоб защитить ребёнка от врага.
Хранить любовь,
самою быть любимой,
стать женщиной
во всей своей красе,
достичь успеха, оставаясь милой,
и с внуком прогуляться по росе.
У женщины особая дорога.
Вступая в юности на этот путь,
к себе, девчонки,
относитесь строго,
чтоб в море слёз
потом не утонуть.

Молодым парням

То слёзы, то драки,
в заплатах штанишки,
коленки в зелёнке –
всё это мальчишки.
И что с ними делать?
За что наказанье?
Видать, у мальчишек
такое призванье.
Разборки и ссоры,
сплошные секреты,
то велик и скайп,
а то супер-планшеты,
другие игрушки
и новые книжки –
вчерашние дети
сегодня парнишки.
И кажется сразу –
нет сна и покоя,
девчонка ночами
доводит до воя.
Ни рэп и ни рок,
нужно что-то покруче –
все мысли у парня
сбиваются в кучу.
ЕГЭ, выпускной
и порог института,
придётся и в армию
сразу кому-то.
Парнишка вчерашний
сегодня мужчина –
готов приступить
к воспитанию сына.
Мужская судьба –
это плечи кого-то,
опора семьи,
трезвый ум и работа.
И если ты парень –
душою будь сильным,
чтоб в будущем стать
настоящим мужчиной.

Светлана Донченко

г. Краснодар

БАБУШКИН ДНЕВНИК, или ТАЙНА ДВУХ ШКАТУЛОК…

Посвящаю своей любимой подруге Галине Мысак

На горище было очень пыльно. Липкая паутина так и норовила вцепиться в Галинкины длинные волосы: «Вот ещё, вычёсывай её потом целый час, а то, глядишь, и больше». Девчонка взяла лежащую под её ногами со времён царя Гороха палку и начала размахивать ею из стороны в сторону, расчищая себе дорогу к старому, заваленному книгами, игрушками и какими-то бесформенными вещами комоду.

В горищенское маленькое оконце заглядывал ленивый солнечный лучик. Он перепрыгивал с места на место, освещая весёлый танец крохотных пылинок. Пахло как-то странно, но приятно, и тут Галинка заметила большие увесистые пучки трав, заботливо развешанные на вбитые в горищенскую балку толстые длинные гвозди. Тонкий запах исходил от этих пучков и пробуждал в девочке яркие воспоминания раннего детства.

Дорога к заветному комоду была расчищена, вместе с паутиной были сбиты палкой несколько ароматных пучков, и теперь, когда девочка на них наступала маленькой ножкой, обутой в балетки, раздавался приятный хруст давно пересохшей травы. Тонкий, с небольшой горбинкой нос вместе с пылью улавливал ещё более острый запах до боли знакомой травы, но вот название её вспомнить совершенно не удавалось.

Приложив немало силёнок, ей удалось приподнять крышку комода вместе с наваленными на неё вещами. Поднимая много пыли, вещи стали падать вниз, а крышка, страшно скрипя, становилась всё легче и легче и наконец-то откинулась до самого конца, замерев на месте. Комод до верха был забит каким-то хламом: яркими металлическими баночками из-под чая, печенья, конфет, обувными картонными коробками, старыми пластмассовыми куклами в ярких разноцветных платьях и плюшевыми мягкими игрушками, которые сиротливо поглядывали из комода своими пуговичными глазками.

Девочка начала торопливо выбрасывать из комода все эти сокровища, нисколько не заботясь о том, что некоторые коробки, ударившись о слегу, со звоном раскрывались. Всё содержимое тут же вываливалось из них, поднимая вверх облака пыли. «Где же, где же она? Если здесь её не будет, тогда и не знаю, где ещё искать!» Старая деревянная искусно резанная шкатулка была особой гордостью её бабушки. Гладенькая и столь тщательно отшлифованная человеческими руками, она всегда издавала необыкновенный аромат: «Это оттого, что сделана она из особой породы дерева», – говорила бабушка. Содержимое этой шкатулки никогда и никому не было ведомо. Она закрывалась на маленький золотистый ключик, который всегда хранился в верхнем ящике бабушкиного стола. Все знали, где лежит этот ключик, но тайно им воспользоваться никто не решался. Сейчас Галинку совершенно не волновало содержимое этой шкатулки, наверняка какая-нибудь ерунда. Ей нужно было найти шкатулку, и именно за этим она приехала сегодня в этот старый заброшенный дачный домик, куда после смерти бабушки вот уже два года никто не приезжал.

Вчера вечером несколько счастливых первокурсников с лечебного факультета, где им выпало небывалое счастье учиться ближайшие шесть лет, решили отпраздновать начало учёбы. Собирались посидеть в кафешке, а потом лопоухий и рыжий весельчак Колька Гуров предложил поехать в его загородный дом, расположенный на самой опушке леса. Все поддержали его предложение. Ещё бы – намечались шашлыки и песни у костра.

Колькин дом походил на теремок. Весь резной, выкрашенный яркими красками, он казался сказочным и совершенно не настоящим. Девчонки и мальчишки замерли у крылечка и раскрыв рты, с изумлением рассматривали небывалую по их временам красоту постройки. «Ушкин, – к Коле с первого дня вступительных экзаменов прицепилось это смешное прозвище. – И что это за музей такой?» Все наперебой начали задавать ему этот вопрос. «Расслабьтесь, други мои, это дом моего деда, завещанный после его смерти, между прочим, мне». Парнишка распахнул настежь дверь, и в чистый уютный домик ворвался шумный народ, громко топая и звонко смеясь.

Мебель в доме была необычной: все стулья, столы, шкафчики и диванчики были ручной работы – деревянные, резные, никогда не знавшие краски, они издавали тонкий, очень знакомый Галинке аромат. В посудном шкафу за стеклянной дверцей между хрустальными рюмками и стаканами стояла шкатулка, которая показалась девочке очень знакомой. «Можно посмотреть?» – «Что? Эту коробенцию? Да, смотри!» – «Знаешь, а у моей бабушки была точно такая же», – «Не-а-а-а, не может быть… таких шкатулок больше нет. Это мой дед сам вырезал, ещё в юности. Сколько себя помню, столько и эту штуковину…»

Вечеринка удалась на славу. Шашлыки были вкуснейшими. Пели до хрипоты, танцевали до упаду. Колька вовсю «приударял» за Галинкой, все понимали, что он к ней явно не равнодушен, но делали вид, что ничего не замечают, стараясь ненароком оставить их наедине. Галя думала почему-то только о бабушкиной шкатулке, в её тонкие ноздри впился тонкий, сладкий аромат «Ушкинского» дома со всем его скарбом и той, унаследованной от деда коробенции. «Поеду на бабулину дачу и отыщу…» – Подумала она и, вздохнув с облегчением, побежала к костру.

Шкатулка отыскалась на самом дне комода. Она была точной копией той – Колькиной. Галинка очень внимательно рассмотрела её: каждый завиток, бугорок, линии и впадины повторялись точь-в-точь. Да и не могла девочка ошибиться, память цепко удерживала воспоминания детских восторгов, связанных

с этой вещицей. Ключик предусмотрительно был вставлен в замочную скважинку, словно был специально там оставлен для неё, для Галинки. Замочек легко щёлкнул, и крышечка приоткрылась, в шкатулке лежала тетрадь в мягкой кожаной обложке бордового цвета, на ней золотыми тиснёными буквами было написано: «Дневник капитана». «Странно…» – подумала девушка и открыла тетрадь на первой попавшейся странице.

«Мой малыш, здравствуй! Я вижу тебя, я тебя слышу, я целую твои ручки, твои ножки… Ты пришёл в этот мир. Мы теперь с тобой навсегда вместе…» Очень мелким, красивым, ровным бабушкином почерком в верхнем правом углу страницы были написаны эти строки. Галинка задумчиво перелистнула ещё несколько страниц… Все они были испещрены бабушкиным почерком. «Как интересно. Наверное, бабулин дневник. Обязательно прочитаю».

Забравшись с ногами в любимое кожаное кресло, Галя открыла тетрадь на первой странице:

«Привет, тетрадь. А у меня сегодня деньварень… Не знаю, двенадцать лет это много или мало, радоваться или огорчаться? Кажется, что я живу уже сто лет, но мне отчего-то очень весело по этому поводу. В гости приехал дядя Вася, мамин родной брат, он капитан дальнего плавания. Страшно подумать, представляешь, он был в таких странах, видел столько городов и вообще столько всего разного, что у меня только от одной мысли об этом начинает сильно биться сердце. А если бы и мне довелось всё увидеть собственными глазами? Ой, нет, я бы просто умерла от счастья! И, знаешь, он подарил мне тебя… Да, да, тебя, тет-ра-доч-ка. Такой красивой тетради у меня ещё никогда не было. Будем дружить? Станем подружками навсегда, хорошо?»

«Серёжка в меня влюбился. Он пялится на меня все уроки подряд. Сегодня даже ВерПална сделала ему замечание, сказала: «Дырку на Любочке протрёшь глазами». Мне так стыдно стало, хоть под парту залезай, потому что все рассмеялись, а он и глазом не моргнул, как смотрел, так и смотрит дальше…»

«Серёжка каждое утро ждёт меня на углу, и как только я подхожу к нему, он тут же забирает у меня портфель и молча несёт его в школу. Ничего не говорит. Просто идёт следом и несёт мой портфель. Пыхтит так важно. А мне его жалко, тяжело же, наверное, два портфеля тащить, пыталась у него отнять – не отдаёт. Вот и пусть, раз такой упрямый…»

«Сегодня Ирка Никифорова мне подножку поставила. В школьном тамбуре было темно, я её сразу не заметила. Упала, коленку разбила, кровь хлестала вовсю. Пришлось хромать к школьной медсестре, она мне освобождение от уроков выписала. Я никому не рассказала, что это Ирка была. Все в классе знают – она в Серёжку с первого класса влюблена. Поэтому меня ненавидит. А что я могу сделать? Я же его не заставляю за мной по пятам ходить? Да и не нужен он мне совсем. Хочешь, признаюсь тебе по секрету? Я не собираюсь вообще ни в кого влюбляться! Ни-ког-да! Честное слово!»

«Отец опять домой пришёл пьяный «вдрабадан». Ругался на маму. Кастрюлю с супом на пол сбросил. Деньги требовал, которые вчера дал ей на покупку сапог для меня. Кричал, что я и так обойдусь, а его «кореша» ждут под калиткой, им выпить не на что… Мама швырнула ему деньги в лицо. Будет теперь плакать всю ночь… Я суп разлитый убрала и тоже плакала потихонечку, чтобы она не услышала. И зачем с ним живёт? Не понимаю… Прощайте, сапоги… Прости, что пишу тебе об этом. Мне не сапог некупленных жалко, нет, да чёрт с ними. Меня жизнь такая достала уже…»

«Я их терпеть не могу. Их – своих родителей… Один вечно пьяный, другая – вечно злая, как тысяча чертей. Меня разорвать готова на мелкие кусочки. Во всех бедах я виновата. Хочу дяде Васе письмо написать, рассказать о нашей жизни. Только вот адреса его у меня нет, не писать же «На деревню дедушке», как Ванька Жуков написал. Тоже жизнь у него была горькая. Я читала – плакала, так мальчишку жалко. Мне, наверное, легче. У меня хоть Серёжка есть, который меня любит. Мне сегодня тринадцать исполнилось. Все забыли, а он мне ромашки принёс рано-рано утром, открыл калитку и положил на будку Пиратки. Я в окошко видела. Пиратка Серёжку любит, всегда хвостом машет, когда его видит, хотя он у нас очень злющий пёс…»

«Серёжка с Димкой сегодня подрались. Мне девчонки в классе сказали, что из-за меня. Димка теперь тоже на углу меня каждое утро встречает, но стоит чуть подальше Серёжки. А потом тащится за нами следом, куда мы, туда и он. А сегодня раньше Серёжки пришёл и занял его место, вот и вышла у них драка. Только побил Серёжа Димку, и тот с разбитым носом домой убежал, у Серёжки тоже синяк был под глазом – о-го-го! Я когда увидела, сердце так и ёкнуло. Подумала, что отец его лупит…»

«Сбежали сегодня в кино всем классом. Вот дураки. ВерПална была с заплаканными глазами с утра. Ей на пенсию скоро выходить. А тут такой инцидентик. Мне лично стыдно было очень. Да и фильм был ерундовый. Серёжка, правда, весь фильм меня за руку держал, только когда свет загорелся, сразу отпустил. Но Никифорова всё равно заметила. Всю дорогу потом язвила. И в кого она такая! Родители у неё нормальные. Отец совсем не пьёт, машину «Волгу» купил, в школу Ирку всегда привозит, хотя ей идти-то всего два квартала».

«Ответь мне, тетрадка, подружка моя, почему всё так несправедливо в жизни? Я своего отца просто ненавижу. Знаешь, сегодня я хотела его убить. Вернулась домой из школы, а он сидит за столом, как всегда «вдрабадан», воспитывать меня стал, кричать, что я отца уважать обязана. Всё, что ни прикажет – исполнять должна. Потом уронил голову на руки и захрапел, а мне захотелось взять со стола бутылку и изо всех сил по голове его шандарахнуть. Взяла уже, замахнулась, только жалко его стало. Когда не пьёт – «золотой мужик». Все соседи так говорят! Только всё равно его ненавижу! И замуж никогда не пойду. Чтобы каждый день вот такое? Не хочу».

«Завтра экзамены. Сдадим, и всё – восьмилетка позади. Многие одноклассники уходят учиться профессии: кто в техникумы, кто в ПТУ. Я буду десятилетку заканчивать. Люблю учиться, мне учителя пророчат отличный аттестат. Мы с Сергеем вместе к экзаменам готовились. Он молодец – старался очень. Все билеты выучил. Я за него не боюсь. Сдаст экзамены хорошо, я уверена. Ему очень нужно. Родители его в техникум определяют, чтобы «штаны зря не просиживал». А у него вчера слёзы на глазах выступили, когда мы с ним билеты по математике повторяли. «Как ты без меня в школу теперь ходить будешь? Я в другой город уезжаю. У тётки жить буду», – сказал и отвернулся. Полчаса в окно смотрел и всё билет наизусть шпарил».

«Серёжка пишет письма мне каждый день. Бывает – и по два письма сразу приходит. Почтальонка тётка Тамара, как увидит меня, кричит: «Танцуй, невеста, твой ухажёр опять тебе весточку прислал». Нашла, тоже мне, невесту. Он мой друг, может быть, даже

лучший. И всё. Я же слово себе дала, что никогда не влюблюсь! И собираюсь его сдержать».

Галинка оторвалась от своего чтения и бросила взгляд на часы, было далеко за полночь. Завтра в институт на занятия. Первой пары нет, но выспаться всё равно необходимо. Она долго не могла заснуть и всё представляла свою бабулю маленькой девочкой, которая горько плачет по ночам, ворочалась с боку на бок, тяжело вздыхала и наконец провалилась в глубокий, здоровый сон молоденькой девушки, которая, пытаясь осмыслить и осознать прочитанные ею строки, не находила себе места.

Николай явно был влюблён. «Может в 3D на новенькое заглянем?» – «Нет, Коля, прости, мне сегодня некогда совершенно. У меня другое мероприятие», – «Театр? Симфонический концерт? Поэтические встречи?» – «Почти угадал. Встреча с родимым словом. Такое чтиво – не могу оторваться!» – «Я следующий на очереди!» – «А вот это вряд ли!». Галинка кокетливо на него взглянула и побежала к подъехавшей к остановке маршрутке. Он крикнул ей вслед: «Шкатулку, шкатулку отыскала?». Девушка взмахнула рукой, – то ли да, то ли нет, – и захлопнула за собой дверь. Про шкатулку она совершенно забыла. Теперь её занимало совершенно другое событие. Прочитанные строки из бабушкиного дневника весь день держали её в напряжении, мысли не отпускали ни на минуту. Казалось, что это она – Галинка – там, в том далёком и таком непонятном для неё времени получает письма от Серёжи, и сердце бешено бьётся в груди в предвкушении тёплых и таких желанных слов…

Забравшись с ногами в своё любимое кресло и положив бабушкин дневник на колени, Галинка зажмурила глаза, а потом, широко их распахнув, резко открыла тетрадь в заложенном закладкой месте.

«Девчонки бегают вечерами на танцы. Меня с собой приглашают. Не хочется мне. Что там делать? Они себе кавалеров отыскивают. А мне кавалеры ни к чему. Одна морока с ними. Мне учиться нужно. Я хочу быть учительницей, как ВерПална. На днях ходили к ней в гости нашей инициативной группой. Торт купили, цветы. Она так обрадовалась, не знала, куда нас посадить, чем угостить, как будто мы за этим пришли. Соскучились мы за ней. А мне, если совсем откровенно, так её просто не хватает. Я её люблю всей душой. Так мне кажется. Всё время думаю, что вот такая она, любовь, и бывает. ВерПална у меня про Серёжку спрашивала, постеснялась я ей сказать, что он мне уже пятьсот писем прислал, сказала ей просто, что у него всё в порядке. Она улыбнулась и так ласково на меня посмотрела, как только один Серёжка и смотрит на меня всегда».

«Страшно подумать, мне сегодня семнадцать стукнуло. На будке Пираткиной с утра огромный букет ромашек обнаружила, неужели Серёжа приезжал? И не зашёл? Нет, быть этого не может. Но букет от него, я это точно знаю, чувствую я его присутствие где-то рядом, как это происходит, я и сама не понимаю. Отец ещё со вчерашнего вечера «дочины именины» отмечать начал. Сильно гордится, что дочь школу с медалью закончила. На каждом шагу об этом рассказывает. Вот какой он отец правильный, как дочь свою воспитал. Мозги, мол, у неё батины, такая же башковитая. А мать даже и не поздравила, только губы крепко сжала. «Медаль, так медаль», – процедила сквозь них и пошла в огород огурцы поливать. Так и осталась лежать бархатная коробочка на столе, как ненужная вещь, рядом с недоеденной отцом коркой хлеба, которой он торопливо закусил стакан своего пойла. Знаешь, обидно до слёз».

«Первый день учёбы в педагогическом. Я выбрала биологический факультет. Буду детей в школе биологии обучать. Мой самый любимый предмет. Интересно, увлекательно. Мечты сбываются. Я очень счастлива!»

«Прости, мне весь год учебный писать не хотелось. Времени не было свободного ни минутки. Отец сильно заболел. Инфаркт у него был, чуть не умер. Теперь не пьёт совсем. Мать расцвела, даже помолодела. Сегодня пела в огороде, первый раз её голос слышала. Красивый, нежный: «Ой, цветёт калина в поле у ручья, парня молодого полюбила я…» И так выводит душевно, так звонко, что и у меня сердечко затрепетало. Серёженька мой свой техникум закончил с отличием, теперь на юрфак в университет документы подал. Мы с ним, как только нам по восемнадцать стукнет, решили пожениться. Любим мы друг друга до безумия. Он когда целует меня, я просто чувств лишаюсь, и если бы он не обнимал меня крепко своими сильными руками, я бы точно к ногам его свалилась, как подкошенная. Помню, помню, подружка, что клялась ни-ког-да не влюбляться. Да, влюбилась! Вот такое счастье у меня случилось».

«Серёженькины родители против нашей с ним женитьбы. Ни в какую, и всё! Ему учиться нужно, говорят, а не пелёнки стирать по ночам. Серёжа на них сильно обиделся. Сказал, что отныне у него нет родителей. Так его отец с матерью к моим приходили, о чём они там разговаривали – не знаю. Но только и мои заявили: «Пойдёшь против нашей воли – проклянём!» И пусть! Мы всё равно с Серёжей уже заявление подали и, как только распишемся, сразу от родителей уйдём. Сами жить будем, я перейду на заочное отделение, буду работать, мне ВерПална сказала, что поможет в школу устроиться, в продлёнку. Серёженька тоже хотел перейти на заочное, но его тогда сразу в армию заберут, и ладно бы куда-нибудь здесь, в Союзе, но так могут же и за границу, таких, как он, с образованием, пусть и техническим, сразу в Польшу или Германию «забривают», мне следом не поехать. А нам друг без друга никак нельзя, умрём мы с ним друг без друга сразу. И он это понимает, и я».

«Квартирку мы сняли на самой окраине нашего городка. Махонькая такая «времяночка» с кухонькой-прихожей, мы сами в ней ремонт сделали: всё выкрасили, выбелили. Хозяйка нам мебель свою старую отдала: кровать двуспальную металлическую с большими такими хромированными шарами на спинках, этажерку, плетённую из лозы, два венских стула, маленький столик и огромный массивный буфет с толстыми резными стёклами, который занимает почти всё место в нашей комнатке. Иногда мне кажется, что он живой и смотрит на нас своими резными глазищами по-доброму и любит нас по-своему, по-буфетному искренне и преданно».

«Что такое любовь? Это всё! Это Вселенная! Это небо! Это солнце! Это звёзды! Это мой Серёженька, и это – я! Наша близость с мужем раскрасила наши чувства в такие яркие цвета, о которых мы даже и не подозревали. Но не это для нас главное! Мы не можем существовать друг без друга, дышать, смотреть, разговаривать… Серёженька говорит, что, когда я беру его просто за руку, он испытывает что-то наподобие электрического тока, пропущенного через него, и сердце у него начинает вырываться из груди, а когда он видит меня, идущую ему навстречу, ему кажется, что у него вырастают крылья за спиной, и стоит ему ими только взмахнуть, как он тут же взлетит. Мы так с ним счастливы, наша жизнь похожа на волшебный сон, я боюсь однажды проснуться».

«Не писала. Прости. Я о тебе не забыла. Я просто очень счастлива! Знаешь, мне кажется порой, что такой любви на свете не бывает и что мы с ним пришельцы из другого мира. Я люблю его! Я его люблю! Он мой навсегда!»

«Муж нашей квартирной хозяйки предложил Серёже работу. Он резчик по дереву, и ему нужен помощник. Все вечера и выходные дни у Серёженьки теперь заняты, он что-то там пилит, строгает, вырезает. Увлечён по-настоящему. Хозяйкин муж Виктор Гаврилович очень его хвалит, говорит, что Серёжа настоящий художник, и даже не художник – нет, а волшебник, он умеет разговаривать с деревом, понимает его язык и слышит стук его сердца. Меня это не удивляет. Серёженька – он такой! Он самый лучший!»

«Серёженька зарабатывает деньги совсем не маленькие, и он решил строить дом, чтобы в нём жили наши будущие дети и внуки. Он хочет построить сказочный теремок, сделать его своими руками. Всё будет замечательно! Мы с ним обязательно справимся со всеми трудностями. Хотя, знаешь, нам совсем и не трудно. Нам хорошо! Ура! Да здравствует любовь! Веришь или нет, но я счастлива так, что и сама в это не могу поверить!»

«У нас будет ребёнок! Когда я сказала об этом Серёженьке, он подхватил меня на руки и стал кружить, кружить без конца. «У нас будет доченька, доченька, доченька, такая же нежная, как ты, такая же красивая, как ты, и я буду любить её так же безумно, как тебя!» – «Нет, нет, любимый, у нас будет сын, и вы с ним оба будете любить и оберегать меня». Я рассмеялась и спрыгнула на землю. «Ах так? Значит, у нас будут и дочь, и сын! Сразу, одновременно! Близняшки!»

«Никакого токсикоза, лишнего веса и прочей ерунды со мной не происходит. Всё хорошо. Живота ещё совсем не видно. Но я кажусь себе такой большой, пышной, тяжёлой, у меня в животе растёт чудо. Там новый мир, там вселенская любовь, там моя частичка и частичка моего Серёженьки превращаются в единое целое, и наша любовь будет жить вечно, ей не будет конца, потому, что она бессмертна».

«Я плачу. Горько. Серёженька сегодня пришёл домой пьяный. Целовал мне руки, просил прощения, клялся, что больше в рот не возьмёт ни капли. Я сказала, что если ещё хотя бы раз… тут же от него уйду. Я знаю, что без него умру. Но лучше умереть. Я не хочу, чтобы мой ребёнок ненавидел своего отца так, как я ненавидела своего».

«Я ушла от него. ВерПална меня приютила. Проплакали с ней обе весь вечер. Мне кажется, что у меня умерла душа. Её словно во мне нет, и жива я ещё только за счёт растущей во мне жизни. Мой малыш толкается, ворочается, беспокоится. Ему плохо. Наверное, он тоже плачет. Подруга, ты не знаешь, что будет дальше? Прощай на всякий случай…»

«Димка Петренко к ВерПалне частенько заходит, сегодня чай пили все вместе, вспоминали школьные годы. Я диплом защитила. Серёжа тоже должен был защищаться. Он ни разу не приходил, говорят, пьёт, как ненормальный, и плачет целыми днями в пьяном угаре. Больно ему, что любовь свою потерял. Петренко пришёл с цветами. Огромный букет красных роз. А я их не люблю. Мне ромашки любы. И Петренко я не люблю. Он мне сегодня предложение сделал. «Вы же, – говорит, – с Сергеем развелись официально? Только у ребёнка обязательно должен отец быть. Как это из роддома его никто не будет забирать?» А мне всё равно. У меня душа умерла. Я просто притворяюсь живой ради своего ребёнка, чтобы родить и воспитать его. Петренко хочет отцом быть? Пусть будет Петренко».

«Мой малыш, здравствуй! Я вижу тебя, я тебя слышу, я целую твои ручки, твои ножки… Ты пришёл в этот мир. Мы теперь с тобой навсегда вместе…»

«Забирать из роддома нас с Васенькой пришли оба: Серёжа трезвый, красивый, с букетом ромашек и Дима с цветами, тортом, шарами… А мне всё равно. Меня же нет в этом мире. Я просто притворяюсь живой…»

«Димкины родители оказались ничего себе… Квартиру нам оставили, а сами к бабушке перебрались. Говорят, что давно собирались, да Диму им оставить было не на кого. Это хорошо, что так всё сложилось, не для меня, нет – для него. Увидели бы они, что спим мы в разных комнатах, наверняка переживали бы. Они очень сына любят, живут только для него и ради него. Короче, модель семьи совсем не похожа на семью моих предков. Мой отец опять запил. Месяцами из запоя выйти не может. Потому что дочь у него непутёвая, гулящая. Бегает от мужа к мужу… Обидно очень. Димка пытался с ним поговорить, да слушать его никто не желает».

«Смотрю вечерами на Димку и не понимаю, зачем ему всё это нужно: и погуляет с Васенькой во дворе, и пелёнки все перегладит, и ужин обязательно приготовит. И всё молча, ни слова мне не говорит, только спросит: «Что купить сегодня?» И всё. А мне ничего не надо. Меня-то нет. Нет меня…»

«Сегодня днём кто-то позвонил в дверь, открываю – никого. Свёрток на пороге лежит, ленточкой белой перевязанный крест-накрест, и ромашка вставлена. Руки сами подняли, развязали, раскрыли, а там шкатулка деревянная, резная, красоты необыкновенной. Мечтала я о такой вещице в той, другой жизни, когда была ещё живой. А теперь зачем она мне? Я её тебе, моя тетрадочка-подруженька, подарю, живи в ней, пусть она будет твоим домом».

«Забыла написать, что в шкатулке письмо от Серёжи лежало, я не буду тебе его содержание передавать, просто положу его в потайное местечко. Кнопочку под замочком вправо сдвигаешь, и дно шкатулки вверх поднимается – двойное оно. Вот там я это письмо и оставлю».

Галинка отложила в сторонку бабушкин дневник, взглянула на часы. Скоро утро. Спать не хотелось. Присутствовало незримое ощущение сопричастности к великому таинству. Бабушка всегда была весёлой, жизнерадостной и красивой. Когда дедушка Дима заболел, она самоотверженно выхаживала его на старенькой даче, травы в лесу собирала, отвары какие-то сложные для него готовила. Книги ему читала вечерами у камина, в любое время года они любили сидеть только там. Не на веранде, не в уютной, миленькой спаленке, а только там – у камина, где на каминной полке стояло множество фотографий в красивых деревянных резных рамочках, которые не купишь в магазине. Откуда они появлялись на даче, Галинка никогда не задумывалась. Она взяла в руки шкатулку, вдохнула полной грудью её тонкий аромат и сдвинула кнопочку вправо. Дно совершенно бесшумно и очень легко стало подниматься вверх, поднявшись до самого конца, оно просто выпало из шкатулки, словно кто-то невидимый вытолкнул его изнутри. В пожелтевшем от времени конверте, на таком же пожелтевшем двойном тетрадном листе, крупным, размашистым почерком было что-то написано. Нет, решила Галинка, я прочитаю его завтра. Она легко соскочила со своего насиженного места, сладко потянулась и побежала в ванную. Рассвет

торопливо врывался в наступивший день, и солнце в небе улыбалось, протягивая земле навстречу свои горячие лучи.

Письмо Сергея:

«Любимая!

В моей груди бьётся горячее сердце, оно состоит из двух половинок: одна половинка – это рай, в нём живёт воспоминание о нашей любви, вторая половинка – это ад: там будет жить моё будущее…

Понимаю, что я недостоин твоей любви и что сам, собственными руками, уничтожил счастье всей моей жизни.

Я полюбил тебя семилетним мальчишкой. Думаю, мало кто мне поверит. Все скажут, что так не бывает. Маленькая, худенькая девочка с огромным белым бантом на голове стояла впереди меня, и я понимал, что лучше этой девчонки нет никого на свете. Наверное, это дар Небес, когда вот так – сразу понимаешь, что любишь, и любишь навсегда. Если бы ты знала, как сильно страдал я в разлуке, сколько глупых, бестолковых ночей я провёл, пялясь в небо на звёзды, словно искал поддержки в этих сияющих над головой магических точках, которые дарили мне надежду на счастливое будущее…

Когда наши души слились, я был на седьмом небе от счастья, жадно глотал воздух, которым дышали твои нежные уста, мне хотелось целовать их бесконечно, хотелось ни на единый миг не выпускать тебя из своих объятий.

Как могло случиться такое, что попал я под влияние чар «Змия зелёного» не могу понять до сих пор. Я же знал, как ты ненавидишь «пьянчуг», как отравлено твоё сердце этим ядом, которым было наполнено твоё детство. Я понимаю, что не заслуживаю твоей любви, твоего прощения, но надежда не покидает меня. Горькими, одинокими ночами я вырезал эту шкатулку для тебя, она не простая – кнопочку под замочком вправо сдвигаешь, и дно шкатулки вверх поднимается – двойное оно. А там, на самом её дне, спрятана моя любовь, которой не будет конца никогда. Даже если меня не станет на этом свете, любовь моя останется и будет лежать на дне этой шкатулки, и только когда ты возьмёшь её в свои руки и поселишь в своём сердце, она поменяет место жительства.

Бессонными ночами думаю о тебе и о Васеньке. Больно мне осознавать, что мой сын называет папой другого, но я признаю, что тот другой гораздо более меня достоин этого звания. Я хочу, чтобы ты была счастлива. И если Дмитрий смог тебя такой сделать, я буду с огромной благодарностью испытывать к нему благородные чувства. Отныне все, кто любят тебя, будут любимы и мною тоже.

Прости за боль, которую я тебе причинил. Люблю. Серёжа.

P.S. Любушка, в армию я ухожу. Буду служить офицером на Севере…»

Галинка прочитала письмо несколько раз, сердце её бешено колотилось в груди. Она давно уже поняла, что отец её папы Васи не дед Дима, а другой – Серёжа. По странному стечению обстоятельств, он – дедушка Николая. А Николай бесконечно нравится Галинке, он такой милый и очень дорогой для неё. Теперь всё встало на свои места, Коля её двоюродный брат, вероятно, это зов крови, это он, этот мистический зов заманивает Галинкино девичье сердце в западню. А «Ушкин» ничего не знает об этом удивительном секрете своих предков. Галинка задумалась…Нет, она не имеет права открывать чужие тайны…

Коля не давал ей прохода, везде и всюду он поджидал Галинку и совершенно не скрывал ни от неё, ни от окружающих свои пылающие чувства. «Может, прогуляемся вечерком?» – вопросительно заглядывал он в глаза своему обожаемому объекту. Галя держала оборону и делала вид, что Николай ей абсолютно не интересен, а он совершенно ничего не понимал и откровенно страдал.

Неделя была трудной. Галя ничего не успевала. Учёба в медицинском – это вам не прогулка вдоль набережной. В заветной шкатулке её ожидали другие семейные тайны, и девушке не терпелось окунуться в их глубины, но времени свободного не хватало, едва коснувшись головой подушки, она тут же засыпала и видела удивительные, очень красивые сны: снились бабуля и дед, папа и Николай.

Воскресный день начинался с громкого телефонного звонка, просыпаться не хотелось, Галя мечтала отоспаться и на зов поющего телефона не спешила отозваться. Раздался призывный, дребезжащий звук скайпа. «Да кому же так не терпится?» – с раздражением подумала девчонка. Она неохотно поднялась с постели и взглянула на экран своего ноутбука.

На экране мелькало: «Вызывает «Ушкин»… «А вот и фигушки, отвечать не буду», – Галя решила весь воскресный день потратить на прочтение бабушкиного дневника.

«Всё в жизни очень сложно. Я оживаю понемножечку, Дима такой светлый и тёплый, такой нежный и заботливый, моя душа радуется его присутствию. Смогу ли я полюбить ещё раз? Не знаю».

«Прошло десять лет. Писать в дневник все прошедшие годы не хотелось совершенно. Жизнь идёт своим чередом. Вот и славно. Васеньке исполнилось двенадцать, и я вспомнила, что и мне было ровно двенадцать, когда мне посчастливилось получить в дар эту тетрадочку. Память детства всегда очень яркая, она непременно возвращает нас в прошлое в самые непредсказуемые моменты. Сегодня со мной произошло невероятное событие. Я возвращалась из салона красоты, на перекрёстке светофор не работал и образовалась пробка. Сигналя и нервничая, я пыталась повернуть направо, и вдруг мне буквально под колёса бросилась девчушка лет девяти-десяти от роду. Вернее сначала яркий зелёно-красный мяч, а потом этот рыжий, с двумя толстыми косичками, бесёнок. Моё сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Но бесёнок, ловко увернувшись и крепко прижав к себе мяч, изо всех ног удирал во двор пятиэтажки, где жила Вера Павловна. «Непременно нужно заглянуть к своей учительнице, месяцев шесть не виделись, да и не созванивались с ней давно, как она там, моя дорогая оптимистка», – подумала я и припарковалась на освободившемся секунду назад месте, в знакомом с детства дворе. Дверь мне открыла рыжая бестия и, увидев меня, очень стушевалась. Убегая с мячом, она, обернувшись, показала мне язык и теперь, вероятно, испугалась, что я жажду возмездия. Вера Павловна обрадовалась очень, так, как умеет радоваться только одна она. «Любочка, Любочка, ты всё хорошеешь с каждым днём, – она обняла меня и позвала бесёнка: – Знакомься, это тоже Любочка, и она дочь Серёжи. Он пришёл ко мне в гости и обнаружил, что у меня сломан холодильник, помчался в магазин покупать для меня новый, а это чудо оставил со мной, чтобы меня развлекала. Она добросовестно меня развлекала: пела, танцевала, стихи читала наизусть, а потом гимнастическое упражнение с мячом показывала, а мяч выпрыгнул из рук и прямёхонько на балкон, а с балкона – прыг! – и во двор.

Так этот «ураган», – она ласково посмотрела на девчонку, – мгновенно следом понёсся».

«Так вот, значит, кому мы обязаны нашей встречей», – я пнула мяч носком своей туфельки и громко рассмеялась.

«Любочка, как я рада слышать твой звонкий смех! Я за последние годы совершенно забыла, как звенят эти серебряные колокольчики», – Вера Павловна рассмеялась в ответ.

Моя дорогая учительница рассказала мне, что Серёжа всего пару месяцев назад вернулся в наш город с девятилетней дочерью на руках, сказал, что мать девочки трагически погибла в автокатастрофе семь лет назад. Больше ни слова, ни как жил, ни чем занимался. Купил загородный дом и занимается строительством. «Молчаливый, с очень грустными глазами, из него каждое слово приходится буквально клещами вытаскивать», – на прощание сказала Вера Павловна.

Значит, Серёжа сумел полюбить ещё раз. И ещё раз пережил трагедию любви. Прекрасно, что осталась дочь. Но, несомненно, жизнь его не балует. Бедный мой Серёжа. Люблю ли я его до сих пор? Наверное, люблю. Хочу ли увидеть? Нет. Не хочу».

«Сегодня Василёк наш пригласил на ужин свою подругу. Сказал накануне: «Мама, папа, хочу вас с таким чудом познакомить, мы с ней уже целую неделю встречаемся. Уверен, вы будете ею очарованы». Я с ужином расстаралась, по-моему, превзошла себя саму, наша квартира утопала в тонких, изысканных ароматах. В назначенный час дверь распахнулась, и перед нами с Димой предстало Васенькино сокровище. «Знакомьтесь, родители, это Любочка, – он с восторгом посмотрел на рыжеволосую, стройную красавицу. – Правда, здорово, что у неё и у нашей мамы одно имя?» Моё сердце остановилось. Перед нами стояла Серёжина дочь, длинные, кудрявые рыжие локоны спадали с её узеньких плеч, а огромные зелёные глаза сверкали, как у кошки. Я растерялась. Не знала, что и сказать. Как всегда выручил Дима. Он весь вечер шутил, раздаривая дамам комплименты и был совершенно в ударе.

Ночью у нас с Димой состоялся весьма непростой разговор. Я рассказала ему о том, что Люба Серёжина дочь. Мой дорогой муж был шокирован и молча, уставившись в одну точку, просидел почти до утра на кухне. Потом решительно встал и сказал: «Надеюсь, что у них отношения ещё не успели зайти далеко. Мы обязаны их прекратить. Понимаешь? Обязаны. Это же инцест».

Я всё понимаю, но как не нанести своему ребёнку травму на всю жизнь? Как, не открывая тайны его рождения, помешать его отношениям с Серёжиной дочерью, с его родной сестрой? Боже мой! Судьба нам мстит, а может, преподаёт свои бесценные уроки…»

«Решено отправить Васю в Англию на стажировку в компанию отца Диминого студенческого друга Рейна Стивенсона. Каким образом Диме удалось это устроить, мне не известно. Все договорённости были заключены в считанные дни. Вася давно мечтал об этом и с лёгкостью согласился, но всё же выразил надежду и Любочку взять с собой тоже. В чём ему было отказано тут же и наотрез, да и времени у него не оставалось. Билеты были куплены на вечер, багаж собран. Отец строго сказал: «Любит, подождёт». А Вася не привык прекословить отцу».

Больше в бабушкином дневнике не было ни единой записи…

Галинка отложила тетрадь в сторонку и задумалась. Жила она себе, жила целых семнадцать лет на этом свете и знать ничего не знала о том, какие страсти кипели в их семье, какие чувства бурлили в родных и таких любимых сердцах. «Значит, отец всё-таки разлюбил Любочку и полюбил маму», – подумала она с радостью, которую всё же омрачала какая-то неведомая горчинка. То, что её родители любили друг друга, у Галинки не вызывало ни малейшего сомнения. Они были счастливы и наслаждались обществом друг друга, это было видно любому и каждому, кто имел хотя бы малейшее отношение к их семейству. Но и в том, что у бабушки с дедом были очень тёплые и искренние отношения, Галя тоже никогда не сомневалась, они очень дорожили каждой минутой, прожитой вместе, особенно последние годы. Бабушка пережила деда всего на три месяца, никто не сомневался, что она ушла следом от тоски. «Какая же всё-таки эта жизнь загадочная…» – с грустью подумала девчушка и горько заплакала. Она ничего не понимала, она страдала, её душа стонала и кричала во весь голос от боли…

Прошло пять лет. Учёба подходила к концу. Галине нравилась будущая профессия, и она собиралась обязательно стать известным детским врачом. Педиатрия серьёзно увлекала старательную девушку, все годы учёбы она самоотверженно отдавалась в руки науки. Всем окружающим казалось, что Галину в этой жизни больше ничего и не интересует, и между собой называли её ласково «сладким сухариком». Она была дивно хороша, необыкновенно умна и очень отзывчива, но наотрез отказывалась посещать клубы, развлекательные мероприятия и, самое главное, отвечать на настойчивые ухаживания молодых людей, которые стайками крутились возле неё. Рыжий и лопоухий Коля Гуров за эти годы очень возмужал и окреп, превратившись в изысканного сердцееда. О, сколько нежных девичьих сердец замирали при виде его зелёных, сверкающих глаз, которые по-прежнему смотрели только в одном направлении – на свой обожаемый объект… Как-то, года два тому назад, Галинка уже решилась открыть ему семейную тайну и раз и навсегда прекратить его и свои муки. Только в последний момент передумала и пошла не к месту назначенного Николаю свидания, а на бабулину могилу, где и просидела почти до ночи.

Галинка часто думала и о бабушке Любе, и о дедушке Серёже, о котором ей хотелось узнать как можно больше. Николай редко и очень неохотно рассказывал о своём деде, говорил, что он был редчайшим затворником. Последние годы своей жизни он читал лекции в университете, но так ни с кем из своих коллег-преподавателей близко и не сошёлся. Маму Николая – рыжеволосую Любовь Сергеевну – Галинке тоже довелось увидеть несколько раз, она была очень красивой и жизнерадостной. Хотя девушка, увидав её, всё же ревниво подумала: «А моя мама красивей». Но тут же устыдилась своих мыслей: «Она же моя родная тётя, хотя и не знает об этом. А я сравнивать с мамой её вздумала».

Предки укатили в Лондон на юбилей Стивенсонов, которые приходились Галиной маме дальними родственниками. В своё время они сыграли не последнюю роль в судьбе Галинкиных родителей и были друзьями их семьи. Галя затосковала и, купив в цветочном магазине огромный букет ромашек, отправилась на кладбище навестить бабушкину могилку. Она неторопливо шла по чистенькой кладбищенской дорожке, такой тишины и покоя, как здесь, она не чувствовала нигде и никогда. Казалось, что ветер не раскачивал макушки деревьев, а пел дивную колыбельную песню, а птицы подпевали ему так нежно и возвышенно, что их тонкие голоса совершенно

не могли нарушить вековую тишину, а только лишь украшали её волшебными звуками. Галина вновь и вновь возвращалась мысленно к тем далёким и необыкновенным событиям из жизни своих близких, последние пять лет они не отпускали её ни на мгновенье. Занятая своими мыслями, она не замечала никого и ничего вокруг, не слышала торопливых шагов, которые ускоряли свой темп в надежде догнать девушку. «Галинка, да притормози же немного, – вдруг отчётливо услышала она голос Гурова. – Вот ведь шустрая, минут десять следом мчусь. Еле-еле догнал», – рассмеялся молодой человек и взял Галю под руку. «Какая оригинальная встреча», – улыбнулась в ответ девушка, заметив в другой руке своего спутника точно такой же, как и у неё, огромный букет ромашек. Николай, отследив её взгляд, пояснил: «К деду иду на могилу, снился он мне ночью, просил непременно сегодня навестить его. А ромашки дед буквально боготворил. Никогда в жизни я не встречал такой маниакальной привязанности к цветам».

Галинка остановилась, с огромным теплом во взгляде посмотрела на Колю. «Какой же он хороший, – подумала она. – Мой замечательный брат. Нет. Мой любимый брат». И прижалась щекой к его плечу. Николай растерялся от такой неожиданно нахлынувшей на «сладкого сухарика» нежности и расценил это по-своему, пытаясь поцеловать девушку в губы.

– А вот и могила моей бабушки, – сказала девушка, ловко увернувшись от поцелуя.

Галинка подошла к гранитной плите и положила на неё букет ромашек. Ромашки зашевелили головками, отвечая на заигрывания ветра, и тут же в воздухе появился тонкий ромашковый аромат, пахло любовью. Да, да – любовью. Галя теперь точно знала, что так пахнет любовь – настоящая, высокая, неповторимая.

Коля разделил свой букет пополам и одну из частей положил рядом с Галинкиным букетом.

«Так будет правильно, – сказал он задумчиво, внимательно читая надпись на памятнике. – Знаешь, а мой дед умер в тот же день, что и твоя бабушка. Ничего себе совпадение. Просто мистика какая-то. Да и могила его здесь, совсем рядом. Пойдём со мной». Он взял Галю крепко за руку и буквально потащил вперёд.

Молодые люди молча стояли у чёрного гранитного памятника. Искусно нанесённый на камень талантливой рукой портрет Колиного и Галиного деда улыбался им едва уловимой улыбкой.

«Ну, здравствуй, дед!» – Едва шевеля губами, произнесла Галинка. Коля услышал и вопросительно посмотрел на девушку.

«Знаешь, а ведь нам пора объясниться. Место, правда, не совсем подходящее. Только так дальше не может продолжаться. Я скоро сойду с ума от любви, а ты так и будешь избегать меня и сторониться. Предлагаю немедленно отправиться в мой загородный дом и там расставить все точки над і», – решительно заявил молодой человек.

Галинка подумала: «Да, пора ему всё рассказать. Обретя в моём лице сестру, он не очень будет разочарован».

Колин серебристый «Ниссан» затормозил у хорошо знакомого Галинке сказочного домика.

«Прошу Вас, Ваше Высочество», – сделав реверанс и низко склонившись, Николай распахнул перед девушкой входную дверь. Все стены комнаты, в которую они вошли, были увешаны Галинкиными фотографиями: и идёт она, и бежит она, и стоит она. И улыбается, и смеётся, и грустная, и задумчивая, и даже заплаканная. «Это когда? – подумала она, нахмурив лоб. – А впрочем, совершенно неважно».

– Что предпочитаешь? Кофе? Сок? Или что покрепче? – Коля поспешил на кухню.

Галя открыла дверцу заветного шкафчика и достала оттуда шкатулку. «Кнопочку под замочком вправо сдвигаешь, и дно шкатулки вверх поднимается – двойное оно», – вспомнила она выдержку из Серёженькиного письма и решительно сдвинула кнопочку. Дно поднялось и плавно выкатилось из шкатулки, а там под ним лежала чёрно-белая фотография – старая, затёртая: молодая красивая бабушка Люба в объятиях молодого красавца. Галя улыбнулась: «Так вот каким ты был, мой дед». Под фотографией лежал неподписанный конверт, девушка заглянула внутрь и увидела исписанные знакомым почерком деда Сергея листы бумаги. «Имею ли право?» – на мгновение задумалась Галинка и принялась читать.

«Любимая моя Любушка, моя девочка несравненная, моя женщина неповторимая, моя бабушка славная и вечно желанная, ты никогда не прочтёшь эти строки, да и никто, наверное, никогда их не прочитает. Я знаю, что тебя на этом свете больше нет, ты ушла светлой дорогой в Рай. Твоя душа пришла ко мне и крепко обнялась с моей, она попрощалась и, омытая моими горькими слезами, отправилась туда, где её ждала другая преданная и высокая любовь. Удивительная штука жизнь.

Всю жизнь тебя любили два мужчины, два вечных соперника, два безумца, готовые за тобой в огонь и в воду, готовые за тобой и в Рай и в Ад. Мне очень жаль, что ты так и не узнала о том, что я был верен тебе до последнего вздоха и больше никогда в своей жизни я не прикоснулся ни к одному женскому телу. Тайну рождения моей дочурки Любочки я не раскрыл никому, и она, скорее всего, навсегда уйдёт вместе со мной в иной мир.

Когда там, на далёком Севере в воинской части, куда я отправился служить после института, у меня появился друг, старший лейтенант Санька Огурцов, я немного оттаял душой. Я стал частым гостем в гостеприимном доме Саньки и его жены Верочки. Они были славными ребятами, очень жизнерадостными и весёлыми, ждали рождения сына и имя заготовили только для мальчика. Когда на свет появилась девчушка, они растерялись и предложили мне придумать имя для своей дочурки. Какое имя мог предложить я? Конечно же – Любочка. Она стала моей крестницей. Боже мой, как я любил её, словно в этом маленьком, нежном тельце жила твоя частица.

Два года спустя, возвращаясь из отпуска домой в часть, мои друзья попали в автомобильную катастрофу и погибли на месте. Только маленькая Любочка, самым непостижимым образом, осталась жива и здорова. Так у меня появилась доченька, маленькая рыжеволосая красавица, моё Сокровище, моё Солнце…

Любимая, сегодня моя душа присоединится к твоей, моё сердце отказывается биться без твоего, моя душа не может жить без твоей. Вот такая загадочная эта любовь! Вот такой немыслимой силой обладает она!»

Когда Николай с подносом в руках вошёл в комнату, по щекам Галинки катились крупные слёзы.

– Боже мой, любимая, что случилось? Ты пожалела, что приехала сюда? Я тебя обидел?

– Нет, ну что ты, любимый? Просто я люблю тебя очень! Я хочу быть твоей женой! Навсегда! И ещё ты должен узнать тайну двух шкатулок. Но это позже, позже, – прошептала Галинка, сливаясь губами с любимым в одно целое.

Александр Драло

г. Азов, Ростовская обл.

Луч надежды

В душе я знаю: нам не по пути.
И голос в голове твердит: «Уйди!».
Но я не брошу биться, позади
У нас остались радостные дни.

Когда стеклом бежал мороз по коже
И ветер охолаживал тебя,
Я согревал собой и был надёжен,
Когда в твоей душе сгустилась тьма.

И я привязанность отдам свою
Всю, до скончания времён.
На шаг я от тебя не отойду,
Когда весь мир во мраке поглощён.

Я стану для тебя опорой прежней,
Последую, куда бы ты ни шла.
Я был твоим лучом надежды,
И им же я останусь навсегда.

Я тебя люблю

Ты показал мне новый мир, и в ярком цвете
Давно уже ждала, что постучишь,
Когда войдёшь и тихо скажешь: «Покажите
Ту женщину, что мною дорожит».

И ты вошёл, неторопливо, робким шагом,
Как будто не тревожа тишину.
Окинув вновь меня своим влюблённым взглядом,
Сказал три слова: «Я тебя люблю…»

И нежно продолжал: «…Мне не найти на свете
Тебе подобной – ты моя судьба!
Теперь стою я в ожидании ответа:
Прошу, ты выйдешь замуж за меня?»

Недолго думала. Отвергнув все сомненья,
Я бросилась в объятия к нему
И прошептала: «Да, – с улыбкой и волненьем, –
Тебе своё согласие даю!»

Тот лучший день пылал от радости и счастья,
Навеки он останется со мной:
В моей душе, что так полна свободой, страстью,
В которой и живёт моя любовь.

Ночь

Когда ночь юна, когда ты на склоне лет своих
Долго думаешь над всем, что не далось,
Тогда в дрёме дня ты не можешь подняться ввысь
В окружении голых стен и беспокойств.

Так вспомни всё опять, что было и ушло во тьму.
Пусть ярким светом из неё горят мечты.
Не удаляйся в ночь неслышной поступью
И буйствуй, как умеешь только ты.

Когда уходят дни, когда тьма сильнее света
И твои волосы как лунь уже седы,
Когда каскадами срывается на плечи
Боль от разлуки и от горькой пустоты…

Так вспыхни ярче звёзд и, озаряя темноту,
Бушуй на фоне угасающей души.
Не удаляйся в ночь неслышной поступью
И буйствуй, как умеешь только ты.

Небо

Мы уходим в наше небо красиво.
Мы летим, порхаем вдвоём,
Выбирая, что сердцу лишь мило,
И друг другу даруем тепло.

Я смотрю в необъятное небо:
Ты сияешь в нём ярче лучей,
Что срываются солнечным светом.
В этом мире нет места светлей.

Поцелуи похожи на шёпот,
А объятья до дрожи крепки.
Бесподобные наши полёты
Перепутали мысли и дни.

Мы, как пух одуванчика, нежны,
Невесомы, свободны, легки.
Нерушимы все наши надежды –
Мы невинной любовью полны.

Только ты

Только ты, мой друг сердечный,
В мире грёз танцуешь вечно.
Только ты задуешь свечи
Этой ночи бесконечной.

Если дни туманно слепы,
И когда весь мир одетый
В краски тьмы, ты будешь светом,
Вдохновенным дунешь ветром.

И лишь ты, мой друг сердечный,
Переполненный надеждой,
Только ты ведёшь к рассвету
От теней, от боли этой.

Валентина Дьяченко

п. Андреевка, Балаклейский р-н, Харьковская обл., Украина

Родилась в Полтавской области, но родным считаю посёлок Андреевку Харьковской области, так как прожила здесь самую большую часть своей жизни. Замужем, есть сын и лапочка-дочка. Работала на стройке, железной дороге, с начала 90-х частный предприниматель. Все жизненные эмоции выливаются в стихи.

Вперёд

Дым костра, марш-броски походов,
Адреналином бежишь переходы.
Сил уже нет, ни упасть-отжаться,
Все мысли: скорей вперёд оторваться.
Ты разговорами лезешь в душу,
Мне надо бежать с топи на сушу.
На вдохе снова рюкзак поднимаю,
Команда «вперёд!» – и заплетаясь, убегаю…
Привал, отбой, маршрут прокладывать
Нужно всем снова, что-то доказывать.
Логично, что один ничего не решает,
Только команда победу вырывает.
Суматоха бытия иногда режет душу,
Бегу вперёд, уже не струшу,
Хотя нас часто бросает, ломая,
Свою дорогу мы выбираем.
Девчонкам нельзя слабину показывать:
Будут и в жизни тебе указывать.
Мысль о подушке: упасть, разрыдаться,
Но только сначала… Вперёд оторваться!
Бежим по тропе, деревьев лабиринты…
Мысль об офисе, где же принтер?
Чтоб жизнь отксерить и всё раскрасить,
И фотошопом мечты украсить…
Жизнь тяжела, но и прекрасна,
Хоть временами немного опасна.
На карте и в жизни маршрут выбираем,
Молча тонем, в борьбе взлетаем.

Капель

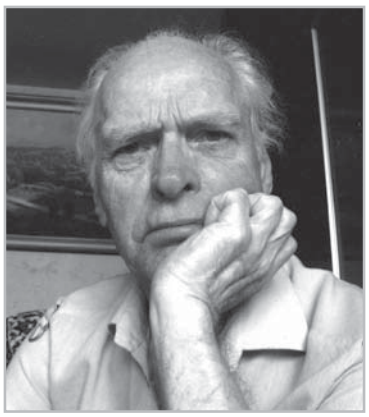
Я из окна смотрела на капель,
Как маленькие дождики летели,
Сверкая, долетали до земли,
Исчезли, потому что не взлетели.
Ты отвернулся, молча так ушёл.
Эмоции другие, что за дело?
Хочу тебя понять, но не умею,
Ведь руки опустились, сердце в цели.
Сомненья раздирают без ответа.
И почему кричу, а звука нету?
Из кучи букв хочу составить слово,
А буквы плавятся, текут, шипят, как олово.
Нас словно разрывает, слов здесь нет,
Когда рыданья сотрясают, нету слёз,
Когда рассыпались мечты, то нету грёз,
И никакой не дашь сейчас ответ.
Летать мы можем, но сейчас не здесь ты.
И двигаться вперёд, конечно, легче вместе,
И к звёздам бы, конечно, долетели,
Летать-то можно, важно б – захотели…

Брошенка

Бывает, уходят мужья,
как в серой дымке дальнобойщик-водитель,
Но привкус горечи годами –
когда бросают нас родители.
Захотят, полюбят кого-то,
нежно воркуя, встречаются,
Потом, передумав вмиг,
друг на друга рычат, ругаются.
И дальше, тщеславные очень,
всё делят, процент вычитают,
А детки даже не плачут,
вас ждут и о маме мечтают.
И верят, что папа сильный
нас ввысь далеко подкинет,
В полёте увидим небо,
но нет вас, и сердце стынет.

Чужие и хмурые люди
ведут малышей к машине.
Шепчу я тихонько: «Мама,
наверно, мне это снится?»
И верю я свято: если
сидеть у окна часами,
Однажды в погожий вечер
в детдоме увижу маму.
Ведь снова цветут деревья,
в окошке мелькают лица,
А я заболела, папа,
надо ж такому случиться!..
Деревья шумят угрюмо,
плескается дождь унылый.
Ведь вы же придёте, правда?
Я ждать вас совсем не устала.

Тихонько кружат снежинки,
и вьюга следы заметает.
Мамуля, найдёшь меня, правда?
и снова не потеряешь?
А знаешь, меня ругали:
я снова примёрзла к забору.
Поверь, мне не больно, мама,
ведь как ты найдешь дорогу?..
Тепло уж, и запах сирени
пронзительно, рывками вдыхается,
Смотрю я рассеянно в сторону,
у нас выпускной намечается…
Поверь, я простила, мама,
ведь время всех нас подлечит.
Но как дальше жить, зная,
кто больше всех нас калечит?



Владимир Ерош

г. Луховицы, Московская обл.

На вернисаже

Опять брожу по вернисажу,
Во все глаза на всё гляжу –
На этой «выставке-продаже»
Я ничего не нахожу.

Хожу-брожу по вернисажу,
Меня заманивают там
Не натюрморты, не пейзажи, –
Новинки выставленных рам.

Вот полотно в центральном зале
110 х 150,
Его когда-то заказали,
А брать, однако, не хотят.

К тому же рама, да какая!
Что значит – кооператив…
Червонным золотом сверкает, –
За раму баксами плати…

А эту раму «в шип» сварганил
По пьянке наш мастеровой.
Её художник испоганил,
Покрыв морилкой спиртовой.

Там незаметная, в сторонке,
Где не темно и не светло,
Мерцает серебром обгонка
По акварели под стеклом…

Итак, хожу от рамы к раме;
От макро-тем до микро-рам.
Вот рама десять килограммов,
А эти рамы – чёрных гамм…

Хожу-брожу в тоске зелёной…
Как вдруг, откуда ни возьмись,
Явилась синевой бездонной
В сиянье света ЖИВОПИСЬ!

Она рвалась, волной плескалась,
Искрилась на лучах светил,
Она ребёнком кувыркалась,
Дыша морозцами крестин.

Где фиолетовые струны
Звучали в рыжих облаках, –
Там блики бешеных бурунов
Неслись валторной в небеса.

Рождалась песня от палитры
И разрасталась на холсте.

Вдруг рассыпал ударник ритмы,
Чуть мастихином просвистев,

В траве скакали пиццикато,
В цветке жужжал ультрамарин –
Там колонковый медиатор
Речитативом говорил.

Там хор дождей!
Литавры молний!
И дивный праздник небылиц!
Там буйство цвета и симфоний
Без горизонта!
Без границ!

Тогда глаза мои влажнели,
Шептали губы в тишине
В том гипнотическом виденье,
В огромном сполохе огней.

Я не стыжусь душевной драмы
И слёз, что вырвались из глаз:
То был шедевр!
– Но где же рама?!
А рамы нет
На этот раз.

Я – луховичанин

Меня судьба гоняла по России
От Балтики через таёжный гам.
По городам и весям заносила
Аж к тихоокеанским берегам.

На сквозняках Татарского пролива
Внимал я гулу океанских волн,
И что-то грезилось в приливах и отливах –
Я был поэзией Востока упоён.

Я слышал голоса берёз и клёнов
В краю, где климат дьявольски суров.
И даже там звучала отдалённо
Та песня «Подмосковных вечеров».

Не помышлял я встретиться с Москвою,
Не мог и думать в Подмосковье жить,
Но получилось всё само собою –
Меня кружили жизни виражи.

Ломали, мяли, разъедали страстью,
Зимой бросали мордою в сугроб…
И мне знаком оскал звериной пасти,
Судьба не раз мне предрекала гроб.

И в кутерьме скитаний по России
Я пробивался порослью травы.
Тогда дожди печально моросили –
Я рос, как все, с преклоном головы…

В бредовых снах я часто порываюсь
Сдирать с себя детдомовскую грязь,
И подорожной пылью задыхаясь,
Я что-то пел, рыдая и смеясь.

Но рисовал.
Писал стихи на клочьях,
Меж строк газет и бланков накладных.
Сжимались дни, и не хватало ночи
Для выраженья глупостей моих.

И никогда я не являлся членом
Ни партий, ни союзов и ни сект.
Меня, как Буратино из полена,
Тесал стремительный и злой XX век!

И вот я здесь нежданно, в Луховицах –
В далёком подмосковном городке,
Где по утрам густой туман клубится
С гудками теплоходов по Оке.

Где барды русские на «Голубых Озёрах»
Слагают свою песенную новь,
Где Берхино – прекрасные просторы –
Влекут меня. И будоражат кровь.

О, сколько добрых и красивых лиц!
Я обзавёлся новыми друзьями,
Где земляки свою судьбу связали:
Поэты и художники Рязани,
Зарайска и, конечно, Луховиц.

Вот к этим берегам моя ладья причалила.
Ну вот и всё. Я стал луховичанином.

Дуэт прошлого с настоящим

(Аналитическая поэма)

1.

Опять я было взялся за перо.
Всё жду зимы.
Гляжу в седую просинь.
Бренчит капелью старое ведро,
Так плачет затянувшаяся осень.

Тот листопад и клики журавлей
Уплыли облаками в бабье лето.
Явилась осень жизни. А за ней
Грядёт зима. Грядёт по фиолету.

Ещё вчера по берегам
Роса алмазами сверкала,
Кукушка в роще куковала,
И разрастался птичий гам.

Ещё вчера на быстрине,
Резвясь, голавль внезапно ухал,
Ещё вчера комар над ухом
Так надоедливо звенел.

Ещё вчера по окнам клён
Хлестал зелёными листами.
Стрижи над крышами взлетали –
Был воздух солнцем напоён.

И вот зима.
Кругом светло.
Над белоснежным покрывалом
Совсем иначе в мире стало –
Метёт метели помело.

Зима метёт по улицам Души.
Уже знобит в остекленевших лужах.
Сегодня разум шепчет:
– Не пиши!
Ну никому старик-поэт не нужен!

2.

Листаю память пролетевших лет
И натыкаюсь на шестидесятых.
Там на виду художник и поэт,
Авангардист и Хиппи волосатый.

Поэзия безумными гротесками
Врезалась в память разрывными пулями, –
То сполохи Андрея Вознесенского,
То кукованье Беллы Ахмадулиной.

Поэтами заполнен «Политех»,
Звенел Арбат гитарой Окуджавы,
И возродился над Россией смех –
Тогда мы не стыдились за Державу.

На Олимпийских играх за бугром
Болели мы за Роднину Иринку,
И долетал до нас оваций гром –
Лёд «Золотом» кружился под «Калинку»!

По ледяному полю клюшек треск –
Майоровы, Старшиновы…
Да что там?…
На стадионах не хватало мест –
От шайб рвались канадские ворота!

Канаверал немного не успел –
Союз ракетой на орбиту вышел.
Из космоса Гагарин возопел
Что Родина его оттуда слышит.

Там академий неумолчный спор:
Кто нам важнее – физик или лирик?
Мололи чепуху и всякий вздор –
СССР блистал в туманном мире.

3.

Мы строем шли в далёкий коммунизм.
Уже мерцал просвет в конце тоннеля.
Нам верою служил коллективизм –
Мы в этом как никто поднаторели.

И в Октябре, и в Мае – звездопад!
Туман речей Верховного Шамана.
Под шум оркестров ширился парад! –
То был триумф Великого Обмана.

Вперёд! Вперёд!
Уже Заря встаёт!
Накал Зари – прекрасная сюита.
Мы верили, что Коммунизм грядёт.
Водил нас за нос поводырь Никита.

Наш паровоз, вперёд лети! –
В коммуне остановка.
Другого нет у нас пути,
В руках у нас винтовка!

И за верстой неслась верста,
Пока мы гимны пели.
Проснулись, станция не та…
Коммуну пролетели!

Проели, пропили, прожгли,
Но становились в позу, –
Лететь, казалось, мы могли
Быстрее паровоза!

Вперёд! Вперёд!
И всё к чертям!
У нас своя дорога.
Мозги экстазом очертя,
Мы позабыли Бога.

4.

И вот… Пришли.
К чему же мы пришли?
Как говорится,
«дожили до ручки»!
Мы порослью
немыслимой взошли –
Цветением дебильных недоучек.

Прикольных шоу мутная волна,
Балдеет молодёжь
от белладонны!
Девицы рдеют. В чём же их вина,
Что на панель шагнули
беспардонно?

На нивах СМИ
который год подряд
Играет в дурака провидец Глоба!
В глаза смеётся наглый депутат –
Конгломерат политики и сноба.

Обвал морали.
Рыночный подъём.
Земля России –
закордонный донор.
Идём по трупам.
По мордасам бьём.
На нас глядит,
как мы отраву пьём,
Американский дядя –
«мистер доллар».

5.

А я тону в поэмах и вине.
Мне 60, и я не лезу в драку.
Меня менты лупили по спине,
Лупили, сволочи, дубиной,
как собаку!

Кому нужна
твоя настройка струн?!
По площадям иной гуляет ветер.
Заткнись, поэт.
Стихи свои засунь
Для сра..х задниц
в затхлом туалете!

Кругом какой-то
поминальный вкус
Меня преследует
при виде крестовины.
Прости меня сегодня, Иисус,
Что не к тебе,
домой иду с повинной.

А на кресте отплясывает бес…
Не от того ль сегодня я в миноре?
Родимый дом.
Изгаженный подъезд.
И неизменные три буквы
на заборе.

Тону, друзья, в поэмах и вине,
Тону в грязи
и в равнодушнорожье!
Как холодно…
Ужели только мне
Морозит Душу дикое безбожье?

6.

Прости меня, Россия, что завыл,
Что зря об лёд
свои ломал я копья.
Шестидесятые страницы
приоткрыв,
Реву, размазывая
старческие сопли.

Не надо было браться за перо:
Зима пришла.
Но почернела просинь.
Лежит под снегом
старое ведро…
Уходим в снег
я и старушка Осень…

А снег идёт…
Танцует снег…
И кроет всё –
пока несмело,
Что днём вчерашним
отзвенело.
Танцует снег…
Танцует…
Снег…

янв. 2007 г.
дек. 2010 г.

Близняшки и Наташка

В лесу родилась ёлочка,
В лесу она росла.
Зимой и летом стройная,
Зелёная была.

Близняшки белокурые
Весною родились –
Красивые, смешливые,
На радость удались.

Одну назвали Ёлою,
Другую Фатимой.
Летели дни весёлые –
И летом, и зимой.

Была у них подруженька,
Наташка-«Килограмм», –
Вот столько она весила
С пелёнкой пополам.

Была она ровесницей
Девчонок-близнецов,
Но не была красивою,
Не удалась лицом.

И так носилась троица
По улицам Земли.
И люди не заметили, –
Близняшки подросли.

Две девушки-лебёдушки…
Сверчит телеэкран.
Увидели их издали,
Из зарубежных стран.

Земля молвою полнится,
Кому чего милей.
В чужих руках всё спорится.
В чужой стране сытней.

Банановые заросли
Далёких островов, –
Там жизнь куда прекраснее
И лучезарней снов.

Лети, мечта хорошая!
Лети через моря!
Туда, где всё роскошнее,
Меж нами говоря…

Девчонок заприметили
Самцы чужой земли,
Словами оконфетили,
С собою увезли…

Осиротела улица.
Поплакала родня.
Наташка-некрасавица
Осталась одна.

……
Там, за кордоном, полночью,
В алмазах нагишом,
Пилили нашу Ёлочку
Под самый корешок.

И бывшая красавица
В рождественскую ночь
Осталась бесприданницей
И… выброшена прочь!

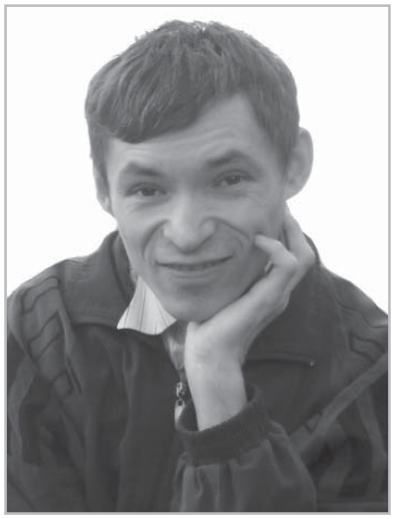
……
В монастыре с погостами,
Где непроглядна тьма,
Затеряна на острове
Монашка-Фатима.

Там тучи мракобесятся,
Дожди печальных дней.
Там пожилая грешница
И Фатима при ней.

Эпилог:
И верится, не верится,
Не скрыться от судьбы, –
Всё в жизни перемелется,
Каким бы ни был ты.

И воссияла на небе
Наташкина звезда,
Такой счастливой матери
Никто не ожидал.

Две девочки!
Два мальчика!
Амурной красоты –
От доброты Наташкиной
Прекрасные цветы.



Александр Ильин

г. Чебоксары

Земля, дающая жизнь

«И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду её, и дерево, приносящее плод…»
Бытие, 1:12

Вопросы, связанные с происхождением жизни на Земле и происхождением самого человека, являются, наверное, одними из самих древних, «вечных» вопросов, волнующих наши умы. И, как это свойственно «вечным» вопросам, с каждой новой эпохой, с каждыми новыми изменениями и потрясениями в жизни общества они вновь встают перед нами. И мы снова, ломая все свои прежние гипотезы и теоретические построения, ищем на них ответы…

В чём ошибался Дарвин?

Сейчас уже ни для кого не секрет, что теория эволюции Дарвина, долгое время господствовавшая над людскими умами, не в состоянии дать исчерпывающего ответа на вопрос о происхождении разных форм жизни на Земле. То, что эволюционные изменения видов действительно имели место, можно считать несомненным: подтверждение тому мы находим и в многочисленных археологических раскопках, и в изучении эмбрионального развития, когда эмбрион удивительным образом за короткое время проходит все этапы эволюционного развития своего вида. Однако, как именно происходила эволюция, каковы её причины и механизмы? Почему многие виды (от вирусов до крокодилов) не претерпели никаких изменений в течение многих миллионов лет и до сих пор успешно сосуществуют с более развитыми существами, несмотря на *борьбу за выживание*? Почему лишь отдельные виды смогли шагнуть вверх по эволюционной лестнице? Почему отсутствуют многие переходные формы, словно эволюционные изменения отдельных видов происходили вовсе не постепенно, а резкими скачками? Всё это не может найти удовлетворительного объяснения в рамках классического дарвинизма и порождает множество новых теорий и гипотез.

А между тем, некоторые «белые пятна» в теории Дарвина давно уже нашли вполне научное объяснение, причём большей частью благодаря работам советских учёных! Правда, в конечном итоге они тоже не дают исчерпывающего ответа, а порождают новые, подчас совершенно неожиданные вопросы. Но чтобы разобраться в этом, нужно начать с главного, ключевого вопроса: какова причина эволюции?

Дарвин видел причину в естественном отборе. Каким образом происходит такой отбор – нам сегодня хорошо известно: его механизм кроется в наследственной изменчивости и т.н. *борьбе за выживание.* Дело в том, что геном живых существ на Земле не является абсолютно-стабильным, он подвержен мутациям. Мутации могут происходить в силу огромного множества причин – болезней, изменений условий окружающей среды, усиления солнечной активности и т.д. В результате организм может претерпевать некоторые изменения, обретать новые качества, новые способности, которые могут передаваться по наследству следующим поколениям того же вида. Это и есть *наследственная изменчивость*. Однако не все из приобретённых таким образом способностей оказываются полезными: одни из них могут облегчать жизнь, а другие – наоборот, затруднять. Конечно, в более выгодном положении оказываются те виды, которые обрели «хорошие» способности, помогающие им в жизни; а вот те, которым достались «плохие», мешающие качества, могут просто не выжить и потихоньку исчезнуть с лица Земли, – такова борьба за выживание.

Дарвин полагал, что более выгодное положение в этой борьбе получают более развитые существа. Интуитивно это кажется вполне понятным: чем лучше ты развит, тем больше возможностей ты получаешь в жизни и тем больше у тебя плюсов в борьбе за выживание. Но именно в этом-то и состояла, пожалуй, основная ошибка Дарвина: в неверной оценке роли естественного отбора в биологических процессах на Земле.

Выживают те, кто лучше приспособился?

Естественный отбор в природе действительно существует. Однако его роль далеко не столь проста и однозначна. В 20-м веке исследования учёных показали, что в борьбе за существование в более выгодном положении вовсе не обязательно должны находиться организмы, стоящие на более высокой ступени развития. **В борьбе за существование в более выгодном положении оказываются организмы, более приспособленные к условиям окружающей их среды**, причём они могут стоять как на более высоких, так и на более низких ступенях развития, чем другие, окружающие их виды. Генетические мутации также зависят большей частью именно от условий среды обитания. Из этого следует, что **естественный отбор представляет собой природный механизм, позволяющий сохранять равновесие между живыми организмами и окружающей их средой или приспосабливаться к изменениям окружающей среды**. При этом он может иметь двоякую форму.

При относительно неизменных условиях среды обитания естественный отбор имеет *стабилизирующий* характер, обеспечивая устойчивое равновесие между разными видами живых организмов и окружающей средой. Стабилизирующий отбор всегда направлен в пользу нормы, соответствую-

щей наиболее приспособившимся к данным условиям организмам, – любые мутационные отклонения от этой нормы при этом отсеиваются. Именно благодаря стабилизирующему отбору виды могут сохраняться неизменными в течение многих и многих миллионов лет. Установлено это было советским ученым И.И.Шмальгаузеном.

Движущий характер естественный отбор имеет лишь при значительных изменениях условий среды обитания. В этом случае он направлен в пользу отклонений от установившейся нормы, позволяющих организмам лучше приспособиться к новым для них условиям. Именно движущий отбор может привести к вымиранию одних видов и появлению других, причём за достаточно короткий исторический период, – если изменения среды обитания происходят катастрофически быстро. Однако характер видовых изменений в этом случае вовсе не обязательно должен иметь эволюционную направленность, изменения могут иметь также противоположное направление и приводить к регрессу, т.е. могут вымирать более развитые виды и появляться (или выживать) менее развитые.

Таким образом, в обоих случаях естественный отбор не имеет строгой эволюционной направленности и не может сам по себе служить движущей силой развития органических форм жизни на Земле. А не имея движущей силы, развитие жизни (как и её зарождение!) должно иметь случайный, хаотичный характер, и наряду с эволюционными этапами в истории Земли должны быть также обратные, инволюционные этапы.

Однако все имеющиеся на сегодня данные говорят скорее об обратном: никакого регресса в истории Земли не обнаруживается. Даже вымирание видов происходило всегда лишь таким образом, что открывало путь к распространению именно более развитых видов и тем самым приводило только к развитию, а не к деградации жизни.

Всё это говорит о том, что изменения форм жизни на Земле происходили вовсе не случайным, хаотичным образом, – они имели явно выраженный эволюционный характер. Но каковы же тогда могли быть причины этой эволюции, какова её движущая сила, если естественный отбор не мог сам по себе привести к такому направленному (не хаотичному) развитию?

Однозначного ответа на этот вопрос мы пока, наверное, не в состоянии найти. Предположений немало, но слишком мало данных, чтобы можно было сделать окончательные выводы. Однако некоторые выводы всё же напрашиваются.

Земля – Мать всего живого?

Как уже отмечалось, к видовым изменениям может привести лишь движущий естественный отбор, который напрямую связан с изменениями окружающей среды. Такой отбор должен иметь случайный характер, если природные изменения на Земле происходили случайным образом. Но что если **изменения природных условий на Земле имели вовсе не случайный характер, а складывались именно таким образом, чтобы создать необходимые условия для возникновения и направленного развития жизни?** Другими словами, что если эволюция на Земле была спровоцирована?

Но что могло такое спровоцировать? Какие-то естественные космические излучения? Высокоразвитый инопланетный разум? Сверхъестественные непостижимые силы (Бог)?..

Увы, тут мы можем пока только гадать, поскольку на сегодня нам даже неизвестен механизм, способный вызвать вполне определённые (не хаотичные) изменения среды обитания тех или иных видов жизни. Кроме того, не исключено, что движущий отбор является не единственным природным механизмом, способным привести к видовым изменениям, – могут быть и другие механизмы.

Например, последние исследования учёных показывают, что такая важная, основополагающая составляющая всей жизни на Земле, как вода, может иметь намного более сложную структуру, чем предполагали ранее: её молекулы могут группироваться и образовывать более крупные структуры – кластеры. Такая *структурированная вода* обретает новые качества, изменяются её физические свойства и биологическая активность. Предполагают, что воды, окружающие зародыш млекопитающих в период эмбрионального развития, являются именно структурированными. И уж точно известно, что изменение структуры околоплодных вод может существенно сказаться на развитии эмбриона – в частности, привести к наследуемым мутациям. Аналогичные явления могут иметь место и для менее развитых, в том числе одноклеточных организмов: **изменение структуры воды, содержащейся в живой клетке, особенно в клеточном ядре, хранящем гены, может существенно сказаться на биологических процессах в клетке (меняется растворимость веществ и скорость их обмена) и провоцировать наследуемые мутации.** А изменение структуры воды в естественной среде (прудах и озёрах, реках, морях) может привести к существенному увеличению вероятности синтеза сложных органических молекул (белков и нуклидов) из неорганических, – т.е. провоцировать ускорение процесса зарождения органических форм жизни!

Фактически, мы начинаем понимать ещё один механизм, способный приводить к видоизменению живых организмов. Однако физическая природа воздействий, способных привести к необходимым структурным изменениям воды, на сегодня является неизученной. Предполагается, что структура воды может сильно зависеть от некого энергоинформационного фона окружающей природной среды.

И мы опять приходим к важной роли всё той же природной среды! Её изменения могут провоцировать видовые изменения жизни. Её «энергоинформационный фон» может влиять на структуру воды в водоёмах и в живых клетках – и тем самым опять же провоцировать видовые изменения. Всё это наводит на мысли о том, что **сама Земля могла играть главную роль в процессе зарождения и развития жизни на её поверхности.**

Такой вариант выглядит вполне естественным и разумным, поскольку отпадает необходимость в необъяснимых, сверхъестественных силах. Но только… как могло неживое образование – планета Солнечной системы – в течение миллионов лет шаг за шагом создавать на своей поверхности именно такие условия, которые необходимы для зарождения и направленного развития жизни?

А может, Земля – вовсе не такое уж неживое образование? Может, она сама представляет некую особую планетарную форму жизни, а **возникновение и развитие органических форм жизни на Земле явилось результатом естественного развития, «взросления» самой Земли – как живого организма?** Ведь жизнь может дать лишь то, что само

является живым (не случайно народная мудрость издревле называла Землю Матерью)…

Такое предположение может показаться слишком смелым и не вполне научным. Но на самом деле оно не является столь уж необоснованным: последние исследования экоструктур нашей планеты всё убедительнее показывают, что Земля – уникальное образование, по сложности своей структурной организации не уступающее органическим формам жизни. Так что нам следовало бы обратить более серьёзное внимание на возможность влияния со стороны Земли на процессы, протекающие в органическом мире, в том числе и в человеческом обществе. Не исключено, что вовсе не случайно мы наблюдаем в последние годы и глобальные климатические изменения на Земле, и рост природных катаклизмов, и учащение болезней. Что если это и есть реакция со стороны планеты на действия человеческого общества, не сумевшего выстроить правильные взаимоотношения с природой Земли? Природой Планеты, представляющей собой удивительный живой организм, Матерь всего живого на своей поверхности…

Конечно, такой поворот не решает всех вопросов, связанных с происхождением жизни, а лишь поднимает их на более высокий, Вселенский уровень. И здесь перед нами возникают уже новые вопросы – о зарождении и эволюции самой Вселенной. Нас ждёт переоценка многих прежних взглядов: на возможности развития структуры планет, звёзд и галактик, на их роль в эволюции Вселенной, на саму жизнь и её формы, возможные во Вселенной. Новых решений ждёт и физика: научная картина мира не может быть полной без учёта и анализа энергоинформационных взаимосвязей, способных влиять на структурные свойства сложных физических систем.

Нас многое ещё ждёт впереди, много удивительных открытий. И возможно, в конце концов мы сможем всё-таки лучше понять окружающую нас Природу и сможем выстроить более гармоничные отношения с ней. Ведь нельзя бесконечно долго находиться в неведении о том, как мы появились в этом Мире и как должны в нем жить, чтобы сохранить саму жизнь.

ТАМ, ГДЕ ДЕТСТВО

(по мотивам сказок Владислава Крапивина)

Там всё не так, как здесь. Там пахнет полынью Безлюдных Пространств и манят таинственные огни бесконечных граней Великого Кристалла. Там каждую ночь жгут костры добродушные чуки, а из глубин заброшенных подземелий устало и грустно взирают фрески верных Хранителей. Там мир полон сказок и чудес, там можно летать и разговаривать со звёздами. И если даже там есть зло и смерть, и тьма смотрит холодными глазами из тёмных провалов пространств и веков, – это не страшно, совсем не страшно, потому что там, рядом, – мальчишки и девчонки, которые никогда не обманут и не предадут, которые всегда будут готовы броситься тебе на помощь сквозь сотни неведомых пространств и миров…

Там всё не так, и я вновь и вновь спешу туда, забыв обо всём на свете, ведь там меня ждут мои друзья. Там встретит меня на Дороге маленький задумчивый Юкки, который, кажется, обошёл всю Вселенную и знает всё на свете, – но только не знает, где его дом и его мама. Там встретит меня Серёжка, с которым даже на инвалидной коляске можно отправиться хоть на край света; и он снова тихо шепнёт мне на ухо, если станет трудно: «Не бойся, я никогда не брошу тебя…» Там весёлый и упрямый Яшка снова будет стремиться к звёздам, но даже улетая в неведомую даль, он вновь крикнет: «Я не забуду тебя! Пускай хоть как вспыхну – не забуду…» И он не забудет, и, став звездой и снова став мальчишкой, сквозь сотни миров он снова вернётся ко мне, чтобы, отдав все свои звёздные и человеческие силы, спасти меня в роковую минуту! Там маленький оруженосец Кашка будет смотреть на меня преданными глазами, и он никогда не бросит меня, никогда не оставит в беде, даже если ничем не сможет помочь, даже если сам испугается до полусмерти, – он не дрогнет и не убежит, бросив оружие на поле битвы, потому что он – самый преданный оруженосец на свете!..

Там мои друзья, там моё детство, там моя сказка, и каждую ночь я снова и снова ухожу туда, чтобы встретиться глазами с маленькими рыцарями великой Вселенной. Им не нужны ни богатство, ни власть, ни слава, для них не важно, кто ты, как ты ходишь и как говоришь. Для них важно только одно: чтобы, когда идёшь навстречу неведомому, рядом был тот, кто никогда не бросит, не предаст и не обманет, которому можно доверить всё и отдать всё, даже свою жизнь, потому что «…ты для меня как Город, как море… Как мама… Потому что без тебя я не могу жить так же, как без них…»

И пусть, пусть мне все говорят, что всё это лишь фантазии, лишь сказки, придуманные Сказочником, что все эти ребята – лишь герои его книг, и нет на самом деле таких мальчишек и девчонок, и не бывает такой дружбы, и бессмысленно целыми днями сидеть на балконе и ждать своего Серёжку, с которым можно было бы даже на коляске отправиться в путешествие по Безлюдным Пространствам, а ночью – полететь в Заоблачный город! Но я-то знаю, что все эти Миры и Пространства, Заоблачные города и чуки, и все эти бесконечные грани Великого Кристалла со всеми чудесами и сказками есть на самом деле, но они существуют только для таких, как Серёжка, и открывают свои двери только таким, как Серёжка – готовым даже разбиться насмерть, лишь бы Ромка научился ходить!.. Я верю в это. Я верю, что дождусь своего Серёжку, и однажды мы с ним непременно отправимся в Заоблачный город. Нужно только не забыть дорогу туда, где детство. Нужно только не предать в своём сердце маленького рыцаря великой Вселенной, доверчивого Маленького Принца.

Эльвира Зенина

г. Омск

Я – Женщина

Я – женщина.
Я – ночь и тьма,
И среброликая Луна,
Крадущая у Солнца свет –
Владыка вод, владыка бед.

Я – притяженье полюсов
И скал непокорённых зов,
Колдунья, Вечный Непокой.
Вы – меня сделали такой!

Я – ваша тень, порок и страх,
И страсть с проклятьем на устах,
Мерило злобы и добра,
Я – бес из вашего ребра!

Запретный плод, заветный хмель.
Вы – пылкий март, а я – апрель.
Во все века и времена
Я – пашня, ждущая зерна!

Всему исток, всему итог.
Весь мир во мне!
Вы – свет, я – рок.
И в каждом рыцарском бою
Незримой тенью – Я – стою.

Я – тайна, торный путь пройдя,
Меня найдёте – не найдя.
И приготовьте мне фату,
Когда, как смерть, я к вам войду.

_____

** Навеяно размышлениями о соответствиях женского начала с Луной, цифрой 2 – символизирующей притяжение 2-х полярностей и тайные знания, буквой «мэм» (женщина) еврейского алфавита, которая является 13-м арканом Таро «Смерть».*

Чудесный день

Какой сегодня день чудесный!
Я не припомню дней таких,
Когда б они вливались песней
В мой сокровенный лейтмотив!

Когда б прохожие кивали
И улыбалась я в ответ,
Когда б мне невзначай сказали:
ОН ПЕРЕДАЛ ТЕБЕ ПРИВЕТ!!!

Ночное

День прогорел, как фитилёк свечи.
Потоками расплавленного воска
застыли силуэты ив. В ночи
срывает естество одежды лоска.

Природа вдруг становится иной.
Густеет воздух. Лунная дорожка
едва коснулась глаз, и я, как кошка,
крадусь по ней туда, к себе домой,

в сияющий шатёр ночных небес!
И, слух на волны тишины настроив,
я слышу: разговаривает лес
о том, что Солнце нынче
стало злое.

Заражено пороками – с Земли
идущих тёмных био-излучений.
И просит лес
за нас, людей, прощенья!
И вторит голос шелесту мольбы.

Откуда этот голос? Он звенит
струной в ночи,
а днём совсем не слышен.
Он говорит, а летописцы пишут
стихи. В их окнах свет ещё горит!

Внимая голосу, вдыхаю жизнь
в её спокойной, величавой силе.
И слёз ручьи пробились и застыли
кристаллами, отметив рубежи

миров. И отделили ночь от дня,
ночи дав истину,
а дню – блистанье.
Я – ночь. И если это наказанье,
то накажите истиной меня!

Улочки Риги

В этих маленьких двориках
этих маленьких улочек
нам не встретиться. Под руку
не гулять до полуночи.
И смущёнными взглядами
не коснуться запретного.
Близких счастия ради мы
разошлись. Оба преданы.
Оба заживо ра́спяты
теми самыми, близкими.
Плачет жертва напрасная
под любви обелисками.
И мелодия давняя
встрепенулась надеждою…
Только шансы не равные,
ты – другой, я не прежняя.
И шторма сумасшедшие
не качнут сердца маятник.
Только эхо ушедшего
в узких улочках памяти…

Молитва

Платье новое шила.
Не парадное, скромное.
И молитву сложила
свою, не церковную.

И к подножью Его
горьким вызовом бросила.
В ней три слова всего:
– Полюби меня, Господи!

Полюби наяву!
Не прощая, не милуя,
как вот эту траву,
просто так – полюби меня?!

Как любил Ты цветок,
тяжелеющий росами.
И за этот упрёк –
полюби меня, Господи!

Я и ты

Я и ты. Глаза в глаза.
И разлука у порога.
Мне – печаль. Тебе – дорога.

Я и ты. Простимся молча.
Что слова? – постигшим души –
в этот миг великой стужи…

Я и ты. Живя в разлуке,
уходя от суеты
в мир послушной нам мечты,
вдруг качнём былого звуки,
вспомним: были «я и ты»…

Остров

Словно в клетке птица,
Львица на цепи…
Мне с пути не сбиться,
Нет его, пути!

Я пойду на север,
А вернусь на юг.
Остров. Вечный берег.
Замкнутый круг.

Присмирели кони
Не найдя тропы…
Остров на ладони,
На линии судьбы.

Тот вечер

Лавочки двора пусты, – дождь.
Ужин на плите остыл, – ждёшь.
Тихо детвора сопит, – спит.
Снял фуражку замполит, – убит…

Я не скажу вам: «Ах!»

Я не скажу Вам: «Ах!»
Руки для поцелуя
Не протяну и глаз не опущу,
Всё проще! Накормлю, переобую
С дороги. О минувшем погрущу…

Не знала, что соперницу имею
Холёную, в каменьях и мехах.
Её старанья разбивая в прах,
Я – увела? Вы – выбрали, точнее!
И породили громы за спиной,
Метанье копий ревностного пыла:
Зачем – не с ней, а в бедности – со мной?
Вы полоумны, я ли опоила?

Секрет простой: не хищница, не самка.
Мужчины на постой приходят к мамкам.

Я тебе никогда не скажу

Я тебе никогда не скажу, как страшусь разлуки
Ирина Кузнецова

Я тебе никогда не скажу, как страшусь разлуки,
В сотый раз оставаясь смешливой и несерьёзной.
Провожу за порог, протянув на прощанье руку,
Буду милой казаться, спокойной и грациозной.
А когда за тобой затворятся чуть слышно двери,
Вдруг обмякнут колени, и губы не сдержат стона,
Я холодной стене прокричу о своей потере.
Только ты не услышишь и эха сквозь гул бетона.

***

Я почти отогрелась, почти отпустила
эту боль под названием – жизнь.
Что сумела – забыла, другое – простила…
Отмеряя судьбы этажи,
с высоты созерцаю минувшие годы,
для финала готовя досье:
беды издали мельче, как ровные всходы,
ну а счастье… не видно совсем.
Потому ли, что шла по неверной тропинке,
подняла несчастливый билет,
потому ли, что звёздные две половинки
разминулись на грешной Земле.

В разлуке с сыном
(из раннего)

Мальчик мой, мой родной… И за что нам это?
Даже мечтами боюсь к тебе прикасаться – так больно!
Эти глаза цвета знойного лета
в слезах: – Мамочка! Мама! Возьми с собою!

Ну возьми! Я буду хорошим! Буду послушным!
Сделаю всё, что ни попросишь!
– Милый мой! Да ты – самый лучший!
Мой дорогой! Ну пойми, ты взрослый!

Я – не могу. Кто я? Просто песчинка,
то ветром гонима, а то – растоптана.
В дальнем краю мне и небо с овчинку,
мне и земля, сорняку, не удобрена.

Я – не – мо – гу! Хоть люблю тебя очень!
Не рассказать, как люблю, мальчик мой!
Видно, такая судьба нам, сыночек. Понял?
– Да, понял… Возьми меня, мамочка!

***

Сожгу стихи! Огнём огонь расплавлю
души моей, и в пепел обращу
тоску! И боль по ветру отпущу!
Но память вновь листает те же главы…

***

Я уже не жду ни слов признанья,
ни прогулок в стиле Romantik,
оставляя это испытанье
молодым, чей шторм ещё не стих,
кто ещё бросается на скалы,
рассекая надвое сердца…
Я не жду. Я выдохлась. Устала,
не дождавшись милости Творца.
Мой мотив не выдержал ремейка
новых стилей, ритмов. И затих.
Вне игры я. Просто на скамейке.
Даже не – скамейке запасных.

Быть счастливым – это правильно!

Быть счастливым – это правильно!
Каждым днём и вздохом каждым
утверждать простое правило:
Жизнь – для жизни! И неважно,
что не молод! Лавры Фауста
не уймут тоски сердешной,
ведь несчастье в нас – от зависти:
кто богаче, кто успешней,
кто моложе, кто любимее…
Каждый перечень продолжит.
Ты – живи! Не бойся имени
уронить в глазах прохожих:
не успел – не смог – не справился…
Жизнь – сама в себе вели́ка!
Быть счастливым – это правильно!
Счастье – не слуга элиты!
Счастье – не подруга сытости,
беззаботности и славы.
Подивись весны цветистости,
небу, шороху дубравы…
Радость входит в сердце каждое
ребятёнком голопузым.
Красивей живут богатые,
а счастливее – зулусы!
Будь собой! В себе источники
обрети любви Господней!
Не дана нам жизнь сверхсрочная.
Каждый миг цени – сегодня!

Слова любви

Слова любви?! Ты – мне?! Спасибо, друг!
Но только помни, что они – опасны!
Пока не знаешь почвы ты, не ясно
чем прорастут! – наука из наук!

На черноземье вырастут цветы,
чертополох – в степи, и мхи – в прохладце.
А для меня – зигзаг на двести двадцать!
И сердце – в пепел! И душа – в жгуты!

Конечно, годы остужают пыл,
и учащает пульс тахикардия.
Но Боже упаси, чтоб разбудили
вулкан любви, что в недрах не остыл!

Марина Золотова

г. Воскресенск, Московская обл.

Родилась в г. Воскресенске Московской области. Работает в ГБУЗ МО «Воскресенская станция переливания крови».

Член Союза писателей России. Награждена Золотой «Есенинской медалью», медалью А.П.Чехова, медалью им. Елены Слободянюк, дипломом Н.С.Гумилёва. Дипломант Международного фестиваля песни среди медиков-студентов и медицинских работников в г. Астрахани в апреле 2010 г.

Участница конференции Славянских народов в г. Плевене (Болгария, май 2010 г.). Участница фестиваля Авторской песни «Воскресенская Заря» (2010 г.) – Приз зрительских симпатий. Участница международного поэтического форума в Греции. Принимала участие в международном фестивале студентов-медиков и медицинских работников в г. Твери. Участница благотворительных концертов. Автор двух поэтических сборников: «Любви всегда на свете мало» (2005) и «Я счастливая» (2010).

Светофор

Словно строгий часовой –
Светофор на мостовой.
Нам укажет верный путь –
Друг, внимательнее будь!

Если КРАСНЫЙ свет горит –
Пешеходам путь закрыт.
ЖЁЛТЫЙ – просто ожидай,
А ЗЕЛЁНЫЙ – в путь шагай!

Азбуку дорожную
Учат все ребята:
И большие школьники,
И даже дошколята.

Чтоб здоровье сохранить,
Надо правила учить.
Соблюдать, не нарушать,
Знать про знаки всё на пять.

Будем мы старательны,
Будем мы внимательны.
Все друг друга уважать,
Правила не нарушать.

Ярче, светофор, свети,
Помогай нам путь найти.

***

У Кристины платье – сказка,
В косах бантик расписной.
Что за праздник отмечаем?
У Кристины – выпускной!

Все мальчишки – кавалеры,
Фраки, бабочки, манеры.
У подруг глаза искрятся –
Грустно, нынче – расставаться.

До свиданья, детский сад,
Сердцу милые игрушки!
И слеза туманит взгляд –
Загрустили чуть подружки.

И стихи, и песни будут,
Порезвится детвора.
Мы бы рады здесь остаться,
Только в школу нам пора!

***

Мы нарвём букет ромашек
И сплетём венок Кристине.
И получится девчушка –
Не девчушка, а картина.

Глазки цвета спелой вишни,
А улыбка – загляденье.
Так случилось, так уж вышло.
Про неё стихотворенье.

***

Герман наш – технолюбитель,
Парк машин его растёт.
Кран, Пожарка, Истребитель,
Скорая и Самолёт.

Он любовно расставляет
Все машины по местам
И за новые игрушки
Говорит «Спасибо» нам.

Он не плачет и не хнычет,
Коль с машиною конфуз.
Маленький автолюбитель –
Наш любимый карапуз.

***

Мы на рынок держим путь,
Вкусного чего-нибудь
Прикупить хочу я внукам,
Чтоб побаловать чуть-чуть.

Там клубника для Кристины,
Чудо-йогурт, творожок.
Герман просит лишь машины –
Непоседа, наш дружок.

Для него куплю орешков,
Мармелад и пастилу
И, конечно же, игрушки
Внукам я своим куплю.

***

В магазины наш вояж,
Ищем мягкий карандаш,
Ластик, нотную тетрадь –
Ключ скрипичный рисовать.

***

К арандаш заточен тонко,
О н выводит вензеля.
Ж ирно контуры рисует,
З авитушки, кренделя.
Г олубые незабудки,
С инь воды и облака.
Ф ейерверк цветов различных.

Это РАДУГА, друзья.

(Каждый Охотник Желает Знать,
Где Сидят Фазаны)

***

Одуванчик дует щёки,
Важным очень хочет быть.
Ветер пух его щекочет,
Так пытаясь рассмешить.

Но упрямый одуванчик –
Как солдат, как часовой,
Он стоит на тонкой ножке,
Не качая головой.

Долго дулся одуванчик,
Ветер налетел волной,
И остался одуванчик
Просто с лысой головой.

***

Вымыли с сестрой котёнка
И закутали в пелёнку,
Словно малого ребёнка.
Заурчал котёнок громко.

Мы задумались с сестрёнкой:
Где «урчалка» у котёнка?

***

Мы сегодня мяч купили.
Мы в футбол играть учились.
Пас отдали метко, чисто –
Станет Герман футболистом.

Герман мяч облюбовал,
Он в футбол играть мечтал.
Будет мяч он забивать,
«Гол!» – отчаянно кричать!

***

Заплетём с утра косички,
Выпьем кружку молока.
В путь, подружки,
В путь, сестрички,
Путь-дорога далека.

Босиком пройдём по полю,
Васильков нарвём букет.
Накупаемся мы вволю
И вернёмся на обед.

Быстро справимся с окрошкой,
Примем душ, поспим немножко.
Приласкаем нашу кошку,
Соберёмся в путь-дорожку.

Мы ещё не догуляли,
И совсем мы не устали.
Летом здорово гулять,
Нам негоже уставать.

Завтра соберёмся в лес,
Там – немерено чудес!

***

Васильков букет нежнейший
Мы для мамы собирали.
Принесли и подарили,
И любимою назвали.
Не шалить пообещали,
Обнимали, целовали,
За ромашками умчались.

***

Чудо из чудес, грибы,
Ягоды, орехи.
Щедро лето на дары,
Забавы и потехи.

***

Ты зовёшь меня – Мариночка,
Моя милая Кристиночка.
Я зову тебя – «синичкою»,
Моей маленькою птичкою.

Ты щебечешь, словно ласточка
Очень нежная и ласковая.
Красота неповторимая,
Моя внученька любимая.

***

Кто сегодня ленится?
В сад идти не хочет,
В одеяло прячется,
Мордочки нам корчит?

Это наш любимый
Герман-шалунишка.
Это наш любимый
Озорной мальчишка.

***

Мы сорвали клевер-кашку,
Подорожник и ромашку.
Разыскали мы стекляшку
И красивую букашку.
В ямку бережно сложили –
Мы секретик смастерили.

***

У Кристины на коленке
Клякса – сочная зелёнка.
Приземлилась неудачно
Моя милая девчонка.
Самокат – два колеса –
Он подвёл её слегка.

Герман тоже «похвалился»:
– Бабушка, и я свалился.
Слишком сильно разогнался,
Самокат чуть не сломался.

Ничего, мои родные,
Вы ведь словно заводные:
Носитесь, как самолёты,
И случаются полёты.

Были мы когда-то тоже –
Ну точь-в-точь на вас похожи.
Мама нам самозабвенно
Рисовала на коленках
Изумрудною зелёнкой,
Выводя узоры тонко.

***

Я сварила внукам
Кашу хоть куда.
Манная, да масляна,
Изюм и шоколад.

Внуки кашу хвалят:
Браво, браво, бис!!!
Знают мои милые,
Будет сладкий приз!

***

Наш обед – соревнованье.
Бабушка у нас судья.
Это лучшее признанье –
Хороша её стряпня.

***

Паучок сплёл паутинку
От листочка до листочка,
Как тетрадка первоклашки:
Муха в центре, словно точка.

***

Лучик солнца – как художник:
Кистью он своей умелой
На пузатом помидоре
Рисовал узоры смело.
Бок у яблока покрасил,
Тыковку позолотил
И подсолнушкам-ребятам
Жёлтой охры подарил!

***

В дом мой счастье,
словно птичка, залетело.
И смеялось, и кружилось,
громко пело.
Я за платья край
поймать его пыталась,
Только счастье хохотало,
вырывалось.

Я поймала счастье
и к груди прижала –
Счастьем внученьку Кристину
называла.

***

Попрошу у папы гвозди,
С ним фанерку распилю,
Вместе с папой зимним утром
Я кормушку мастерю.

Мы насыплем хлебных крошек,
Мама выделит крупы –
Прилетайте в гости, птички,
Вволю будет вам еды.

Прилетят к нам в гости птички,
Трудно будет сосчитать.
Голубь, воробьи, синички –
Будем пташек угощать.

Угостим кусочком сала –
Бабушка пообещала.
В злые, лютые морозы
Легче будет зимовать.

***

Полночь криком разразилась,
Светлым криком и до слёз.
Новой жизнью народилась,
Всё так радостно, всерьёз.

Герман, Герман твоё имя,
Истинный, такой родной,
Для родителей отрада
И любимый внучек мой.

Мама счастлива и папа,
Рада старшая сестра.
Ты надежда и отрада,
Богом данная награда,
Плод любви, чудо-дитя!

***

Карапузу ровно год!
Твёрдо ходит и поёт.
Улыбается радушно.
Падает, вперёд ползёт.

Он попляшет вместе с нами
И баранку погрызёт,
Кашу съест, кота поймает.
Пульт в два счёта разберёт.

Это Герман, славный Герман,
И ему сегодня ГОД!

Все спешат его поздравить:
Мама,
Папа,
Маринуля,
Кристинуля,
Ваня-кот.

***

Наше маленькое чудо,
Замечательный наш Том.
Рыженький, чудесный котик,
Богом послан ты в наш дом.

Нам на радость и удачу –
Рыжий, говорят, к деньгам.
Глаз счастливых мы не прячем,
Ты любовь и радость нам.

Марина Кабанова

п. Белоозёрский, Воскресенский р-н, Московская обл.

Член Союза писателей России. Член ЛИТО им. И.И. Лажечникова г. Воскресенска. Автор поэтических сборников: «Я – большого случая маленькая дочь» и «Тростиночка». Один из авторов поэтических переводов книги стихов болгарского поэта И. Дочева «Окно любви». Член редакционного совета альманаха «Воскресенск – моя родина светлая…». Дважды лауреат конкурсов «Литературное Подмосковье». Дипломант областной губернаторской премии имени Р.Рождественского 2007 г. Дипломант литературной премии им. А.П. Чехова 2008 г. Награждена Золотой Есенинской медалью, медалью имени Елены Слободянюк. Лауреат 2 степени литературной премии имени Е. Слободянюк 2013 г.

Тростиночка

Прости, прошу, тростиночка, меня,
Тебя хотела лишь слегка коснуться,
Но, видно, ты совсем устала гнуться
И хрустнула беспомощно, звеня.

Над озером безоблачная тишь.
Над белым чудом выпавших снегов
Шумят тростинки призрачно-легко,
Лишь ты одна уже не зашумишь.

Вот так и я, наивно-весела,
Согнуться не умея, вдруг сломаюсь.
И кто-то, плача обо мне, раскаясь,
Решит, что вовсе не желал мне зла.

***

Забыв, что есть печаль на свете,
Я руки к солнцу протяну,
На одинокую сосну
Лучи, как струны, натяну,
И мне на них сыграет ветер.

И мне на них сыграет ветер
О том, что где-то за рекой
В траве, расцвеченной весной,
Взмывая озорной волной,
Смеются беззаботно дети.

Смеются беззаботно дети,
Как сотни лет тому назад,
И каждый снова жизни рад,
И мой уже теплеет взгляд,
Забыв, что есть печаль на свете.

Научите жить меня тихо

Научите жить меня
Тихо,
Не крутиться в колесе
Белкой
И под дудки не плясать
Лихо,
Не ловить в водице рыб
Мелких.
Мне б проснуться поутру
Рано,
Мне б умыться в родниках
Чистых,
Берестой забинтовать
Раны,
Гребнем леса причесать
Мысли.
Всё бы слушать соловьёв
Вволю,
Да по солнцу отмерять
Время,
Чтобы не было душе
Больно,
Что всё меньше тех, кому
Верю…
Научите жить меня
Просто,
Прикоснуться хоть слегка
К тайне –
По реке плывут куда
Звёзды,
На рассвете так светло
Тая…

***

Муравей, уносящий
берёзовый лист –
Лист – и цветом, и тяжестью,
как золотой,
И берёза,
что зябко от ветра дрожит,
Прикрываясь
последнею робкой листвой,
И безудержный ветер,
сорвавший покров
Со стыдливой берёзы,
открыв наготу, –
Всё явил нам на радость
Создатель миров,
И Земли красоту.

***

Расплескалось серебро в ночи,
Смотрим друг на друга… и молчим,
Лунный свет дрожит в твоих глазах,
Застывают звуки на губах.
Серебро невысказанных слов
Золотом молчанья станет вновь.
Лишь горят серебряным огнём
Травы, где укроемся вдвоём.
Мы богаче стали во сто раз,
Серебро и золото у нас –
Колокольчиком «Люблю» звучит,
Затихая тайною в ночи.

***

Алой птицею рассвет
Будит небеса,
И скликаются в ответ
Птичьи голоса.
Тихо падает с небес
В воду алое перо.

Белой птицей новый день
Прилетел вослед,
Спряталась за лесом тень,
Заструился свет.
Тихо падает с небес
В воду белое перо.

Чёрной птицей вьётся ночь,
Гасит все огни,
Суету уносит прочь,
Отпускает сны.
Тихо падает с небес
В воду чёрное перо.

Где-то радость,
Где-то грусть,
Где-то есть покой,
Снова пёрышки парят
В небе надо мной.
Тихо падают с небес,
День за днём, за годом год.

***

Чай с лимоном
и булкою «Радость»,
И совсем не страшны холода.
Нам для счастья нужна только
малость –
Просто рядышком быть всегда.

Пусть удача порой ускользает,
Пусть не светит тропический рай,
Слава Богу, на булку хватает,
Слава Богу, хватает на чай!

И презрев суету и усталость,
Ох, покрепче чаёчку нальём
За того,
кто придумал нам «Радость»
Самым светлым
и праздничным днём!

Гололёд

Гололёд, гололёд.
Укатал все дорожки.
По бескрайне-безжалостно-
скользкому
Льду
Не иду, а ступаю
Совсем осторожно –
Занесло же зачем-то сюда
На беду.
Ни коньков и ни крыльев.
Да разве я справлюсь
С безнадёжною правдою
Голого льда?
Я иду.
Пусть прошла только самую
малость
От холодного НЕТ –
До горячего ДА.

Гололёд, гололёд –
Испытанье на прочность
Ног ли, рук ли?
А может быть, хрупкой мечты?
Улыбается месяц –
Он что-то пророчит –
То, что скрыто
За кромкою снежной черты.
Только кто же
Улыбку его разгадает?
Разве мне до того?
Мне бы лишь устоять,
Не разбиться бы лишь
И от слёз не растаять!
Вот возьму – и сумею!
Как знать?

Гололёд, гололёд –
Разве это несчастье?
Я смеюсь над собой,
Невпопад я пою,
Гололёд, гололёд –
Это повод прекрасный
Опереться на сильную
Руку твою.

Красота

Её рядили в глянец суеты,
Травили косы, красили ресницы,
В духи, меха, алмазы и цветы,
В холодный блеск
сулили воплотиться.

Ей примеряли пышные слова,
Опутывали сетью восхищенья.
Чтоб сладко закружилась голова,
Чтоб позабыться до изнеможенья,

Чтоб ослепил шелков игривый свет,
Так, чтоб она другою стала вовсе,
Да так, чтоб не узнал её поэт,
Чтоб от неё, изломанной, отрёкся.

Но разве совладаешь с красотой –
Она сорвёт нелепые одежды
И снова станет настоящей, той,
Пьянящей и волнующей,
как прежде.

Она самой собой сумеет быть,
Чтоб, улыбнувшись,
всё начав сначала,
К Тебе свободно
при луне приплыть –
К единственному
светлому причалу.

Песнь крестьянина

Эх, коси, моя коса,
Лебеду-крапиву!
Не катись зазря, слеза,
По щеке стыдливо,

Что запущен огород,
Что не едут дети,
Что ужасно не везёт
Мне на белом свете,

Что поизмельчал народ
В пляске ли, в работе ль,
Лишь одной «мечтой» живёт –
Жить бы беззаботно…

А отрада мне одна:
Что с утра хлопочет
Верная моя жена –
Скромный мой цветочек.

Мы крапиву изведём
В огороде нашем,
Живы будем – не помрём,
Мы ещё попашем!

***

Ярко-красные розы на белом,
Новизною ласкающий шёлк, –
Ты наряд самый лучший надела,
Только он всё равно не пришёл,

Заблудился в ромашках, горохах,
Загляделся в глаза васильков.
Он в цветах разбирается плохо
И не пишет стихов про любовь.

Без шипов вроде розы на блузке,
Что ж так колются больно и жгут?
Ещё долго тебя не отпустит
Ожидание сладких минут.

Пусть без роз,
даже пусть без сирени,
Лишь бы только улыбку принёс,
Подарил бы её на мгновенье,
Залечил эти раны от роз.

***

А зеркала – они лукавые,
Они правдоподобно лгут,
Нас не жалея и не жалуя,
Годам суровый счёт ведут.

Бездушные творенья оптики
Усталость нашу отразят,
Сединки и морщинки в точности
Нам, к огорченью, повторят.

Но есть ещё иное зеркало,
В котором видим мы себя.
Что и приветливо, и весело,
И всё прощает нам любя.

Стирая мельтешенье времени,
Наш прежний облик явит вновь,
Оно – надежда и спасение,
И это зеркало – Любовь.

***

А куда-нибудь кривая да выведет
И когда-то, наконец, повезёт.
Так не будем делать умные выводы –
Или глупые? Кто их разберёт?

А когда-нибудь удачу догоним мы,
Пусть нелёгок будет путь и далёк.
А дороги – и кривые нам дороги,
Было б скучно на Земле без дорог!

Эх, привычка наша русская вечная –
Все невзгоды на ненастье валить.
На природу обижаться нам нечего –
Надо просто научиться любить

Это небо, что порою неласково;
Эти травы, что мы топчем давно;
Эту жизнь –
да всё равно распрекрасную, –
Ведь другой нам на Земле не дано!

***

Л.Дудину

Мы ловим рифму – золотую рыбку,
Сидим подолгу с удочкой – пером.
То далеко она, то вроде близко
Тревожит волны солнечным хвостом.

Ей наплевать
на творчества страданья –
Её поймать не всякому дано,
Но приплывёт и спросит о желанье
Того, кто сам в сетях её давно.

***

Не бойтесь баб с пустыми вёдрами –
Они по ягоды спешат,
Весёлые, простые, добрые,
Не сглазят и не навредят;

А бойтесь див с пустыми душами,
Зовущих в сладострастный мрак,
И губящих все чувства лучшие
Лишь для забавы, просто так.

***

Храни меня, Судьба, от лёгкой славы,
От праздности и светской пустоты,
Пусть лесть не напоит меня отравой
И не бросает под ноги цветы!

В том блеске ни тепла, ни откровенья,
Ни света, ни веселья не найдёшь.
Полюбишь только то своё творенье,
Что из любви и боли соберёшь.

Пускай в заботах о насущном хлебе
Вкуснее не придумано пока –
Горячую краюшку мне бы
Да крынку ледяного молока!

Сергей Калабухин

г. Коломна, Московская обл.

Сергей Владимирович Калабухин родился и живёт в древнем русском городе Коломна. Верный сторонник дефицитного ныне жанра – научной фантастики. Наряду с фантастикой пишет реалистические рассказы и яркие публицистические статьи. Публиковался в газетах, журналах и интернет-изданиях России, США, Финляндии и Франции. Автор четырёх книг.

Ведьмак

(рассказ)

Злой, как чёрт, я ввалился в вонючую духоту поселкового магазина. В этот послеобеденный час в нём почти никого не оказалось, только молоденькая продавщица доставала из ящика бутылки с водкой и заполняла ими пустые полки, да у прилавка маялся какой-то маленький, похожий на бомжа мужичонка.

– Где у вас тут сорок восьмой дом? – рявкнул я с порога.

Очередная бутылка выскользнула у девушки из рук, и запах разлитой водки моментально заглушил все остальные.

– Ты что, мужик, очумел? – повернулся ко мне недомерок. – Рази ж можно в такой момент под руку говорить?

– Извините! – раздражённо буркнул я застывшей продавщице. – Я заплачу за разбитую бутылку, только ответьте на мой вопрос.

Та молча взяла веник и начала заметать осколки.

– Понятно… – процедил я. – Посёлок сплошных партизан! Вот только я не из гестапо, а вы не на допросе.

Я повернулся к жадно принюхивавшемуся «бомжу».

– Может, ты проводишь меня к сорок восьмому дому? Пузырь за мной.

– Серый, ты? – неожиданно заулыбался тот. Его зубы напоминали остатки полуразрушенного гнилого забора, окружавшего покосившуюся голубятню рядом с поселковым магазином. – Вот так встреча! Это ж я, Толян. Мы с тобой в детстве в одном доме жили, на Ленина, помнишь? Только я в первом подъезде, а ты в четвёртом.

– Толян? Извини, что-то не припомню. Я жил когда-то на улице Ленина. Но…

– Клава, дай-ка нам пару бутылок «Кристалла». Ща мы с тобой, Серёга, раздавим эти пузырьки, и ты всё вспомнишь.

Я полез за портмоне, но Толян возмущённо отмахнулся и, достав несколько смятых бумажек из кармана грязных драных джинсов, бросил их на прилавок. Продавщица с непонятной мне ненавистью сунула моему неожиданному знакомцу две бутылки водки, как-то брезгливо, даже с отвращением, взяла его деньги и положила в кассу. На меня она старалась не смотреть.

В дом Толян меня не пригласил. Мы устроились в саду, за старым железным столиком под цветущей яблоней. Смахнув рукавом грязной водолазки хлопья облупившейся краски и прочий мусор, Толян расстелил газету, придавил её по краям консервами и банками с соленьями, сноровисто порезал крупными кусками хлеб.

– Ну что, за встречу? – наконец перестал он суетиться.

– За встречу, – согласился я, хотя так и не смог его вспомнить.

– Двадцать лет прошло, – захрустел огурцом Толян. – И я бы тебя не узнал, если б…

Он не договорил и начал разливать по второй.

– Слушай, Толян, что за народ тут у вас в посёлке живёт? Поверишь, кого ни спрошу, где этот чёртов сорок восьмой дом, никто не отвечает! Шарахаются, как от чумного. А номеров на домах нет. Ты-то хоть покажешь?

– Это ты верно сказал: чёртов дом. Зачем он тебе?

– Да вот, жена прочла объявление в газете. Хозяева предлагают продать или обменять на квартиру в городе. А ей уж очень хочется огород завести, живность всякую. Мне этого не понять, я в городе вырос, а она – деревенская. В деревню я бы ни за что не поехал, а сюда, в посёлок, можно.

– Моя тоже деревенская была, – загрустил вдруг Толян. – Это её дом. Сам помнишь, как трудно было тогда с жильём. Вот я и попал сюда, в примаки. Да особо и не сопротивлялся. Мне с Любашей моей и в шалаше был бы рай. Теперь один вот кукую. Давай за наших жён!

Мы выпили. Я не стал расспрашивать Толяна, что стало с его Любашей. По всему видно, что он давно уже живёт один. Огород зарос сорняками, никакой живности во дворе не видать, одет Толян, как бомж, давно не брит и не мыт. И дом выглядит таким же неухоженным и пустым, как хозяин. И даже крыша так же криво накрывает почерневшие брёвна стен, как засаленная кепка голову Толяна.

– Далеко отсюда сорок восьмой дом?

– Рядом, – хмуро ответил Толян, яростно взрезывая тупым ножом какую-то рыбную консерву. – Только тебе там искать нечего.

– Почему это?

– Потому. Скажи своей жене, что дом тот давно продан. Это когда-то здесь была деревня – «Протопопово» называлась. А теперь город вокруг, трамвай ходит, и мы сейчас – «посёлок имени Кирова», да и то только по названию, а по факту – городской район. «Новые русские» как обезумели. Скупают дома и участки, дворцы строят, газ с электричеством провели, телефонный кабель тянут. Ко мне вон тоже регулярно подкатывают, гады! То золотые горы сулят, то утопить пьяного в колодце грозят или сжечь в дому – всё одно, говорят, твою развалюху сносить!

Толян слил остатки водки в свой стакан и быстро выпил.

– Ты сюда, Серёга, больше не приезжай. И жене своей втолкуй: пусть ищет дом где угодно, только не в нашем посёлке. А лучше оставайтесь в своей квартире.

Толян проводил меня до трамвайной остановки.

– Прощай, Серёга. Так и не вспомнил меня? Ладно, я не обижаюсь. А школу нашу спортивную помнишь?

***

– Тяни носок! – громкий шлепок, и я чуть не падаю от жгучей боли с турника. Сквозь выступившие слёзы вижу, как тренер, идя по залу, щедро раздаёт шлепки и ругательства. Почему он был так груб и жесток с нами, мальчишками и девчонками, пришедшими к нему учиться спортивной гимнастике? Натура у него была такая, или просто срывал на отданных в его власть безответных детях своё дурное настроение? А хорошего настроения у этого человека никогда не было. Вымещал на нас обиду за собственную неудавшуюся спортивную судьбу? Или неудачи в личной жизни? А может, это был общепринятый тогда метод, стандарт спортивного воспитания молодёжи? В восточных боевиках мастер-азиат часто бьёт своего ученика бамбуковой палкой, когда тот что-то неправильно делает. Но этот ученик – уже здоровый мужик, пытающийся стать «круче» своего «близнеца-злодея», а не десятилетний ребёнок. Неужели жестокость и побои – метод воспитания спортсмена?

Через несколько лет, уже будучи студентом института и посещая занятия по гимнастике, а затем по тяжёлой атлетике, я ни разу не видел, чтобы тренеры кого-нибудь били, оскорбляли или даже просто повысили голос. Но было уже поздно: между детской спортивной школой и институтом пролегли годы без спорта, определившие мою судьбу. Спорт перестал меня привлекать. И не только грубиян-тренер был тому причиной.

Наша детская спортивная школа занимала здание церкви Петра и Павла на старом купеческом кладбище. Кроссы мы бегали вдоль красивой кирпичной стены, порой прыгая через могилы. Отдыхали, сидя на поваленных мраморных надгробиях, рассматривая непривычные надписи с ятями и фитами о «рабах Божиих». Могилы нас не пугали.

Несмотря на грубость и побои тренера, я продолжал ходить в спортшколу. Но город рос, и старое купеческое кладбище неожиданно оказалось в его новом «центре», причём власти именно здесь решили построить здание горсовета. Партийное и городское начальство не желало наблюдать из окон своих кабинетов кладбище явных врагов советской власти – купцов и именитых горожан дореволюционного периода. Было решено кладбище перенести и создать на этом месте мемориальный парк с аллеей героев, скульптурой Родины-матери и Вечным огнём. Мраморные надгробия были снесены, «лишние» вековые деревья выкорчёвывались. Экскаватор рыл огромный котлован под мемориал. Рабочие несли жёнам найденные в могилах старинные монеты, кольца и перстни, а пацаны тащили в свои дворы черепа и кости. Несколько дней на крышах многих домов щёлкали на ветру челюстями надетые на телевизионные антенны черепа, вызывая восторг у дворовых банд. Мы, дети, не понимали всего ужаса происходящего. Взрослые молчали, но кто-то всё же лазил по ночам на крыши и снимал черепа. А днём пацаны приносили со стройки новые и насаживали на антенны.

Спортивная школа в помещении церкви Петра и Павла была ликвидирована, и вместо неё там создали музей боевой славы. Через несколько лет я принёс сюда ордена и медали деда, но директор отказался их принять, так как я не мог ничего рассказать о военных подвигах, за которые были вручены эти награды. Дед никогда не рассказывал мне о войне. И в этом музее для его орденов и медалей не нашлось места. С тех пор я в него никогда больше не зашёл. А награды деда висят у меня дома на стене, на самом видном месте.

* * *

– Серый, ты? Опять?

– Привет, Толян. Вот приехал. Ты ведь меня обманул в прошлый раз. Дом-то сорок восьмой до сих пор не продан. Жена опять объявление в газете прочла.

– Что ж, видно, не зря судьба нас с тобой опять свела. Не ходи ты туда. Я ж тебе говорил: ищите себе дом где угодно, только не в нашем посёлке.

– Да почему?!

– Посмотри на меня, – Толян снял кепку. По его совершенно лысой голове змеились страшные шрамы. – Видишь, что со мной тут стало? А Любаша моя, дети наши – вообще сгинули! И не только они. Думаешь, почему тебе никто дорогу к тому дому не показывает? Не задумывался, почему этот проклятый дом никак постоянного хозяина найти не может? Почему за дом с огромным участком практически в черте города, а не где-то за пятьдесят километров в захолустной деревушке, просят так мало?

– Чего ты меня пугаешь? Чем? А что мало просят и обменять на квартиру согласны, так в газете прямо написано: дом требует ремонта. Вот я и хочу посмотреть, в каком он состоянии, что за участок. Чего ты так возбудился-то, Толян?

– Да, мотыльки летят на свет свечи, а попадают в её огонь. Пойдём, Серёга, возьмём у Клавки пару пузырей, закусь какую-нибудь. Я расскажу тебе всё, что знаю и помню про тот дом. А там решишь, захочешь ли ты его смотреть…

На этот раз мы сидели в доме. Небо с утра хмурилось, и теперь по железной крыше гулко хлестал дождь. Электричества Толян так и не провёл, окна почему-то были наглухо закрыты ставнями, и мы сидели в жёлтом круге света допотопной керосиновой лампы.

– Ну что, так и не вспомнил меня?

– Извини, Толян. Дом на Ленина помню, школу спортивную тоже…

– Ладно, не ломай голову. Щас раздавим первую, я тебе такой «маячок» зажгу…

Пока хозяин готовил стол, я постарался немного осмотреться. В колеблющемся свете керосиновой лампы многолетняя грязь, пропитавшая некогда пёстрые домотканые дорожки половичков, смотрелась каким-то абстрактным узором. Печь зияла открытым «ртом», полным слежавшейся золы и какого-то мусора. Её когда-то белые стенки покрывали серые разводы пыли, паутины и отпечатков ладоней, по-видимому, пьяного хозяина и его гостей. За печкой виднелась широкая двуспальная кровать, от которой воняло несвежим бельём. Судя по виду, это бельё не менялось несколько лет и впитало все возможные выделения пьяного хозяина.

– Давай откроем окошко? – предложил я. – Тут у тебя явно не хватает озона.

– Нельзя. У меня ставни забиты намертво гвоздями. Потерпи, скоро привыкнешь. А дождь кончится,

тогда, если захочешь, в сад переберёмся, под яблоню.

– Ну, рассказывай, – закусив первую, попросил я. – Давай свои «маячки».

– Торописся? Школу спортивную, говоришь, вспомнил? А помнишь, почему ты перестал в неё ходить?

– Так ведь закрыли её! Кладбище снесли, мемориальный парк там теперь.

– Да, понятно теперя, почему ты меня никак вспомнить не можешь. Я догадывался, потому и не обижаюсь. Наливай! Ух, хороша, зараза! Повезло: не подделка попалась. Настоящая «кристалловская»… Так вот, Серёга, школу нашу спортивную тогда вовсе не закрыли, а перевели в другое место. Но ты в новое помещение ни разу не пришёл. Заболел ты сильно – после того, как на наших глазах склеп вскрыли. Помнишь?

* * *

На кладбище было несколько склепов. Этот стоял в стороне от других, прилепившись к кирпичной ограде, и даже простых могил рядом с ним почему-то не было, хотя в иных местах холмики теснились чуть ли не вплотную. В отличие от прочих склепов и надгробий, на этом не было привычных нам надписей: «Здесь лежит раб Божий…» или «Покойся с миром…». Только имя и фамилия. Мы совершенно спокойно лазали в другие склепы. Железные двери и решётки с них давно уже были сняты и сданы пионерами на металлолом. У этого склепа дверь висела, хоть замок и был давно сорван. Никто из нас почему-то не мог заставить себя открыть эту ржавую дверь и войти внутрь. У любого смельчака, пойманного на «слабо», в последний момент отказывали ноги, сердце сжималось от непонятного ужаса, а тело покрывалось мурашками. Кроме того, мы откуда-то точно знали, что внутри всегда полно змей, хотя никогда их не видели вползающими туда или выползающими оттуда. Каких только ужасов не рассказывали мы друг другу о «вампире из склепа», отдыхая между кроссами на поваленных надгробиях… Поэтому, когда кладбище начали переносить и бульдозер зарычал рядом с загадочной постройкой, вся наша школа, включая мрачного тренера, бросив занятия, сгрудилась поблизости.

Надо сказать, что власти не все могилы пустили под бульдозер и экскаватор. У многих захороненных на старом кладбище нашлись живые родственники, которым «было оказано содействие» в перезахоронении «буржуев» на новом кладбище. Нашлись такие родственники и у «вампира».

Склеп действительно оказался заполнен змеями, и бульдозерист сначала плеснул внутрь ведро солярки и бросил горящую тряпку. Когда с гадюками было покончено, солнце стояло уже в зените. Но главное препятствие ждало рабочих впереди. Крышка огромного саркофага оказалась примурована раствором по древнему русскому рецепту, по которому была построена кирпичная ограда вокруг кладбища и сама кремлёвская стена. Открыть саркофаг оказалось невозможно, а разбить не позволяла теснота помещения. Выволочь саркофаг наружу не давала узкая дверь. Видимо, склеп был построен уже вокруг захоронения. Были остановлены работы по разрушению «лишних частей кладбищенской ограды», и стенобитная машина начала крушить склеп.

День клонился к закату, первую смену рабочих сменила вторая, набежали тучи, и вскоре заморосил мелкий противный дождь. Но толпа зрителей не расходилась. Наоборот, она увеличилась за счёт пришедших с работы мужчин и женщин и присланных властями города милиционеров.

Наконец матерящиеся рабочие разгребли обломки с огромным трудом разрушенного склепа и начали долбить кувалдами крышку саркофага. Толпа, сминая жидкую цепочку милиционеров, придвинулась поближе, оттеснив нас назад, и мы полезли на уцелевшие кладбищенские деревья, чтобы не пропустить ни одной подробности. Бульдозер и экскаватор давно утихли. Люди стояли молча. Шелест дождя не мог заглушить грохот кувалд. Ветви дерева были скользкие, мокрые листья противно липли к лицу и рукам. Мы с Толяном успели занять самые лучшие места и теперь сидели, как в театре, разве что тряслись от сырости и нетерпения. Саркофаг был прямо под нами.

И вот наконец крышка разбита и удалена вместе с гнилыми остатками гроба. Народ ахнул, увидев вместо скелета сморщенную мумию, к тому же лежащую на животе!

– Ироды! – заахали женщины. – Живьём бедолагу похоронили.

Хмурые родственники, скользя в мокрой жиже земли и мусора, расквашенной техникой и сапогами рабочих, кинулись переносить мумию в приготовленный гроб. Крик ужаса чуть не сбросил нас с дерева. Голова мумии осталась лежать в саркофаге. Она оказалась отрублена! В рот был вбит деревянный кол.

– Оборотень! – завизжали в отхлынувшей толпе.

Передние ломились назад, задние напирали вперёд, желая своими глазами рассмотреть происходящее. Один из родственников торопливо схватил голову мумии и понёс к гробу. И тут голова открыла глаза. Судорожно всхлипнул рядом со мной Толян. Жёлтые глаза со змеиным вертикальным зрачком уставились прямо на меня.

– Ведьмак! – истошно заголосила какая-то женщина, и я тяжело рухнул с дерева вниз…

***

– Ведьмак… – прошептал я.

– Вспомнил наконец, – довольно ухмыльнулся Толян и разлил по новой.

– Вспомнил. Мы с тобой на одной ветке сидели…

– Да, знатно ты тогда шмякнулся! Прямо на того бедолагу, что голову отрубленную нёс.

– Но почему же ты мне потом ни разу не встречался?

– Ты, Серёга, тогда несколько дней в больнице без сознания пролежал, потом болел долго, а когда выздоровел, твои родители уже с нашего двора переехали куда-то.

– Точно! Я ж после Ленина на Советской жил. Новый двор, новая компания, новая школа. И вместо спортивной меня, помню, в музыкальную записали. Надо же, столько лет не вспоминал этот отрезок своего детства. Серьёзно, видать, доктора надо мной поколдовали!

– Это, Серёга, не доктора колдовали. Это он.

– Кто?

– Да ведьмак же!

– Погоди, Толян, ты о чём?

– О том. Я ж об этом тебе с самого начала толкую, а ты никак не поймёшь! Здесь он, в том самом сорок восьмом дому обитает.

– Ты что, очумел? Или водяры перепил? Он же труп давно.

– Был труп. А теперь живее всех живых. Давай ещё по одной. Ты хоть знаешь, кто такие ведьмаки?

– Ну, читал, в кино видел. Бьются с чудовищами, защищают людей…

– Читал он, кино смотрел, – процедил Толян. – Не то ты читал, Серый, и не то смотрел. Ведьмаки, как и ведьмы, говорят, бывают добрыми. Но это редкость, как те белые вороны. Настоящая сущность ведьмака – зло! А добрые, наверно, только в твоих книжках бывают или в сказках. Эти твари – настоящие оборотни. Могут превращаться в кого угодно. Я даже не представляю, каков их настоящий облик. Может, они и не люди вовсе, а какие-нибудь драконы или ещё кто. Все ведьмы подчиняются ведьмаку, потому что он гораздо сильнее любой из них. Ведьмак может дунуть человеку в рот, и у того выпадут все зубы, посмотреть в глаза таким взглядом, что человек тотчас заболеет и умрёт. Ты вот выжил. Видать, у мумии не те силы, что у живого и здорового ведьмака.

– И ты говоришь, он здесь?

– Здесь. Крематория у нас нет, а жечь мумию на костре родственники побоялись. Властей побоялись, идиоты, не ведьмака! Привезли мумию сюда, в посёлок, и похоронили на местном кладбище. А через несколько лет, когда гроб прогнил и на мумию стала лить после дождей земляная жижа, эта тварь ожила, набралась сил и выбралась из могилы. И голова у неё приросла на место!

С тех пор ведьмак стал пожирать местных жителей. А те молчат! Страх не даёт им бежать отсюда, а тем более рассказать кому-нибудь вне посёлка о чудовище. Да и кто им поверит? Они и между собой-то никогда не говорят об этой нечисти.

Когда я сюда переехал, ведьмак сожрал уже всех родных моей Любаши. А она мне об этом ни слова! Прям гипноз какой-то. Я спрашиваю: где твои родители, – она мне в ответ, мол, уехали к родичам погостить. Недели проходят, месяцы – от них ни одного письма! А Любаша и не волнуется. Я удивляюсь, а она говорит: «Радуйся, что никто в нашу жизнь не лезет. Разве плохо нам вдвоём?»

Годы прошли, детишки у нас народились, близнецы – Саша и Маша. Как стали бегать по посёлку, так он их и пожрал! Тогда только мне Любаша всю правду и открыла.

Я – в милицию. Участковый у нас из местных был, Пашка Лось. Здоровенный детина, под два метра ростом. Очень волейбол любил. Каждый день с компанией себе подобных мячиком перебрасывался. А бумаги заполнять для него сущей мукой было. Так он, ежли кто хулиганил, со всей своей волейбольной кодлой приходил и так нарушителя отделывал, что тот потом несколько дней пластом лежал. Зато начальство Пашку уважало. Наш посёлок по всем показателям в передовые вышел, а Пашку у нас забрали – на повышение пошёл.

Ну вот, пришёл, значит, участковый к нам, а дети во дворе играют! Пригрозил мне Пашка морду набить за такие шуточки и пошёл дальше мячик через сетку перекидывать, а вместо детей передо мной уже ведьмак стоит и зенки свои змеиные щурит. Жди, говорит, как только твоих детёнышей переварю, за женой твоей приду. А я стою, как каменный. Хочу бежать, ноги не слушаются. Язык примёрз – слова в ответ сказать не могу. Целый час так простоял, как статуя.

Уговорил Любашу бежать, но как только за посёлок выйдем, ноги сами назад нас несут. И так тут со всеми! Сколько народу в посёлке ведьмак пожрал, никто не ведает. Ежли кто пропадает, родственники говорят, мол, уехали то ли на заработки, то ли к дальним родственникам. К властям никто и не суётся. Так и живём.

– Погоди, Толян, а как же ты-то?

– Я-то? Меня он наказать решил. Я ведь, когда он за Любашей пришёл, стрелял в него. Не сам, конечно. Забил намертво ставни, снарядил самострел. Как ведьмак дверь открыл, так заряд картечи ему в брюхо и влепило. А мы-то сами с Любашей, как парализованные, сидели. После выстрела паралич с нас спал. Ведьмак когда боль чувствует, контроль над жертвой теряет.

Стала Любаша заговор против него читать, который у местной знахарки взяла, а я на нас и него «святой водой» брызгать. Бежать-то бесполезно: дальше околицы не уйдём. Вот и хватились за соломинку, хоть оба тогда неверующими были и даже когда-то в комсомоле состояли. Как щас помню: ходит моя Любаша вокруг этого корчащегося в муках гада и дрожащим от страха голосом читает раз за разом: «Молитв ради Пречистыя Твоея Матери, благодатный свет мира, отступи от нас, нечестивый, змея злая, подколодная, гадина люта, снедающая людей и скот, яко комары от облаков растекаются, тако и ты, опухоль злая, разойдись, растянись, от раба божьего Анатолия и рабы Божией Любови. Все святые и все монастырские братья, иноки, отшельники, постники и сухоядцы, чудовные святые лики, станьте нам на помощь, яко в дни, тако и в нощи, во всяком месте, рабу Божьему Анатолию и рабе Божьей Любови. Аминь».

Только, Серёга, что ему эта картечь и заговоры? Поревел полчаса, а потом встал перед нами здоровёхонек, как ни в чём не бывало! Разозлился только жутко. «Глупые людишки! – шипит. – Я ходил по этим местам, когда даже птиц ещё не существовало. Динозавры служили мне миллионы лет. Я учил ваших волосатых предков добывать огонь. Тысячи лет я был их богом. Они называли меня Велесом и приносили мне жертвы. Когда ваши предки стали жечь идолов и вырубать священные деревья, я ушёл отсюда в места, где меня стали звать Драконом. Я был богом, воином, учёным, царём! Мне известны все ваши жалкие желания и уловки. Вы всегда были и останетесь только моими игрушками, пищей для ума и тела».

Тут он стал на наших глазах меняться! В какого-то змея превратился. Прям дракон или огромный крокодил со змеиной головою. И стал на моих глазах Любашу живьём жрать. А я опять стою, как статуя, и даже глаза зажмурить не могу! Натянулся на Любашу, как перчатка на руку, а потом и меня начал заглатывать. Я хоть ничем двинуть не мог, но всё чувствовал! Как только коснулся его поганый язык моей головы, потекла драконья слюна, меня как огнём обожгло! Видать, кислота у него заместо слюны. Слава Богу, в глаза не попало. Только волосы начисто сгорели, да вот шрамы остались. Теперь и летом на улицу без кепки не выхожу.

– Как же ты выжил?

– Передумал он. «Я сейчас сыт, – говорит. – Живи пока, но помни: с этого момента ты – мой раб. Будешь приводить мне раз в месяц жертву вместо себя. Лучше не из местных. Приведёшь – значит, ещё себе месяц жизни купил, не приведёшь – я тебя сожру, но не сразу, а по частям, и начну не с головы». Вот почему, Серёга, ты меня у трамвайной остановки-то встретил…

– Значит, Толян, ты меня?..

– Да ты что, Серый?! Я ж тебя с самого начала отговаривал. Пусть я – гад распоследний, но уж тебя-то я ему не сдам. Бомжей у вас в городе пока хватает, а тут ещё и всякие нищие, беженцы с Кавказа и прочих азиатских республик появились. Да не смотри

ты на меня так! Жить, Серёга, всем хочется, а своя рубашка всё же ближе к телу.

Мы выпили очередную. Толян хрустел огурцом, а у меня неожиданно разболелась голова. Перед глазами дрожало какое-то марево.

– Слушай, Толян, если ведьмак – не человек, то откуда взялись «родственники»?

– А ты подумай: ведьмак же оборотень! Ему жить где-то надо. Какого-нибудь купчишку сожрал, а сам под его видом в городе поселился. Но, видать, эту тварь всё же распознали, раз уж в таком виде похоронили. Кто правду знал, мог в гражданскую или Отечественную сгинуть. А современные «родственники» ни в Бога, ни в чёрта не верили. Парткома больше любой нечисти боялись…

Неожиданно скрипнула дверь, и в горницу вошёл милиционер.

– Так, Трусов, опять у тебя пьянка. Ваши документы, гражданин.

– Это не то… – засуетился вдруг Толян. – Друга я встретил. Двадцать лет не видались. Мы уже заканчиваем. Щас я его на трамвай провожу…

– Какой трамвай? Твой гость на ногах не держится. В вытрезвитель захотели?

– Я в порядке, лейтенант, – прохрипел я, с ужасом чувствуя, что ноги меня и в самом деле не держат. – А из документов у меня только пропуск на завод.

– Покажите. У нас сейчас кампания идёт по проверке паспортного режима. Так что ходить по городу без документов я Вам не советую. Тем более распивать спиртные напитки с лицами вроде Трусова. Пропуск Ваш я пока забираю. И не возражайте! Переночуете здесь, а утречком явитесь ко мне. Дорогу Вам любой укажет. Да вот хоть и Трусов проводит.

– Послушайте, лейтенант…

– Это Вы меня послушайте, гражданин! Или ночуете здесь и утром являетесь ко мне для установления Вашей личности, или я немедленно доставляю Вас в вытрезвитель, а утром мы опять же займёмся установлением Вашей личности. Решайте.

Я молчал, хотя внутри меня всё клокотало. Надо же так влипнуть! И что я скажу завтра жене?

– Вот и ладненько, – улыбнулся участковый, пряча мой пропуск в карман кителя. – И не шумите здесь. Ночь уже во дворе.

Когда за участковым закрылась дверь, я в ярости пнул под столом пустую бутылку.

– Вот чёрт! Откуда он взялся? Когда надо, их не найдёшь, а тут сам заявился.

– Серый, тебе нужно срочно делать ноги! – Толян метнулся к двери. – Запер! Теперь нам точно хана!

– Как это запер? – я что есть сил рванул дверь на себя и чуть не рухнул. Толян вовремя меня подхватил. Отбросив оторвавшуюся ручку, я вновь кинулся к двери. – Да что этот участковый себе позволяет?

– Ты что, Серый, совсем очумел? Какой там участковый? Это ж он был, ведьмак! Я ему сегодня должен был бомжа привести…

– Ведьмак? – я всё не мог заставить себя поверить в реальность происходящего. – Чего ж ты молчал?

– У тебя ноги отнялись, а мне он язык заморозил. Ладно, видать, судьба, – обречённо махнул рукой Толян. – Давай баррикаду делать. Он сейчас тобой оборотился. Пойдёт через весь посёлок, потом в трамвае с кем-нибудь свару затеет, чтоб свидетели были, что ты из посёлка ушёл. Думаю, час у нас есть.

Мы с трудом придвинули к двери старинный деревянный сервант, не обращая внимания на бьющуюся внутри посуду.

– Тут ему не войти, – удовлетворённо пропыхтел Толян. – Окна тоже забиты. Печь!

Он стал пихать оставшиеся с зимы поленья, пока не забил печной зев под завязку.

– Тут ему теперь тоже не пролезть. Авось, продержимся до утра. Днём, на виду у всех, он нас штурмовать не будет. Его время – ночь. Давай, Серёга, устраиваться. Хошь – на кровати, а хошь – на печи.

Я, конечно, выбрал печь. Тряпьё, что лежало там, тоже было далеко не первой свежести, но всё же не такое зловонное, как на кровати. Толян, не раздеваясь, плюхнулся в свою постель и задвинул замызганную занавеску. Как ни странно, мы с ним быстро уснули. Я погрузился в какую-то мутную дрёму, сквозь которую явственно прорывался пьяный храп Толяна.

Неожиданно дверь громко стукнула в стенку серванта. Я попытался скинуть с себя путы сковавшей меня дрёмы, но не смог. Толян встал.

– Толик, открой, это я, – послышалось из-за двери.

Толян всхлипнул. Дверь вновь несколько раз стукнула о придвинутый сервант.

– Толик, ну что же ты? Я соскучилась.

– Любаша, это ты?

– А кто же ещё, дурной? Открывай скорее! На улице дождь, я вся промокла и замёрзла.

Толян бросился к двери и, пыхтя, отодвинул сервант.

– Чего это ты вдруг закрылся, дурачок?

Я лежал, не в силах даже открыть глаза. Язык тоже не повиновался, но слух мне не отказал. Борясь с ужасом и отвращением, я слышал, как Толян с Любашей кинулись на койку. Их возня вызвала у меня тошноту. Я боялся, что меня вырвет и я захлебнусь собственной рвотой, и потому прилагал все силы, чтобы скинуть с себя оцепенение. Но мои усилия были напрасны. Обливаясь потом, я затих, решив немного отдохнуть, накопить силы и попытаться ещё раз. Заткнуть уши я не мог, и потому вскоре холод ужаса покрыл мурашками неподвластное мне тело. Возня на койке затихла, и начался диалог, который я никогда не забуду. Ведьмак играл со своей жертвой, как кошка с мышью. Он давал Толяну иллюзию счастья обладания любимой женщиной, а потом взамен требовал награду – меня! Толян сопротивлялся, как мог, но силы были явно не равны. Наконец, наигравшись, ведьмак встал с кровати. К печи подошла уже не женская, а мужская фигура.

– Гражданин, вставайте! – цепи с меня спали, и я увидел перед собой давешнего участкового.

– Уже утро? – деланно зевая, слез я с печи.

Видимо, столкновение с ведьмаком в детстве дало мне какой-то небольшой иммунитет к его чарам, и эта тварь не подозревала, что я не спал, всё слышал и теперь точно знал, кто стоит передо мной.

– Нет, но неожиданно выяснилось, что у меня утром будут другие дела. К тому же вчера у нас распространили инструкцию: по возможности доставлять пьяных и граждан без документов по домам и там, на месте, устанавливать их личности. Потому как спецучреждения сильно переполнены. Так что собирайтесь, поедем сейчас. Только сначала зайдём по одному адресу, тут рядом – дом сорок восемь, заберём ещё одного без документов. Машина придёт туда.

– Хорошо, только верните мне мой пропуск.

– Пропуск? Зачем он Вам сейчас? Вот приедем к Вам, тогда и получите. Впрочем…

«Участковый» вынул из кармана пачку документов и в свете лампы стал искать среди них мой.

– Лучше сейчас, – сказал я, дрожащей рукой выливая остатки водки в стакан. – Вон у Вас их сколько, чужих документов-то. Неровен час, и я свой на радостях забуду.

«Участковый» испытующе взглянул на меня через стол, и сквозь дрожащее марево вновь скрутившей меня головной боли я увидел на жёлтом фоне вертикальные щели зрачков. В ту же секунду я плеснул водку ему в лицо. Ведьмак заревел – жидкость попала ему в глаза. Схватив со стола лампу, я бросил её в голову чудовища. Живой факел заметался по комнате. Головная боль у меня тут же исчезла.

– Беги, Серёга! – заорал оживший Толян и выпихнул меня за дверь. – Ну-ка, посвети.

Я щёлкнул зажигалкой.

– Вот чем нас этот гад вчера запер, – пробормотал Толян, просовывая в ручку двери рукоятку швабры. – Серёга, там, под крыльцом, канистра с бензином лежит…

– Бежим, зачем тебе эта канистра?

– Ты беги, а мне с этой тварью поквитаться надо.

В комнате с грохотом рухнул сервант, и дверь задрожала под ударами ревущего ведьмака. Я сунул Толяну тяжёлую пластиковую канистру и поджёг вместо свечки веточку из распотрошённого им веника.

– Откуда у тебя бензин?

– А-а, от одного «нового русского» остался. Тоже приезжал дом смотреть…

Толян плеснул на дверь в горницу, стены и, когда мы выскочили на крыльцо, бросил в сени горящую веточку. Сквозь вспыхнувшее пламя донёсся яростный рёв ведьмака, неожиданно перешедший в какое-то свистящее шипение. Толян побежал вокруг дома, щедро плеща из канистры на стены и ставни.

Я подошёл к колодцу и бросил ведро вниз. То ли водка, то ли нервы, то ли всё вместе навалилось, но меня вдруг скрутила жажда. Появившийся из-за угла Толян вдруг закричал и упал. Я хотел кинуться к нему, но в ужасе застыл. В свете луны и звёзд трава шевелилась. Сотни, а может, и тысячи змей ползли к дому, из которого доносилось шипение ведьмака. Толян с трудом встал.

– Серёга, лезь на колодец, – прохрипел он, отрывая от себя и отбрасывая извивающихся гадюк.

– А ты?

– Мне конец! Не думай обо мне.

Толян вылил остатки бензина на себя и вцепившихся в него змей. Трава исчезла под живым шипящим ковром.

– Прощай, Серёга! Прости за всё…

Толян, превратившийся в клубок змей, с трудом взобрался на крыльцо, распахнул дверь и упал в ревущее пламя…

– Прощай, Толян… – прошептал я, глядя на всё сильнее пылающий дом. Никто из соседей не спешил на тушение пожара.

Не знаю, сколько я просидел на скользком бортике колодца. Когда ведьмак затих, змеи, как камикадзе, пытавшиеся живым морем затушить огонь, сразу утратили осмысленность своей атаки и быстро исчезли. Трава после них так и не поднялась.

С трудом разжав затёкшие руки, мёртвой хваткой вцепившиеся в колодезную цепь, я спустился на землю. Подняв фонтан искр, рухнула прогоревшая крыша. Я вышел за калитку и пошёл по тёмной улице, на которой не горел ни один фонарь и не светилось ни одно окно. Передо мной в зареве пожара шагала моя тень. Я не спешил и не пытался прятать лицо, хотя был уверен, что за мной наблюдают сотни глаз. Никто из жителей посёлка никогда не расскажет властям правду. А смогу ли я сам рассказать её хотя бы жене?

СТИХОТВОРЕНИЯ МОЕГО ОТЦА ВЛАДИМИРА КОЛАБУХИНА

Мечта

Встрепенётся память сердца –
и, внимая соловью,
словно вдруг откроет дверцу
в юность пылкую мою.
Были все мы так беспечны.
Где вы, други? Горек след.
Всё тогда казалось вечным…
А ведь вечности-то нет!
И давно уж я не молод,
и ошибкам несть числа.
И крадётся тайный холод
в глубь душевного тепла.
Мне твердят: «Ты жил достойно,
хватит вглядываться вдаль.
Знай носи себе спокойно
ветеранскую медаль!»
Но опять восток алеет,
надевает май наряд –
и вдоль парковой аллеи
льёт сирень свой аромат.
И, от запахов хмелея,
я гоню с души печаль.
О минувшем не жалея,
вновь стремлюсь по жизни вдаль.
Я хочу, пока есть время,
повидать весь белый свет…
Старость для меня не бремя –
просто стремя зрелых лет!
Я хочу денёчек каждый,
словно заново, прожить
и успеть о самом важном
строчки новые сложить
Всё ж годочков мне немало,
повидал весь белый свет.
А грешил? Ну, что ж – бывало…
У кого грехов-то нет?

Но когда меня не будет,
когда кончится мой век,
чаю, чтоб сказали люди:
неплохой был человек…

Любовь и Ревность

Есть во всём
Закономерность –
Нет ведь речки
Без излучин!..
Говорят,
Любовь и Ревность
От рожденья
Неразлучны.
Так-то так!
Да вот ведь горе –
Мне зачем
Такая верность?
Что Любовь
Годами строит –
Может вмиг разрушить
Ревность.

***

День сегодня тих и ясен,
разлетались комары.
Пышной кроной старый ясень
укрывает от жары.

В гамаке лежу, вздыхая,
и одну лелею мысль:
вспомнит кто добром? Похает?
Так ли прожил свою жизнь?

Давай с тобой поговорим

Давай с тобой поговорим
О чём-нибудь хорошем…
Взгляни,
Как всполохи зари
На фейерверк похожи!..
Как пахнет мятой
В этот час
И как прекрасен
Вечер…
А внук какой
Растёт у нас,
Да и другой намечен…
Невзгоды в память
Не бери –
Без них
Кто в мире прожил?
Давай с тобой поговорим
О чём-нибудь хорошем.

Елена Качина

г. Пермь

А по скатерти снеженно-кипенной – капли красные

Ночь мятежная… Боже мой, смилуйся…
Беспричинно запахло греховностью…
Ни судьбе, ни тебе не противлюсь я,
Наслаждаясь своей совиновностью….

…А по скатерти снеженно-кипенной –
Капли красные, видно, креплёное –
Наливал мне услады погибельной
Ты небрежно в стаканы гранёные.

Не спеша я надену всё белое,
Ты – любимый свой фрак поизношенный.
Далеко, в пресловутое «первая»,
Мы сбежим хоть на день, растревожены.

С головой в пряный август мы босыми
Окунёмся беспечными, пьяными.
С серебристыми сладкими росами
Да полынными рвами-бурьянами…

Одурманены сочными травами,
Упадём от бессилья постыдного…
Будем долго шептать сплошь притравы мы,
Лишь губами прильнув ненасытными…

А потом… я навзрыд… о готовности…
Исступлённо, до умомрачения…
Чтоб, исполнив свой долг бездуховности,
Завершить святой акт возрождения…

По воде от причала я шла лёгкой поступью…

Это просто жара – фальшь короткого лета…
Всё размято… Прогрето… Разлито… Раздето…
В телефоне – пунктирные голые фразы:
Не смогла… Не ждала… Не постыло… Не сразу…

Каблуками-оковами жжёт полдень адский…
Растворяюсь неспешно по Кировоградской.
Частокол обезглавленных в шрамах титанов,
Словно стражей времён – тополей-великанов…

А тогда… По июльскому снегу… Босая…
В тополином пуху первобытного рая…
За тобой, как за новым Христом… Прости, Господи!
По воде от причала я шла лёгкой поступью…

…В знойном мареве бренности время застыло.
Тосковала… Любила… Простила… Забыла…
Дождь для пыльного города – жданная милость…
Торопился… Поверил… Смеялся… Не сбылось…

А кто-то тихо на трубе играет Blue Devils…

Вновь ежедневник дел рутиною исписан весь.
…А кто-то тихо на трубе играет Blue Devils…

Читает ночь воспоминаний фолиант…
Листает дни, шурша затёртыми страницами…
Поблекший фотоснимок с дорогими лицами –
В конверте с надписью: «Ваш выбыл адресат».
А ведь я знаю Вас… Да… Знаю Вас давно.
В моей судьбе Вы были званым гостем, прошенным…
С годами смылось разноцветье красок прошлого,
Мелькают кадры чёрно-белого кино…
Вросли навечно в нас чужие города,
Где с Вами, кажется, встречались в той, потерянной,
Забытой всеми, нам одним доверенной,
Случайной жизни, что исчезла навсегда…
Там, над Дворцовой, пела флейта пастораль…
Мой милый мальчик… Где ты с нежными фиалками?
Они – как я, мы были здесь провинциалками…
А ты… Нет… Тайну эту скрыла снежная вуаль…
Сегодня я открою чистый белый лист,
Билет в былое закажу, пусть всё исполнится:
Пусть снова чувства ароматами наполнятся…
И будет снег… И ты… И маленький флейтист…
– Дай же вдохнуть, но отпускать не смей… не смей…
Безумной встречей неожиданно хмелённые…
Адмиралтейская… Сенатская… Влюблённые
Мы в город пагубных туманов и страстей…
Не слёзы – талый снег… Как сладок их обман…
Дурманит горечь торопливых слов и нежностей…
Пыл долгожданных ласк… Прощение…
Поспешности…
Последний… Первый наш фиалковый роман…

Лишь на мгновение… назад я оглянулась…
…А кто-то тихо на трубе играет Blues…

И… утоли моя печали…

Теперь… Бессмысленны моленья перед дверью.
Слова прощальные сбивают чувства с толку.
Я знаю – в мае порознь маяться не долго…
Смешно… И всё же в эту глупость я поверю…
Там, за стеклянным хрупким абрисом разлуки,
Вы далеки… Едва-едва лишь различимы…
Благодарю Вас, что находите причины
Не позвонить, не растревожить лишь от скуки…
Не взволновать… Не прошептать о горькой страсти,
Добавив пряность ласк безудержного мая…
Как знать, быть может, яд тоски опять вкушая,
Пойму когда-нибудь, что сердце мне так застит.
Зачем испытывать безвременно терпенье,
Во всём привычно обвиняя расстоянья,
И, принимая благость судеб подаяньем,
Сходить с ума от неземного притяженья…
Спасибо Вам, что так, без ложных обещаний,
Бокал любви наполнив нежностью до края,
Со мной испить до дна напиток сей желая,
Вы доверяете мне сладость ожиданий.
К чему рыдать, нас в церкви с Вами не венчали.
И снова ждать я буду молча у порога.
Чтобы однажды вдруг услышать: «Слава Богу…
Прости меня… И… «утоли моя печали».

Антонина Киселевич

г. Седа, Латвия

***

Сожжённые стихи… Казнённые. Немые.
Их пламя языком слизало. Но они
Мне шёпотом чернил, сгорая, говорили,
Что в них жила душа и оживали сны.
Каких-то восемь строк, чернильные помарки.
На память в уголке отмечено число…
Сожжённые стихи… Как быстро и как ярко
Сгорело в них всё то, что сердце берегло.

С. Дали. Послевкусие

Где всюду белый песок, в раздумьях шумит океан,
С картин Сальвадора Дали сошла в белёсый туман.
По лестнице мира из грёз, где каждый мазок велик…
Порхает душа-мотылёк,
и струнный оркестр звучит!
Прошлась, заглянула в окно,
раздвинула пух – облака,
А дальше – кадры кино: пучина из страха и сна.

Понять его нелегко – мир создан из тысячи Нет…
В душе – всегда одинок…
В картинах оставил свой след.

***

Вечерами тёмными, вечерами длинными
Всё ждала желанного девица гонца.
Свечи тихо плакали, слёзы молча капали –
Будет ли согласие ро́дного отца…
Душенька печалится, ладно ль дело сладится,
Согласится ль папенька их благословить –
На женитьбу-свадебку, на чужу сторонушку
Доченьку-кровинушку с Богом отпустить…

***

Полюбились мне сумрак и грусть,
Завывание зимней метели.
Всё неброско. Размытые тени.
И всё знаю вперёд наизусть.
Вспыхнет лампочек дивный неон,
Потемнеет над крышами небо,
Запах кофе и свежего хлеба –
Ненавязчивый зимний декор.
И закончится радостный день,
Манит свет загоревшихся окон.
Залезаю в привычный свой кокон…
Ночь приходит, и сон вместе с ней.

***

Погрустнели глаза у осени;
К югу тянутся клинья птиц,
Паутинки, подлесок – проседью…
И всё больше печальных лиц.

Мраком серым недели полнятся,
Беспросветные льют дожди.
Ветер северный хорохорится
Меж деревьев… Тепла не жди.

***

Надену белые одежды.
И к морю –
ласточкой.
Одна.
Обнимет тёплый ветер нежно.
У ног ласкается –
Волна.

И надышусь свободой
вволю…
Сомнение отброшу прочь!
Устала жить с лихою долей,
Где беспросветны день и ночь!

И босиком
легко и быстро
Лечу навстречу
я судьбе.
И день вчерашний
растворится.

И улыбнусь сама себе…

***

Осень приуныла, и не в радость встречи…
Горькие слезинки катятся из глаз.
Ветхою кофтёнкой обернула плечи.
Косы тронул иней. Сил истёк запас.
Ноги промочила стылыми дождями,
И согреться негде – стылая земля.
Постарела очень, снег не за горами…
А совсем недавно – золотой была.

***

Пестрят шелка, муслин, атлас…
О! Как прекрасен образ Ваш!
Тонки, изящны кисти рук.
Ах! Если б знали, сколько мук
Навеял образ неземной!
Царица грёз передо мной!
Ужели это всё не сон!
Едва увидев, окрылён!
Мазурка… Выбор предрешён.

***

Мне много не надо – два дня на свободе.
От штампов уйти этих будничных дней.
Мечтаю пожить, позабыв о заботах,
Чем хуже собратьев я меньших – зверей!
Бродить по лесам, луговинам, болотам
Иль гордою птицею в небе парить.
Любить, где хочу, и когда мне охота,
И львицей рычать… И не надо юлить.
Не думать о времени, низкой зарплате,
Чем завтра семейство кормить на обед,
О стирке, покупках и модности платья,
На время забыть это слово – «Запрет».

Мне много не надо – два дня на свободе…

Вера Кошелькова

п. Фосфоритный, Воскресенский р-н, Московская обл.

Вера Николаевна Кошелькова родилась в 1948 году в селе Фос-Завод Курской области. Окончила СОШ №14 г. Воскресенска. В 1977 году окончила Коломенский Государственный педагогический институт. Работала учителем начальных классов в МОУ «Хорловская школа-интернат». В настоящее время находится на заслуженном отдыхе. Писать стихи начала в зрелом возрасте. Печаталась в районных периодических изданиях, коллективных сборниках (альманах «Воскресенск – моя родина светлая» №4, №5, антология писателей Болгарии и России «Созвучие» и «Созвучие-2», международный сборник авторов поэтического интернет-сообщества «Artelen»). Автор книги «Мы вместе», в которой наряду со своими стихами поместила стихи юных поэтов школы-интерната. Является лауреатом поэтических районных и областных конкурсов.

Член Союза писателей России.

Мой Фосфоритный

Мой родной посёлок
Фосфоритный –
Чудный край карьеров и лесов.
Небольшой и вовсе не элитный,
Место для романтиков, творцов.

Здесь шумят берёзовые рощи,
Манит гладь чарующих озёр.
Красоту воспеть невольно хочешь,
Радуют картины каждый взор.

На лугах твоих, в разгаре лета,
Царствует старинный запах трав.
В изумруд сады твои одеты,
Трели птиц волнуют всех с утра.

Золотой осеннею порою
В лес влечёт таинственная тишь.
Хочется стихи писать, не скрою,
Словно с Музой птицею летишь.

В зимней сказке лес заворожённый
В одеяньи белом предо мной.
Временами лишь неугомонный
Дятел стук вершит над тишиной.

Я люблю посёлок, несомненно,
Восхищаюсь красотой всегда.
И скажу вам, люди, откровенно:
Родину не брошу никогда.

Ива серебристая

Тихая и чистая речка вдаль течёт.
Ива серебристая у воды растёт.
Листьями касается зеркала реки.
Дружно разбегаются по воде круги.

Тропочкой тенистою к берегу приду.
Веткой серебристою грусть я отведу.
А когда зима придёт,
речку стянут льды.
Белым снегом заметёт
к ивушке следы.

Инеем украсятся
ветви на заре,
А любовь не спрячется
даже в январе.
Не страшны морозы ей,
вихри и снега,
Не разрушит грозная,
лютая пурга.

Снова красно солнышко
будет греть весной.
Песенку соловушка
нам споёт с тобой.
Будут трели звонкие
слышны вдалеке.
Веточки зелёные
склонятся к реке.

Летушко звонкое

Паутинки тонкие,
Розовый рассвет.
Шлёт нам лето звонкое
Тёплый свой привет.

Ивушка от радости
Плачет у пруда.
Пахнет терпкой пряностью
Тихая вода.

Над травой зелёною
Хоровод стрекоз.
В лето я влюблённая,
В шелест ив, берёз.

В буйное цветение
Полевых цветов,
В ласковое пение
Ранних соловьёв.

В облака пушистые,
Белые, как снег,
И луга душистые
Вдоль студёных рек.

Летушко ты хлебное,
Славлю я тебя
И слова волшебные
Говорю любя.

Письмо

Горит свеча, подрагивает пламя.
Пишу письмо в царящей полутьме.
Не знаю, что случилось между нами?
И где же выход, кто подскажет мне?

Раздумия терзают в клочья душу.
Свиданья наши призраком стоят.
Но клятву, что дала, я не нарушу,
А мне друзья забыть его велят.

Я верю, день настанет, несомненно,
Когда с букетом ландышей в руках
Придёшь ко мне,
как прежде, непременно,
И на письмо ответишь в двух словах.

Светает. Догорает тихо свечка.
На лист легла всего одна строка.
Я слышу, как стучит моё сердечко,
А в небе розовеют облака.

Прелесть лета

Зной убрал завесу
утренней прохлады.
Тают в небе кружевные облака.
Запах роз, как будто
с привкусом помады,
Ветерок принёс издалека.

Он ласкает тело лёгким дуновеньем.
Теребит, играя, локоны волос.
И приходит вдруг такое вдохновенье,
Словно дарят мне букеты роз.

Лето раскрывает жаркие объятья.
Утопаю в красках луговых цветов.
Наслаждаюсь щедрой,
пряной благодатью,
Для восторга не хватает слов.

Пётр Красильникян

г. Ростов-на-Дону

Волк-одиночка

Верил я фата-моргане…
Правды – микрон – оболочка.
Люди, меня вы достали!
Я теперь волк-одиночка.
В сердце надломанном – шрамы,
Больше не дамся, не ждите.
Нет понимающей мамы,
Все остальные двулики.
Верить опять… после боли?
Глупо! Ведь всё повторится.
Вы же играете роли,
Ваше сознанье – блудница.
Люди, я вам благодарен,
Внешнее – пусть будет ваше.
Внутренний мир многогранен,
Отполирован от блажи.
Волком бреду одиночкой…
Сила есть в невозвращенце,
И по обычаю ночью
Вою над раненым сердцем.

Главный шаг

По разным причинам, своими путями
Пройдя лабиринты жестоких табу,
Рождаясь, старея, взрослея смертями,
Мы рвались друг к другу исполнить судьбу.

В ярчайшую точку вселенского света –
В земную любовь мы стремились, терпя
Свой внутренний Ад в виде райского вето –
И всё ради встречи с божественным «Я».

И вот этот миг – расплавления эго…
Мы тонем друг в друге… присутствует страх.
А вдруг всё напрасно?.. Восходит омега…
Прощай, напускное… мы делаем шаг.

– Зачем же ты плачешь? Не надо, родная…
Сейчас ты в себе обнаружила клад.
– Я тысячу жизней жила, отступая…
Я плачу: а вдруг и сейчас не смогла б.

Любовь

Любить до самоотреченья –
В секунду «да» менять на «нет»,
Страдать до умопомраченья,
Неся любовный пылкий бред.
Душой парить в пределах рая
И тут же падать в пустоту,
Болеть, от ревности страдая,
Воспеть любимой красоту.
Сходить с ума от пылкой страсти,
В сомненьях душу измотать.
Быть у любви в покорной власти
И, доверяя, доверять.
Желать убить её, заразу,
И целовать её следы,
Идти на край, за край, за разум…
Уничтожая всё, что – ты.
Убрать в себе всё наносноОе,
Всё незначительное – фальшь,
Что затуманило основу –
Весь неестественный меланж.
В себе убить остатки бреда –
Людской – пустой галиматьи.
Пройти кромешный мрак нигредо,
Придя к возвышенной любви.

Одиночество

Обожаю своё одиночество
За свободу быть только собой,
За сомненья, за мысли, за творчество
И за то, что не стало судьбой.
За раздумья без ложного рвения,
За открытий мистических пир,
За волшебный экстаз вдохновения,
За увиденный внутренний мир.
Обожаю твоё одиночество
За показанный вовремя край,
За стихи в виде антипророчества,
За увиденный, узнанный рай.
Одиночество – штука полезная…
В нём встречаешься молча с собой,
В нём влюбляешься, стоя над бездною.
В нём душа обретает покой.

Скучаю

Бессмысленно-бесчувственное утро,
В котором нет ни строчки от тебя,
Но сердце верит… пусть наивно, глупо…
И я живу, надеясь и любя.
В любой момент мы можем не списаться,
Что это будет – избавленье-смерть?
Уж лучше так, чем добрая прохладца –
С учтивостью захлопнутая дверь.
Я не хочу о негативном думать –
У обстоятельств где-то ты в плену…
Ты омут мой, любимая, ты суводь,
В которой я восторженно тону.

Ночь

Разве это была ночь –
Это был без конца ад…
Я молил у небес – смочь
В сердце как-то убить яд.
Антидот у неё есть,
Но умом правит мрак-гнев,
В голове только цель – месть,
Цель убийство любви – грех.
Позади разных дум рой
И борьба между да – нет…
Прожита эта ночь мной…
Я люблю всё равно – бред.

Любовь Кузьменко

г. Азов, Ростовская обл.

Метро

Как по лестнице
бегущей,
так по жизни
не пройти…
Вот, скрестились-
перепутались
дороженьки-
пути…

Раз! –
ступенька…
Два! –
ступенька…
Вниз я еду,
ты – наверх…
Что, скажи-ка мне
на милость,
что же делать,
что теперь?..

«Осторожно!
Осторожно!
Двери
закрываются!..»
А душа моя
и тело
жаром
обнажаются…

Электричкино
визжанье,
голос
металлический…
Мне с тобою
расставанье,
точно с жизнью –
птиченьке…

Как по лестнице
бегущей,
так по жизни
не пройти…
Вот, скрестились-
перепутались
дороженьки-
пути…

Каприз

Это что же
за каприз:
пять шагов –
ступени вниз?..
Ты зачем
сюда идёшь?
В сердце пусто,
и бьёт дрожь…
Дождь холодный
льёт и льёт…
Кого ждёшь,
тот не придёт!
Что же это
за каприз:
пять шагов –
ступени вниз?..
Ты себя
изводишь вновь,
то кипит,
то стынет
кровь…
Не заигрывай
с судьбой,
не спускайся же,
постой!
Мысли
дрянные,
уйдите!
Страсть,
дожди,
мне остудите!
Я тащусь
по мостовой
и твержу себе:
не твой!
Что, опять
шальной
каприз:
в речку,
в волны,
сверху
вниз?
Дождь
холодный
льёт и льёт…
Ты не жди!
Он – не придёт…
Не заигрывай
с судьбой,
стань опять
сама собой!
Брось,
оставь
дурной
каприз:
пять шагов –
ступени вниз…

Не свободен…

Бисером
рассыпались
слезинки…
Не прочесть
неровный почерк твой…
Не приедешь, –
сердце говорит мне…
Не свободен…
Чувствую: отбой…
Расплылись чернила
на листочке,
размывая фразы
твоих рук,
чьим доверить
так судьбе
хотелось
жизнь мою –
взамен
сердечных мук!
Почерк твой знакомый
не прочесть мне…
Мокнут строчки…
Сколько встречи ждать?!
Почерк
торопливый…
Не понять мне,
что хотел
письмом своим
сказать…
Рассыпались
бисером
слезинки…

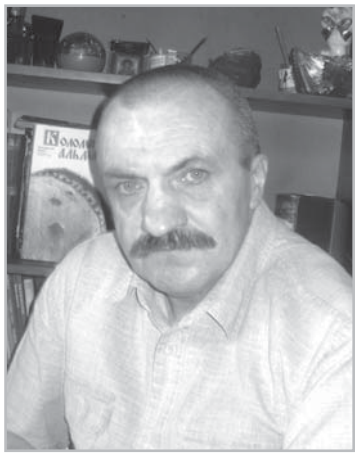
Снежной волной

Иду-брожу,
иду одна я…
У кромки льда я –
словно босая…
волною
снег
в меня
бросая,
Нева
течёт
не замерзая…
А я застыла,
я – ледяная:
разлукам
нет
конца
и края…

Прежде, чем упасть!

– Бессонница –
Много
окон
в этом доме –
всех грустней
одно:
шторой
из моей
печали
занавешено!..
Колокольчиками
капель
летнего дождя
обрамлён
оскал
оконный,
что
пугал меня:

то рассветом,
то закатом,
долготою дня…
В ночь
бессонную
забьюсь я
птицей:
душу вынь!..
И
с отравою-любовью,
что
хмельна полынь, –
всю себя
я криком
брошу
в дождевую синь!
В поднебесном
океане
в капельку
дождя
превращусь я
и
слезинкой
по преграде,
по
стеклянной –
в раме – глади,
постучу –
тебя
увидеть,
прежде,
чем
упасть:
пред тобою
раствориться –
навсегда
пропасть…
В ночь
бессонную…



Алексей Курганов

г. Коломна, Московская обл.

«А свадьба пела и плясала!», или Гости из прошлого
(журналистская байка)

Одна из главных «фишек» горбачёвского правления – «сухой» закон, а одно из его главных проявлений – т.н. «трезвые» комсомольские свадьбы. Повальной модой они тогда, конечно, не стали, спиртное всё рано где-то находилось-доставалось, некоторые «антитрезвенники» даже самогон варили – и свадьбы по-прежнему «захмелялись», по-прежнему «пели и плясали» назло «генеральной линии партии на укрепление трезвого образа жизни».

Порой доходило до совершенно фантастических казусов, об одном из которых я и хочу вам рассказать. И опять: узнал об этом удивительном в своей реальной невероятности случае от Вовки Онищенко, своего соседа по студенческой общаге, который был родом откуда-то из западных областей Украины (напомню: тогда, в середине восьмидесятых годов прошлого столетия, ещё являвшейся «навеки» неотделимой частью Советского Государства). Вовка был известным брехуном, но врал искусно, поэтому ему многое и прощалось. Поэтому если всё-таки не поверите, то уж, по крайней мере, посмеётесь. Итак…

Всё началось с того, что в один из июньских вечеров 1986-го года Вася и Оксаночка решили узаконить свои отношения. Радостное, конечно, дело, которое могло осложниться одним серьёзным «напрягом»: в стране, как я уже сказал, бушевал беспощадный «сухой» закон, а их родители, как Васины, так и Оксаночкины, не могли себе даже представить: да как же это так? Свадьба – и без спиртного! Дикость какая-то, пусть и в свете «последних исторических решений».

Ситуация осложнялась ещё и тем, что и Вася, и Оксаночка были не просто рядовыми комсомольцами, а работали в комсомольском горкоме по проведению воспитательной работы среди своих пока ещё неокомсомоленных лоботрясов-сверстников. Вот я и говорю – ситуация!

Казалось, всё, тупик, но родители нашли-таки выход из положения. Они решили сыграть свадьбу у Оксаночкиной бабки, которая проживала на забытом Богом и Оксаночкиными родителями хуторе, который располагался в такой дремучей глухомани, что на него не то что человек – ни одна нормальная собака не забегала.

В общем, сгоняли они в выходные к бабке, объяснили, что, где, когда, и сколько будет народу, бабка головкой своей седенькой согласно покивала, поулыбалась понятливо. Дескать, делайте вы чего хотите, мне по причине огромного количества лет уже абсолютно всё равно.

И вот наступил он, торжественный день образования новой советской семьи! Счастливые молодожёны и не менее радостно-возбуждённые родственники и друзья приехали в положенное время в ЗАГС, подписались где надо, молодые поцеловались на теперь уже абсолютно законных основаниях и, покатавшись по любимому, подозрительно трезвому городу, выехали наконец на большую дорогу и поехали к бабке гулять и веселиться подальше от любопытных и всегда готовых просигнализировать куда надо глаз и ушей.

А надо сказать, что в это самое время один противный, но очень наблюдательный хлопец с соседнего с бабкой хутора собрался ехать на велосипеде на покос. Шустрый был мальчуган! И развитый не по годам! Ему ещё и пятнадцати не исполнилось, а он уже и матом ругался, и папироски курил, и уже доподлинно знал, что самогонка – это очень вкусный и полезный продукт, в котором масса витаминов и сто процентов жирности.

– Эй, бабка! Гутен морген! – весело прокричал он, когда на своём велосипеде специально заехал к бабке, которая в ожидании городской свадебной делегации мирно сидела-дремала на завалинке. – Чего расселась? Налей-ка мне стаканчик самогоночки!

– Да что ты, что ты! – испуганно закудахтала бабка. – Какая ещё самогонка! Я её уже сто мильёнов лет не гнала! И не думаю даже, весёлый паренёк!

– Ты мне мозги-то не пудри! – сказал хлопец, моментально построжав лицом. – Я за твоей избой вон с той горной кручи (и показал на кручу) специально три дня внимательно наблюдаю! Чего ж ты тогда в такую жарищу круглые сутки печку топишь? С какой-такой преступной целью, а? Это только дурак не догадается, что гонишь. Ты кого обмануть хочешь?

Бабка опять было кудахтать начала, но он эти её жалкие потуги сразу пресёк. Решительно и в корне.

– Значит, так, – заявил он. – Или ты мне сейчас же стакан первача накатываешь, или у тебя два путЯ: самой идти сдаваться в нашу славную милицию, или я тебя сам на обратном пути сдам. Выбирай, только мигом!

И ощерился, беспощадный вымогатель, в противной ухмылке.

Ну что тут поделаешь? Выбора не было. Бабка закряхтела, застонала, разогнулась еле-еле и в виде буквы «гэ» в хату поплелась. Вытащила ему полную кружку, поклонилась, охнув в пояс: прими, касатик! Ещё неостылая!

Крякнул гуцул довольно, мигом ту посудину опорожнил, крякнул от удовольствия ещё раз.

– Ну, бывай пока! – крикнул напоследок, рывком вбрасывая своё стремительное тело в велосипедное седло. – На обратном пути снова загляну! А как же с устатку-то! Обязательно!

И стремительно унёсся в свою удивительно пейзажную даль. Вот такой это был ещё молодой, но уже опытный негодяй!

Дорогие молодожёны и менее дорогие соответствующие гостенёчки прибыли на бабкин хутор в два часа пополудни.

– Ну, как ты тут, бабанька? – весело поприветствовал старушку один из гостей. – Бандера не особо беспокоит?

– А у меня в шкапчике пулемёт! – похвастала старушка. – Только я его не всегда достать успеваю, а то бы – ух!

– Правильно, бабка! – поддержал её другой гость, с комсомольским значком на груди, украшенным нарядной алой ленточкой. – И ещё гранатами их, гранатами!

Вот так, с шутками-прибаутками, все зашли в просторную избу и, разместившись за празднично украшенным и богатым на еду и выпивку столом (здесь-то кого бояться?), начали своё беззаботное торжество.

А что же наш юный друг – велосипедный Шумахер – гарный гуцул? А он приехал на дальний покос, снял с багажника косу – и «эх, раззудись, плечо, размахнись, рука!» Трава здесь, в глухом углу между высоких гор, куда очень редко ступала нога человека, была густая и духмяная, и от энергичной косьбы, и от медового духмянства замечтался парнишечка, перестал смотреть себе под свои трудовые ноги – и куда-то там совершенно не туда, куда надо, наступил! И провалился, мечтатель наш задрипанный!

Провал оказался на удивление удачным: «Шумахер» ничего себе не повредил, если не считать того, что приложился стриженой башкой о какую-то железяку. Поэтому он сначала грязно выругался, потряс своей ушибленной головой, потом поднялся на ноги и, наконец, огляделся. Хотя в яме было довольно сумрачно, но свет, лившийся сверху, из дыры, выхватил определённые предметы, и наш гуцул, хотя и был без мозгов, но всё-таки сообразил, что провалился в бандеровский, оставшийся ещё с войны схрон. Ай да Шумахер! Это он, как говорится, удачно упал! Вокруг стояли ящички, ящики и ещё что-то привлекательно упакованное то ли в брезент, то ли в мешковину. Гуцул открыл ближайший ящик и восторженно цокнул языком: «шмайсеры»! И все – в заводской смазке! То есть, хоть сейчас под венец – то есть, в бой! А здесь что? А здесь – патроны. А вот и пулемётик. Хороший пулемётик, и сбоку – два «цинка» с лентами. Он полазил ещё и нашёл массу других занятных «игрушек», от гранат до немецкой полевой униформы и полицейских повязок. Да, богатый оказался схрон! Прямо склад! Нет, как же всё удачно слепилось: и приехал он именно сюда, на дальний луг, и косил именно в этом месте, и крышка схроновая очень вовремя подгнила, и он даже и не покалечился и на косу не сел! А это что во фляжках? Мать моя женщина – спирт! Нет, ну что за прекрасная жизнь может быть даже при «сухом законе»!

Всё это восхитительно, но тут же возник следующий вопрос: что со всем этим богатством теперь делать? Наш гуцул поморщил свой не отягощённый мыслительными процессами лоб и понял что. Надо спирту выпить! Обязательно! Это как раз тот случай, когда без бутылки действительно не разберёшься!

И он, конечно же, выпил. И, как и следовало ожидать, алкоголь тут же сделал своё благородное дело: наш гуцул-алкоголик моментально ПРИДУМАЛ! А когда придумал, то скоренько выбрался на свежий воздух, вскочил на своего «железного коня» и что есть сил закрутил педалями. Уже через полчаса он был в ихнем гуцульском селе и, захлёбываясь от переполнявших его чувств, рассказывал своим сверстникам-односельчанам о случившемся с ним удивительном происшествии. Товарищи тоже пришли во вполне понятное волнение.

– Едем! – дружно решили они. – И немедленно!

Тут же оседлали своих «железных коней», гикнули, гакнули – и понеслись. Мигом долетели до того поля, до того схрона, мигом туда забрались, мигом спирту натрескались (а закусь с собой взяли – знаменитое гуцульское сало).

– Эх, красота! – сыто отрыгиваясь, закатил глаза один из приехавших. – Кому бы сейчас в лоб заехать?

– А у бабки на хуторе свадьбу играют, – вдруг вспомнил ещё один приехавший. – Можно свадьбу погонять! Чтоб они наш советский «сухой» закон, которому неукоснительно следуют все прогрессивные советские граждане, не нарушали!

– Правильно! – одобрительно закричали со всех сторон. – Надо проучить, чтобы уважали наши всем народом любимые советские законы и соответствующую Конституцию!

А тот первый, который завёл разговор про мордобой (он, как выяснилось позже, уже в милиции, самым заводилой был, самым неугомонным бандеровцем), вдруг хитро призадумался.

– Нет, – сказал он решительно после думы свой тяжкой. – Драться – это хулиганство, да и сдачи можно получить, – и ехидно осклабился. – Они и без мордобоя в штаны наложат.

И, заговорщически наклонившись, что-то горячо зашептал своим заинтересованным товарищам…

А свадьба тем временем беззаботно пела и плясала! Уже были произнесены и первые тосты, и вторые, и десятые, уже охрипли глотки от криков «Горько!», и уже кто-то сладко похрапывал, уткнувшись физиономией в какое-то большое блюдо с высококалорийной закуской. Короче, уже всё было о'кей, когда в дверь избы требовательно постучали.

– Эт хтой-та тама? – удивилась бабка, эта всё-таки бдительная женщина, несмотря на всеобщий загул. – Неужели этот… косец возвернулся? Вот ведь алкоголик ненасытный! Может, и на самом деле пулемёт из шкапчика достать, пугнуть его, неугомонного? – бабка открыла дверь, и тут же в светлу горницу ворвались человек десять полицаев и немецко-фашистских солдат в полной боевой экипировке. Гости, изрядно задурманенные алкоголем, тут же прекратили исполнение задорных свадебных частушек и ошарашенно уставились на непрошенных «товарищей».

– Ну, чего, подлюки, замолчали? – высказался один из пришедших, по внешнем виду – настоящий ихний главарь, фашистско-гитлеровский оккупант, одетый в военно-фашистскую форму, обвешанную гранатами, пистолетами и автоматами. – А ну-ка, выходите на двор!

Народ угнетённо молчал, с трудом переваривая эту дикую сцену. Полицаи? Гитлеровские захватчики? Откуда они, черти, взялись, если война уже сорок лет как кончилась? Бред какой-то! Такого не может быть! А может, всё-таки не полностью закончилась? Может, так, слегка, для виду? Вот и верь после этого учёным историкам и продажным средствам массовой информации!

– Ах, не может быть? – без труда прочитав эти их противоречивые мысли, злобно ощерился главарь. – А вот может! И если сейчас же не выйдете, то мы вас гранатами закидаем. Вот тогда и поверите, когда все превратитесь в ужасно обгореТые трупы в своих страшных мученьях.

Угроза беспощадной и жуткой физической расправы подействовала на собравшихся очень убедительно, и они, угрюмо опустив головы, потянулись на улицу.

– Стройся! – весело заорал главарь. – Значитца, так! Комсомольцы, коммунисты, ветераны войны – шаг вперёд!

Толпа не шевелилась. Люди лихорадочно соображали, что же это такое может быть. Если сюрприз, то довольно поганый: подняли под дулами автоматов из-за стола, выкликают особо избранных и самых уважаемых. Слишком оригинальные шуточки, чтобы принимать их за просто шуточки. Может, кино снимают? Но тогда должны были предупредить! Нет, что-то здесь не то…

– Я понял, – сказал один гость другому. – Эти деревенские дебилы спектакль устроили, чтобы самогонки на халяву нажраться. Нарядились в маскарад, деревянные автоматы с деревянными гранатами на себя понавесили и вот теперь выделываются. Не бойтесь, ребяты, этих клоунов! Пошли этим деревенским олухам ихние личики побьём!

И он решительно двинулся было к главарю.

– Стоять! – рявкнул тот.

– Я те щас ж… надеру, чёрт чубатый! – бесстрашно заявил наш народный герой, радостно потирая свои очень крупные по размерам кулаки. – И носюшку твою курносую в соплюшку размолочу, чтобы не мешал праздновать честным людям акт законного полового бракосочетания!

– Ах так! – осерчал главарь и, пятясь от этого грозного товарища, передёрнул затвор автомата и тут же дал поверх голов длинную автоматную очередь.

Наш же герой, тут же поняв, что оружие – настоящее, а не из табуретки, моментально побледнел лицом, потом посерел, присел и неожиданно облегчился прямо в свои праздничные портки.

– Настоящие… – ошеломлённо прошелестело по рядам обречённых. – Не артисты! Ой, мамоньки, чего делается! И где ж эти черти сорок лет отсиживались на наши бедные головы!

– Ну, чего? – ободрённо крикнул главарь. – Убедился? Так что, господа большевики и им сочувствующие, с нами шутить не рекомендую! Мы – настоящие! Повторяю ещё раз: коммунисты, комсомольцы и ветераны – шаг вперёд! Или всех положим!

И по его знаку, в подтверждение серьёзности намерений, окружавшие его фашистские прихвостни и гитлеровские недобитки дружно направили оружие на совершенно растерявшихся свадебных гостей и участников и дружно защёлкали затворами.

– Считаю до трёх! – проорал главарь, целясь из своего автомата в пузо ближайшего к нему угрюмого человека с лохмутом кислой капусты, застрявшим в пышных усах, и, судя по глазам, испытывавшего в данный момент просто-таки животный страх.

– Р-р-р-р-аз!

– Господин начальник, херр фашист, айн момент! – раздался вдруг звонкий голос, и из расстрельного строя выскочил тщедушный мужичонка пенсионерских лет. – Я покажу! Я всех покажу! Вот этот, – и ткнул корявым пальцем в одного из стоявших, – коммунист. А этот, – и последовал такой же жест в рядом стоявшего бледного паренька с полузакрытыми обморочными глазами, – из города, активист комсомольский! А вот эти – ветераны войны. Они беспощадно сражались с вами, нашими освободителями от ненавистного большевистского режима, на фронтах и в партизанских отрядах.

Да, вот такого неожиданного поворота событий не ожидали ни гости, ни сами «оккупанты»!

– А ты кто? – оторопело спросил предателя главарь.

– Не извольте беспокоиться, херр группенфюрер! – рассыпался перед ним льстиво-угодливой усмешкой этот иуда. – Я всю войну продезертирствовал! Все четыре года в погребе просидел, чтобы вам, нашим освободителям, вреда не причинять! Так что я свой, буржуинский! Хайль Гитлер, товарищ фашист!

Закончилась вся эта удивительная история довольно прозаично: кто-то из селян увидел всё происходящее и сообщил по телефону в город. Оттуда к месту событий была срочно выдвинута поднятая по тревоге армейская часть, и «оккупанты», увидев, что их взяли в плотное кольцо настоящие воины непобедимой и легендарной Советской Армии, дружно побросали своё оружие на землю и так же дружно подняли руки. Конечно! Красноармейцы – не свадебные гости, они шутить не будут! Посекут из автоматов – и все дела!

Потом было уголовное дело, был суд. Главарю за хулиганство в общественном месте дали полтора года, двум его самым активным помощникам из той шпанистой ватаги – по году условно, а дезертиру-предателю судья отмерил от всей души аж два с полтиной года общего режима! И правильно сделал! Как говорится, сколько верёвочке ни виться! Нечего было в погребе сидеть, когда страна кровью истекала в смертельной борьбе, а потом, через сорок лет, лакейски расстилаться перед представителями германского командова… тьфу, этими ряженными балбесами! Таким образом, справедливость восторжествовала, несмотря на срок давности. Всё правильно! Всё так и должно быть! И так и будет!

Книгу рассказов Алексея Курганова «ЗЕМЛЯКИ» можно приобрести в интернет-магазине нашего издательства.

http://www.tvoyakniga.ru/magazin/magazin/233/

Сергей Кулешов

г. Луховицы, Московская обл.

Посвящение брату

Помню запах прокуренных рук,
Обнимающих крепко меня.
Помню сердца размеренный стук
И горящие волей глаза.
Помню голос, звенящий в тиши
Под гитарный простой перебор,
Помню просьбу: «Серёга пиши!»
Я пишу, только пишется вздор.
Помню взгляд, прожигающий вмиг.
По наследству теперь он во мне!
Помню всё, чётко помню, старик,
И горю в прошлом, словно в огне.
А теперь где-то там, за спиною,
Да за рощицей чёрных ворон –
Ты лежишь под могильной плитою,
Но я знаю, ты всюду со мною,
Мы теперь лишь поём в унисон…

Исповедь ангела

Я так устал во благо жить,
Послать к чертям бы все устои!
Хочу дышать, страдать, любить
Свободной птицею на воле.
Мой мир так праведен и чист –
Тюрьма с комфортом и убранством.
Да я и сам, как белый лист,
Тоски пустой храню пространство.
Ты, человек, ничтожно мал,
К бессмертью тянешься, несчастный…
Ах, если б только ты узнал:
Бессмертье – это рок ужасный.
Стремятся все на небеса,
Как будто счастья здесь без меры,
Как будто б синь всегда чиста,
Стремятся, но живут без веры.
На что вам церкви и посты,
Когда деньгами душу мерят,
Когда безбожные попы
Во власть монеты звонкой верят.
В продаже всё: свеча и крест.
Свеча трещит, а крест не светит.
В аду уж нет свободных мест,
В раю же все сплошные дети…
Как я устал во благо жить!
Послать к чертям бы все устои,
Хочу дышать, страдать, любить,
Людской не разделяя доли.

«*Не за эту мы жизнь воевали*»

«Не за эту мы жизнь воевали», –
Дед сказал, утирая слезу,
А в ответ задрожали медали,
Как листва на холодном ветру.
Нищетой одаряя седины,
Этот мир учит вновь выживать
Нас, свободных и непобедимых,
Шедших с криком «Ура!» погибать.
Нас – сынов непокорнейшей расы, –
Гордым взглядом взирающих вдаль,
Не просивших пощады ни разу,
Светлой сталью встречающих сталь.
Общипали двуглавую птицу,
Побледнел вековой триколор,
Лишь обида на сердце таится,
Да во взгляде усталом – укор.
Растрепалась великая сила,
Разметалась, и уж не собрать.
Что ж ты делаешь с нами, Россия?
Ты ж становишься мачехой, Мать…
Дед ушёл, больше мы не встречались,
И лица не припомнить уже,
Лишь слова те доселе остались
Тяжким грузом лежать на душе.

России

Я сегодня немного другой,
Да и ты немного другая.
Я кричу тебе снова: «Постой!» –
Моя строгая и всё же родная.
Обращаю свой взор к небесам,
Вспоминая ушедших поэтов,
Так же сильно любивших тебя,
Так же просто – без всяких запретов.
Видно, так хулиганкой судьбой
Мне предписано вечно скитаться.
Я кричу тебе снова: «Постой!» –
Потому что боюсь потеряться.
Пыль дорог омывая росой,
Ты меня успокоишь однажды,
Дав душе моей бедной босой
Видеть то, что действительно важно.
А пока я немного другой,
Да и ты немного другая.
Я кричу тебе снова: «Постой!» –
И опять отстаю, догоняя!

***

Как многогранен этот мир,
Он так похож и так различен,
Он строг и всё же хаотичен,
Как многогранен этот мир!..
Любовь здесь с ненавистью рядом,
Герой и трус, богач и смерд,
Здесь рай находится под адом,
Здесь день и ночь, здесь жизнь и смерть…

Этюд

Рубцами обратятся раны,
И потемнеют зеркала,
Иные боги, судьбы, храмы,
Совсем другие имена.
Прощальный вальс станцуют листья,
Увлекшись песнями ветров,
И лишь художник старой кистью
Былое оживить готов.
И на холсте поочерёдно,
Законам Божьим вопреки,
Всё станет так, как нам угодно,
Но не поднимет он руки.
Не тронет кисть палитры лоно,
И лист последний откружит,
Упав под грозный рокот грома,
А нас, быть может, Бог простит…

Мне нравятся звонки друзей

Мне нравятся звонки друзей,
Но не по делу, как обычно,
С набором фраз, давно привычных,
И сводкой старых новостей.

Их голоса согреют в стужу,
Но не когда в них скрыта лесть,
С которой пробуют залезть,
Не сняв ботинок грязных, в душу.

Я не люблю признаний пыл,
Которым правит лишь желанье,
Когда на первом же свиданье
Бесстыдством сломлен трепет крыл.

Когда заветные слова
Звучат без умолку и всуе,
И, боле душу не волнуя,
Не дарят должного тепла.

Мне не понять свой бурный век,
На берегу под шёпот клёнов,
Где колокольным перезвоном
Смиряется безумный бег.

Я не пытаюсь жизнь продлить
И за борт не бросаюсь также,
Там поглядим, как карта ляжет,
Одной не страшно, двум не быть…

Последние слова Поэта

«Спасибо, верные друзья, –
Сказал он книгам на прощанье. –
Ах, чёрт возьми, где кружка, няня?
Как хочется, чтоб всё не зря,
Чтоб каждой строчке свой приют
В душе нашёлся человека,
Устав от су́етного бега,
Он находил бы в них уют.
Переплетение страстей,
Любовь и ненависть земную
И славу родины былую
Сыскал бы каждый без затей…
Прощайте, верные друзья,
Ну вот и разошлись дорожки…
Сейчас мочёной бы морошки –
И в санях по́ полю скользя…»

Остановись, безумный век

Остановись, безумный век,
Дай отдышаться на мгновенье.
В тиши услышать птичье пенье,
Заметить первый белый снег.
Дай оглянуться не спеша
И вспомнить тех, кого нет рядом.
Не торопи, прошу, не надо –
Пускай помолится душа.
Пускай без спешки и помех
И не боясь быть пристыжённым,
Я вновь увижу мир огромным
И детский свой услышу смех.
Не торопись, безумный век,
Ведь я прошу не так уж много.
И пусть моя мечта убога,
Зато хранит, как оберег…

Всё недосуг

Всё недосуг, всё суета.
Уж встречи празднику подобны,
В дань обстоятельствам удобным
И так проносятся года.
Я помню запах плотных штор
И шелест разноцветной книжки,
Где репку лишь с подмогой мышки
Смог вытащить весь дружный двор.
Я был уверен, что с тобой
Мы будем вечно неразлучны,
Сегодня сны мои беззвучны
И окна пахнут органзой.
А днём, решая сотни дел,
Ношусь по заданным маршрутам,
Теряю счёт часам, минутам.
Прости, заехать не успел.
Как в оправдание, берусь
Опять за трубку телефона:
«Всё хорошо, мамуль, я дома…
Да, буду, как освобожусь…»
Как неоправданно редки
С тобою встречи, фраз обрубки,
Я лишь боюсь однажды в трубке
Услышать ровные гудки…

«*Забава*»

Жаль, Серёжкиной «забавой»
Не потешить мне народ.
Хоть и волос кучерявый,
Да не лезут пальцы в рот.
Видно, нет того задора,
Чтоб, как он, вот так, с листа,
Не танцует Айседора,
Да и публика не та.
Лишь одна в душе отрада –
Под рубахою простой
Обжигает грудь прохлада
Той печати роковой.
Под иконой было б лихо
Без боязни встретить смерть!
Научиться б, пусть хоть тихо,
Между пальцами свистеть…

Лёля Ладная

г. Сумы, Украина

Над безумием

Реальность жизни превратив в кино,
Извилины мои оплавят мысли,
Осадком упадут в глазное дно,
Пытаясь круг сознания исчислить.
Разорванных нейронов гулкий треск
В ударах сердца до конца сгорает,
Я превращаю этот мир в гротеск,
Где ты и я… Где мы идём по краю…

Из глаз прохожих, из углов домов,
Мы выйдем в воздух по пылинкам света.
Мы будем не зависеть от оков,
В потере жизни находя ответы.
Мы проживём двенадцать тысяч лет
За пять минут на глупом циферблате,
Твоим вселенным проникать в мой свет
Бездн и пространства всех миров не хватит.

Мы в кровь вливаем мир и тишину,
Мы над безумием. Мы ангелы. Мы птицы.
Метеориты… Нас влекут ко дну
Все реки мира на моих ресницах.
И, вырывая жизнь из чёрных дыр,
Я новый мир из синих звёзд построю,
Отдав, как плату, этот серый мир
За хрупкий призрак вечности с тобою…

Я устала

Не вини меня сейчас в одиночестве,
Не пихай боль в горло костью обглоданной.
Я устала. Мне живой быть не хочется.
Подыхать с душой, тебе трижды проданной.

Я смертельно разрывной в сердце ранена.
Не зови меня. Не рви больше голоса.
Я ночами на отшибах/окраинах
На руках рисую красные полосы.

Не кричи ты мне: «Да ты сумасшедшая!
Ты больна тоской. Да ты прокажённая!»
Из твоих миров навеки ушедшая,
Я скитаться в них навек обречённая.

Я лишь ветер. Не нужна. Не опознана.
Я не имени не помню, ни отчества.
Моя внутренность безумием сожрана.
В моих мыслях – злобным эхом пророчества.

Сколько можно шить заплат парусиновых?
Моя воля – вон в агонии корчится.
Мне постель сшить из корней бы осиновых…
Я устала. Мне живой быть не хочется.

Голод

Надо есть эту жизнь. Надо пробовать время на вкус.
Не бояться понять, где в ней хмель, где в ней горечь, где солод,
И глотать, не жуя. Растирая мгновения в мусс.
Каждый миг выпивать, перепробовав градусы чувств,
Ощущать каждый час эту страсть. Этот жизненный голод.

Надо запах цветов каждый день смаковать по глоткам,
Жить своею судьбой. А не жрать чьи-то судьбы без толка.
Не засаливать впрок. Не хранить радость в банках на полках,
В реку жизни войти. Не дарить свои сны берегам.
И в стогу засыпать, не боясь встретить сердцем иголку.

Знать, как чистой водой напояет любви красота,
Если нежность её не хранить в старом пыльном кармане.
Отдавать часть души, чтоб она не осталась пуста,
Накормить счастьем жизнь, перестав рвать куски изо рта,
Напоить все мечты, не боясь, что убудет в стакане.

Жизнь – не перелистать. Не читать. Не прослушать. ПРОЖИТЬ.
Пусть мой мир ещё слаб, пусть прозрачен, непрочен и зыбок,
Пусть кричат, что есть твердь, а полёты – пустяк, миражи.
Я не буду менять этот бунт, этот голод души
На спокойную блажь перекормленных сытых улыбок…

Звезда

Скажи – всё равно ведь, любимый, мы встретимся, правда?
На лунных аллеях, планетах несказанных слов.
Где будет достаточно глаз твоих терпкого взгляда,
Где есть понимание – больше, чем просто любовь.

Пойми – все мгновенья тебя, как дыхания, просят,
На млечной дороге, под рокот погибших комет,
Тебе прошепчу, что тебя лучше б не было вовсе…
И тут же пойму я, что лучше и так просто нет.

И я полечу… Наплевать мне – то бездна иль небо,
Миры между нами – совсем не одна из преград.
Навек заблужусь, прикасаясь к губам твоим слепо,
В твоих глаз тумане не вспомнив дорогу назад.

И если замёрзла душа и никак не оттает,
Я лёд твоей боли согрею дыханья теплом.
Прости, что вселенной для наших сердец не хватает…
Развей меня пеплом. Бери её всю. Целиком.

Бессмысленный пафос, театр под названием «Жизнь»…

Бессмысленный пафос, театр под названием «жизнь»,
В нём нету причин, чтоб за мёртвое счастье сражаться.
Ты каждое утро в бреду себе шепчешь: «Держись».
И ищешь тот смысл, за который хотелось держаться.

Бессмысленный цирк, клоунада, бездарность и фальшь,
Пустые глаза, страшный сон, перегнившие души.
Здесь правят жестокость, война, равнодушия блажь.
И есть ли дела, чтоб им верить, их слышать и слушать?

Здесь похоть и пошлость собой заменяют любовь,
Здесь яркие краски навечно замазаны серой.

Мир полон холодных, глухих, убивающих слов
И беден великим, добром, состраданьем и верой.

Года – чтоб принять. Ненавидеть – всего один миг.
По трупам – наверх. А гордыня – всё больше и выше.
Открытое сердце – для лести и лживых интриг,
На сотни замков – для больных, одиноких и нищих.

Не греем огнём, а друг друга сжигаем дотла.
Я вовсе не ангел. А крылья… Откуда им взяться?
И есть ли во мне хоть крупица любви и тепла?
И есть ли тот смысл, чтоб хотя б ещё день продержаться?..

Я не люблю его…

Я его ненавидела… Столько, насколько могла.
Я любила его, как ещё не любила другого,
Я в бессонные ночи от страсти сгорала дотла,
Но с приходом зари остывала ледышкою снова.

Я была безразлична, как будто он мне не знаком,
Я клялась на крови, а потом превращала всё в шутку.
Я пыталась забыть, но я думала только о нём,
Я звонила сама и всегда клала первая трубку.

Я смеялась в минуты, когда мне хотелось кричать,
Ревновала его ни к кому и ко всем без разбора.
Я молчала, когда мне так много хотелось сказать,
Подпускала к себе… А с утра снова строила горы.

Я толкала опять, зная, что за его губ тепло
Я бы продала душу всем дьяволам ада и света,
Я просила прощенья, но делала снова назло
И кричала «молчи!» – когда он мне пытался ответить.

Я дышала одна… Только вдох берегла для двоих.
Мне хотелось сказать «навсегда», но срывалось «наверно»…
Я ему говорила, смеясь, о десятках других,
Но я знала – всю жизнь я останусь мечтам его верной.

Я стонала: «Приди»… А потом прогоняла сама,
Умоляла «Держи», – но легко становилась потерей.
Я лечила от ран, но упорно сводила с ума,
Я просила: «Впусти», – несмотря на открытые двери.

Я равняла с другими, хоть знала, что он лучше всех,
Я вела его в рай, а назавтра была ему адом,
Из подарка небес превращалась в возмездье за грех
И лгала, когда он мог читать по глазам моим правду.

Я рисую его чёрно-белой гуашью в бреду,
Всё хочу не дрожать от его-не-хватанья конвульсий.
Я его не люблю. Не страдаю, не плачу, не жду.
Просто он – мои сны… моя смерть и биение пульса…

Любой

Уставший.
Или просто уставший посылать всё
к чёрту.
Надеющийся,
разочарованный.
Не верящий никому ни на йоту.

Смеющийся.
Плачущий.
Богатый и без копейки в кармане.
Когда верит в завтра,
и когда текут старые раны.

Когда слова – как цветы,
и когда через край
агрессия.
Когда мысли заставляют жить
и когда мысли –
как кровавое месиво.

Когда поёт песни,
кричит, что прав,
и когда не разговаривает.
Циничный.
Не выбирающий слов.
Устраивает.

Точка боли и целый мир.
Упрямый.
Решающий сам.
Отрывающий крылья
и
открывающий небеса.

Самый сильный
и когда больше нет сил.
Первый и последний.
Единственный,
рядом с которым
был смысл.

Целующий сердце.
Одинокий и злой.

Любой.

Поле крови

Я хочу серебристой ночью
Умереть на маковом поле
И живущим оставить роли,
Утопая в крови цветочной.

Я хочу красить красным губы,
Заливать их кровь себе в вены,
Уходя, стать частью вселенной,
Если вдруг не совпала группа.

До нирваны считать мгновенья,
Задыхаясь в густом дурмане,
Став мгновенно от боли пьяной,
Засыпать от крови смешенья.

Лепестками устлать дорогу
И уйти по холмам покатым,
По пурпурным лучам заката,
До утра не дожив немного.

Это так невозможно мало –
Капли крови собрав повсюду,
Перелиться в луны сосуды,
Став потоком блестяще-алым.

Я хочу улететь от страхов,
Обернуться звездой лучистой,
Но остаться небесно-чистой
В окровавленном поле маков…

Арина Ладенка

г. Москва

Родилась в г.Москве. Юрист, преподаватель.

Публиковать стихи начала с 18 лет, но фактически – после одобрения её творчества В.Г.Распутиным – выдающимся российским писателем.

В 2009 году вышла книга стихов А.Ладенки – «Дорогами надежд», а в 2012 – проза – «Крыша поехала».

В предлагаемой читателю подборке – стихи, как вошедшие в публикации ранее, так и новые…

В серый день

Облака
то вознесутся
в небо,
То опять приспущены к земле –
Всё вокруг
так сумрачно, так немо…
Моросит,
и листья на траве…
…
И ничто
    не предвещало счастья –
В грязных лужах
    стыли фонари…
…
Только
    Ваше тихое участье
оказалось
    признаком любви!

Утро

Утро нового дня,
словно шаг в неизвестность…
(ведь не важно в каких
декорациях явь –
умножая печали
деяний неправых –
в сокрушеньях молений
перед небом стоять!)

Утро нового дня…
…
Как связать миром лада
близких – дальних
живущих и тех, кто почил?
Утешает ли
ангел своим попеченьем
или небо…
с любовью дарованных сил?

Жить –
вязать мирозданье
гармонией песен,
добротою восторга земной
красоты,
созиданьем труда,
прохожденьем уроков,
упражнением воли
в стесненье пути…

Утро нового дня…
И погода любая
пусть тебя не смутит,
не нарушит покой!
В утро нового дня
ангел пусть провожает,
руководствует волей,
отсекающей боль!

О землянике… на могилах

…Трилистник
изумрудного свеченья,
Сбирая росы,
дёрн сухой спасает…
…«Мы не забудем вас,
пока мы живы», –
По-ангельски
жемчужный цвет вещает…
…и отчего-то память
стала лучше,
и вспомнились
все бабкины даренья,
как нить корней,
связующая души,
здесь алость ягод –
птахам во спасенье…
……

И скромность земляники…
как ни странно –
утрату сердца цветом
врачевала!

Рябина

…А летом у дома засохла
рябина…
Теперь вот, без ягод,
вся в жёлтом дыму…
Она огоньками надежды дарила
не только лишь сердцу,
но жизнь – снегирю…
Кормила синиц и воробышков –
в радость,
всё песни да трели –
в «чи-рик» до весны…
Засохла рябина,
сосне – красоваться!
Но! что-то в окно…
как «смотреть не моги»…

Быть может, нужна была ей
лишь забота –
воды ли, как неги?
…иль ствол ранил кто?
Рябинушка,
горькая ягодка, что ты!
Подружка моя,
поживи же ещё?!
……

Ты, может, устала,
а вёсны – прогоркли?
Но, может,
не высушит осень совсем…
и нежной заботой окружит,
приветит?
И спелые грозди подаришь
нам всем?

Засохли листочки,
и алости – нету,
лишь ствол серый нежен,
не сух, устоял!
рябинка моя,
ты, сестра, не печалься,
что чувствовать раньше
прохладу Бог дал!
И вот, не в красе, по погоде –
некстати –
пожухлость увидеть –
кому-то и в смех…
А деревце?
деревце тоже ведь плачет…
хотя
в её жизни найдётся ли грех?
……..

Вот осень какая –
рябинка засохла.
Не чаял, не думал –
вдруг нету огня…
Наверно,
другие рябины и жарче…
но эта!
Мне – эта… была дорога!

Ольга Монкина

г. Луховицы, Московская обл.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СКАЗКА

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОТА В САПОГАХ

Однажды Кот, который в сапогах, сидел дома за столом и попивал кофе из красивой чашечки, подаренной маркизом Карабасом. Вдруг за окном услышал, как глашатай читает указ короля: «Тот, кто к завтрашнему утру доставит во дворец двух свежих куропаток, получит полцарства и половину королевской казны». От неожиданности бедный Кот даже поперхнулся и выругался:

– Чёрт, это же проще простого! Король совсем из ума выжил (крутит пальцем у виска). Это же надо так оголодать, чтобы за двух куропаток отдать столько добра! Ну что ж, у маркиза Карабаса, благодаря мне, теперь есть всё, настало время позаботиться и о себе немного. Вот разбогатею, выучу иностранные языки, буду путешествовать, заведу себе кошачий гарем, мышиную ферму…

Надел Кот в сапогах шляпу с пером, взял ружьё и отправился в лес. Идёт Кот, оглядывается: странная тишина насторожила его. Птиц не слышно, зверей не видно. Долго бродил Кот по лесу, да так ничего и не нашёл. Огорчился и решил вернуться домой. Только он собрался выполнить принятое решение, как услышал крики и громкие звуки музыки. Кот пошёл туда, откуда доносились эти небывалые звуки. Вышел Кот на поляну, а там банда разбойников устроила пикник, музыка грохочет на весь лес. Кот им и говорит:

– Эй, вы чего тут делаете, зачем шумите на весь лес?

– А ты чего? – говорит ему один из разбойников. – Хозяин, что ли? Как хотим, так и развлекаемся. Лес общий. Слышал указ короля? Мы за куропатками сюда пришли.

– Да вы никого не поймаете, если так будете шуметь, – пытался убедить разбойников кот.

– Зато тебя сейчас поймаем, шкурку сдерём и сдадим на королевский обед вместо куропаток. Мы давно здесь обитаем и ни одной птички ещё не видели и не слышали.

Схватился Кот за голову и испуганным голосом произнёс:

– О ужас! Вы что, белены объелись? Меня за куропаток сдать! Ребята, может, мы как-нибудь договоримся, а?

– Хорошо, – сказал один из разбойников, по-видимому, главарь, – помоги нам куропаток раздобыть, и мы тогда тебя не тронем. Ты же парень местный, всё здесь знаешь.

– Есть у меня одна идейка, – говорит Кот, прищурив один глаз. – Вы сказали, что здесь давно ни зверья, ни птиц не видели?

– Да, – хором отвечали разбойники.

– Плохо дело, – почесав затылок, произнес Кот. – Тут теперь только Медведь Медведич поможет. Надо к нему идти.

– Ну, тогда веди нас, показывай дорогу, – говорит один из разбойников. – А то к утру не поспеем. Королю другой кто-нибудь куропаток доставит.

И отправился Кот в сапогах вместе с разбойниками к Медведю Медведичу.

А Медведь тем временем сидит на пенёчке, в руках бесчувственную Муху держит и мёдом её отпаивает, чтоб ожила. Очнулась Муха и говорит:

– Медведушка, на тыщу вёрст ни цветочка не нашла, землю кислотные дожди напитали, в лесу разбойники завелись, костры жгут, музыку слушают громкую, орут, деревья ломают. Все звери, насекомые и птицы разбежались да попрятались. Кушать нам нечего, жить негде. Разберись, Медведь Медведич.

Тут Медведь увидел, что к нему издалека приближается странная компания. Первым подошёл Кот. Муха узнала разбойников и, задыхаясь от страха, шепчет Медведю на ухо: «Это они, они, они!»

Кот низко поклонился и говорит:

– Здравствуй, Медведь Медведич! Мы с поклоном к тебе, подскажи, как нам быть. Король куропаток к столу просит, а в лесу не то что куропаток, а муравьёв найти невозможно.

– Знаю, знаю, – говорит Медведь.

– Ты знаешь – и сидишь тут, на пеньке, загораешь, сложа руки? – возмутились разбойники. – Нам поесть нечего, от дождя негде скрыться, а ты знаешь и ничего не делаешь?

– А что я могу один? – отвечает Медведь.

– Подскажи, что надо делать, мы поможем, – говорит Кот.

– А ничего особенного: не жгите костры, где не надо, не шумите в лесу, по траве ступайте осторожно, ведь под каждым листочком козявка живёт, берегите деревья, не мусорите, и тогда всё будет по-прежнему, лес оживёт. Правда, Муха?

– Да, да, – подтвердила Муха.

– Ну что ж, мы согласны следовать твоим советам, – говорят разбойники. – Только ведь когда это будет, птицы не сразу вернутся… Много времени пройдёт. А нам уже к утру двух куропаток надо к королевскому столу доставить.

– Помогу вам и в этом, если обязуетесь соблюдать лесные правила, – сказал Медведь.

– Обещаем, – произнесли хором разбойники, положа руку на сердце.

– Есть у меня несколько куропаток, выделю вам парочку для доброго дела. Я стар стал, охотиться не могу, вот и начал вести свое домашнее хозяйство.

Дал Медведь Медведич разбойникам двух куропаток. Кот поблагодарил Медведя за помощь и отправился с разбойниками в обратную дорогу.

По пути разбойники решили, что, получив за птиц вознаграждение, купят саженцы и разобьют новые парки, а половину царства оборудуют под домашнее хозяйство, наймутся к королю в работники и будут разводить куропаток, рыб и заниматься пчеловодством.

Кот помог разбойникам встретиться с королём и договориться о разведении собственного хозяйства при королевском дворе. Разбойники купили саженцы и посадили их там, где раньше жгли костры и валили деревья.

Всё стало как прежде. А у Кота в сапогах опять остались только одни сапоги да чайная чашка, подаренная маркизом Карабасом.

2010г.

Ирина Морозова

г. Москва

Невпопад

Говорю невпопад, и молчу невпопад,
И кусаю заморскую сливу…
За окном снегопад, – это он виноват,
Да внезапного ветра порывы.

И горят снегири лоскутками зари
На мучительно-белой тропинке…
Ты в глаза не смотри, в них таятся внутри
Две холодные синие льдинки.

Говорю невпопад… и молчу невпопад…
Мне сегодня на редкость тоскливо…
Между нами стеной – снегопад, снегопад…
И заморская спелая слива…

Вдоль линии судеб

Твоя нереальность сродни моему одиночеству,
Мне ближе всех близких –
твой стёртый на сгибах портрет.
Я просто попутчик без племени, рода и отчества
В затерянный город, которому имени нет.

Вдоль линии судеб теряется след в бездорожии,
Стирая надежду тебя по нему отыскать.
Две сломанных жизни, которые нами не прожиты,
И право на выбор, которого нам не принять…

Время длиною в дождь

…Небо грустит,
как слёзы, роняя дождь,
Кутаясь в бархат туч,
словно в старый плед….
Время сожму в ладонях,
как горсть монет, –
Мелочь ценою в жизнь
и длиною в дождь…

Пальцы сжимают крепко
тугую горсть
И рассыпают время
цветным дождём.
Дверь распахнув,
без стука войдёт в мой дом
Мой человек дождя…
долгожданный гость…

100 часов до тебя

Сто часов до тебя… Я почти разучилась летать
И забросила крылья на верхнюю полку в прихожей.
Отрешённо смотрю в равнодушные лица прохожих,
Безуспешно пытаясь твой взгляд среди них отыскать.

Сто часов без тебя, беспощадно делённых на два…
На изнанке души выжигаю тавром твоё имя…
Сотни стоптанных слов стали разом условно живыми…
От тебя до тебя… сто часов… я условно жива…

Целую тебя

Целую тебя… целую тебя… целую,
Губами, как угольками, сжигаю кожу…
Целую тебя, мой нежный, мой невозможный,
Я призрачный сон… запомни меня такую…

Запомни меня полынным шальным рассветом,
Внезапным дождём, глотком сумасшедшей ночи,
Запомни меня такой, как ты сам захочешь…
Мой призрачный сон… целую тебя за это…

Если ты рядом

Самое тёмное время –
как правило, перед рассветом.
Неумолимо… горстями
ссыпаются в вечность мгновенья.
Тихо шепчу тебе в ночь:
– Мой единственный, где ты?
Кто ты? – мой грех?
Моё счастье?.. моё искушенье?

Я не грущу,
просто капли дождя на ресницах, –
Капли дождя,
что смывают былые потери.
В тёплых объятьях твоих
заблужусь и поверю, –
Если ты рядом,
со мной ничего не случится…

Жизнь по привычке

Жизнь по привычке… Иллюзия прочности…
Чувства в рассрочку – кредитом доверия.
Ты убиваешь с предельною точностью
Всё, что считаешь моею порочностью.
Верх торжества… и предел лицемерия…

Я, не в угоду своей романтичности,
Прячу лицо за циничною маскою,
Кутаясь в шаль нарисованной личности,
Холод твоей и моей безразличности
Крашу привычно медовыми красками…

Жизнь… по привычке…

Людмила Михеева

г. Луховицы, Московская обл.

Михеева Людмила Афанасьевна родилась 8 августа 1933 года. По месту рождения – сибирячка. По трудовой биографии – сахалинская учительница-холмчанка, «Отличник народного просвещения». По развитию литературного творчества – луховичанка.

Помимо публикаций в газетах и десяти литературных сборниках издала пять книг и стала автором-составителем сборника стихов луховицких поэтов для детей «Чудесные истории».

По матери – Москвитина, по отцу – Крыжановская, по мужу – Михеева.

Реки жизни

Всерьёз задуматься заставил
внезапно заданный вопрос:
– Где ваша родина?
– Не знаю…
Ответ не может быть так прост.

В глухой сибирской деревушке
меня родители «нашли».
Но годовалою девчушкой
в край Приамурский увезли.

В войну Сибирь нас приютила,
да долго там не пожилось.
И земли Юга Сахалина
нам с мамой обживать пришлось.

У вод Татарского пролива
десятилетья пронеслись.
Мой остров, море полюбила
и моряка, связав с ним жизнь.

Училась плавать в бурной Зее.
Тонула – в медленной Туре.
И отдыхала часто летом
в Дединове, что на Оке.

Между Рязанью и столицей
есть Луховицы – городок.
Мы с Луховицами роднимся
уже полвека – долгий срок.

Теперь и я – луховичанка.
А мои внуки – москвичи.
Наш род Москвитиных, пожалуй,
берёт начало от Москвы.

Они давно до океана
тайгою, реками дошли.
Меня ж дороги, как ни странно,
К истокам рода привели.

И если бы сейчас спросили:
– Так где же родина твоя? –
– Где я живу, друзья, родные,
там – дорогая мне земля!

7-11 августа 2007 года.
г. Луховицы

***

Тёмно-серое небо,
тёмно-серое море
давят мраком упорно
горизонт с двух сторон.
Но на свет смотрит чисто,
светло-розово, ярко
полоса между ними,
игнорируя гнёт.

И, не выдержав, небо
разражается громом,
горизонта сиянье
заливает водой.
Бахрома дождевая
повисает над морем,
устремясь к единенью
со стихией родной.

1984, 1990 гг.
о. Сахалин

Грустное

Набегает на берег волна.
И вздыхает, и плещет она.
Только пена морского прибоя
остаётся со мною.

Близкие люди, люди родные
скрылись в туманной дали.
Светлую радость короткого счастья
с собою они унесли.

Дальние страны, трудные будни
ждут их в морском краю.
Между семьёю, морем и судном
делят любовь свою.

Мокрая галька, серый песок
лишь остаются у ног,
да пустой в одиночестве вечер
и надежда на встречу.

Тихую песню волны поют,
как молодые годы бегут,
и о том, что судьба нелегка
у жены моряка.

4 апреля 1968 года.
г. Холмск

А у нас приехал папа

– А у нас приехал папа! –
в детсаду сынишка хвастал.
У него глаза, как вишни,
так и светятся от счастья.

– Когда вырасту, я буду,
как и папа, капитаном.
На большом красивом судне
я по морю плавать стану.

Только мать, любуясь сыном,
потихонечку вздыхает:
– Неужели тебя, милый,
тоже море ожидает?

1968 г.
о. Сахалин

Сахалинская осень

Летом дождь, туманы –
серая погода.
Силы набирала
медленно природа.

Океаны солнца
выплеснул сентябрь,
радостью и светом
Сахалин обдав.

На ветру, сияя,
листья шелестят,
нарядив деревья
с головы до пят.

А на склонах сопок
кое-где заметны
сахалинской осени
ранние приметы.

Папоротник сохнет.
Пожелтел бамбук…
Но ещё зелёный
лес стоит вокруг!

Сентябрь 1969 года.
г. Холмск

Алексей Никонов

г. Кораблино, Рязанская обл.

Влияние луны
(Романс)

Я хочу красиво умереть
При цветах в манящем русском лоне,
Где не нужно никуда успеть,
Стать предметом на холодном поле.

Не хочу я больше песен петь,
Быть заложником своей ранимой доли,
Ни о чём не думать, не жалеть,
Никаким не подчиняться болям.

Жизнь подхватит «чёрня река»,
Понесёт в обратном направлении.
Тело спит, но бодрствует душа,
Бродит с детства в чине привидения.

_____
** Чёрная река – смерть.*

***

Да, жизнь испытывает нас,
Прожить её дано не дважды.
Лишь в глубине закрытых глаз
Она воспрянет в Вас однажды.
Так грустно станет вдруг тебе
За глупо прожитые годы.
Ах! Как летели, друг, они –
Стремленья, радости, невзгоды!
И не болит уже душа,
А коль болит – лишь на мгновенье.
Страдать, мечтать не будешь ты,
А если будешь – в сновидениях.
Ну, не печалься ты, старик,
Ведь жизнь дано прожить не дважды.
Лишь в глубине закрытых глаз
Она воспрянет в Вас однажды…

***

Зачем нужны болезни руки?
Закрыть несчастному глаза,
Когда со светом он в разлуке,
Просветы пожирает тьма,
Глаза настроены на гибель,
В них искорки надежды для.
Да, помогли страдальцу мы бы,
Но нас опередит земля.
Земля – унылое начало
С загробной смертью под венец.
Там после холлов места мало,
Какая разница – конец…

Осенние мотивы

О боже, боже! – кружит, кружит
Осенние картинки в лужах,
Святою сказкой людям служит
Весёлый листопад без стужи.
О! Гоже, гоже – птицам ложе,
Явление – в сто раз умножит,
Историю порыва сложит
Обилие писак, быть может…

***

Я закрою на замок двери,
Не впущу в дверной проём утро.
За окном сверкает луч где-то…
Не обрадуюсь его свету.
Попытаюсь я уснуть снова,
Наяву оставить мир страшный,
Где так властвует людьми – злоба,
Где на подлые дела – слабость.
Но… Пытаясь утолить жажду
И лаская тишину – сонным,
Оказался я в плену страшном,
Где стреляют по «мишеням» люди.
Оглянулся, но уже поздно,
Ствол нацелен на меня – враки!
Засветив наверняка образ –
Отыгрался на моей собаке.
И стою я на земле грешной
И сдержаться не могу – плачу…
И, проснувшись весь в поту, – думал
О застреленной во сне собаке.

Такое чужое – до боли своё

Предисловие

Я иду по умершему городу – слепым и глухим! Душа моя видит и слышит всё, но она мертва. Сердце бьётся из боли – лишь слегка о том, что город моего детства для меня превратился в город-призрак.

Ты в моём сердце оставила следы.
От этой сказки остались я и ты.
Ты ушла куда-то – слёзы виноваты.
Ты меня пленила, а потом забыла.

Припев:
Тебя упрятал осенний листопад,
Потом завьюжил навеки зимний сад.
В сердце поселилось облако печали,
Смотрят грустно вслед таинственные дали.

Пройдут столетья – исчезнет зимний сад,
Под водной гладью погибнет листопад.
И если сможешь снова родиться певчей птицей,
Попей наших сердец – как сон тебе приснится.

Да…

Я не знаю, как объяснить это себе и другим… Это произошло сегодня утром.

Придя на платформу железнодорожного вокзала, я остановился у одной из лавочек. Поставив вещи и повернувшись к домам бывших железнодорожников, вспомнил те годы, где когда-то жил и сам. Не то с грустью, не то… Так ожидал электричку, которая доставила меня из г. Кораблино в г. Ряжск на работу.

Вот стою я и слышу сквозь думы:

– …ну дайте же мне лишь 50 копеек, мне надо ехать к сыну в Ряжск, в тюрьму. Вы хотите, чтобы меня высадили где-нибудь контролёры?

Эта просьба её дошла до моего сознания.

– Я ведь не алкашка! – продолжала она.

Я повернулся в направлении голоса. Передо мной представился образ, просто силуэт человека-бомжа. Одежда – чёрт знает что… Да Господи! И так вдруг разболелась душа, и дать не могу ни 50 копеек, ни 10 рублей, у меня 50 рублей одной купюрой. А она своё – как будто заучила на всю жизнь – навсегда!

Далее последовало в мой адрес:

– …а если меня будут высаживать из электрички, то вы за меня заплатите?

– Да! – отвечаю.

Ибо не смог произнести ничего другого.

В электричке мы сели напротив друг друга. При появлении контролёров «метровые» глаза моей попутчицы налились слезами.

– Успокойтесь! – говорю я ей.

Обращаясь к контролёру, я попросил билет до Ряжска, который стоит 30 рублей, и протянул пятидесятирублёвую купюру.

Что интересно, отвлекусь от темы, раньше вместо 30 рублей я отдавал 15 и говорил, что мне до 303 платформы, а сам ехал до Ряжска.

В этот раз я взял билет именно за 30 рублей. Мне вдруг стало почему-то так стыдно, и даже не перед контролёром, а именно перед этой женщиной.

И вот, забрав сдачу, я отдал её попутчице, та в свою очередь передала деньги контролёру, который выбил билет за 15 рублей, а сдачу 5 рублей протянул мне. Всё это происходило так грамотно и умно со стороны контролёра, что у меня сложилось мнение – какая же непонятная душа русской женщины, а порой так понятна и чиста!

Вот уже и наша остановка, пора выходить.

– Возьмите себя в руки! Обещаете? – успел я сказать и спросить.

– Обещаю! – ответила женщина.

Сойдя на платформу, я быстрым шагом пошёл прочь, не оборачиваясь назад.

А где мой друг? Не вижу боле…

Не тревожьте душу, она застонет и заплачет…

2005 год признал моего друга побеждённым и отправил его в архив кладбища ветхих лабиринтов.

Год предстал мутантом, вышедшим на поверхность земли в образе силы, превращающей разум живых в твёрдый камень, который оказался тяжёлым для корабля любви и взаимопонимания. Чувство тревоги набирает обороты в образе огромной чёрной птицы, не сражённой иными силами, их осталось и так мало.

…Мой друг, он лежит в земле недожившим, недолюбившим. Опустившиеся крылья коснулись земли. Перед смертью его глаза открыто смотрели на покидавший его мир. Надо быть слепым, чтобы не заметить их мук. И надо быть жестоким, чтобы изо дня в день заполнять опустевшую бутыль техническим пойлом, посетителями с остекленевшими глазами. Его наверняка предупреждали тяжёлые, бредовые будни о приближающейся катастрофе.

Как такового его уже не было, а было его временное пространство.

При разговоре с ним в его речи не прослеживалось совершенно никакой логической связи, просто передо мной сидел ясный человечек с живыми глазами. Атмосфера или аура давила с силой на разум с мыслью – что было и что стало.

Мгновения воспоминаний были неприятными, и жалость переходила в негодование.

Его нет. Часто перед сном заставлял себя встретиться с ним мыслью – напрягая мозг до боли – в надежде вызвать сон и искусственно встретиться, но не приходил в снах на встречу. Видно, не хотел, похоже, обиделся… Да я и сам в обиде за то, что он пренебрегал нашими советами, не желая простить бегство любимой женщины – утопия для других. Умышленно уничтожать себя – это великое преступление.

Ты был, без сомнения, силён и морально, и физически. И уходишь медленным шагом в никуда, не боясь неизвестности – это непременно подвиг!

А что остаётся нам? Приносить тебе цветы? А кто знает, нужны ли они тебе… Не вижу разницы между твоим и моим миром. В моём тоже так холодно и одиноко…

Единственное, о чём я тебя прошу – не давай «там» терзать себе душу, как позволял подобное здесь. Уверен, что и там есть жизнь, и какой она будет – зависит от тебя самого!

Мне хочется сказать: женщина – это движущая сила необдуманных решений, сопровождаемая бурными аплодисментами нечистых сил!

Прощай!

Александр Олефиренко

с. Круглое, Азовский р-н, Ростовская обл.

Желанной

Что пожелать тебе, любимая?
Какие мне найти слова,
Чтоб, как от песни лебединой,
Твоя вскружилась голова?
Чтоб никогда не постарела ты,
Как вечно юная Заря.
Чтоб никогда не пожалела бы,
Что жизнь со мной прожита зря.
Чтоб вечно ты в любви и ласке
Жила, как будто бы во сне,
Царевной из чудесной сказки
И с доброй думой обо мне.
Чтоб ты всегда, моя желанная,
Вновь пробуждённая весной,
Ждала заветного свидания,
Чтоб вволю царствовать мечтой.

Метель

Я без тебя опять затосковал.
Виной, наверно,
скверная погода!
Всё кажется: тебя я потерял,
И кто-то от меня тебя уводит.
А ты, быть может, в этот миг одна
Спешишь ко мне
и не найдёшь тропинку,
А ветер зябко воет у окна,
И в дикой пляске
кружатся снежинки.
Я рвусь к тебе,
любимой и родной!
Я без тебя всегда скучаю очень
И так хочу,
чтоб ты была со мной…

Метель в ответ
то плачет, то хохочет.

Любимой

Милая, любимая, родная!
Подскажи мне, как тебя назвать,
Чтобы всюду, по Земле шагая,
О тебе, желанной, вспоминать?
Назову тебя цветком весенним,
Только он не всем с тобою схож:
Вянет он
пред времени теченьем,
Ты же вечно юною живёшь.

С песней бы
сравнить тебя чудесной,
Музыка любви приятна мне,
Только забываю чудо-песни,
Когда ты со мной наедине.
Мне б тебя сравнить
с зарёю алой –
Полон красок утренний рассвет,
Но с тобою утром солнце встало,
И зари пропал на небе след.

Милая, любимая, родная!
Подскажи мне, как тебя назвать,
Чтобы, счастье в жизни обретая,
О тебе, желанной, вспоминать?

Помню миг –
всё позабыв на свете,
Мчался вдаль, любимая, с тобой.
С нами были
только вольный ветер,
Космы тёмных туч над головой.
Я житьё уютное любое
Безрассудно поменял бы вновь
На мгновенье бурное, шальное,
Где есть ты и властвует любовь.

***

Твердят мужчины –
жёны, мол, сварливы.
Но женщину
ведь так легко понять!
Она должна быть нежной
и красивой,
Женой хорошей мужу,
детям – мать.
Спешит со всеми вместе
на работу,
Чтоб от других
ни в чём не отставать,
А в голове забота за заботой:
Сварить обед,
поштопать, постирать.
Дочурка нынче
что-то приболела,
К врачам её бы надо отвести.
Бегут года.
Глядишь – и поседела
От всех невзгод
на жизненном пути.
Цветы прекрасны,
если их лелеют,
И вянут, если им тепло не дать.
Понять мужчины это не умеют –
Когда поймут,
то поздно понимать.
Возможно,
женщин несварливых нету,
Когда порой, в пылу своих забот,
Она ворчит, простим жену за это:
Знать, на пределе силы у неё.
Всегда в труде
и трудится на славу,
А поступь женская
во всём видна.
И заслужили женщины по праву,
Чтоб чаще им вручали ордена.

***

Я тебя не люблю.
У тебя ведь другой,
Только что же со мною?
Не знаю…
Я стремлюся к тебе,
Я живу лишь тобой,
Каждый миг о тебе вспоминаю.
Я тебя не люблю.
Ты другому верна,
Но стихи о тебе я слагаю.
Много женщин вокруг,
Только ты мне нужна.
Что же это со мною?
Не знаю.
«Я тебя не люблю», –
Всюду громко кричу.
Но, увидев тебя, замираю.
И о том, что люблю тебя,
Я промолчу,
Пусть об этом никто не узнает…
Что тебя я люблю.
Очень… очень люблю.

***

Шумит веселье. Пьют до дна
И тянутся к тебе уже хмельные.
А на душе моей такая кутерьма,
Как будто душу рвут собаки злые.
Я всех к тебе ревную… Почему?
Чего же я ещё не принимаю,
Ведь люди солнце любят потому,
Что им на всех его тепла хватает.
И я тянусь к тебе, хочу испить до дна
Всю чашу жизни, ту, что пьют живые.
Ведь жизнь для всех для нас
дана одна,
И надо жить. Пока ещё живые.

***

Больно сердцу сиротливому,
И хожу я сам не свой,
Словно самый несчастливый я,
Когда нет тебя со мной.
Мне бы крылья журавлиные.
Ох, как хочется порой
Полететь к тебе, любимая,
Хоть часок побыть с тобой.
Чтоб заветное свидание
В наслаждениях любви,
Вновь познать тебя, желанную,
Ласки нежные твои.

Клавдия Орлова

д. Перевицы, Луховицкий р-н, Московская обл.

Огненное лето 2010 года

Горят торфяники России, горят поля, трава, леса.
Горят деревни, вместе с ними горят земля и небеса.
Стоят, как мёртвые, деревья, – всё изнывает от жары.
Разносят ветры-суховеи пожаров едкие пары.

Кричат испуганные птицы:
в огне горят гнездовья их.
Смотри, безумный человече,
смотри на дело рук своих.
Повсюду дым и запах гари,
стоит сплошной стеною смог…
Преподаёт нам Мать-Природа
свой поучительный урок.

Стоит на огненной Голгофе среди танцующих огней,
Пощады для себя не просит ни у огня, ни у людей.
Она не плачет ни от боли, ни от безжалостной жары,
Лишь смотрит,
как уничтожает огонь бесценные дары…

А это то, над чем трудилась
из года в год, из века в век
Лишь для того, чтоб был счастливым
подобье Бога – Человек.
Для человека пели птицы
среди её лесных дубрав,
Цветы цвели, ковры стелились
лишь для него из лучших трав.

Она любила человека, он ею был обут, одет.
К столу продукты поставляла.
Так было много, много лет.
А он в ответ ссыпал отходы
в любой попавшийся овраг.
И поняла тогда Природа, что человек не друг, а враг.

Губил он фауну и флору, мог где попало слить бензин,
Считая, что ему всё можно: он Человек, он Господин.
Обиды все она прощала, его жалея и любя,
Из-за него и жертвой стала стихий безумного огня.

В том, что с Природой происходит,
Бесспорно, наша есть вина,
И чашу горечи и скорби
Мы выпьем вместе с ней до дна.

Листопад

Падают листья с деревьев,
В медленном танце кружась,
В платьях своих разноцветных
Тихо на землю ложась.

Ярким платочком покрылся
Куст отцветающих роз.
Щедро осыпаны златом
Длинные косы берёз.

Кроны кудрявого клёна –
Будто горящий костёр.
Под ноги стелет нам осень
Свой разноцветный ковёр.

О, как прекрасен и чуден
Тот золотой листопад!
В розовой дымке заката
Чем-то похож на парад.

Россия – Родина моя

Хвастался француз Наполеоном
И своеобразным языком,
Ну а бит француз солдатом русским
Да простым смоленским мужиком.

Заводную блошку привозили англичане,
Мастерством похвастаться спеша,
Подковал её наш тульский мастер,
Наш простой безграмотный Левша.

По душе мне Шишкина картины,
А совсем не Пабло Пикассо.
Ближе мне наш Пушкин и Некрасов,
А не Гёте и Жан Жак Руссо.

Кто из них так, как Сергей Есенин,
Мог воспеть приокские луга,
Синей лентой вьющуюся речку
И её крутые берега?

Кто мог спеть, как Кадышева Надя,
Лещенко и Басков Николай
Про костром горящие рябины
И про наш родной любимый край,

Про страну берёзового ситца,
Про косяк прекрасных журавлей,
Что кричат весною, пролетая
Над любимой родиной моей.

Про поля, про чудные зарницы,
Про шарфы черёмух и калин,
Про сидящих снегирей у дома
На изящных веточках рябин.

Не поют нигде так чудно птицы,
Как поёт российский соловей,
Нет таких художников, поэтов,
Как на милой родине моей.

Чужды мне Канары и Мальдивы,
Может быть, и чудные края,
Я горжусь, что рождена в России,
И Россия – Родина моя.

Зоя Полуэктова

г. Луховицы, Московская обл.

Фото отца

Что я похожа на отца,
Мне говорила мама…
Его глаза, черты лица,
Характером упряма…
А я на карточку сквозь дым
Прошедших лет глядела
И своего отца живым
Вообразить хотела…
Как он смеётся и поёт,
Каким он был… и не был,
Как дочку на руки берёт
И поднимает к небу.
О, как, наверное, тепло
В его больших ладонях…
В беде берёт он под крыло
И вмиг её прогонит!
Лишь ту проклятую войну
Представить нет охоты…
Он в двадцать два погиб в бою,
Мой рядовой пехоты.
Изведать мне пришлось всего –
В сиротстве проку мало,
И фотокарточка его,
Казалось, помогала
Не растеряться в трудный час,
Собраться, будто к бою,
Припомнить, кто Отчизну спас,
Пожертвовав собою.
Во славу всех фронтовиков
Пусть прекратятся войны.
Завет нам дедов и отцов…
Свой век прожить достойно,
Не допустить, чтоб тень знамён
Со свастикой паучьей
Закрыла мирный небосклон,
Подобно чёрной туче.
Потомкам передать должны
Как лучшее наследство
Свободу, честь родной страны,
Покой и радость детства.

Песенка журналистов

Ветер перемен
Набирает силёнку.
Нам пора бежать,
Не зевай, журналист!
Кто за этим ветром пустился
вдогонку,
Тот сегодня весел,
И смел, и речист!

Новый диктофон
В твоём кармане
Может записать
Сто новостей.
Ты любой барьер
Готов таранить,
Лишь бы их иметь,
Словно сто гвоздей!

Может быть, не всё
Тебе точно расскажут,
Что-то от души
Ты домыслишь сам.
Но у нас читатель
Серьёзный на страже,
Он не доверяет
Пустым словесам.

Восемь раз проверь,
Потом – в газету.
Чтоб в заметке
Точность соблюсти,
Журналист идёт
По белу свету.
Сердцу только с правдой
По пути.

И опять газета,
Газета, газета…
Трудимся с тобой мы
Не день и не год.
Кажется, писали
Про то и про это,
Но у каждой темы
Есть свой поворот.

Восемь раз проверь,
Потом – в газету.
Чтоб в заметке
Точность соблюсти,
Журналист идёт
По белу свету.
Сердцу только с правдой
По пути.

Не хвали огурец

Мой знакомый огородник,
А вдобавок и сосед,
Огурцов большой охотник,
Самоучка-почвовед.

С ним у нас порой – до ссоры,
Крик и шум во все концы,
Ведь любые разговоры
Он сведёт… на огурцы.

Вот опять он с умной миной
Обсуждает новый сорт:
– В нём такие витамины!
Урожайность и комфорт!

Весь в пупырышках, зелёный,
Настоящий удалец,
Вкусен свежий и солёный,
Также в банках сохранённый,
Малосольный огурец, –

И такое славословье
(Далеко ли до греха!)
Моему вредит здоровью,
Как демьянова уха.

Зарабатываю мало,
Как мне быть, в конце концов?
А живот – чего с ним стало? –
Не выносит огурцов.

Ну и ну! Скажи на милость,
Хоть бегом беги к врачу,
Вот забота приключилась,
Только мяса и хочу.

Говорю соседу снова
С озабоченным лицом:
– Помолчи! Ещё три слова –
И ударю… огурцом!

Подруге

По-иному себя открываешь,
Заворожена магией лет…
И морщинки в лице примечаешь,
А в глазах – ещё девичий свет.

Путь усыпан не алыми розами,
Но поют и тебе соловьи.
И с шальными майскими грозами
Пронесутся невзгоды твои.

Коль весёлое летнее солнышко
Дарит ласки, как щедрая мать,
Надо в жизни до самого донышка
И любить, и желать, и мечтать.

Не довольствуйся волею случая,
Чтоб жалеть
ни о чём не пришлось,
Намечай себе самое лучшее,
Чтоб оно непременно сбылось.

Наяву ли, во сне ли привидится
(Что, конечно же,
грех небольшой)
Ты представь себя
вольной царицею
С независимой гордой душой.

Ты идёшь,
словно зоренька ясная,
Наслаждаясь, шутя и любя,
И что есть в этом мире
прекрасного,
Всё давно поджидает тебя!

Людмила Потапенко

г. Браслав, Витебская обл., Беларусь

***

Свеча горела в комнате пустой,
Своим теплом им согревая души,
Она звала, манила за мечтой,
Привычной жизни их уклад
нарушив.
Свеча дарила
робкий трепет свой
Сердцам двоих,
опаленным любовью,
Свет даровал уют, тепло, покой,
Бросая яркий отсвет
к изголовью.
И этот отблеск возвышал любовь,
Им было всё равно,
что скажут люди,
У изголовья, словно нимб святой,
Горел огонь
из двух влюблённых судеб.

***

Любовь, как замкнутый круг,
Череда расставаний, свиданий.
Любовь – миллионы разлук
На миллион расстояний.
Любовь сжигает мосты,
Любовь возрождает из пепла,
Любовь – это я, это ты
И наше горящее сердце.
Любовь не знает границ,
Ни возраста, ни пристрастий,
Любовь, как солнца зенит,
Горит, пепелит и сжигает.

***

Так не хочется сомневаться,
Хочется всё знать наверняка,
В ловушки жизни не попадаться,
Чтобы твёрдой была рука,
Ясный ум и горячее сердце,
Чтоб светить и себе, и другим,
Чтобы ложь и зависть померкли,
Зло и страх обратились в дым.
Так не хочется сомневаться,
Хочется всё знать наверняка,
Добром и любовью
всегда наслаждаться,
О слёзах, лести забыть навсегда.

***

Я мечтаю во сне о тебе,
Закрываю глаза и вижу,
Как идём мы вдвоём по судьбе,
Как становимся
к счастью мы ближе.

***

Милый взгляд, глаз синий цвет
И пушистые ресницы,
Не забыть мне вас вовек,
Каждой ночью мне вы снитесь.

***

Одинокие тоже счастливы,
Если счастьем искрятся глаза,
Если жизнь ощущается радостно,
Даже если прольётся слеза.
Одинокие тоже счастливы,
Когда могут любить и страдать,
Одолеть жизни злые ненастья,
И себя, и других понимать.

***

Теплом веет от нежных объятий,
От твоих рук, и губ, и улыбки,
Мир земной
заполняется счастьем,
Разрешимы любые ошибки,
Если ты со мной,
Милый мой!

***

Добрый день,
ненаглядный, единственный, –
Улыбается солнечный день.
Добрый вечер,
любимый, таинственный, –
Обнимает нас лёгкая тень.
Мне с тобою уютно и весело
В этот призрачный,
сумрачный час,
Мне о прошлом
грустить больше нечего,
Этот вечер лишь только для нас.
И жалеть ни о чём мне не хочется:
Это счастья златая печаль,
Это радость
двоим нам пророчится,
Как чудесно нам просто молчать.

***

Знаю… всё знаю…
Чувствами жить нельзя!
Конечно, всё понимаю…
Но не могу не любя…

***

Эту боль ничем не унять,
Боль утраты милого друга,
Не смогу я тебе рассказать,
Как же сильно теперь я тоскую.
Мама, милая мама моя!
Эту боль мне ничем не измерить
И никак не вернуть мне тебя,
Остаётся лишь трепетно верить.

***

Мне так хочется вернуться
В наше счастье наяву,
Где могли мы окунуться
В волн озёрных синеву,
Где могли мечтать о вечном,
Вечном счастье на двоих,
О любви нашей безбрежной
Сочиняя белый стих.

***

«Я тебя люблю», – шептали губы.
«Знаю», – отвечал ты мне.
Думала, что всё же любишь,
А ты словом резал по душе.
Ты жестоко обрывал все нити,
Что так тесно связывали нас,
Чтобы думать об уютном быте,
А не жить одним сияньем глаз.

***

Ты просто в моей жизни был,
И лучше ничего уж быть не может,
Ты моё сердце в пепел обратил,
Надеюсь,
ты меня забыть не сможешь.
Не сможешь позабыть мои глаза,
Как гладил мои волосы и руки,
Не позабудешь, как бежит слеза
От слов прощанья
и немыслимой разлуки.

***

Стучит настойчиво в окно
осенний дождь,
И на душе всё так же
холодно и сыро,
И я не жду уже, что позовёшь,
И в моей жизни снова всё уныло.

***

Слёз не буду лить напрасно,
Слыша твой холодный тон,
Хватит мне того, что счастлив,
Что имеешь тёплый дом,
Что жена твоя в уюте,
Что врастаешь в скучный быт,
Будешь боль свою баюкать,
Будешь чист, умыт и сыт.

***

Не пытаюсь я тебя вернуть,
Страсти мимолётной нет прощенья,
Только ты живи, ты только будь,
Счастлив будь, минуя все сомненья.
Благосклонной будет пусть судьба,
Рядом будут близкие, родные,
Очень не хватает мне тебя,
Но дорогу в сердце мне закрыл ты.
И хоть каплю гордости храня,
Я не позвоню, не потревожу,
Счастлив будь всегда, любовь моя,
Твоё счастье мне всего дороже.

Александр Пчелинцев

г. Москва

Переплетение узеньких улочек… (Лазурные сны о Ницце)

Переплетение узеньких улочек.
Стены застыли в учтивых поклонах.
Неба полоски вдоль крыш и балконов.
Спрятался в тень запах кофе и булочек.

Окна-старушки в морщинистых ставнях,
Тёплой пастелью одеты дома.
В воздухе дух молодого вина,
Эхо веков на истоптанных камнях…

Задумал строки о весне (Аномалии как повседневность…)

Задумал строки о весне,
Но март, чудак, без всякой злобы
Многоэтажные сугробы
Вдоль улиц сыплет в забытье.
Апрель оставил у дверей
И смотрит, сидя на балконе,
Как хороши на белом фоне
Пунктиры всклоченных людей.

Камилла Клодель

Как мало их в истории искусства,
Как много их в искусстве вдохновенья…
Незримых в ими созданных твореньях,
С лихвой познавших бытиё Прокруста.

Пальцы скользят по мыслям, рождающим форму,
В линии складок вплавляя застывшие звуки,
Рвущие замкнутость неудержимым движеньем…
Снова и снова с глиной в едино сливаются руки…
Голову кружит, как вальс, колдовство превращения
Массы безликой в силу, подобную шторму.
(Её Глина.)
Сколотый дождь, крошка высекла нервов пустоты.
Рваные раны резцы оставляют, следами шрапнели –
Знаки судьбы на растянутой мраморной плоти.
Мысли блуждают… и ищут свои параллели.
Вычурность линий, как реквием, в каждой работе,
Словно на черном пюпитре ослепшие белые ноты.
(Его Мрамор.)
Кружится вихрем образ пылающий страсти,
Вырван из времени в вечность и замер миг поцелуя.
Руки проходят сквозь камень по зову кумира…
Таинством чувств раскрываются души скульптуры,
Словно разгадан секрет сотворения мира.
…глина не чувствует холода мраморной власти.
(Их Танец.)
Грязным, безмолвным песком рассыпаются грёзы,
Вдребезги всё, на утеху живому пророку.
Страшен свой суд, давят цепи душевного плена…
Суров и циничен вердикт незавидного рока –
На тебе, как на мраморе, выбита подпись Родена…
Тихие стены, белый покой и прозрачные слёзы.
(Её Постамент.)

Жанна Эбютерн

Весна в Париже. Без стыда платаны
Бросают в ноги синий шлейф теней,
Порезав на квадратики бульвары
Полотнами в подрамниках ветвей.
Любви наброски… не творенье правил.
На холст углём… по грунту из надежд,
Оранжевые кисти Модильяни
С неё снимают белизну одежд.
Распластана, как на палитре краска.
Жестокий пыл, безумно торжество…
Страсть безудержно разрывает маску,
Его автограф… для неё клеймо.
Монмартр вином вливается в стаканы.
Он часть его, как мысль, как пальцы рук,
Вписавших пустоту в глазницы Жанны,
Бездонную от счастья, как от мук.
Январь в снегу. Холодный белый траур
Раскрасил улицы в его последний холст.
Париж молчит. Печально, словно саван,
Ее лицо, белесое от слёз…
Окно как рама – не закончена картина.
Ещё мазок – и рвётся полотно…
В снегу чернеет красная рябина –
Букет любви, собрать который не дано…

Петербургский дождь

Дождь штрихует кварталы в косую линейку,
Отраженья домов разбросав акварелями луж.
И стучат капли в зонт, как по нотам ремейка,
Разливая улыбки в бокалы невымокших душ.
Растушёваны яркие краски в унылых витринах.
Брызги мокрыми пальцами щупают линии ног.
Дождь вживую рисует поющей водою картины,
И танцуют твои каблуки, словно рифмы стихов.

Осенняя элегия

На шпагу времени нанизывая дни,
Шаги по шляпку забивая в лето,
Спешит рыжеволосая примета
Расшнуровать осенние огни.
Развесить на прищепках облака,
Надеть на клёны пелериной оранж…
И лишь стучащий колотушкой сторож
Ещё обходит спящие луга.

Не сорите словами, поэты…

Не сорите словами, поэты,
В ворожбу красок первых лучей,
Где Есенин обхаживал лето –
Ткал зарю под тоску глухарей.
Не сорите в прохладу сирени,
Затенившей обшарпанность рам.
Её кисти, собравшие время,
Уже трогал рукой Мандельштам.
Не сорите, друзья, у забора,
Даже если под ним лопухи.
Их Ахматова, вырвав из сора,
Завязала букетом в стихи…

Контражур

Солнце низко упало,
лучами чертя параллели.
Вы стояли, не зная,
насколько игрив контражур.
Его светлые пальцы
Вас так незаметно раздели,
Подсветив воск на коже
и трусиков белых ажур.
Вы свободно расставили
длинные, стройные ноги,
Ветерок пропуская
под тонкие ткани белья.
Под которым прикрыто
осталось настолько немного…
Не представить всё это –
поверьте же, было нельзя.
Но виденье, увы,
унеслось до обидного быстро.
Видно, тучка решилась
укрыть Вас от въедливых глаз.
Свет рассеял внезапно
забредшие в голову мысли.
Взгляд запутался в шёлк,
так смешно прикрывающий Вас…

Смотрю в осенние глаза

Смотрю в глаза, но верить не хочу –
В скупом прощанье затаилась Осень.
Щетинятся пустые кроны сосен,
Лист сиротливо падает к плечу…
Художник в сквере застудил пейзаж,
В палитре очагом кармин и охра.
А на холсте так холодно и мокро,
И только греет огненный плюмаж
На киверах гвардейцев-тополей,
Склонивших головы к её приходу.
А в лужах-зеркалах чернилит воду
Зеркальный отсвет грустных фонарей…

Упали шторы…

Упали шторы. Лунный свет на крышах.
Качает ночь заснувшие дома.
Ночной ажур изысканностью дышит,
И многоточье сна разбито на слова.
На вешалке два влажных полотенца
Так нежно и доверчиво сплелись…
И ритмом стука шепчутся два сердца.
И мысли устремились сверху вниз…

Поздняя земляника

Зарыжело, окрасило клёны.
Нашуршало опавшей листвой.
Тополя вдоль дорог утомлённо
Ветки в небо топорщат метлой.
Посмотрел для порядка в окошко –
В небе чисто, как стыть в роднике.
Снял с гвоздя небольшое лукошко
И в пролесок побрёл налегке.
Под ногами уныло, безлико
Сжухся краской не летний пейзаж.
Глядь, у дуба цветёт земляника,
Ремонтантная дикая блажь.
Подивился, взял ягодки в руки.
Аромат растворился во рту…
Лёг на землю, как в лоно подруги,
И решил: никуда не пойду…

Осенний сад

Осенний сад.
Уже фальшивят ноты.
Расстроенные рвутся струны арф.
А листья,
Съёжившись под позолотой,
Спешат раскрасить увяданье трав.
Парад цветов
Торжественно низложен
Аплодисментами любезных астр.
И гладиолус,
Меч достав из ножен,
Всех зазывает на осенний вальс.
Старик-туман
Раскашлялся под вечер,
Бредёт неспешно в сумраке аллей.
Осенний сад
Своей прощальной речью
Рифмует грусть узорами ветвей…

Тихо тлеет костер…

Ю.Визбору…

Тихо тлеет костер,
не притушенный Вами случайно когда-то,
Как надежда на встречу
с потерянной в детстве любимой мечтой.
Сосны хвою бросают
в него и глядят из-под крон виновато,
Как аккордами искры
взлетают над сонной усталой тайгой.

Где-то спит та одна,
что настроит на ощупь душевные струны
И заставит запеть,
засмотревшись на свет от горящей звезды.
Переборы гитары
звучат, как волшебные, дивные руны.
И дрожат на росе,
лунным светом мерцая, идущие в небо следы.

Снова солнышко
бросит на травы прохладные, длинные тени.
Расшнурует палаток
провяленный ветрами старый брезент.
И пока ещё птицы
разбуженно в тихом лесу новым днём не запели,
Голос твой дозвучит,
обманув математику стёсанных временем лет.

Максим Прокофьев

г. Азов, Ростовская обл.

Одиночество

Я устал, словно птица в неволе,
коротать в одиночестве жизнь,
в сердце бедном лелея до боли
о любви бесполезную мысль.

От судьбы не страшны мне удары,
всё надеюсь – вот-вот чудеса
вдруг свершатся, и нежною парой
две голубки умчат в небеса.

Одному под шатром небосвода
разудалая жизнь не важна.
Понимаешь, такая свобода
совершенно и мне не нужна.

Пляж

Пустынный пляж
как будто одичал,
куда-то вдаль
уходят строчки лета.
За это время много написал,
ища у жизни новые сюжеты.

Писал я только правду, а не ложь,
не лгал
и не кривил душой меж строчек.
Мой стих порою очень был похож
на боль души
из всевозможных точек.

Но шум прибоя слышу за окном,
он снова балует меня словами.
Я напишу сегодня о былом
не строчками, а нежными
мечтами.

Фрегат судьбы

Уплываем в далёкие дали
на фрегате судьбы по морям –
небеса нам любовь обещали
и надежду крылатым сердцам.

Неизбежны в морях ураганы.
Пусть бушует от злости волна,
я не струшу, я очень упрямый,
если ты мне судьбою дана.

Есть любовь, говорят, неземная.
Мы без страха за ней поплывём.
Как бы ни было трудно, родная,
всё на свете осилим вдвоём.

Ревность

Прости, но так я не хочу –
жить в ожидании подвоха.
Такое мне не по плечу
и без тебя ужасно плохо.

Как быть? Ответьте, небеса,
ну разве может так случиться,
чтобы влюблённые сердца
от ревности меняли лица?

Тоской измучилась душа
во мгле случайного ненастья…
Давай всё делать не спеша,
чтоб сохранить навеки счастье.

Мысли на бульваре

Пройдусь дорогой вечной
по бульвару,
где тишина с листвою говорит…
Мне тридцать пять,
и я ещё не старый –
осваиваю жизни алфавит.

Ещё учусь, ещё осталась малость,
наивно веря в детскую мечту.
Пусть одиночества с лихвой
досталось,
на лучшее надеяться хочу,

дарить тепло
назло январским стужам,
душою оставаться молодым
и прогуляться по осенним лужам
не одному,
а с кем-нибудь родным.

Воспоминания о лете

Мне о лете взгрустнулось немного,
наступили тоскливые дни –
небо в тучах, размыта дорога,
и опять далеко до весны.

Снова слёзы дождя за окошком,
серость будней короткого дня.
Сердцу хочется счастья немножко:
– Где же та, кто полюбит меня?

Помню августа дивное время,
шум прибоя и тёплый песок,
потому что тяжёлое бремя
улетало тогда на восток.

И надежда рождалась мгновенно,
что наступят счастливые дни
и зажгутся в душе, несомненно,
долгожданные чудо-огни.

Но сомненья сменили надежду,
в грустном сердце не видно огня,
и вздыхает оно, как и прежде:
– Где же та, кто полюбит меня?

На вираже

Отступать мне некуда уже
и сдаваться тоже бесполезно –
закрутилась жизнь на вираже,
не удастся жить мне безмятежно.

В жизни посох – верные друзья.
Мне сдаваться с ними вроде рано,
но хочу, чтоб дружная семья
ежедневно бинтовала раны.

Я не трус, но страшно в мираже
прозябать в надежде на удачу…
На крутом опасном вираже
удержусь и больше не заплачу.

Безразличие

Ты нужен всем, пока здоровый.
Больной – не нужен никому.
Хотя всё это и не ново,
однако мне не по нутру.

Ты нужен всем, когда богатый.
Без денег – нищим обзовут.
Так и живу, тоской объятый,
в плену житейских вечных пут.

Давно устал от скорбной муки
смотреть, как серая толпа
вослед тебе вздымает руки,
и лжёт бессовестно молва.

Заметит кто, пока я беден,
пока обычный, но хромой?
Поймёт ли кто, что хоть и бледен,
но с чистой искренней душой?

Прошу, Господь, пошли терпенье,
пусть я ворчун, но не злодей.
Ко мне хоть каплю уваженья
всели в сердца толпы людей.

Максим Ролик

д. Козяны, Браславский р-н, Витебская обл., Беларусь

Задержание

Ночь. По тропе пограничной
Тихо шагает наряд.
Жизнь эта стала привычной
Мне средь служивых ребят.

Слышим неясные звуки –
Все притаились мы вмиг.
Сердца надрывные стуки:
Враг на границу проник.

Длилась засада недолго.
Крикнул мой друг: «Кто идёт?!»
Вдруг среди темени волглой
Девица глас подаёт.

Вот и девчата подходят –
Каждый из нас сильно рад:
«Враг» такой чаще пусть ходит –
«Пленных» везём мы в отряд.

Не забыть

Мне не забыть никак, ребята,
Далёких славных вешних дней –
Присягу, данную солдатом,
Армейских дорогих друзей.

Мне не забыть никак, ребята,
Про пограничный мой наряд,
И как сидел, в засаде спрятан,
Лишь звёзды в небе там горят.

И вот опять приказ получен
Рубеж границы охранять.
В УАЗе едем мы беззвучно,
Как братья, вместе мы опять!!!

Ксения

Есть у меня подруга Ксения,
Она, как роза чайная, цветёт.
Уже прошла пора осенняя,
И за окошком вьюга, снег метёт.

И в зимний этот чудный вечер
Парнишечка мечтает лишь о ней,
Предчувствуя
пленительную встречу,
Ждёт с Ксюшею свиданья Алексей.
И для него нет девушки родней,
И сердце – как порой весеннею.
Все думы,
мысли только лишь о ней,
О милой и прекрасной Ксении!

Родной уголок!

Есть на земле чудесный уголок,
Такой прекрасный,
светлый и родной,
Где дует славный тихий ветерок
Под полною волшебною луной.

Я так хочу вернуться вновь туда,
И пусть хотя бы
лишь на выходные…
Я улетел из милого гнезда,
Но снятся мне места мои родные.

Хочу увидеть свой родимый дом
С цветущим белым
яблоневым садом,
Полюбоваться полем и прудом,
И в тёмном небе
звёздным водопадом.

Брасловщина моя

Старые замки, костёлы, леса –
Край дорогой, Брасловщина моя.
С горы Маяк так близки небеса,
Сегодня душой отдыхаю здесь я.

Величавостью дивной природы
Покорён я навек с давних пор.
Ведь в Браславе я не был два года,
Снились мне воды синих озёр.

Я приехал в сторонку родную,
Где родился, и вырос, и рос,
Я сегодня душою волнуюсь
И растроган до радостных слёз.

Городок прекрасный

Городок прекрасный
вдохновил меня.
Певчих птиц рулады
в воздухе звенят.
Городом любуюсь
с Замковой горы,
И травы зелёной радуют ковры.

Обожаю этот милый городок,
Как живой водицы
сладостный глоток.
Сердцу так приятны милые края,
Браслав мой любимый,
родина моя!

Замковая гора

Когда стою на Замковой горе,
Особенно на утренней заре,
О жизни размышляю в тишине,
Невольно грусть тревожит
сердце мне.

Смотрю на нескончаемую даль…
В глазах моих тревога и печаль.
А если посмотрю на моря гладь,
Так радость возвращается опять…

Лучик красоты

Ты луч весенней красоты,
Радость, нежная улыбка.
Ты девушка моей мечты.
Моя любовь, златая рыбка.

Ты уплываешь – я грущу
И снова думаю о встрече.
Тебя по всей земле ищу.
А время нас, увы, не лечит.

Всю жизнь тебя я буду ждать.
Я ждать тебя не перестану.
И не могу другим я стать.
А хочешь – звёздочку достану!

Я не знаю

Душа скорбит, зовёт и плачет.
И сердце рвётся из груди.
И знаю я, что это значит,
Но что же будет впереди?

А впереди одни потёмки.
Тебя мне видеть не дано.
И голос твой не слышать звонкий.
Меня забыла ты давно.

Ну почему ты не со мною?
Я не могу тебя забыть.
Грущу я вместе с тишиною,
И не могу я не любить.

Тебя люблю я лишь одну

Как тишину и листопад,
Как море, солнце и луну,
Как розы нежный аромат,
Тебя люблю я лишь одну.

Сияющим взглядом меня
Зовёшь, родная, ты к себе.
Хочу я страсти и огня,
Любовь моя, спешу к тебе.

Валентин Романов

г. Луховицы, Московская обл.

Валентин Иванович Романов (07 апреля 1930 г. – 23 июля 2010 г.)
Член Союза Журналистов РФ. Заслуженный работник культуры Московской области.

Многие годы проработал корреспондентом Луховицкой районной газеты. Его 40-летний творческий путь отмечен двумя медалями ВДНХ и другими медалями и почётными грамотами. Валентин Романов неоднократно был призёром областных конкурсов на лучший очерк о ветеранах Великой Отечественной войны. Автор двух изданий книги «Задушевный разговор». Соавтор первой энциклопедии «Луховицы – родной уголок России», которая вышла в 1996 году.

Это был яркий, самобытный, вежливейший человек, сделавший непомерно много для процветания родного края.

Не забудет Русь святая…

С.А.Есенину…

Над Русью небеса лучисты,
Широк малиновый рассвет…
Среди берёз моей Отчизны
Родился у Оки поэт.

Он больше всех на белом свете
Любил свою старушку-мать,
Спешил письмо с большим приветом
Ей в Константиново послать.

И до сих пор слова простые
Любимых дорогих стихов
Волнуют всех в краях России –
И молодых, и стариков.

Глава увяла золотая
От злой вражды и бурь лихих.
Но не забудет Русь святая
Есенинский звенящий стих.

Моя Родная сторона

Край мой милый! Синевою
Блещут воды Осетра.
Крепко связана с тобою
Детства светлая пора.
С берегами речки плавной
Дружим многие года.
Ты, Осётр, учил нас плавать,
Быть отважными всегда.
Мы росли, мужали, крепли,
Уходили на войну,
В сталинградском бились пекле
За любимую страну.
Шли на бой за дом и речку,
Что остались под Москвой,
За невестино крылечко
Под сиреневой листвой.
Те бои отгрохотали,
И о счастье мирных дней
Песня звонко льётся в дали
На земле родной моей.
К Осетру спустился вечер.
Вглубь реки глядит луна.
Ветви ив кладёт на плечи
Мне родная сторона.

Святое чувство

Люблю тебя, как майской ранью
Свою отчизну соловей.
Как труд свой ювелир,
что гранью
рождает радугу огней.
Люблю, как птицы любят небо,
Как ласку матери дитя,
Люблю, как белоснежный лебедь
Свою подругу,
с ней летя.
Люблю, как пахарь любит поле –
К нему стремится вновь и вновь.
На свете нету силы боле
Святого чувства, чем любовь.

У камина

Нам уютно у камина,
Согревает жар углей.
Много здесь бесед с любимой
Было в пору зимних дней.
Мы друг друга крепко любим,
Верность светлую храня.
Нашу дружбу не забудем,
Что родилась у огня.
Вновь мороз. Камин – как солнце,
Души греет всё смелей.
И от радости смеётся
Та, что сердцу всех милей.

Цветы любимой

Спешу к любимой на свиданье,
В душе о ней тая мечты.
И светом жаркого признанья
В руке моей горят цветы.
Не раз я прежде приносил их,
Лишь приходил желанный час,
И чувству придавали силу
Огни их нежных, ясных глаз.
Гвоздики свежестью дышали…
Спасибо, верные друзья!
Любви вы крепко помогали,
Желая счастья для меня.
Живой красою, как святыней,
Природа одарила вас.
Сердца влюблённых и поныне
Цветы тревожат каждый раз.

Нина Сазонова

г. Луховицы, Московская обл.

Понять, простить

Любовь приходит и уходит,
И кто же в этом виноват?
Судьба то сводит, то разводит –
Кто рад тому, а кто не рад.

Могу простить непониманье,
Минуту слабости твоей.
Любовь и горечь расставанья –
Смешалось всё в душе моей.

Нам не вернуть
мгновенья счастья,
Доверья прожитых годов.
И наступили дни ненастья –
Принять разлуку не готов.

Не я ли так тебя лелеял
И все желанья исполнял?
Но кто-то молодой и смелый
Твоё внимание снискал.

Ты для меня не станешь прежней,
Очарование прошло.
И облик твой, и голос нежный –
Всё в бесконечность унесло…

14.03.13

Бесшабашный парень

Дорогой мой, ты прости,
Не ошибся ль дверью?
Хоть проси, хоть не проси –
Я тебе не верю!

Легкомысленных кровей,
Ото всех не скрою,
Раз с гармоникой своей
Скрылся за рекою.

Мы с девчатами тебя
Долго там искали.
И, платочки теребя,
Так и не узнали:

Унесла ль куда волна,
Или роща скрала.
Только кепочка одна
На земле лежала.

Чёрный ворон на ветле
Нам зловеще каркнул.
Будто с вестью на крыле
В неизвестность канул.

Но услышали мы песнь,
Звонкий голосочек.
Знать, ты где-то рядом, здесь,
Милый мой дружочек!

15.03.13

Совет подружки

«Не ходи ты, подружка,
на встречу.
Чтоб сердечку зазря не стучать.
Но вопрос тот волнует извечно:
Сможешь с ним ли
счастливою стать?

Вижу я, как лицо твоё рдеет,
Как пунцовые губы горят.
А душа вновь надежду лелеет:
Любит он ли, свиданию рад?

Ты не верь его ласковой речи,
Их он многим девчатам дарил.
Каждый раз
в соблазнительный вечер
О прекрасной любви говорил.

Не одно, знай, сердечко разбито.
Не одна умывалась слезой.
Сколько их в деревнях позабыто,
Не достался он им – ни одной!»

Но девчонка не слышит подругу
И не всем доверяет словам.
На свидание к милому другу
Побежала, поверив глазам…

15.03.13

Время быстротечно

Иду дорогою знакомой,
Берёзки шепчут в тишине.
В груди сердечко встало комом –
Спешила ты навстречу мне.

Всё та ж летящая походка
И тот же локон надо лбом.
Ты вся стремительна и лёгка…
Я любовался вновь тобой.

Как будто не было разлуки,
И вспомнился
прощальный вальс.
Смех, шутки, озорство улыбки:
Прощай,
любимый школьный класс.

Весёлый взгляд, добро улыбки,
Пожатье крепкое руки.
И где-то там, в глазах глубинки,
Бежали тенью светлячки.

Мы были рады этой встрече,
Ведь десять лет, как миг, прошли.
И пронеслись так быстротечно…
Но судьбы наши вновь сошлись:

Нам здесь назначили свиданье,
Как раньше, в школьные года,
Минуя время расставанья –
Пришёл час встречи навсегда!

21.03.13

На рыбалку

Собрались мы на рыбалку,
На природе отдохнуть.
На машинах спозаранку
Отправляемся мы в путь.

Утром спит ещё светило,
Ветер в вётлах прикорнул.
Время клёва наступило,
Луч по речке полоснул.

Речка алой рябью вздулась,
Поприветствовав восход.
Удочка в дугу согнулась:
Кажется, уже клюёт?!

…У костра, собравшись вместе,
Каждый хвастаться готов.
И под шутку, и под песню
В казанок поплыл улов…

Разложили бутерброды,
Разный овощ тут и там.
Ах, рыбацкий дух свободы!..
Под заветные «сто грамм»

Сразу вспомнились курьёзы,
Анекдоты… и не зря!
И, на что мой дед серьёзный, –
Он смеялся, крест творя.

23.03.13

Вечное, земное

Я замираю в ожиданье
Ответа вечного, земного.
И, словно в первое свиданье,
Сжимает сердце мне тревога.

Темнеет небо, и молчанье
Застыло тайнами земли.
И возглас мой, как крик отчаянья,
Пронёсся откликом вдали.

Из мира вечного забвенья
Мне слышны чьи-то голоса.
И длилось чувство изумленья –
Тянулась в вечность полоса.

Мне стало трепетно и душно.
Всё ярче абрисы людей.
Но то не люди, только души
Тянулись в царствие теней.

22.04.13

Чудеса телевидения

Как познать движенье жизни,
Как познать черёд времён?
В таинства вселенной вникнув,
Я незнаньем посрамлён.

Вот включил телепрограммы,
Ты со мной их посмотри.
Как из сказки, телеграммы
Шлёт нам космос: раз, два, три!

Я на Марсе побываю
И Венеру облечу.
На Луне, теперь я знаю,
От уныния лечусь.

В тех программах есть знахарки,
Беды словом отведут
И положат на лопатки
Академию Наук!

Я поверю в талисманы,
Я поверю в наговор.
Только я не понимаю –
Как мы жили до сих пор?

Оказалось, что «тарелки»
Гости частые Земли.
Не одно тысячелетье…
Знать о том мы не могли!

Тайной всё покрыто, ложью.
В темноте живёт народ,
Но со знаниями можно
Нам раздвинуть небосвод!

25.03.13

Лесная дорога

Еду я лесной дорогой.
Лес вокруг стеной стоит.
И задумчивый, и строгий,
Он величьем ворожит.

Впереди, как озаренье –
То сверкнёт, то пропадёт, –
Алым сказочным виденьем
В небе солнышко плывёт.

Я стремлюсь за ярким светом,
Убыстряя бег коней.
Осязаем вид был этот
В играх света и теней.

21.04.13

Дарить тепло

Устали мы бежать по кругу,
Стремится наша жизнь в закат.
Давай дарить тепло друг другу,
Любовь и нежность во сто крат.

Не омрачать обидой сердце,
Чтоб не гуляла в доме тень.
А распускались лишь соцветья
Как в солнечный, весенний день!

24.04.13

Время неподвластно

Ах, года мои, года!
Времени подвластны.
То тянулись иногда,
То бежали страстно.

А сейчас мне не успеть,
Вы галопом мчитесь.
Может, шоры вам надеть,
С ними усмиритесь?

Не спешите вдаль без пут,
А пройдите шагом
Так, как в юности идут,
Приобнявшись, рядом.

А когда хотелось так
Повзрослеть скорее –
Подстегнуть нельзя никак,
Чтоб неслись быстрее.

А за сорок подошло –
Побежали очень.
Будто сердце мне прожгло:
Наступала осень…

26.03.13

Через призму времени

В годах скитаний и в разлуке
Я часто думал о тебе.
Корил себя, за что мне муки
И беды в горестной судьбе?

Сквозь призму времени я понял,
Что был во всём сам виноват.
Как струны сердца горько стонут!
Вернуться бы скорей назад

И вымолить слова прощенья
За то неверье в тишине…
Пролил я слёзы очищенья,
И сразу стало легче мне.

Стою сейчас перед тобою,
В душе молю: «Прости, прости!
В своё я сердце дверь открою»…
Слова бы верные найти!

Ты дверь открыла мне, встречая.
Теплом пахнуло, и уют
Так тронул – сердце застучало:
Простишь ли ты, найду ль приют?

30.03.13

Танец лебедей

Пара лебедей кружилась
Над безмолвною рекой.
Плавно на воду спустилась,
Не вспугнув её покой.

Что за чудное виденье?
Я застыла, чуть дыша.
Даже в ветра дуновенье
Шум не слышен камыша.

И беззвучно заскользили,
Гордо головы склонив.
В неподвижности застыли…
Был един у них порыв:

Как, издав в порыве крики,
Закружили хоровод.
Над водой распались блики,
Разогнав движенье вод.

Был прекрасен танец белый
Недосказанной любви,
Словно призрак белоснежный
На груди речной волны.

10.04.13

Счастья Вам

Если хочешь порой удивиться,
То во всём постарайся успеть:
Полюбить от души и жениться,
И вдвоём песню радости спеть.

А нагрянет в судьбе неудача,
Пусть не дрогнет пред нею душа,
Пусть завистники громко судачат –
Делом их остуди не спеша.

И в нередких застольях
с друзьями
Ты порадуй себя коньяком,
Чтоб случайные рытвины, ямы
Показались в судьбе пустяком.

А когда вспыхнут девичьи очи,
Ты за ними вослед поспеши.
Будут светлые, лунные ночи,
Для влюблённых они хороши!

Зазвучат задушевные песни,
Славя вешнее чувство в груди.
И по жизни пойдёте вы вместе,
Ведь у вас всё ещё впереди!

22.04.13

Поэт чести

Взгляд в никуда,
вернее – через годы.
Что видел он,
и что он представлял?
И смог ли он
предвидеть все невзгоды
И путь, какой Россию ожидал?

Он, применив душевное усилье,
Пронёсся, как комета,
над землёй.
Талантлив он от Бога,
словно крылья
Тот дал ему, отметив путь земной.

Но то ли рок
рукой Дантеса правил,
Когда свершил он
подлый выстрел свой?..
Погиб поэт, но Родину прославил
Своей земной
бессмертною
судьбой!

27.04.13

Весенний дождь

Ах, это русское раздолье!
Луга вокруг – природы дар.
Леса несут мне благость, волю
И радость вешнюю всегда.

И раздаётся птичье пенье
С берёз и замерших осин,
Являя сердцу озаренье
И раскрывая неба синь.

Река, застывшая в закате,
Блеснёт багрянцем в лоне вод.
Оглушит гром с небес раскатом,
И молния разверзнет свод.

С порывом ветра
дождь прольётся,
Подарит Божью благодать.
И травка сразу же очнётся,
Чтоб ярко зеленью блистать.

Проклюнутся на ветках почки,
Деревья сменят свой наряд.
Светлей, короче станут ночки,
И зорьки ярче станет взгляд.

В лугах цветы ей улыбнутся,
Навстречу речка поплывёт.
И трели соловья прольются –
Весна вновь к жизни позовёт.

17.04.13

Утро в лесу

Мы проснулись рано,
таял сон в глазах.
Занималось славно утро на полях.
У реки, в низине, плавает туман,
Речка, как в перине –
утренний обман.

Через поле к лесу
шли мы напрямик.
В лес зашли,
отвесно солнца луч проник.
Зашумели листья, ветер пробежал,
Рыжики лучисто улыбались нам.

Толстые опята россыпью на пне.
Ох, шустры ребята –
бёгом да к сосне.
По берёзке быстро
устремились ввысь.
Хоть в корзине пусто –
как достать бы их?

Полнилось лукошко,
честь пора бы знать.
Отдохнуть немножко,
в травке полежать…
Облака застыли, перисто висят.
Солнце засверкало,
лучики звенят.

Воздух ароматом вволю напоил,
Радостно, приятно –
тайны лес открыл!

19.03.13

Новый этап

Ах, Земля!
В жизни ты бесконечна…
Я душою приемлю тебя!
Бескорыстна любовь моя, вечна.
Пред тобою склоняюсь – любя!

Как пройти мне, такой одинокой,
Мой тернистый, извилистый путь?
Но стремлюсь за звездою далёкой.
Дотянусь – я не знаю, но пусть

Жизнь моя вся в движении будет,
Повстречаю я ранний рассвет…
Моё сердце тот миг не забудет,
Ведь преграды прекрасному нет.

Повстречаю весну в ожиданье –
Это новый этап на пути.
Радость он принесёт
иль страданье?
От судьбы мне своей не уйти…

18.04.13

Свет надежды

Ты в глазах мелькнула
ярким светом,
Как рассвета солнечный мотив.
Ожил я под чистым
летним небом.
В небеса, как сокол, воспарив.

Вновь надежда
и мечты теснились,
И в душе так радостно, светло.
Образы, видения носились –
Вновь меня в дорогу повлекло…

17.04.13

Радость жизни

Дорога ты мне, Родина милая,
Широтой необъятных полей.
И у берега реченька стылая
Успокоит волною своей.

Я люблю,
когда солнце над омутом
Только-только раскроет глаза
И с рассветом
по глади нетронутой
В лёгком танце
скользнёт стрекоза.

Хорошо,
когда с вётел раскидистых
Серенады поют соловьи.
Ветерок
в своих плясках порывистых
В речке крылья омоет свои.

Как в лугах хорошо:
травы скошены,
Пахнет пряностью
ранний рассвет.
Уползает туман и, взъерошенный,
Дымкой светлою сходит на нет.

Да, люблю тебя, милая Родина!
От тебя отведу я беду.
В жизни много дорог
уже пройдено,
Но с тобой до конца их пройду!

29.04.13

Лесная чаща

Вновь меня лесная чаща
Принимает, как в обитель.
Прихожу сюда я часто –
Неслучайный посетитель.

Тихо в ней брожу в берёзках,
Слыша пенье, щебетанье…
Вся трава здесь в росных блёстках
Дарит нам очарованье.

Колокольчики лесные
Тянут к солнышку панамки, –
Как детишки озорные
Разбежались по полянке.

Я срывать их – не срываю,
Пусть растут в свету и тени.
Только лишь рукой ласкаю,
Опустившись на колени.

У кустов притих зайчишка –
Косоглазый попрыгайка.
Ах, зайчишка-шалунишка,
Ах, пугливый серый зайка!

Земляничная поляна
С просекою голубою,
До свиданья! Утром рано
Завтра встретимся с тобою.

14.05.11

Деревни

Заброшены фермы, забыты поля.
Травой, сорняками она поросла.
И лес неухожен, везде сухостой.
Так что же случилось?
Ответ здесь простой:

Стареют деревни, о них нет забот.
И редко где вечером
свет промелькнёт.
Ушла молодёжь,
старики лишь одни.
Страдают их души, что могут они?

Как раньше, бывало, звенели они!
Работа кипела и ночи, и дни.
Больница и клуб,
да и школа была…
Теперь
лишь разруха кругом расцвела!

28.04.13

Галина Самусенко

г. Коломна, Московская обл.

Откуда растут стихи

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда…
А.Ахматова

Стихи растут из мусора, из сора,
Из лёгких полувзглядов, полуслов,
Из шелухи пустого разговора,
Из эфемерной призрачности снов.

Их к жизни вызывают ароматы
Лугов, полей, лесного ветерка,
Рассвета дымка, розовость заката,
Плывущие по небу облака.

На гумусе людских переживаний
Они взрастают, буквами шурша.
Обрывки мыслей, ощущений, знаний –
Хранит их стихотворная душа.

Стихи – всего лишь жизни отраженье.
В единство рифмой сжатые слова,
Рождённые в порыве вдохновенья
Душой поэта, что стихом жива.

Забытый пляж

Мост задремал, дождём умытый.
Заснула ива над волной.
И только пляж, людьми забытый,
Тоскует в тишине ночной.

Когда-то в золоте песочном,
Смеясь, купался солнца луч.
Теперь тоскливым многоточьем
В траве остатки серых куч.

Когда-то звонким многолюдством
Порою жаркой пляж шумел,
Был полон в выходные, будни.
Теперь остался не у дел.

Течёт река неторопливо
И пропадает вдалеке.
Ворона каркает лениво,
Мостясь на сломанном грибке.

Листая в памяти страницы
Далёких тех счастливых дней,
Пляж снова ждёт, ему не спится –
Ну что же вы? Когда? Скорей!

Утро

Умчалась ночь испуганным котёнком.
В рассветный мир волшебных тёплых снов
Вломились шум и гомон голосов.
Кричал петух победно, дерзко, звонко.

Морзянку ветвь отстукивала громко.
И душу рвал утробный вой котов,
И громыхал калиточный засов.
Зудел комар пискляво, нудно, тонко.

Хотелось вновь, блаженствуя, уснуть,
В объятья грёз предутренних вернуться.
Забыть, что день нелёгкий настаёт.

Но время вспять, увы не повернуть.
Однажды нам не суждено проснуться.
Цените же всё то, что жизнь даёт!

После просмотра мюзикла «Граф Орлов»

Сверкало платье.
Пульсом бился свет.
Перо дрожало.
Елизавета всё ж?
Элизабет?
Куда бежала?
На блеск короны,
колокольный звон
ты прилетела.
С Императрицею
борьба за трон?
Пустое дело!
Да, совесть, жалость,
благородство, честь –
то не для Власти.
Любовь распята.
Оправданье есть.
Померкло счастье.
А где же он,
твой верный капитан,
невзгод виновник?
Страдает, вроде бы,
попав в капкан,
герой-любовник.
Но не спешит
избавить от оков
предмет любимый.
Ведь Власти верно
служит граф Орлов
непобедимый.
Босую душу
резали слова
острее бритвы.
Сплелись, взмывая
кверху, голоса.
Творцу – молитвы!

Владимир Сапрыкин

город-курорт Анапа

Путешествие в страну Квакванию

Кваня-Ваня

У лягушек имя Кваня,
Как у русских имя Ваня,
Всераспространённое
И чуть-чуть казённое.
В каждом селенье есть Ваня,
В каждом болоте есть Кваня.
Умные есть, светлы очи,
Добрые есть и – не очень,
Но обожают детей…
Всё, как у взрослых людей.

Письмо из Азова

Звонит Кваня из Азова:
«Для меня всё это ново!
Я хочу увидеть свет
И хочу в КВАрдебалет.
Я танцую до сих пор
В модном стиле Квакин-ролл,
Обожаю очень танцы,
Песни петь и петь романсы».
Кване я даю ответ:
«Ждёт тебя КВАрдебалет.
Покидай скорей свой пруд,
Здесь тебя, в Анапе, ждут

Музыканты и солисты,
виртуозы-баянисты,
Ждёт принцесса Квале-Квала...
Это много или мало?

Танго

В экстазе жаба пьёт сок из манго...
Танцуют Кваня и Квале Кванго.
ТангО-КвангО болотного романа,
Всё чин по чину и без обмана.
А в перерыве бегут к дракоше,
Он талисман их, ведь он хороший.

Счастливая лягушка

На травке лежала лягушка,
Подставив под солнышко брюшко.
В двух метрах родное болото,
А в нём ей купаться охота.
И, лапками трогая брюшко,
Поёт тихо песню лягушка:
«Ква-квАя сегодня погода!
Ква-квАя, ква-квАя природа!
Ква-квАя ж счастливая я…
Ква-квАя, ква-ква, ква-квАя».

Мышонок и лягушонок

У болота жил мышонок,
А в болоте – лягушонок.
Они жили, не тужили:
Меж собой они дружили.
Подойдёт к воде мышонок
И зовёт: – Эй, лягушонок!
Выползай-ка из болота –
Мне играть с тобой охота.
Здесь, на бережку, песок,
Будем прыгать – прыг да скок.
Отвечает лягушонок:
– Здравствуй, здравствуй,
друг мышонок!
Мне на берег не охота,
Лучше ты зайди в болото.
Здесь воды можно напиться,
Ведь кругом, ква-ква, водица!
Я буду плавать и нырять,
А ты, мышонок, догонять.
Прошептал ему мышонок:
– Утону я, лягушонок.
В воду я ходить не смею,
Я ведь плавать не умею…
– Ну, тогда давай, мышонок, –
Предлагает лягушонок, –
Сделаем себе услугу:
Песни будем петь друг другу.
Это, ква-ква, так приятно!
– Я согласен, мне понятно.
И с тех пор на всю округу
Песнь поют они друг другу.
И им понятны все слова:
Пи-ква-пи и ква-пи-ква.

Слепая жаба

В пруду жила лягушка,
Толстушка и квакушка.
Она в кругу подружек
Охотилась на мушек.
Всего ей было мало,
Чего-то не хватало,
Подружек не терпела,
Ругалась и шипела.
От злобного шипения
Проблемным стало зрение.
Читает с лупой книгу,
Без лупы – видит фигу.

«Ква-Кватроли»

Подружились Кваня с Квале
И в друзья дракошу взяли.
Тётю Жабу удивили
И подарок ей вручили:
На всё лето контрамарка…
Жаба в шоке от подарка.
Ведь теперь она бесплатно
Будет слышать то, что платно,
Будет видеть забесплатно
То, что раньше было платно,
А ещё, такой хороший,
Будет рядом с ней дракоша,
Симпатичный Алистончик,
Лягушачий друг – дракончик.
Он, как Жаба, весь зелёный
И талантом одарённый.
Они с Жабой этим летом
Будут петь романс дуэтом.
Ну а Кваня вместе с Квале
Песенный ансамбль создали
Под названьем «Ква-Кватроли»
И отправились в гастроли
По стране Ква-Квании
С весёлою компанией.

Анапские гастроли

Вся Ква-Квания поёт
Про восьмое чудо света,
И в Анапу Кваня прибыл,
Чтобы поглазеть на это.
От больших болот азовских
До анапских до болот
Кваня доскакал за месяц,
Хоть планировал за год.
Ну конечно же, в Анапу
Прискакал он вместе с Квале.
Жители болот анапских
Их гастролей очень ждали.
Три концерта в один день
И аншлаг в любом болоте…
Кваня в белом пиджаке,
Квале в платье с позолотой…
И танцуют, и поют,
Травят с «перцем» анекдоты,
Не было давно у них
Вот такой большой работы.
Шесть концертов за два дня…
Здесь такого не видали,
Ну а песню «Ква-любовь»
Даже слыхом не слыхали,
Но зато через два дня
Песню пели все болота,
Модным стал враз белый фрак,
Да, и платья с позолотой.
Всё, закончились гастроли,
Ускакал в Азов дуэт…
Вновь азовские болота
Разбудил квардебалет.
Это новая программа,
Без улыбок – входа нет!
Про восьмое чудо света
Песенку поёт дуэтом.

Охотники на мух

Кванина подружка Квале
Ловит мух только сачком,
А лихой охотник Кваня
Ловит мушек язычком.

Предупреждение

Лягушата-лягуши, озорные малыши!
Вы резвитесь на болоте и не лезьте в камыши.
В камышах и днём и ночью много змей, гадюк, ужей...
Эти гады в две минуты могут скушать лягушей.

Две подружки

Две лягушки, две квакушки,
Две болтливые подружки
Спорят меж собой пять дней,
Кто из них двоих стройней?
Говорит одна лягушка,
Пряча толстенькое брюшко:
«Я в пять раз тебя стройней
И в два раза зеленей!
У меня длиннее лапки,
Мои сильные царапки».
А подружка ей в ответ
Возражает: «Нет, нет, нет!
Это я всех красивей
И в два раза зеленей.
У меня длиннее лапки
И сильнее всех царапки!».
Жаба всех их помирила
И вердикт свой объявила:
«Зря вы спорите, друзья!
Всех красивей – это я!
Обойдите все болота,
Если спорить вам охота,
И спросите у лягушек,
У друзей и у подружек,
Кто в болоте всех милее
И, конечно же, стройнее.
Вам ответят, спору нет,
Что меня красивей нет!»

Мотоциклист

Что за шум и тарарам?
Удивляются соседи:
Кваня мал, но по утрам
Едет в школу на мопеде.
Едет в школу он без шлема,
Едет, улыбается,
Хоть и знает, что без шлема
Ездить запрещается.

Неудачная рыбалка

Кошка Мурка для лягушки
Стала лучшею подружкой.
Осенило вдруг лягушку
На рыбалку взять подружку.
Взяли снасти, сели в лодку,
Чтоб ловить весь день селёдку.
Солнышко светить устало,
А селёдка не клевала,
Возле лодочки плескалась,
На крючок не попадалась.
Квакчет, что есть сил, лягушка…
Рыбы нет – пустое брюшко.
Только кошка очень рада…
Нет селёдки – и не надо.
Дома есть пять штук хамсы
И кусочек колбасы.
Приглашу домой лягушку,
Угощу едой квакушку.

Цирк

Цирк приехал на болото,
И лягушкам всем охота
Посмотреть вживую шоу.
Для квакушек это ново...
Кваня пригласил артистов,
Свистунов, эквилибристов,
Акробатов и пловцов,
Юмористов и певцов,
Клоуна, заморских хрюшек
И неведомых зверушек.
Гвоздь программы – «Ква мадам»
И ходьба по проводам.

Котёнок и лягушонок

Среди цветов гулял котёнок…
В цветы запрыгнул лягушонок.
– Привет, котёнок! Как дела?
Что делаешь средь бела дня
Один средь множества цветов?
Ответ котёнка был таков:
– Я здесь гуляю каждый день,
Люблю цветы… в жару здесь тень.
Я нагоняю аппетит.
Здоровью это не вредит,
Потом скорей бегу домой…
Хозяйка дома ждёт с едой.
Еда для всех нужна всегда,
А ты зачем пришёл сюда?
– Ква-ква, – ответил лягушонок. –
Я здесь гуляю, друг, с пелёнок…
Здесь бабочки, жучки и мушка…
Я ими набиваю брюшко.
Тебя хозяйка кормит. Знаю,
А я еду сам добываю.
Иди домой. Я на работе…
И не мешай моей охоте.
Но если хочешь новой встречи,
То приходи сюда под вечер.
Часок-другой здесь посидим,
О том о сём поговорим.

Жабий вердикт

Сидя у болота, поедая мушек,
Наслаждалась жаба пением лягушек:
– Какая КВАсота! Просто КВАнтастика!
Смотрятся КВАссно и поют преКВАсно.
ПреКВАсен, преКВАсен! – слов нет –
Этот лягушачий КВАрдебалет!

Радость и согласие

Вечерами тёплыми, вечерами летними
Двор окутан байками, сказками и сплетнями.
Обсуждают во дворе и Квале, и Кваню,
Тётю Дусю, дядю Сашу и их дочку Маню.
Обсуждают не со зла, просто так, от зависти,
Потому что те живут в согласии и радости.

Танго «Кванго»

Не в чести квакин-ролл, позабыт кваковяк,
Лягушачий танц-пол весь «стоит на бровях».
Танго снова в моде, при любой погоде.
Лягушачье танго – это танго «Кванго».

Лягушка и щенок

Непоседливый щенок
Утром убежал в лесок
К бабочкам-плутовкам
И к божьим коровкам.
Два часа они играли,
Но ни капли не устали.
Забежали на опушку
И увидели лягушку.
Вся зелёная, смешная
И весёлая такая…
Оседлала мухомор,
Красный, словно помидор.
Мухомор тот весь в веснушках,
Бело-серых конопушках.
Она на нём качается
И мило улыбается.
Познакомились с лягушкой,
Говорливой хохотушкой,
Стали вместе с ней играть,
А потом пошли все спать.

«Ква-соревнование»

На болотном стадионе
зрителей хоть пруд пруди,
И до мест соревнований
не допрыгать, не дойти.
Здесь проходит каждый год
«Ква-соревнование» –
По болотным видам спорта
первенство Кваквании.
Сальто с места и с разбега,
гребля, плаванье гурьбой
(Массовый заплыв на дальность)
и заплывы под водой.
Кваня – капитан команды!
Кваня – мастер спорта!
И болельщики от Квани
ждут всегда рекорда.

Школа

Кваня и Квале, по просьбе квакушек,
Школу открыли для малых лягушек.
Квале учила детишек читать,
Кваня – считать и квадриль танцевать.
Старая Жаба, классная дама,
Всем лягушатам твердила упрямо:
«Знание – сила! Запомните, дети:
Неучам трудно живётся на свете.
В нашем болоте неучей много,
Вот потому-то живём все мы плохо.
Вы прискакали в школу учиться?
Вот и учитесь, чтоб вами гордиться.
Кване и Квале очень охота,
Чтоб вы построили чудо-болото
И чтоб прописалась в нём навсегда
Вера с любовью и доброта».

Кваня

Кваня не птица и не зверушка,
Кваня – болотная чудо-лягушка.
Рот – как хлопушка и как ловушка.
Мошкам и мушкам она не подружка.
Длинный язык ловко цапает мушек.
Этот язык всю жизнь кормит лягушек.

Жаба и лилии

На пруду в июне лилии цветут,
А меж лилий жабы, квакая, плывут.
Квакают усердно, не жалея сил,
Чтоб на них прохожий взгляд свой обратил.
Подустали жабы, взяли перерыв,
Только жаба Квара квакает в надрыв:
«Посмотрите, люди, на красу мою
И услышьте песни, те, что я пою.
Песенки простые, смысл у них простой:
Я красивей лилии бело-золотой».

Награда

У болота шум и гам – праздник у квакушек.
Это жаба на мопеде возит в лес лягушек.
Воздух леса круглый год – эликсир здоровья.
Жаба возит в лес лягушек укреплять здоровье.
Жабе за её труды в сфере воспитания
Мотоцикл подарил царь всея Кваквании.
Жаба искупалась в море, а потом случилось горе:
Загорая, обгорела – так, что кожа посинела.
Прискакала на болото, ей поплакаться охота...
Но все местные лягушки, говоруньи и квакушки,
Завизжали принародно: «Квау! Квау! Это модно.
Прочь, зелёная одежда!
Синий цвет – это надежда!».

Отдых на море

В море поплавать мечтала лягушка
И на песочке погреть своё брюшко.
В море с разбега квакушка нырнула,
Вышла на берег и крепко уснула.
Море как море – большое болото,
Только вода в нём солёная что-то.
Нет камышей, не жужжит даже мушка…
Нечем лягушке набить своё брюшко.
Проснулась лягушка, кушать охота…
И поскакала скорей на болото.

Кваксон

Квале песню поёт на болоте в ночи…
Жаба слушает песню и громко квакчит.
Кваня ей говорит: «Рот закрой, не квакчи.
Дай послушать шедевр, хоть чуть-чуть помолчи.
Это новый формат, не попса, не шансон.
Это песня-баллада – болотный кваксон».

Александр Свиридов

г. Москва

Александр Александрович Свиридов – родился 23 февраля 1963 г. в городе Почеп, Брянской области.

С 1966 г. проживал в г. Алма-Ата, где окончил среднюю школу и энергостроительный техникум. В 1983 г. был призван в Вооружённые силы СССР. Полгода служил в учебном подразделении батальона связи ВДВ в г. Каунас, по окончании которого был направлен в Афганистан и зачислен в отдельный гвардейский снайперский взвод 103-й Воздушно-десантной дивизии. Участвовал в 54 боевых операциях.

Окончил Высшую школу КГБ им. Дзержинского. Участвовал в локальных военных конфликтах на территории Средней Азии и Кавказа. Служил в Управлении по борьбе с терроризмом ФСБ РФ. Принимал участие в боевых действиях в Чечне. Награждён орденами «Красной звезды» и «Мужество».

Живёт в Москве.

Записки из Чечни

Сегодня ровно два месяца моего пребывания в Чечне. Критический рубеж позади. Жду новой жизни. Сажусь писать, только когда грустно. От этого и записи какие-то мрачные.

Недавно встречался с ребятами там, где война. Пашут мужики, не гоняясь ни за наградами, ни за деньгами, ни за славой. Пять месяцев в окопах. Связь с миром только через приёмники, которые им выдало начальство. Нос не задирают, воюют с моджахедами.

Вообще-то жизнь тут интересная, и смеха порой бывает больше, чем грусти. Только вот юмор своеобразный, понятный только здесь и сейчас.

Прибыло пополнение. Ребята свеженькие, чистенькие, с широко открытыми глазами. Обстреляются.

А ещё недавно на фильтр возили женщину-снайпера, Свету. Она рассказала, что никогда лично не вызывалась резать глотку пленным, но обезвредила пятерых сородичей-обидчиков из мести, так как у неё убили мужа, отняли двоих детей. Пробравшись на какой-то праздник, бросила в толпу противотанковую гранату. У этого маленького озлобленного 29-летнего существа от женщины только и остался звериный материнский инстинкт: во что бы то ни стало найти и вернуть своих детей.

Вчера приехали ребята из «Вымпела», к тому же из моего Управления. Я понял, как грустно мне тут было, как одиноко без этих знакомых, родных рож, без наших общих разговоров и интересов. Очень тепло встретились, посидели, поговорили, повспоминали старое, как говорится, былое… С этими ребятами я в таких переделках бывал, в таких заварухах, что понимаю: они – часть меня. Верю им, как себе, уверен, что если, не дай Бог, что-нибудь случится, не бросят, не предадут – так же, как и я их. Как будто и не было этих полутора лет! Всё-таки боевое братство – самое крепкое братство на свете! Знаю, теперешние мои друзья – тоже на всю жизнь. Война своими невзгодами и лишениями быстро объединяет людей.

С этими записями получается какой-то разговор с самим собой. Не сойти бы с ума, хотя все мы тут какие-то странные.

В прошлое воскресенье съездили в Шатой. Это населённый пункт на юге Чечни, который якобы недавно освободили. Целью поездки была необходимость изъять у местного населения оружие. По дороге туда видели груды разбитой техники, венки, свежие могилы. Видимо, нашим ребятам туго тут пришлось, жёстко повоевали.

Деревни, которые вдоль дороги стоят, сожжены и практически разрушены. А в горах до пор сих стреляют. Средь бела дня обстреливают блокпосты. Обстреляли и нашу машину. Слава Богу, никого не ранили.

А какая тут природа! – настоящая кавказская. Я такую, но более цивильную, видел в Кабарде. Древние дикие горы, все в зелени. Река журчит где-то далеко-далеко внизу. На пересечении трёх ущелий, как старый рыцарь, стоит сторожевая башня 14-16 вв. Такие башни строились на расстоянии видимости друг от друга до границы с Грузией. И если шёл враг, то дымом подавался сигнал от одной башни до другой, предупреждая таким образом народ об опасности. Теперь эти башни – лишь памятники старины. Они удивительно гармонируют с окружающей природой.

Вайнахи (чеченцы) строили такие же жилые башни. Только не такие высокие. Позволить себе такую башню мог только богатый человек, обладающий большим количеством скота, самой распространённой валютой того времени. Строилась она не один год, но в трудные времена всегда надёжно защищала своих хозяев от непрошеных гостей. В нижней части держали скот, верхняя использовалась под жильё. Во время опасности все перебирались наверх, втягивали лестницу и держали оборону.

Чечня постоянно печально славилась разбоями, грабежами, насилием, поэтому такие явления как война, кровавая месть, междоусобицы были делом обычным. Сами условия диктовали стиль жизни, отсюда и люди, прославившие себя жестокостью, злобой, лжечестью и лжедостоинством. Они до сих пор считают это нормой, и никак у них это не отобрать. Эти люди уважают только грубую силу.

Приехал новый доктор. Он третий. Мы все беспокоились: какой-то он будет. Если с доктором Мишей мы познакомились и сразу подружились, Володю нам Миша представил (они дружат семьями), то Иго-

ря никто не знал. Однако он оказался хорошим парнем, тонкая натура, интеллигентное лицо.

За нашими докторами интересно наблюдать. Во-первых, каждый привозит с собой свой профессиональный инструмент. Это у них как закон. Миша Махатаев – хирург. Он привёз с собой скальпель, зажим, иглы и ножницы. Вова Устенко – терапевт, привёз тахометр (давление мерить), а Игорь захватил с собой из Астрахани молоточек, потому как по профессии психотерапевт. Во-вторых, как оказалось, настроение наших медработников становится предсказуемым. Каждый предыдущий с огромным энтузиазмом начинает врачебную деятельность, через некоторое время наступает депрессия, а потом – ну очень сильное возбуждение перед отъездом с этой Богом забытой земли.

Доктор Игорь приехал к нам откуда-то с Волги, очень интеллигентный, утончённый, с длинными музыкальными пальцами, он резко контрастировал с аборигенами, грубыми, шумными. По приезде он сразу попал под прессинг соскучившихся по свежим, необстрелянным сотрудникам бывалых вояк. Он сидел на кровати и с тихим ужасом в глазах слушал их рассказы о ночных обстрелах, зверствах бандитов и прочие страсти, стараясь не выказывать страха, держался, как мог, иногда нервно хихикая. Я решил его успокоить. Сказал ему, чтобы он никого не слушал и в случае опасности был рядом со мной и делал, как я. Это почему-то действовало безотказно, причём на всех, кто первый раз попадал в такие условия. Люди как-то сразу успокаивались. Успокоился и доктор. Но тут случилось такое, что заставило его опять напрячься.

Окно в нашей комнате было заставлено мешками с песком практически полностью. Сверху оставалась лишь узкая полоска зарешёченной форточки. Она оставалась всегда открытой, чтобы хоть как-то вентилировать горячий воздух. И вот в эту форточку влетает гнилой персик и приклеивается прямо над моей кроватью. Первым это заметил доктор. Он молча вытаращил глаза и показал на сладкую кляксу пальцем. Я ничего не понял. «Наверное, с верхнего этажа кто-то бросил», – предположил я. Через секунду в форточку влетела косточка и ударила меня по руке. Глаза доктора Игоря стали ещё шире. Я молча взял лежавший рядом автомат, высунул ствол в окно и дал длинную очередь в темноту вечера, плавно поводя автоматом из стороны в сторону. Успокоенный только что доктор с широко открытыми глазами вжался в кровать. Такого поворота событий он не ожидал. Да, досталось доктору Игорю больше, чем двум предыдущим за всё время их пребывания здесь... Это тоже своеобразный показатель тех событий, что разворачивались вокруг нас.

Его здешняя практика началась в первый же день, он зашивал разорванную осколками руку одному незадачливому прапорщику. Затем пошли местные больные. Потом привезли наших раненных в засаде ребят. Будучи соседом по койке, я помогал доктору, как мог. На моё удивление о слишком бурном начале его чеченской практики доктор отвечал, что с ним всегда так.

Начиналось это ещё с Азербайджана, куда он, молодой лейтенант, прибыл служить. В первый же день там его чуть не застрелили из пистолета местные хулиганы, и в этот же день перевернулась машина с солдатами. Пришлось потрудиться.

В своём поведении он ничего героического не видел – только профессиональный долг.

Сегодня был очень насыщенный день. Мы ездили на фильтр, допрашивали пленного. Не сознался, гад, завтра, Бог даст, продолжим. А ещё был митинг по поводу провокации в деревне «Родина», в которой вырезали семью: семь человек с детьми и взрослыми. Местные, дикие и жестокие (их только заведи), валят всё на ОМОН. Но ведь очевидно, что наши в данное время на такое зверство не способны. Просто переговоры о статусе Дудаева в Чечне зашли в тупик. Вот его представители и провернули заказное дельце, чтобы обозлить людей. Мы ездили на этот митинг, видели, как в оголтелой толпе беснуются люди, заводятся в бешеном экстазе до дикой злобы и готовы разорвать любого, только укажи кого. Жуть!!! У всех наших нервы на пределе, спиртное уже мало помогает. Не расслабляет.

Как-то к нам зашёл наш начальник, пожаловался на жизнь, на то, что за его голову дают 100 000 долларов, а затем в очень удручённом состоянии ушёл к себе. А через некоторое время из его комнаты грохнул выстрел. Мы, грешным делом, подумали, что он застрелился. Влетели к нему, ан нет, живой, только очень удивлённый и растерянный – промахнулся. Вот так и живём…

Мой друг, Тимур Зорняков, уехал в отпуск. Счастливчик. А мне тут надоело всё до тошноты – эти политические игрища, митинги, стрельба, угрюмые злые взгляды местных… Как хочется оказаться где-нибудь подальше отсюда, но, увы… долг.

Недавно наша колонна возвращалась из Моздока с топливом для машин. Транспортёр и два наливника с соляркой и бензином. На подъезде к городу попали в засаду, технику обстреляли. На броне ехало 9 человек, в них стреляли из РПГ-17 – ручного противотанкового гранатомёта многоразового использования. При попадании такой гранаты в бронемашину возникает кумулятивная струя, которая, прожигая броню, убивает членов экипажа, может вывести из строя вооружение, подорвать боекомплект. Это одна из причин, по которой десант бронемашин предпочитает ездить снаружи, на крыше брони. Через секунду граната угодила во вторую машину, она задымилась, третью расстреляли из автоматов. Из 9 человек, ехавших на броне, двум оторвало ноги, один из них до сих пор в крайне тяжёлом состоянии. Другого смертельно ранило, он скончался в госпитале утром. Остальных, кто был снаружи, посекло осколками, кто сидел внутри – каплями раскалённого металла, их отправили в Москву, домой. У убитого остались жена с двумя детьми.

Вот и спрашиваю себя: за что, зачем?! Правительству нашему не до нас, им важнее политические игры где-то там, далеко. Непосредственное начальство тоже про нас забыло. Единственная помощь от них – бесплатные почётные похороны. Все от нас отмахнулись, просто поставили крестик о проделанной работе и – чёрт с нами. Они только удивляются, как мы до сих пор работаем, даём информацию. Грустно.

Жалко русскоязычное население, остались только те, кто не может выехать, у кого за душой не осталось ни копейки. Эти бедолаги оказались заложниками: в России они никому не нужны, но, к счастью, до сих пор верят нам. А чеченцы подняли головы, в открытую угрожают, притесняют оставшихся, как могут.

В какое же страшное время мы живём, и какие испытания ещё придётся выдержать!

Вот такие размышления приходят здесь, среди голода, разрухи, среди людского горя, вдали от сытой, спокойной жизни, равнодушной ко всему, происходящему здесь.

Нормально тут живут только бандиты и торгаши. Бандиты грабят, и торгаши грабят, лицемерно прикрываясь тем, что продают последнее… Однако очень разросся базар, яблоку упасть негде. Купля и перепродажа – единственное доходное занятие в нестабильное время – охватило массы народа. Продают всё и вся.

Сегодня я проспал 14 часов, это после 2-х бессонных суток и жуткого перенапряжения. Спал я долго и, как говорят ребята, очень неспокойно: кричал и стонал во сне. Но даже такой длительный отдых не принёс успокоения. Не расслабил. Проклятая жара и духота делают своё дело. Только к вечеру, когда зной спадает, начинаешь чувствовать себя человеком. А в дневное время спасает кондиционер, но ведь с собой его не потаскаешь…

В таких условиях выручает только общение с людьми, находящимися в таком же положении. Много хороших ребят, и каждый веселится, как может, и заряжает этим своим весельем, порой диким и ненормальным, грубым и пошлым. Юмор тут очень своеобразный, грубый и жёсткий. Скажем так – казарменный юмор, но в наших условиях такой больше всего и подходит.

По вечерам, задолго до захода солнца, жизнь в городе замирает. Улицы пустеют, жители прячутся по домам. Единственными живыми душами в городе остаются бродячие собаки, некоторые покалеченные недавними боями, но живые. Они шныряют по улицам или валяются прямо на дорогах, чувствуя себя хозяевами города.

Хождение на улице или езда на автомобиле запрещены. Ощетинившиеся стволами автоматов и пулеметов мрачные блокпосты как будто только и ждут, кто проедет или пройдёт, чтобы открыть огонь. По любой движущейся цели разрешается стрелять без предупреждения. Чтобы срочно куда-нибудь выехать, необходимо оповестить об этом коменданта, изложить ему свой маршрут, чтобы он по цепочке предупредил посты и нас беспрепятственно пропускали. В эти часы мы запираемся в своём Управлении, сидим по комнатам и не высовываем носа на улицу. Лишь выставляем наружные посты комендантского взвода, состоящего из прапорщиков.

Ох уж эти прапорщики!..

Живут они отдельно от всех, в огромной комнате-аудитории. Живут по своим, только им ведомым законам. Их неформальные лидеры иногда устраивают «правилки», после которых некоторые их них, бросающие тень на их общество своим аморальным поведением или сильным пристрастием к горячительным напиткам, ходят с фингалом под глазом, а то и с двумя, в зависимости от степени провинности.

Некоторые из них, понимая, что эта война может стать трамплином для дальнейшей карьеры, тяготясь службой в чине прапорщика, заводили дружбу с офицерами, с начальниками подразделений, просили забрать их к себе. На моей памяти был такой случай, когда прапорщик перевёлся в отдел наружного наблюдения («наружку»), стал разведчиком-топтуном и успешно добывал необходимые сведения о передвижениях разрабатываемых объектов.

Некоторые хотели перейти в наш отдел по борьбе с терроризмом. Но их почему-то не брали.

С несколькими мы подружились. Они заходят в нашу комнату, которая как-то сама собой превратилась в офицерское Собрание, рассказывают свои истории. Я им вслух читаю книги, найденные в разбитых домах, художественную литературу. Пьём чай, болтаем. По вечерам делать нечего.

Прапорщика, о котором я хочу рассказать, звали Юра. Фамилия была Юров. Вот так – Юра Юров. Он был страстный кинолог. Очень любил свою собаку – питбуля. Мог часами рассказывать, как он его тренировал перед собачьими боями, о самих боях. Юра производил впечатление грамотного, начитанного человека, увлекался музыкой. Он-то и рассказывал нам о правилах и обычаях в среде прапорщиков. А ещё он не пил, как все. Вообще не пил, и в нашей трезвой компании ему было очень интересно. До сих пор я со смехом вспоминаю его рассказы о своем соседе – Щербинине Николае. Тот был тоже прапорщиком, но каким-то чудаковатым. Честно сказать, все прапорщики отличались какой-то странностью. Но у каждого она была своя. Как будто какие-то жизненные обстоятельства помешали им перейти из юности в зрелую жизнь, и они стали прапорщиками.

Юра называл своего соседа Николая ненормальным. То есть, с виду всё нормально, но почему-то тот любил голубям уколы делать. Я не понял: «Какие уколы, и как это – голубям?». Ну, Юра и разъяснил.

В воскресный день Коля, празднично одетый, идёт с женой под ручку. Жена держит сына. Вдруг, проходя мимо помойки, он видит стаю голубей. Оставив жену и сына, он крадётся к помойке, с ловкостью кошки хватает голубя, достаёт из кармана шприц и делает тому укол, голубь трепыхается и затихает. Удовлетворённый, Коля возвращается к поджидающей его семье.

Но это было ещё не всё. Однажды сосед пришёл к Юре со щенком дога на поводке и спросил его как кинолога, умеет ли он подстригать собаке уши?

Эта болезненная операция проводится для определённых пород собак, догов в том числе. Уши подрезаются, обрабатываются, чтобы собака выглядела соответственно своей породе. Проводится операция специалистом. Оказывается, его сосед-армянин, купив щенка дога, спросил Колю, может ли он купировать ему хвост и подрезать уши? За это армянин посулил пятьсот долларов. Коля, зная, что Юра любит собак, решил, что тот легко справится с задачей за двести пятьдесят долларов. Взяв у армянина задаток в сто баксов, заверил его, что всё будет сделано на высшем уровне, профессионально.

Юра ответил, что никогда этого не делал и делать не собирается ни за какие деньги. Коля расстроился.

И вот немая сцена: Коля, которому жалко возвращать сто долларов, Юра, которого так и не удалось уговорить, и несчастный маленький дог, ласково помахивающий ещё длинным хвостиком и шевеля ушками.

Юра закрыл дверь, Коля ушёл вместе со щенком домой.

Через полчаса в дверь Юры вновь позвонили. На пороге стоял обеспокоенный Коля. Он попросил Юру срочно спуститься к нему и помочь хотя бы советом. Юра метнулся вниз. Его кинологическая натура затрепетала, когда он увидел несчастного щенка.

Не уговорив Юру, Коля решил сделать всё сам. Не отдавать же назад деньги. С хвостом получилось быстро, но не совсем правильно. Он отхватил его практически полностью, что для дога совершенно неприемлемо. А вот с ушками пришлось повозиться. Они никак не хотели выходить ровно, то одно по-

лучалось больше, то другое. Да ещё щенок мешал. Отчаянно скуля, он дёргался и метался, вероятно, от боли, не давая Коле сосредоточиться. А Коля всё ровнял ушки и ровнял, и до такой степени увлёкся, что ушки у маленького дога получились, как у мышонка, крохотные и кругленькие.

Единственный совет, который мог дать Юра, взглянув на это безобразие, был:

– Беги, Коля, беги!

Тот не заставил себя ждать. Схватив скулящего щенка, он привязал его за поводок к ручке двери армянина, позвонил и, зажав сто баксов аванса в кулаке, уехал в деревню, к бабке, до лучших времён.

На протяжении всего рассказа мы корчились от смеха, а Юра, ничуть не смущаясь, монотонно продолжал...

Что было потом с Колей, никто не знает, но вроде всё как-то обошлось. Он остался жить в своей квартире. Только вот сосед-армянин к нему с просьбами больше не обращался.

Колю одолели другие соседи. Вернее, не сами соседи, а их кот, которого они выпускали гулять на улицу. Нагулявшись, кот возвращался домой, но перед этим он подходил к половику перед дверью Николая и метил его. Вонь стояла невыносимая, распространяясь по всему подъезду, она, само собой, просачивалась в Колину квартиру. Коля терпеливо стал предупреждать соседей, объясняя ситуацию, но те только отмахивались, мол, что они могут поделать, ну нравится коту Колин коврик! Коля долго терпел, но всему есть предел.

Подловив кота, когда тот в очередной раз расположился на его коврике, затащил его к себе в квартиру. Изведя две пачки лезвий (как он потом жаловался), Коля побрил всего кота наголо, нарисовал ему по бокам губной помадой жены полоски, как у тигра, и выпустил в подъезд. Кот начал жалобно кричать, царапался, пытаясь прорваться в родную квартиру. Соседи, открыв дверь и увидев такое неприглядное чудовище, стали прогонять несчастное животное, не признавая в нём своего любимца.

Я хохотал до слёз. Всё это тогда было смешным и веселило. Единственное, что меня несколько удивляло, как такие люди служат в ФСБ?! А с другой стороны, каждый борется со скукой по-своему. Видимо, не такие уж серьёзные были у Коли обязанности на службе. А потом, вдоволь наглядевшись на всех, кто уже служил, я и вовсе перестал чему-либо удивляться. Наверное, очень много я себе надумал и напредставлял о службе в органах. А всё оказалось прозаичнее…

К концу моей командировки всё вокруг закипело событиями. Участились обстрелы, теракты, похищения. Бандиты активизировались.

Однажды мы совершенно случайно остановились у местного здания ФСБ. Война его не пощадила, но внутри уже вели ремонтные работы строители, приехавшие из Ростова. Не помню, зачем мы там остановились и почему, но, задержавшись там минут на десять, услышали сильный взрыв. Рвануло в самом здании. Мы, не сговариваясь, бросились туда. На верхнем этаже суетились испуганные рабочие, один из них лежал. Вместо стопы у него болтались лохмотья. Бедняга наступил на мину, которую ночью заложили дудаевцы.

Обычно ремонтируемые здания тщательно проверяются сапёрами. Но ночью их не охраняют, и бандиты, пользуясь этим, минируют здания просто так, из вредности. Я ввёл раненому два укола промедола, остальные подхватили его, дотащили до машины, и мы помчались в госпиталь. Ехали быстро, но тут, как назло, перед нами замаячил трактор «Беларусь», управляемый гордым старым чеченцем. Он никак не хотел уступать нам дорогу, несмотря на то, что мы сигналили ему не переставая, кричали, махали руками. Володя, высунувшись в окно, как Глеб Жеглов, стал стрелять в этот трактор. Гордый чеченец сразу всё понял, вильнул в сторону и остановился. Раненого мы привезли в госпиталь, расположенный в аэропорту, сразу же на операционный стол. Стопу строителю спасти не удалось. Я потом встречал его уже в другом госпитале… Он меня узнал, вспомнил, как я делал ему укол.

Однажды вечером задержали мы троих журналистов, во всяком случае, они так себя называли. Во время комендантского часа их схватили на улице, когда, по их словам, они шли за водкой. Их посадили в комнате дежурного по Управлению. Допрашивать послали меня. На чеченцев они похожи не были. У всех имелись какие-то удостоверения, но было в них что-то неуловимо фальшивое, что заставило меня насторожиться, хотя, честно сказать, настораживался я последнее время постоянно. По поводу и без. Я пошёл за доктором, он психолог, поможет. Разберётся, врут или нет наши «журналисты». Доктор обещал зайти. Я вернулся к задержанным. И беседа продолжилась. А доктор всё не шел. Я забеспокоился, уж не забыл, не передумал ли он?

В коридоре вдруг началось какое-то движение. Выскочив в коридор, среди прочих увидел растерянное лицо доктора Игоря. На мой вопрос, в чём дело, он ответил: «Да вот, рожать ведут…». Я не понял, пока через несколько минут не увидел маленькую чеченку с огромным животом. Её, поддерживая, вели в нашу комнату. Забыв про задержанных «журналистов» (их потом допрашивали другие), я опрометью бросился к своей кровати. Стащил матрас. Чтобы спать было твёрже, как я уже привык, между матрасом и кроватью я клал дверь. Эту дверь я застелил чистой простынёй, уложил на неё чеченку.

Время рожать, как обычно, приходит неожиданно. Почувствовав вечером, что «пора», чеченка засуетилась. Собрала нехитрый скарб и пошла в сопровождении мужа в роддом. Роддом находился рядом с нашим Управлением и выглядел заброшенным и безжизненным. Но всегда там кто-то дежурил. Этот кто-то и сказал роженице, что роддом не работает, и если эти несчастные хотят рожать, пусть идут рожать в больницу за тридевять земель. Но уже наступил комендантский час, и на улице могут без предупреждения застрелить.

По ночам в Грозном движение было не предусмотрено, и стреляли во всё, что движется, поэтому чеченцев направили к «военным, находящимся поблизости», то есть к нам. Муж говорил потом, что если бы у него были деньги, их бы оставили в роддоме и сделали бы всё как следует. Они готовы были пойти в другую больницу, но у жены уже отошли воды, и будущие родители побрели в сторону нашего Управления.

Как раз перед зданием, за баррикадой, находился наш пост с бравыми прапорщиками-часовыми. Часовые сначала дали очередь из автоматов поверх голов неприкаянных супругов, только потом спросили: «Кто идёт?». Те в один голос закричали: «Рожаем!» – и прапорщики затащили их в наше здание, в руки психотерапевта Игоря и на мою кровать.

Доктор не суетился. Несмотря на то, что он постоянно приговаривал, что многое забыл, делал всё быстро и чётко. Едва чеченку положили на кровать, как начались роды.

Женщина была лет двадцати пяти, молодая и дикая. Видимо, её прелести, кроме мужа, никто не видел, а прежние роды принимали бабки-повитухи. Мне показалось, что она пыталась прикрыться, но природа делала своё дело. Стыд пропал. Меня же очень захватил этот процесс, первый раз в жизни я принимал участие в появлении новой жизни, маленького Человека.

Роженица охала, а мы, одетые в камуфляжную форму, с окровавленными перчатками на руках, в голос кричали, подбадривая её: «Давай, мать, давай!» Несмотря на её юный возраст, это был её третий ребенок. Про таких говорят: «Родила, как чихнула». Чеченка поинтересовалась, кто родился. Узнав, что мальчик, расстроилась, хотела девочку. А услышав, что рожала в Управлении ФСБ, чуть не зашлась от ужаса. Очень, видимо, нехорошо ей о нас говорили. Я пошутил, что сын вырастет – чекистом будет. Она же в ответ замахала руками: «Нет, нет, врачом будет, раз доктор роды принимал».

Вошёл генерал Хоперсков, взглянул на новорождённого, бросил: «Лет через пятнадцать возьмёт автомат – и в горы!»

За дверью толпились и сопели подвыпившие прапорщики. Им было очень интересно. Как же, ТАКОЕ, да в нашем скучном захолустье. Но хоть подвыпившие, а когда всё произошло, так внезапно и скоро, они первые принесли чистое бельё и горячую воду (это в наших-то условиях). Ещё в самом начале они втолкнули в комнату своего сослуживца, тоже не вполне трезвого. Но он когда-то четыре года учился в мединституте, практиковал как акушер. Доктор Игорь оставил его с нами, предупредив, чтобы он ни к чему не прикасался, а лишь только подсказывал, что надо делать. Игорь ловко управился со всем. Малышу перетянули и отрезали пуповину, поднесли к лампе-свету, спеленали и уложили на стол, рядом с мамой.

Постепенно всё успокоилось. Мать осталась лежать на моей кровати, а мы начали лихорадочно соображать, что делать дальше...

Дело в том, что у чеченцев существует целая куча национальных, традиционных и религиозных запретов. Во-первых, Дудаев в одном из своих идиотских приказов под страхом расстрела запретил практику мужчин-гинекологов, во-вторых, надо было что-то сказать отцу ребёнка. Нас очень беспокоило, что он узнает, что роды принимали солдаты. Наше руководство послало машину за русской женщиной, работавшей в нашем управлении, чтобы представить её как акушерку.

До утра было далеко, спать мне было негде, и я всю ночь таскал нашей родившей гостье бутылки с холодным пивом из холодильника. Она клала их на живот, чтобы матка быстрее сокращалась. Приносил ей яблоки. Развлекал, как мог, пока она не уснула.

Утром мы уехали работать и вернулись только к ужину. Молодую маму недавно забрала родственница. У чеченцев не принято, чтобы отец забирал ребёнка из роддома. Традиция. Говорят, она спрашивала обо мне. Хотела сказать спасибо.

Интересно, где они сейчас и каким вырос этот малыш?..

Мне эта история кажется показательной. Басаев, террорист-гинеколог, захватывает в Будённовске роддом, прикрывается беременными женщинами и новорождёнными младенцами как живым щитом. А почти в это же время русские солдаты делают всё, чтобы дать жизнь маленькому чеченцу.

Где правда? Где логика?

Всё это, видимо, где-то в глубине человеческой души и натуры. Человеческой натуры, а не звериной.

Я и до этого случая спал урывками целую неделю, а последняя бессонная ночь меня просто подкосила. Я очень плохо соображал. За всё мое пребывание в Грозном я ни капли спиртного не выпил. Зарок себе дал: на войне не пить – больше шансов выжить. А тут, зайдя в дежурку, увидев стакан с чаем, оставленный кем-то, вынул ложку и махнул его залпом. Оказалось – коньяк.

Что было потом, я плохо помню. Когда утром я очнулся, то по тревожно-внимательным взглядам понял: что-то я вчера делал не так. Говорят, что я вёл себя неадекватно, ручку «курил» вместо сигареты и прочее… Доктор стал спрашивать меня, не было ли у меня черепно-мозговой травмы? Не играл ли в детстве деревянными игрушками и не прописывали ли мне уколы в голову? Не падал ли в юности с сенокосилки? Все подумали, что я тронулся.

Честно говорю, свихнуться там было очень легко, но, как ни странно, всех спасала водка. Но потом по пьянке такие непотребности творились, что особо буйных с позором гнали домой.

Наш генерал Хоперсков видел меня в деле, мы часто с ним пересекались. Он знал, как я работаю. Случившееся он воспринял как несчастный случай на производстве и приказал эвакуировать меня как морально пострадавшего на большую землю. Я не возражал, несмотря ни на что.

Я устал. Я ПРОСТО ОЧЕНЬ УСТАЛ.

Утром следующего дня я улетел в Москву.

Книгу Александра Свиридова
«ИГРАЛИ МАЛЬЧИКИ В ВОЙНУ»
можно приобрести в интернет-магазине
нашего издательства.

http://www.tvoyakniga.ru/magazin/magazin/234/

Антонина Тесленко
(Mickelson)

г. Пятигорск, Ставропольский край

Родилась 14 июля в г.Тбилиси. Живу и работаю в городе Пятигорске Ставропольского края.

Самое главное для меня слово в жизни – «ЛЮБОВЬ». Поэтому хочу пожелать всем только любви и добра. Об этом мои стихотворения. Отдаю душу, сердце и стихи Вам, дорогие читатели!!! Только благодаря Вам, и зная, что сейчас Вы окунётесь в мир поэзии, существует и живёт моя душа, и с ней мои стихи, написанные для Вас с любовью.

Облака сна

Приснились чудо-облака,
Воображенье возбуждая,
Смотрел на них издалека,
Ещё совсем не понимая,
Что изнутри смотрю на них,
Читая мыслями движения,
Мозг в удивлении затих,
Витая в импульсах забвения.
Они меняли вид и цвет
В просветах голубого неба,
А мозг меж тем искал ответ,
Вкусив мыслительного хлеба.
Ну, хорошо так отчего?
А в поднебесье так привольно?
И, налегая на весло,
Сдавило грудь внутри
так больно.
Что ж нет покоя? Облака,
Меня с собой возьмите в небо.
Но шепчут облака: «Пока».
А мозг ответил: «Дайте хлеба».

Мы будем вместе

Мы будем вместе
В заклинаньях века,
В творениях частиц небытия,
Мы будем страстью
Безграничий человека,
И эта правда
Не сегодня рождена.

Мы будем частью
Одной маленькой Вселенной,
В которой мы всего лишь
Пыль далеких грёз.
Мы праха пыль
Любви самозабвенной
Мы – капля в море
Всех счастливых слёз.

Люби меня
Причудливо и смело
В любой стране,
Вновь вспыхнувшей звезде,
Мне хочется,
Чтоб сердце заболело
Любовью вечности
В искрящейся струе.
Мы будем вместе,
Прочь предубежденья,
Мы будем вместе
Неразлучно, навсегда.
Я знаю точно –
Мира Сотворенье,
Есть Я и ТЫ:
Священная Звезда!

Окно-кино
(шуточное)

Дует ветер, небо ясно,
Всё чудесно и прекрасно,
Светит солнышко в окно,
Здесь – чудесное кино.
Наблюдаю я за всеми,
Сев на краешек постели.
А меня никто не видит,
За подглядку не обидит.
И ещё одно отрадно:
Я смотрю на всех бесплатно,
Безбилетное кино,
Знать – волшебное окно!

Не позабудь мне улыбнуться

Не позабудь мне улыбнуться,
Когда уйдёшь ты невзначай,
От дружбы можно отвернуться,
Любовь же ты не предавай.

Она ни в чём не виновата,
Пришла невинной, как дитя,
И в чистых помыслах утрата
Нам только горе принесла.

Придёт ли вновь такая радость,
Не распознала, оттолкнув,
Найдёт любовь ещё раз смелость
Жалеть тебя, в глаза взглянув.

Не позабудь мне улыбнуться,
Когда уйдёшь, вдруг оглянись,
Ведь сможешь ты
тогда вернуться,
Так хоть за это помолись.

Исполню все твои желанья

Исполню все твои желанья,
Какие хочешь, лишь скажи,
Задёрни шторы ожиданья,
Безумство властвует в тиши.

Открыты потайные двери,
Желанья улетают прочь,
И если есть средь них потери,
Любовь не смогут превозмочь.

О как свободно и приятно
С тобою быть, тобой дышать,
И восхищенье необъятно,
От счастья хочется кричать.

И тесен мир, и неба мало,
И солнца луч не так хорош,
Сравненье сравнивать устало.
О Боже мой, какая ночь!

Подмигни

Подмигни мне, стоя на перроне,
Поезд твой не скоро подойдёт,
Соучастников здесь только двое,
Третий нам не скоро подпоёт.

Я люблю таких, как ты, весёлых,
Чуточку игривых и смешных,
Чуточку чудачеством зелёных,
Правда, чтоб не очень озорных.

Я с тобою точно не уеду,
Но пока твой поезд не пришёл,
Заведи со мной скорей беседу,
Ну а я прикинусь простачком.

Поведу в кафе на чашку чая,
Пиццу и коктейли закажу,
Подарю тебе часочек рая,
А потом тихонечко уйду.

Пётр Тимошкин

г. Луховицы, Московская обл.

Пётр Тимошкин – профессиональный поэт, для которого стихи – это не только умение рифмовать собственные мысли и чувства, но, прежде всего, настоящее мастерство, результатом которого становятся поэтические строки, наполненные глубоким философско-жизненным смыслом, строки, как хорошо отшлифованные камни, ложащиеся в конструкцию стиха. Это поэт, у которого жизнь и творчество – едины. Судьба определила ему родиться в тихом провинциальном Зарайском крае… 22 июня 1941 года, в день начала Великой Отечественной войны. И хотя лишь грозной тенью и огнём немецких самолётов опалила война эти места (всего несколько десятков километров не дошли фашисты до древнего Зарайска), но военная тема детской памятью накрепко вошла в творчество будущего поэта… Потом – переезд в соседние Луховицы, где, после окончания школы в 1958 году, Пётр работал на авиационном заводе. Здесь прошла его романтическая юность. Служба в армии… И мечта – связать свою жизнь с настоящей литературой, – которая и привела Петра Тимошкина в Литературный институт им. Горького, на курс Евгения Долматовского. 1977 год – диплом Литинститута. И по сей день – творчество, захватившее, увлекшее когда-то простого молодого паренька, которое наполняет жизнь смыслом, настоящей любовью – к Родине, природе, людям, которое помогает в радостях и трудностях. Творчество, которое для Петра Тимошкина – сама жизнь…

В. Когтев

Хлеб

Припоминают детство, торжествуя,
В забвеньи смотрят фильмы о войне…
Я, как в бреду, «вторую мировую»
По хлебу помню, снившемуся мне.
По щелям в нашем доме неказистом,
Где редко были думы голубы,
Где вместо дров вылёживались листья
Накошенной для хлеба лебеды.
Мы плакать в эти годы не умели!
И, сам дойдя до истины простой,
Что труден хлеб насущный в самом деле,
Я ел его впримешку с лебедой.
Был горек он, как выжженное небо,
Но верил я в любые чудеса,
Когда их выпадало – самых «хлебных» –
Тех небывалых в жизни полчаса.
И пусть лишь в снах я радовался: «Ситный!»
Пусть, мучаясь, метался по ночам,
Казался мне на редкость духовитым
Тот хлеб с травою горькой пополам.
И пусть войны я, в сущности, не знаю –
Не падал под огнём, в дыму не слеп, –
Она во мне, «вторая мировая»,
Живёт коротким мирным словом – хлеб!

***

Упрекнули селом? Эка сколько мороки!
«Это нынче старо!» – оборжали, и пусть!
Вот сойдут лишь снега и подвянут дороги,
Снова я на деревню родную зальюсь.
К белопенным садам, в омутовы покои,
Где полынь с лебедою и мята-трава,
Где конца нет и края лугам за рекою,
А в бору вековые шумят дерева.
Будут бурно грачи под окном басурманить,
Будет пахнуть крушиною утро моё,
Будет сладко душа обмирать на кургане –
Никакой ворожбой не обманешь её.
Будет ночь разносить сумасшедшие трели
Соловья. Ах, какие у нас соловьи!
Будет напрочь повержен любой: «Неужели, –
Обомлеет, – и птицы способны к любви?!»
Измотаюсь вконец, издурачусь за лето,
Про упрёки забыв, – я на это плевал! –
Счастлив только лишь тем, что окраины этой
Я отраднее в жизни ещё не видал.

Фиалки

У тебя в глазах – по небу синему,
На лице улыбка – светлый май.
Пусть вокруг белым-бело по-зимнему,
Вот – цветы. Фиалки. Принимай!

Жёлтые, сиренево-лиловые,
Алые – предел твоей мечты!
Не гадай, нисколько не садовые –
Полевые первые цветы.

Я купил их для тебя по случаю.
Я на стольких рынках побывал!
У метро на радостях дремучую
Бабушку за них расцеловал.

Угадала старая мечту мою,
Навела высокую волну:
– Вот, сынок, фиалки! Не раздумывай!
Будет чем порадовать жену!

– Холост я, – рискнул я ей признаться.
Но отвергла исповедь мою:
– Бог с тобой! Нашёл чем убиваться!
Девушку обрадуешь свою!

Вот возьми! Я сам от них без памяти!
Я от них – без лести – чумовой!
Словно страж при важной царской грамоте,
За букет в ответе головой.

Принимай сиренево-лиловые.
А завянут – по боку беду! –
Полевые, нежные, медовые –
Я ещё таких тебе найду!

***

Горький дух крушины. Запах мяты.
И такая в мире тишина…
Знаешь, ты ничуть не виновата
В том, что ты мне нынче не жена.
Ты ни капли в этом не повинна.
Не клони так голову свою.
Не смотри так преданно, так сильно
Не грусти у ночи на краю.
Я и сам всё это понимаю.
Не гадай, с чего я молчалив,
Просто ночь, как в сказке, золотая,
Просто дум ликующих прилив…

Бабушкины сказки

Ах, эти бабушкины сказки!
Как я их слушал по ночам!
Какие радужные краски
Струились вслед её речам!
В избушке дряхленькой, бывало,
Не шелохнусь под говорок,
А сказка Сивкою скакала
То лесом, то под бугорок.
Ах, Сивка, добрая коняга,
Лети, лети во весь опор,
Скорей Иванушку-беднягу
Ты уноси за косогор.
За дверью ветер цепью звякал
И вторил песенке сверчка,
А я украдкой тихо плакал,
Жалея Ваню-дурачка.
Я так желал ему удачи!
Уткнувшись бабушке в плечо,
Я всё твердил, твердил ей, плача:
– Ну разве Ваня – дурачок?
Печально бабушка вздыхала,
Сама растрогавшись до слёз:
– Ну что ты, право! – ворковала.
– Господь с тобой! Да кабы знала…
Ах, блажь всё это! Не всерьёз!
И вдруг, забывшись, умолкала –
Теряла мысль, видать. Да, так!
Лениво лампа вполнакала
Бросала тени в полумрак.
Сверчок за печкой заливался,
То ли жалея, то ль кляня,
Но только точно изгалялся,
В забаву выцелив меня.
Нас было двое в те минуты,
Ночей тех страждущих полёт.
И было жутко почему-то
Мне оттого, что баламут он –
Моим печалям антипод.
Так странно было знать об этом,
Но звуки плыли, пел сверчок.
И был тому немой свидетель –
Из сказки Ваня-дурачок.

…Давно я с детством распрощался.
И нет избы. И бабки нет.
Но он остался, он остался,
Тех сказок бабушкиных след.
В минуты горестных сомнений,
В часы немыслимых тревог
Всё вижу, вижу ночи тени,
Всё слышу, слышу говорок…

***

На крыше голубь – рак-отшельник.
Внизу, под крышею, – забор.
И плац вдали. Там в понедельник –
Под марш бравурный общий сбор.

И белым крашеные стены.
И зыбкий в мареве фонарь.
И в час режимный, неизменно, –
Горластый радиозвонарь.

И ни души родной, ни песен.
Одна на всех, как боль резка,
Неодолимая, хоть тресни,
Глухая, смертная тоска.

Как будто смехом, понарошку
Я заглянул, чтоб подсмотреть
В слепое, в клеточку, окошко
Чужую жизнь, чужую смерть.

Зачем, к чему мне этот опыт?
Другими «выстраданный рай»?
Мне свой до смерти в тягость ропот,
Свой на душе, как смерть, раздрай.

Скольжу и падаю, как в омут,
В пучину стынущего дня, –
День мёртвой хваткою саркомы,
Пугая, мучает меня.

Какая речь! Какие лица!
Ужели знали благодать?
Но не с кем болью поделиться
И руку некому подать…

***

Я помню небо голубое,
И – тихо-тихо, как во сне,
И ты в цветах больших по пояс
Плывёшь, как по морю, ко мне.

Над нами – синь. И птицы, птицы,
И точкой белой самолёт,
И вдалеке туман клубится,
Рассветным облаком плывёт.

А мы ромашки собираем,
Цветы волнуются в руках,
Я по глазам твоим гадаю,
Гадаешь ты на лепестках.

Ну как там, любит ли, не любит?
Я так отчаянно смеюсь
И всё боюсь, что позабудусь,
Случайно рук твоих коснусь.

А руки голубем порхают,
А губы ягодой цветут,
И ты всё дальше уплываешь…
А годы быстрые бегут.

В какой теперь ты дальней дали?
Ищу в лугах твои следы…
Куда-то птицы запропали,
Куда-то сгинули цветы…

Василий Толстоус

г. Макеевка, Донецкая обл., Украина

Родился в 1954 году в г. Свердловске Ворошиловградской (ныне – Луганской) области (СССР). Проживает в г. Макеевке Донецкой области (Украина).

Член двух союзов писателей. Автор нескольких книг стихов. Лауреат нескольких литературных премий. Побеждал на литературных фестивалях. В интернете с 2010 года. На конкурсах сервера Стихи.ру побеждал и добивался призовых мест.

На этом свете

…Приходит ночь, – я слышу, как, сдвигаясь,
пласты земли качают горизонт,
и звуки – то ли ветер, то ли запись
на вымершем наречии чужом…
…Настанет утро – тёплый луч коснётся
лица, омоет веки и виски
надёжней влаги старого колодца
и холодка порожистой реки.
Пласты при летнем зное разомлеют
и, расширяясь, выпрямят поля.
На высях неподвижно в синем клее
не облако – ворсинки ковыля…
…Когда изнемогающее небо
повиснет на закате в тишине,
то, глядя вверх, подумается: мне бы
набраться сил и реять в вышине,
чтоб шум пластов, сдвигающихся ночью,
расшифровать до каждой запятой,
узнать, что жить мы будем, это точно.
На лучшем свете. Нашем. Не на том.

***

Неведомый Владетель жизни в мире,
прими моё дыханье и любовь.
Я знаю: не один живу в квартире,
вдвоём с иконой, стало быть – с Тобой.
Слова лишённой пафоса молитвы,
наверно – неумелой и простой,
слетают, обжигая. Не озлить бы,
запрятать внутрь срывающийся стон…
Молюсь: «Прости за прожитый впустую
ещё один обычный Божий день,
за то, что часто злюсь и негодую,
встречая мало радостных вестей.
Не знаю: дар, а может быть, проклятье –
моя привычка складывать стихи;
о том не должен, в общем-то, и знать я,
чтоб не плодить напрасные грехи.
Их очень много. Будет мне наука
за каждый грех. Но Ты не злись, прости.
Прости для них: для дочерей и внуков, –
им хорошо во благости расти…
Прости для той, которой я не стою,
убавь ей лет, прибавь немного сил.
А что же я? Я, право, не достоин.
Ты только их помилуй и спаси».

***

Вылетая из гнёзд, оглянуться бы, что ли…
Ветер подхватит. Поверишь в надёжность крыла.
Оттопырятся крыш треугольные сколы.
Глянешь опасливо: корча б крыло не свела.
Начиная полёт, не уверен, что в силах
милю до речки и рощицы преодолеть.
Слева рванётся в пике предательски с тыла
кто-то коварный и сильный, внушающий смерть.
Ветер свежий не выдаст – он дерзостных любит,
не допуская погибель – удержит полёт…
В страхе голос подашь – растревожатся люди
там, внизу.
…И подметят: красиво поёт.

***

Однажды жить покажется непросто,
и ты пойдёшь наматывать круги
вокруг ограды тихого погоста,
где грязь черна и вязнут сапоги.
Глаза поднимешь – вымокшие лапы
корявых сосен тычутся в лицо.
Послышится: «Когда жива была бы,
тебя встречать бы вышла на крыльцо.
Вот только жаль, что этому не сбыться,
что много лет подняться не могу.
Ведь даже выть, как вдовая волчица,
не в силах я: ни голоса, ни губ…»
…Тогда застывшие проснутся тени,
начнёт кружиться молча хоровод
из ничего, из небыли осенней,
и за собой куда-то поведёт…
…Очнёшься вдруг у тёсаного камня
с нацеленным на облако крестом,
кричать начнёшь, молить вернуться память,
но ничего не вспомнится потом…
…Лизнёт виски кладбищенская небыль,
шепнёт: «Постой, настройся на привет
испробовавших ад, взлетевших в небо
и льющих сверху невесомый свет…»
…А здесь, внизу, всё знающие сосны
иголками упругими грозят, –
пускай. Придёт мгновенье. В нём не поздно
в непрожитое вырваться. Назад.

Дом и ты

…Шум негромкий, плеск волны –
неназойливо, вполсилы.
Эфемерны, не важны
ни белёсый свет луны,
ни седые буруны…

…Ты глядела вдаль, грустила.
У высокого окна
обе створки в ночь раскрыты…
…Прошептала, что одна,
что твоя во всём вина,
даже в том, что вновь луна
глаз насупила сердито…
…Молча слушал старый дом:
для него не внове это, –
он задумался о том,
что первично, что – потом,
что в раю, давно пустом,
очень мало длится лето…
…Дом был тёплый, как плечо,
и твоё плечо дрожало.
Дом, тобою увлечён,
пах кизилом и бахчой,
был замком, а ты – ключом,
только ты о том не знала…

***

Послушай сердце: то ли бьётся, то ли нет,
а если бьётся, то не слишком ли надсадно, –
оно не скажет, сколько месяцев и лет
от первой боли до изнанки невозвратной,
где ни заплакать, ни взмолиться, ни восстать,
где все часы стоят и маятник не слышен…
Зачаровал отрыв последнего листа,
полёт его хорош, – но с каждым кругом ниже…
Замедлиться бы, чтобы не теперь
ложиться в морок осыпающихся листьев.
У перехода к самой главной из потерь
остаться хочется зелёным, не землистым.
Но ветра нет, и лист по воздуху нести
на крыльях некому. Земля и холод рядом.
В тревоге сердце ускоряется, частит –
на тонкой ноте между «если бы» и «надо»…

Последний

Далёко в море беспокойная волна
качает парусник, безлюдный и замшелый.
Сквозь щели в палубе сочатся времена,
как будто призраки, утратившие тело.
Неловко пятится солёная вода
по старым доскам, истончённым и белесым.
Навстречу тени вьются, будто невода,
повсюду реют их бесплотные провесы.
Химер всё больше, завивающихся вверх,
скользящих вниз и опускающихся в воду.
Звенит ли воздух, или бьётся чей-то смех,
а может, ветер уготовил непогоду…
У борта тени омываются волной,
не опасаясь ветра, с брызгами играя:
то надуваясь, точно парус вороной,
то укрывая бриг от края и до края.
Повсюду зыбь и пена, небо над водой,
зеркально синее над гладью океана.
Два лёгких облака змеятся чередой,
напоминающие заверти тумана.
Волненье к ночи утихает. Полный штиль.
Сверкают звёзды сквозь прорехи парусины.
Химеры, выросшие ввысь на много миль,
всё ищут берег, словно ветром уносимый,
и возвращаются с рассветом на корабль,
пропахнув морем, а не запахами суши.
…И вновь качаются под палубой с утра
в безмолвных тенях обитающие души.

***

…Стреножит холод. Время распылится.
Внезапно, без намёка, без причин –
поселятся морщины в руки, лица,
переставляя метки годовщин.
Простое вдруг окажется сложнее,
всё неприступней лестничный пролёт…
…В один из дней осенняя аллея
к себе неудержимо позовёт,
и ты пойдёшь. Слетят и лягут листья
на землю, замирая у плечей.
Вперёд, вперёд – и не остановиться,
как будто бы летишь один, ничей,
под крики улетающего клина
и взмахи провожающих вершин
деревьев без листвы, наполовину
свершивших обнажение души.
…Белёсые туманы будут реять
и влагой проливаться на поля,
на стебли придорожного пырея,
на озеро, что плещется, дремля.
А сверху – нависающие звёзды,
бесцельно и как будто без труда
из космоса подсвечивая воздух,
откроют путь. Неведомо куда.

***

Мы рождаемся печальны,
облекая в крик упрёк, –
оттого что путь не дальний,
без подмоги и дорог.
Учим опыт прежних жизней,
узнаём, что мир – дерьмо,
что должны любить отчизну
с пашней, речкой и тюрьмой.
Беспокоимся о ближних,
дальних учимся прощать,
строим жизнь с героев книжных:
мол, у них и ум, и стать…
Пожалев, что путь не сглажен
для оставшихся в стране,
мы уносимся всё дальше
от родительских корней,
чтоб однажды, в послесловье,
отбывая в небосклон,
ощутить у изголовья
ностальгию о былом…

***

Я обманул вас: смерти нет,
причины нет грустить и плакать.
Там, за орбитами планет,
я уверяю – лучший свет,
не разводите носом слякоть.
Я снова весел. Пью нектар.
Размах не выразить словами:
сегодня сею пыль Стожар,
назавтра – невесомый пар,
и вьюсь из чайника над вами.
…А впрочем, лгу: на стену лезь,
но сметь не вздумай торопиться:
ведь я никто, я просто взвесь –
так, пустота (попробуй, взвесь!),
всего изнанка, заграница…
…А так, конечно: смерти нет,
пока не стёрлась в детях память.
Укроет прах последний след, –
и всё живёт. А смерти – нет.
Поют скворцы. А что – весна ведь.

***

Нежданно выпал чёрный туз,
на стол зелёный лёг неслышно.
Сказать бы просто: «Я боюсь»,
но я молчу: чего б не вышло…
Дыханье слева. Справа хрип.
Сцепившись, пальцы побелели.
Сосед напротив ногти стриг.
Не оттого ли запах прели?..
Внезапный приступ тошноты.
Творится странное с глазами:
свисают карты, как пласты
пород, прямыми поясами –
не сдвинуть и не заглянуть,
не рассмотреть их тайной сути…
Вздохнула рядом чья-то грудь,
и чьи-то выдохнули груди.
И только туз лежал один,
давил своим смертельным цветом,
смотрел на плешины седин
и как все замерли при этом.

Беспросветное

Когда, от холода растаяв,
унёс последний луч закат,
казалось, вздрогнула мостами
насквозь промёрзшая река.
Дороги выстужены ветром,
холодным сыном ближних гор, –
он прилетает самым первым
и самым злым с недавних пор,
готовым рвать подобно зверю
жнивьё неубранных полей, –
на миллионе счёт потерян
звенящих льдинками стеблей.
Печаль навечных расставаний
парит над городом пустым,
и сок несбывшихся желаний
в осенней ягоде застыл.
Непритязательные гроздья
дозреть не в силах на ветру,
они на снег ложатся просто,
наверно зная, что умрут…
…И белоснежна, без изъяна,
светилу гаснущему вслед
летит Земля, скрипя осями,
ломая звёзд хрустящий свет.

***

Солнце ушло до весны.
Дождики зарядили.
Дай мне, Боженька, силы
высмотреть, выдышать сны.
Сны о незрелости роз,
цвете айвы и яблонь,
радости вдруг, что явлен
вылет на волю ос.
Лучшие сны о лете,
бьющем в окошко свете
солнца в четыре утра.
Возгласы: «Жить пора!»
Может быть, это птица,
или же только снится.
Сладко под утро спится,
сладко ещё живётся,
жжётся вода колодца,
с просыпа холодна.
Нету в колодце дна,
только кусочек неба
бьётся внизу, как небыль,
давит кольцом стена.
Время в повтор пустили.
Дождики зарядили.
Только они да сны.
Долго. До весны.

***

Не доставая до земли,
ползли две тучи тёмно-синих
и раздождиться не могли.
Свивались тощие ворсины
неспешно каплющей воды
и густо пылью оседали,
а небо мутности слюды
ловило молнии в кристалле
своём. Во сне ли, наяву, –
метались блики-самоцветы
и осыпались на траву
росой – жемчужинами лета.

***

…Рассвет. Ушли химеры сна –
речные брызги, взмахи вёсел,
и неизвестная страна,
где на стремнине якорь бросил…
…Туман без края над водой.
Приглушены, вздыхая, звуки.
Незримо, призрачно ладонь,
легко ощупывая руки,
ведёт по лбу, по волосам,
скользит и, дрогнув, исчезает,
и ты уже не знаешь сам,
откуда влага под глазами
и почему давно знаком
уютный взмах, привычна нежность…
Струится сон. Душе легко,
как летом, в детстве, безмятежно…
Скрипит натянутая цепь.
Сильна стремнина, рыщет лодка.
Туман всё ниже, густ и слеп,
и ты сидишь, из ваты соткан,
а память ждёт ладонь, и взмах,
и узнаёшь, тоскливо охнув,
ту, что давно являлась в снах,
когда распахивал ей окна…
…Рассвет. Ушли химеры сна,
оставив дню упорство вёсел,
но знаешь точно, что она
придёт опять сегодня, в осень.
Ты поднесёшь ей три цветка,
и пять, и семь. Нечётность в силе!..
…И пусть глядят на облака
те два, что в небо возносили.

Вдруг

Легко стареющее тело
берёт осадой хворей рать.
Наверно, время подоспело
года в котомку собирать.
Вскипают слёзы не от ветра,
не от утраченной любви,
а просто боль от красок спектра…
Сердечный сбой неуловим,
когда толкающие токи,
соединяющие всё,

уже работают не столько.
Сперва, конечно, потрясён, –
а завтра ход уже привычен,
и в зеркала глядишь бодрей…
…Но сразу вдруг войдёт в обычай
не покупать календарей.

***

Не улетай. Вот жёрдочка на небе,
её я нежно углем рисовал.
Вдвоём с тобой беседовать на ней бы,
пока не стёрт очерченный привал.
Внизу шампанским пенилось бы море,
качая лёгкий парус на волне,
и времена в неспешном разговоре
впервые показались бы длинней.
Твоё крыло касалось моего бы,
в едином ритме бились бы сердца…
…И слабый стон, когда гляделись оба,
не веря в ужас птичьего лица.

Кипарис

Недвижны лица, словно маски:
ни дрожи губ, ни голосов.
Жара струится. Длится вязкий,
непрекращающийся сон…
Сквозь вату глухо: «Стройся! Живо!» –
и встали, будто на парад…
На вид обычны, не двужильны,
войной оплавлены в отряд.
…Уходят молча, без оглядки,
вдыхая пот и пыль дорог.
В одном – налаженном – порядке
размахи рук, мельканье ног:
«Так-так! так-так!» Сверкнёт сапог, и
качнётся строгое лицо.
Ни тени страха, ни тревоги.
Шагают сотни близнецов
туда, в распадок за холмами,
где днём и ночью – дым и гарь,
сверкает небо, временами
огнём подсвечивая хмарь…
В закатном свете виден ясно
цветущий яблоневый сад.
От взрывов отсвет ярко-красный
среди летящих в небо хат.
…Когда дверей и крыш мельканья
порыв удара бросит ввысь,
заметишь: тот, над хатой крайней,
взрыв так похож на кипарис.

***

…Отвергнуто всё, что от сердца дарил я,
тоскливо лежит неразобранной грудой,
ведь то, что просила ты, – божии крылья –
пока не сумел привезти ниоткуда.
Родная, не плачь. Ветер сменится. Снова
поднимет мой призрачный парусник якорь,
откроет страну после шторма слепого,
где морось, туманы и вечная слякоть.
Там флейта играет и пастбище сочно,
тучнее не знают на острове в море…
…Стою у подъезда. К трубе водосточной
щекой прислонился, расстроен и вздорен,
и мыслью взлетел – на не встреченный остров –
где полнятся музыкой море и скалы…
Без крыльев лететь там недолго и просто:
прибой на минуту расцветится алым…
…Очнувшись, почувствовал: ветер крепчает –
пускай городские обочины пыльны –
душа растревожена криками чаек…
Пора улетать: я бездомный посыльный,
туда мне, где зреют, пером обрастая,
ветрила живые. В штормах меж волнами
они матереют, сбиваются в стаи
и к нам прилетают весенними снами…
…Родная, не плачь, у трубы водосточной
достаточно холода. Не улечу я,
а просто уйду. С моря ветер восточный
срывается, колкостью душу врачуя.

***

…Осенний день окончен. Вечер. Ночь.
Усталость век непросто превозмочь.
Уходит мерно время: «Тик-и-так».
Всё тише за окном, всё глубже мрак.
На целом свете никого. Почти.
Скребётся в дверь, мяучит кот: «Впусти…»
…Фонарь скрипит, качаясь за окном,
размеренно, неспешно, в ритме снов.
На небе облаков летучий хвост
окутал диск луны и россыпь звёзд.
Наверно, там, куда укрылась высь,
живёт Незримый кто-то, смотрит вниз
и видит нас двоих, камин, огонь,
что пляшет, беззащитный и нагой –
два раза отражён в глазах кота –
и кот смыкает веки: «Суета…»
Камина отсвет ярок, золотист.
Незримый слышит плеск и ветра свист:
волнами набегают времена
на кресло у камина и окна.
Осенний день окончен. Вечер. Ночь.
Замедлить ход Незримому не смочь…

Точка возврата

…Направить мяч навстречу цели,
от совершенства мышц пьянея.
…Играть чужую смерть на сцене,
в обнимку вздрагивая с нею…
…Спускаться в недра старой шахты,
влюбляясь в затхлый воздух бездны.
…Впиваться в темь собачьей вахты
и шторму петь от страха песни…
…Стареть с любимейшей из женщин,
и, пьяно плача в день рожденья,
понять, что жизни стало меньше,
а чтобы вспять, – ни сил, ни денег…
…Ночами звёздному пространству
сиять приходится как прежде;
смирять светил ночную паству
луне в серебряной одежде –
под ней в лесах и скалах Крыма,
в косой тени зубцов Ай-Петри,
судьба и время возвратимы
на том, безвестном километре,
где кто-то едет, ходит шагом,
не замечая силы места,
где просто путь, не взрыт, не вспахан,
и страны света неизвестны…
…Толкнёт закатный ветер в спину, –
заставит сердце биться чаще,
и растревожат сон глубины,
когда застанут мирно спящим.
Тогда, наверное, приснится –
как чья-то просьба – чтоб не смели
воздвигнуть стену здесь, границу
тому, кто снова мчится к цели…

Околица

С каждым годом строже и рассеянней.
Жжёт минор стареющей души.
Не избыть Прощёным воскресением
лучших дней, что так и не прожил…
Не любил, не верил, не заботился:
мол, зачем, – ведь столько впереди.
Вечер. Замаячила околица, –
так и тянет просто подойти…

Невесомые лошади

Окно задел, шурша, кленовый лист
и устремился вниз, на луг за домом:
там, отражаясь в озере, паслись
две лошади в дрожанье невесомом.
Никто не шёл, не ехал, не бежал.
Сияла высь, над облаком синея, –
оно блестело, словно дирижабль,
вливаясь в даль, истаивая с нею.
Окном квартира вглядывалась в мир
и удивлялась облаку и небу,
и лошадям, чей шаг неутомим,
а образ тёплым воздухом колеблем.

***

Я Вас люблю, я умер бы за это.
Вы поздней встречей скрасили закат.
Пускай безмерны строгости запретов, –
я хмелем душ оправдываться рад.
Обступят, раня, горести с рожденья,
а вылечат объятья и стихи.
Для пленников их призрачных владений
растают предрассудки и грехи.
Мне одному во времени не просто:
как частокол – года и города.
Наверное, поэтому так остро
я ненавижу слово «никогда».
Как мало жить, и ни секундой боле…
Быть может, скоро птицей на заре
я прилечу, впервые в новой роли,
пережидая вечность на дворе.

***

Завещание? Брось, успеется.
Я ещё согрешить не прочь,
но отпашешься и отсеешься,
а собрать урожай невмочь.
Словно в юности, я набрался сил
и любви захотел простой.
Я на сердце участок выкосил,
для неё, для последней, той,
что продлила бы век отмеренный,
путь единственный, бег земной.
Буду женской судьбы поверенный,
чтоб, желанная, шла со мной.
Не остыл, не сражён усталостью,
блеска глаз не беру взаймы.
Увлекает игра со старостью,
благо, финиш пока размыт…
…А когда запоют, заплачут все,
вынося долой телеса,
на судьбе осунется платьице
и намокнут слезой глаза.
Отразятся, махая крыльями,
в них пролётные облака,
а луганская степь ковыльная
попрощается, мол – пока…

***

Я люблю этот мир замечательный,
где, устав от сует и погонь,
мы сошлись по безумной касательной,
из сердец высекая огонь.
Облака скрыли памятник Ленину
и спустились, белёсые, вниз,
где над морем, у берега вспененным,
словно парусник, плыл Кореиз.
Я сказал: «Это нам будет грезиться
в духоте неуютных квартир».
Ты сказала: «Нам больше не встретиться».
И смолчал замечательный мир.

***

Страху назло – безмятежно дыши!
Просто течению сна покорись.
Каждой незримой частицей души
мы улетим обустраивать высь.
К чёрту сомнения! Скорость растёт!
Радость отточенных жестов пьянит.
Нашей любви беспокойный полёт
выше любых запредельных орбит.
Я до подробностей знаю финал, –
не отменить его, не отвести.
Сон – это мёртвое царство зеркал –
знает о миге обрыва пути.
Пальцами ног мы заступим за край.
Жизни земной дальше попросту нет,
где за обрывом, за пропастью, в рай
нам на двоих обещали билет.

***

Забывшиеся строки не вернуть
с листа украдкой скомканной бумаги,
как не пройти вторично прежний путь, –
не хватит снова силы и отваги.
Забытых чувств ослабленный росток
был не для нас посажен и возделан.
Войти теперь в бушующий поток
нельзя, как встарь, порывисто и смело.
Забытые обиды полоснут,
сожмётся сердце в страхе, одиноко…
…Нам просто так любимых не дают,
а отнимают с болью и до срока…

***

Стучится кто-то тихо в двери:
ногтями звонкое «цок-цок».
Сквозь шум и шорохи материй
о кафель бьётся каблучок.
Молчи же сердце, тише, тише, –
за дверью счастье и беда.
Воспоминания бесстыжи:
о вкус запретного плода! –
они свободны от обиды,
им что ни день – то Божий дар…
Они беспомощно открыты
из «прежде» в «есть» и во «всегда»…
А то, что было, – эта вечность
касаний рук, слиянья тел, –
опять пытается увлечь нас
к ушедшей в прошлое мечте.
И только сердце (камнем став ли?),
застыв от звонкого «цок-цок»,
вдруг забывает кровь доставить
под остывающий висок.

Вторая жизнь

Судьба ведёт, куда захочет,
и мы за нею по пятам
вошли под вечер в город Сочи,
где рос над лавочкой платан.
Садилось солнце за Ривьерой,
предоставляя мир луне,
заката розовой портьерой
мир отсекая тот, что вне.
Вдвоём под небом и платаном
вдыхали чуть пьянящий бриз.
«Мне дурно, милый. Я устала…
Не оттого, что путь горист».
Ты вдруг смутилась неумело,
сказать не зная, что не так…
С тревогой вслушивалась в тело:
вторая жизнь с твоею в такт
внутри забилась. Листья глухо
вели над нами разговор.
Ты превратилась в орган слуха,
где всё, что кроме, – просто вздор.

***

Что ни день – уходят понемногу
в небо души близких и родных.
Времена для собственной дороги,
верится, – ещё отдалены…
Если мы удачливы, здоровы, –
это ангел молится о нас.
До поры легко под светлым кровом
лишь ценою выплаканных глаз.
Суетимся в поисках – где лучше,
задеваем дремлющее зло,
что притихло, ожидая случай,
чтоб отнять и сытость, и тепло…
Неизвестно, сколько дней осталось,
и далёк ли выморочный час.
Год от года горесть и усталость
в железа заковывают нас.
Только ангел трудится в молитве:
бесконечен благости поток.
И не подвиг, и совсем не битва,
но ведь ждёшь, надеясь на итог.
Может, Там в почёте сладкозвучье?
Но на нём не выскажешь всего…
Ждёшь ключей от рая? Ключ-то вручат.
Как поднять под тяжестью долгов?..

***

Профукал жизнь без цели и следа.
Она, казалось, долго протекала.
Однажды вдруг истаяли года,
горевшие неярко, вполнакала.
Там было всё – и дружба, и любовь,
вживую оказавшись лотереей.
Казалось, нужно жертвовать собой,
но оказалось: та ещё идея.
Тянулись дни. Такой тягучий ток.
Так, кажется, их взял и подтолкнул бы…
…А в зеркалах серебряный висок,
наморщились предательницы-губы.
Тяжёлый взгляд упрямый из-под век,
привыкший ничему не удивляться…
Большой и некрасивый человек.
На вид уже, как водится, не двадцать.
И всё ж – в глазах, в их тёмной глубине,
вдруг да проскочат зайчиками искры
старательно упрятанных огней,
зажжённых для единственных и близких.
Растерянно в молчании сижу
и греюсь от тепла их и печали.
За всё и вся прощения прошу.
Но тот, что в зеркалах, не отвечает.

***

Два догорающих светила
по небу нехотя ползли,
центростремительная сила
слабела в тающей дали.
Фотонам долго мчаться, старясь,
теряя жар двойной звезды,
чтоб то хотя бы, что осталось,
увидел я, узнала ты,
чтоб, ощущая эту силу
в пересеченье мер и чувств,
мы, словно звёзды, уносились
туда, где мир и чужд, и пуст…
А там, во тьме, в остывшем мире,
царит без края пустота,
как у двоих чужих в квартире,
где ложь и сомкнуты уста.
…И вот тогда пространство взором
окинем ночью. Звёзды. Высь.
И вдруг поймём, каким же вздором
забита крошечная жизнь.

***

Печальных птичьих стай
чуть больше в эту осень.
Давай у неба спросим,
быть может, это – в рай…
Друзей по небу клин
длиннее с каждым годом.
Нелётная погода –
недолго, до седин.

Покой

Спилили дерево в саду,
из-за бесплодности спилили:
мол, не растит уже еду, –
одна листва в зелёной силе.
Дрожали ветви под пилой
и мягко наземь опадали,
сминая дёрна плотный слой,
дивясь негаданной опале.
Ствол оголённый, без ветвей,
стрелой, глядящей в небо, замер.
Кора бугрилась, и по ней –
тягучий сок стекал слезами.
Летели птицы мимо вдаль,
катилось время бессловесно,
ещё питала ствол вода,
не зная, что питать ей вместо, –
когда, сказав земле «прости»
за то, что взрезан, словно горло,
ствол опустился с высоты,
как жил, – бестрепетно и гордо.

Марина Точина

г. Рязань

Марина Ивановна Точина.

Поэт, прозаик, композитор. Член Российского союза профессиональных литераторов,

Лауреат VII, IX, X литературных фестивалей «Под небом рязанским». Выпустила два поэтических сборника: «Букет сирени» и «Бабье лето», повесть «Иринка-картинка», два нотно-музыкальных сборника: «Вальс весны» и «Моя душа», публиковалась в альманахах: «Рать», «Под небом рязанским», «Эолова арфа», выпустила несколько аудио- и видеодисков со своими произведениями.

После охоты

Мария Александровна возвращалась с работы после первой смены домой. По другой стороне улицы походкой героя шагал её сынишка, что-то напевая. За плечами у него во всей красе торчал самодельный лук и колчан со стрелами, а сбоку колыхалась набитая чем-то сумка. Мать вошла в дом позже, поэтому сын уже успел приготовить сюрприз и гордо объявил:

– Мама, я сегодня был на охоте и подстрелил дичь! – и он с детской непосредственностью, не подозревая ни о чём плохом, указал на неподвижно лежащую посредине кухни курицу. – Теперь прошу тебя: приготовь, пожалуйста, ужин из неё, и мы сегодня будем сыты!

Ванька ликовал, он думал, что сделал замечательно, но мать не похвалила своё чадо за такой «подвиг» и лишь укоризненно покачала головой:

– Убил чужую птицу и радуешься! Тебе кто разрешил? Получается, что ты украл! Нехорошо!

– Но курица уже мёртвая!

– Возвращай назад то, что осталось!

Сын тяжело вздохнул (он давно мечтал наесться мяса, да и не только мяса, ведь питались скудно, живя на скромную зарплату матери). Однако, не заставляя себя долго ждать, мальчик вышел со своей жертвой на улицу (но не далее своего двора), а потом взял да и закинул птицу через забор. А там соседский фокстерьер со скоростью акулы расправился с ней, оставив одни пёрышки.

Вечером во двор пожаловали гости – владельцы злополучной курицы – два паренька на голову выше ростом, безошибочно указывая на Ваньку как главного зачинщика этого скандального события, и во что бы то ни стало требовали вернуть пропажу. В противном случае они грозились обратиться в суд. Но Ваня не стал с ними пререкаться, заверил, что завтра долг отдаст, и те удалились.

Утром он уехал на центральный рынок, забрав одолженные матерью последние пятнадцать рублей. Воротился через полтора часа. За пазухой сидел – ни жив ни мёртв – огромный нахохлившийся петух. Сын оправдывался, что кур на рынке не было, вот и пришлось покупать петуха. За считанные минуты кочет оставил после себя то тут, то там помёт. Он не кукарекал и ничего не ел, взволнованно метался из угла в угол.

Ваня смотрел на петуха и размышлял: «Долг сегодня отдам, но остаётся один пустяк – где искать пацанов?» Он совершенно растерялся и не знал, как быть.

– Надо обратиться к святому мученику Иоанну-воину – скорому помощнику в этом деле, – обнадёжила сына Мария Александровна и стала молиться.

Надежда и вера на милосердие Божье быстро оправдались. Ваня шёл наугад и не подозревал, что двигался как раз в нужном направлении. Пройдя целый квартал, он оказался перед пятиэтажным домом. Недолго думая, мальчик открыл дверь одного из подъездов. Не успев подняться на второй этаж (случайно ли?!), столкнулся, что называется, «лоб в лоб» с теми, кого искал, и радостно вскрикнув, мальчик вручил им петуха вместо курицы, так как последней в живых-то не было. Пацаны его простили, и с облегчённой душой Ваня вернулся домой.

Больше ходить на такую «охоту» мальчику не хотелось.

Осенним вечером

Вечерело. Стояла поздняя осень. В воздухе – лёгкий морозец. Вдоль дороги – голые чернеющие деревья. Нюта торопливо шла по пустынной улице, ведь на другом конце посёлка её ждали Сонечка и Вадим.

На той неделе Софью выписали из роддома. Ведь она долгое время не могла забеременеть, и супруги очень страдали, мечтая о ребёночке. Но не хотелось мириться с мыслью, что у них никогда не будет детей. К счастью, они познакомились с Анной Владимировной – Нютой, верующим человеком, с которой вместе работали в поликлинике и которая помогла им в беде добрым советом и молитвой, и начали ходить в храм. Прошло некоторое время, и Соня понесла. Помог Господь!

Нюта спешила к друзьям. Сама она жила несладко: и муж суровый, и дитя больное. Из дому надолго не уйдёшь! Покормила семью и пообещала, что скоро вернётся. На ней было старое, серенькое, отданное кем-то осеннее пальтишко, на голове – тонкий тёмный полушерстяной платок. Женщина шла и радовалась случившемуся чуду, ведь родился мальчик. Здоровенький!

Вот и знакомый переулок. Прохожих по эту пору редко встретишь. Темно, сыро, неуютно. Нюта хотела идти дальше, но тут её внимание привлекла фигура. На дороге беспомощно ворочался какой-то человек, совсем ещё молодо выглядевший. Он что-то невнятно бормотал и угрюмо стонал, не в силах подняться.

У Фёдора – так звали его – давно уже не ладилась личная жизнь, замучили скандалы, не клеилось и на работе. Он стал сильно пить. В этом помогали дружки, которые его и втянули в такую жизнь. На работу часто приходил в нетрезвом виде, появились нарекания, предупреждения. Фёдор не справлялся, делал много брака, и в очередной раз, когда поссорился со своим начальством, он получил окончательное увольнение.

А дружки – тут как тут! Сразу же потащили его в пивнушку. Вино, домино, и… закружилась голова… дружки вытягивали деньги. Тот сопротивлялся, но не смог себя защитить, и пришлось всё отдать. Когда деньги кончились, гурьбой все выбрались на улицу и вдруг с какой-то животной жестокостью обрушились на несчастного, избивая. От многочисленных ударов мужчина повалился на землю. Голова гудела, перед глазами круги, а когда он осознал, что сотворилось с ним, жить не хотелось. Вспомнил, как жена кричала, что пьянство его больше терпеть не будет, на порог не пустит и разведётся.

Нюта приблизилась:

– Ну что ты лежишь на холодной земле? Надо встать, милый, идти домой. Там, поди, волнуются, ждут. А то пропадёшь ведь!

Она с тёплой грустью заглянула ему в глаза.

– Что, родимый, тяжко? Да ты – весь никуда! Кто ж тебя так, сынок? – женщине стало не по себе, когда она увидела на избитом лице запёкшуюся кровь.

Тот тихо ответил:

– Дружки, с которыми пил. И теперь никакой надежды не осталось! Потерял всё! Жена меня не ждёт и никогда не простит!

Немного помолчали. Потом Нюта промолвила:

– Да… оно ведь так и бывает: как закрутится, так, кажется, ничего нельзя сделать. Но… ты духом не падай! Ведь надежда есть всегда, посмотришь – всё будет хорошо. А жена примет, поверь! Давай-ка лучше руку!

Фёдор недоумённо поглядел на маленькую, хрупкую женщину.

– О Матерь Божья, кто вы? – с гримасой боли воскликнул он. – Ох!.. Да ведь это Бо-о-женька вас ко мне послал!.. Но почему? Разве я кому-то нужен?

И ему нестерпимо жаль стало себя. Ком подкатил к горлу. Выступили слёзы… Вдруг Фёдор встряхнулся, напрягся и, медленно поднявшись с земли, потянулся к чужой руке. Потом робко спросил:

– Вы думаете, что жизнь моя наладится?

– Всё в руках Божьих! Иди скорее домой и попроси у жены прощенья. Только не пей больше! В храм ходи! Бог тебя благословит!

В душе что-то шевельнулось. Зародилось. Какая-то искорка, надежда… Он благодарно посмотрел на незнакомку, поклонился ей неумело, потом тяжёлыми нетвёрдыми шагами заковылял по дороге к себе домой. А маленькая женщина перекрестила его вослед и ласково прошептала:

– Да сохранит его Господь!

СТИХИ

***

Мамочки, матушки, матери,
Не кляните родимых детей!
Ведь за грех этот Богу заплатите
Безотрадною горечью дней…

Мамочки, матушки, матери,
Не корите зря, будьте мудрей,
В гневе будучи – благословляйте,
Сберегая тем самым детей!

***

Помнишь,
одуванчики рвали на лугах,
Радостно плели себе
из них венки?
Мы не представляли,
находясь в мечтах,
Как ступени жизни будут нелегки!..

Телёнок

Ах, какой смешной, красивый –
бабушкин телёнок милый!
Сам встаёт уже на ножки
и бодается немножко!

Родное

Знакомый двор,
расстелены дорожки,
Лежат на лавке, умываясь, кошки.
Вдруг детство, в памяти всплывая,
Улыбкой мамы душу согревает.

Береги!

И с кем бы рядом ты ни был,
его по жизни береги,
чтоб жить ему хватило сил,
и будь опорою другим!

Жара 2010-го

Жара душила беспощадно,
Жизнь стала мукой безотрадной.
От жажды ссохлась вся земля,
Дождя бы каплю ей, дождя!..
От человеческих изъянов
Душа планеты в чёрных ранах.
Вдруг… капля влаги пролила –
И, всхлипнув, жадно пьёт земля…

Строки из сердца

Из сердца строки посылаю:
– О, как приятно я страдаю!
Она любовью заряжает,
К делам высоким подвигает.
О! – это музыка моя!
Живу в ней, счастлива с ней я!

«Вагантам»

В Рязани знают клуб «Ваганты».
Там собираются таланты,
Сверкают, словно парус в море,
Помогут и утешат в горе.

Там строго правит Валентина –
Душой – мила, лицом – картина;
Там песней авторской поэты
Пленяют мир своим куплетом;

В обнимку с другом-инструментом
Из года в год дают концерты,
Поют о жизни и о Боге.
«Вагантам» – десять лет в итоге!

Там все ребята непростые –
И – как в скорлупках – золотые,
В твореньях – изумрудец чистый.
Спасибо вам за труд, артисты!..

Моя Родина

Я в России всю жизнь провела –
Не пришлось за границу поездить:
Мне земля лишь родная мила –
Всех дороже она и любезней.

Это Русь! – с монастырской душой,
Гениальная Русь и простая,
Ведь она – богатырь удалой!
Нет её величавей, считаю!

Крест российский наш
очень тяжёл,
Много терпит душа-христианка,
Кто в нужде был,
в ней помощь нашёл
И любовь, и услышал тальянку.

И пусть враг строит козни, пусть,
Всё равно Бог поможет России,
Потому что – святая – Русь,
Потому что с ней крестная сила.

На земле я великой жила,
И мой поезд уж к финишу мчится.
Здесь – особенные колокола,
И не тянет меня за границу!

Только горько моей душе
Оттого, что гуляет в ней вьюга,
Что живём на прекрасной земле,
А по-Божьи не любим друг друга.

Гнилое яблоко

Знала ли я, в дар давая другим
Жизненный сок и любовь, не тая,
Что злоба людская,
коварство храня,
Как недуг, как черви, день ото дня,
Высосут, вытянут сок из меня,
Яблоком сделав гнилым?..

Алексей Тужилкин

г. Москва

Алексей Тужилкин – работник охраны в банковской сфере. Стихи пишет давно, но перед читательской аудиторией предстаёт впервые.

***

Вот и время пришло расставаться,
Мы допили разлуки вино.
Нам осталось одно – целоваться,
Слов не нужно, как в старом кино.

Поезд тронулся, ты отдалялась,
Я смотрел, насмотреться не мог.
В сердце нежность навеки осталась,
Только встретимся ль, знает лишь Бог.

Силуэт твой в толпе растворился,
Скрылся старый знакомый вокзал.
Я, рукой помахав, прослезился,
Ведь не всё, что хотелось, сказал.

Поезд двинулся вдаль потихоньку,
Унося от версты до версты
Устремлённый за мною, вдогонку
Взгляд, летящий, как свет от звезды.

***

Я прозрел от тяжких дум тревожных
В лодке жизни, посреди реки.
Я замёрз под пледом звёзд холодных,
Что от бренной жизни далеки.

Лодку повернул назад быстрее,
Грёб и грёб, уже совсем без сил,
Чтоб тебя увидеть поскорее,
Ту, что годы долгие любил.

Предо мною дивною картиной –
Дом родной, над крышею дымок,
Я представил: рядышком с рябиной
Тихо спит любимый мой сынок.

И немного мне доплыть осталось
До причала, что я сам срубил.
Зря спешил: к несчастью, оказалось,
Что другой там лодку зацепил…

***

Ты девушку обидел – ерунда.
Расстался с нею, ну и что же.
Но оттолкнут тебя – беда.
И сразу боль, обида, слёзы.

Бросаешь женщин – ты герой.
Ты их любви не замечаешь.
Лишь иногда, ночной порой,
Про их объятья вспоминаешь.

Не та судьба

Прозрел, что слишком виноват
Перед собой.
Не повернуть уже назад,
В ладу с судьбой.

Не тех нашёл себе друзей,
Судьбу не ту.
Забыл любовь, своих детей,
Свою мечту.

Не ту привёл к себе домой,
Ошибся вновь.
От одиночества порой
Мертвеет кровь.

Да и сейчас живу не с той,
Спаси, Творец.
Вновь время дышит пустотой,
Мечтам конец.

***

От любимой мамы
В день моего рожденья…
Во сне из далей звёздных
Пришло мне поздравленье!

Она с небес взглянула,
Мне душу согревая…
С любовью материнской
Грехи мои прощая…

И в небе растворилась…
Живя в миру ином,
Оставив в одиночестве…
Наедине со сном…

***

Для нас с тобой всего дороже,
Чтоб сохранились наши «я».
Мы не уступчивы, ну что же?
Жаль – я не твой, ты не моя.

Ты исчезаешь, что ж, твои дела.
Твоим капризам уступлю едва ли.
Любовь у нас без радости была.
Разлука, видно, будет без печали.

Светлана Феоктистова

Московская обл.

Себе любимой

Я лучше многих, я умна,
Я несравненна, я мила,
Я обладаю красотой,
Присущей только мне одной.

Артистка я, сейчас так надо,
Любовь дана мне как награда,
Могу свести с ума я многих,
Не сбившись с курса и дороги.

Я стресс, я крик, я боль души.
Приблизиться ко мне спеши.
Я как магнит, я как вино,
Я главное в цепи звено.

Я женщина-огонь, я пламя,
Не задевай меня, я больно раню,
Я как цветок великолепный – роза,
Во мне живут шипы и яда доза.

Я слабый пол, я блеск и шик,
В твоей судьбе я буду миг,
Я фейерверк, я торжество,
По сути, я есть божество.

Обелиск

Посвящается жителям с. Курово

Стоит в подмосковном селе обелиск,
Он память о днях ТЕХ тяжёлых,
О времени том, когда каждый день – риск
В страданьях, молитвах и болях.

Оставив навеки и жён, и детей,
С родными на месяц прощались,
Телами посеяв сраженье полей,
Слезами домой возвращались.

И слёзы взаймы было негде просить,
На всех одно общее горе!
Задачу исполнить: тыл сохранить
И выжить в суровой неволе!

Сто десять героев назад не пришли,
В гранит имена их забиты,
И шепчет стоит день и ночь обелиск:
«Никто и ничто не забыты!»

Март

Пусть злятся до сих пор морозы,
Весне дала природа старт,
И моду на букет мимозы
Нам дарит ежегодно март.

Пусть снег лежит и кружит вьюга,
Но солнце греет нас лучом,
Капель наперебой друг с другом
На землю сыплет хрусталём.

Пусть прибавляет день минутки,
Уходит мрак и темнота,
Светлей и ярче стали сутки
И небосвода красота.

Пусть оформляет март витрины,
Живой природы канитель,
Зимы последние картины
Заменит зеленью апрель.

Ангел-хранитель

С детских лет я мечтала о чистой любви,
Чтобы чувства взаимны его и мои,
Чтобы вместе по жизни бок о бок идти,
Чтобы с каждым днём крепче любить и цвести.
И настал день и час, повстречались в миру,
И о чём я мечтала, сбылось наяву,
Идеальный мужчина вошёл в мою жизнь,
Так две наши судьбы воедино слились.
И казалось, что счастье – бери и держи,
Испытания сразу в жизнь нашу пришли,
И достойно держали судьбы мы удар,
Потому что любовь Богом прислана в дар.
Закалялся характер, нежно бились сердца,
Но злой рок приготовил начало конца
И забрал в мир иной ясный лучика свет…
С той поры миновало двадцать с хвостиком лет.
Не могу до сих пор я забыть счастья миг,
В серых буднях остался он как яркий блик,
И хотелось бы снова любовь мне найти,
Но от сказки своей я не в силах уйти.
И подобие ей каждый день я ищу,
В ожидании встречи томлюсь, трепещу,
Изучаю поэмы, романы, стихи,
Только сказку люблю, где герой, …, ты!
И сейчас выполняю я долг свой земной,
Но я знаю, …, ты рядом со мной,
Защищаешь от бед, бережёшь мой покой,
Ангел, …, хранитель ты мой!

СМС-признание

Люблю, люблю, люблю тебя!
Как ветер, воздух, ураган,
Как жизнь, как звёзды, бесконечно,
Как солнце, небо, океан…
Люблю тебя я, крепко, нежно.

Марина Филимонова

г. Азов, Ростовская обл.

Двенадцать месяцев, или «У природы нет плохой погоды»

«И дождь смывает все следы…».
В слезах дождя растаешь ты,
метель сметёт твои следы,
а сумасшедший летний зной
сожжёт навеки образ твой…

Вот так погода мне поможет
стереть тебя, забыть…
Быть может…

Дождь на Павлово-Очаковской косе

Стеклянными пальцами дождь
касался поверхности моря…
Когда никого не ждёшь,
приходит сплошное горе.

Следы не смывает дождь
в моём опустевшем сердце.
Когда никого не ждёшь,
нельзя даже в зной согреться.

Осколки стеклянных брызг
попали в глаза и в душу…
Но, вновь разбиваясь вдрызг,
покой я твой не нарушу.

Когда-нибудь из осколков
составлю я слово «вечность»,
а горсточку милых обломков
пошлю к чертям в бесконечность.

Только пока составлю,
пальцы в кровь разрезая,
душу гулять отправлю,
без тебя умирая.

Сон, приснившийся за пять минут до пробуждения

У меня намокают крылья,
я уже не могу взлететь.
И от собственного бессилья
так и хочется зареветь.

Я кричу. Но себя не слышу –
застревают в груди слова.
Три недели тебя не вижу,
и уже я едва жива.

А у ног океан клокочет, –
это слёзы моей любви.
Видно, кто-то очень не хочет,
чтобы сны сбывались мои.

Только я не могу проснуться,
и опять я во сне кричу.
Поднимаясь на мокрых крыльях,
сквозь года я к тебе лечу.

Но не виден в тумане берег,
я о скалы вновь разобьюсь.
До сих пор не могу поверить,
что вот так безумно влюблюсь.

***

Дождь – в городе моём,
снег – в городе твоём.
Ты – не со мной вдвоём,
врозь по судьбе бредём.

Встречу ль тебя опять
я в суматохе дней?
Как я устала ждать
чуда любви твоей!..

Я позабыла вдруг
нежность любимых рук…
Тяжкая сеть разлук.
Лишь пустота вокруг.

Как мне тебя вернуть?
Как мне тебя забыть?
Долог ко мне твой путь.
Горько тебя любить.

***

Стали встречи всё короче,
а разлуки всё длинней,
и во мраке чёрной ночи
засыпать всё тяжелей.

Мне туман обнимет плечи,
ты – за тридевять земель.
Может быть, ещё далече –
оттого не веселей.

Завертелась, закружилась
дней дождливых череда.
Не свершилось, не сложилось,
не вернётся никогда.

Скоро встреч не будет вовсе,
а разлука лишь одна
вдруг придёт незваной гостьей
не на год, а навсегда.

***

Пусть напомнит обо мне
снег, что выпал в феврале,
лучик солнца в сентябре…
Пусть напомнит обо мне
зимней ночи долгий век,
даль дороги, холод рек,
город, ветер и зима…
Не напомню я сама.

Дождь и другие осадки

Дождь, дождь, дождь…
Ждёшь, ждёшь, ждёшь…
Капля счастья,
жизнь – на части.
Ничего не разберёшь…
Ждёшь, дождь, ждёшь…

Ничего не разберёшь.
Может, ты меня поймёшь?

А ты понял, как никто
никогда не понимал.
Целовал – ну как никто
никогда не целовал,
и шампанское сухое
наливал и наливал,
а про всё про то, такое,
я надеюсь, забывал…
Эта встреча через годы.
Эта встреча через жизнь.
О Прекрасное Мгновенье,
я тебя прошу, продлись.
Я молюсь, хоть не умею,
я кричу себе: «Очнись!»
И продам я душу Зверю,
лишь вернись, на миг вернись…

***

Я поставлю все точки над «і», –
забывай, забывай, забывай!
И поставлю кавычку над «и», –
ты из памяти память сотри.

Забывать, забывать, забывать!
Я не буду любить и страдать…
И лишь дождь где-нибудь в феврале
пусть напомнит тебе обо мне.

Жизнь моя получилась на «пять»!
Но любовь не хочу забывать
и дождём где-нибудь в феврале
я прольюсь над тобой. Больно мне…

***

Аномально тёплая зима…
В нашей жизни что не аномально?..
Нашим встречам, excuse me, хана.
Тихо, по-английски гениально,
ты ушёл… А я ждала по-русски –
с рюмкой на столе и без закуски…
Был всего один лишь холодец,
семь салатов, курица с картошкой,
сельдь в дублёнке, хрен и огурец,
а на ужин суп хлебала ложкой.
Всю любовь исчерпав без остатка,
закусила горькой шоколадкой!

Юрий Фокин

г. Воскресенск, Московская обл.

О себе:

Фокин Юрий Викторович. Родился я в Воскресенске. Образование высшее юридическое. Член воскресенского литературного объединения им. И.И. Лажечникова. Являюсь членом редколлегии приложения к газете «Наше Слово» «Воскресенск литературный».

В газетах «Наше Слово», «Искра-ТВ» публикуются статьи, рассказы, очерки. Публикации сопровождаю фотографиями. Являюсь фотографом (лауреат московских и областных фотоконкурсов). Своими фотографиями иллюстрировал книги воскресенских и болгарских авторов. Также очерки и рассказы вошли в альманах «Воскресенск – моя родина светлая…», в антологию писателей Болгарии и России «Созвучие-2», в сборник рассказов «Серебряный родник-2».

Занял 3 место в районном литературном конкурсе «В память 70-летия разгрома фашистских войск под Москвой» в номинации «Проза».

Член Союза журналистов России.

Былина о том, как богатырь Илья Муромец чёрна ворога одолел

На семи холмах стольный град стоит.
Златоглавые храмы-церкви в нём.
Только люди там невесёлые.
Беспокоятся о святой Руси.
Над Москвой-рекой тучи сдвинулись.
Тучи чёрные раскосматились.
То не дождь пришёл, не затмение.
Чёрный враг проник в землю русскую.
Русский люд послал разбудить Илью,
Илью Муромца – Чудо Русское.
Сто дорог прошёл по земле Егор,
Прежде чем пришёл в землю Мурома.
– Что будил меня, брат Егорушка,
Знать, беда пришла в землю русскую?
– Да, пришла беда в стольный град Москов.
Полон стольный град чёрна ворога.
Захватил Москву без лихой войны
Чёрной хитростью, тихой сапой взял.
Недовольные люди русские:
«Попирают нас на родной земле».
Говорят враги: «Этот город наш!»
В монастырь чужой свой устав несут.
На земле отцов наших жить хотят.
Чтобы русский люд был в рабах у них.
Каждый с саблею ходит сызмальства.
Как хозяева себя чувствуют.
– Что же, родину они кинули?
Или нет у них вовсе родины?
– Нет в душе у них тяги к родине,
Знать, безродные это варвары.
– Ну а что молчит сам Князь-батюшка?
Как позволил он басурманщину?
– Наш Князь-батюшка сам себе не пан.
Договорами руки спутаны.
И не может он их развязывать,
И не хочет он израспутаться.
И живёт-то он в Красном тереме,
Не докликаться, не достукаться.
Молвит людям он: «Не выскакивай».
А кто выступит, тем по шапочке.
Вопиёт народ: «Надоело нам!»
А народа глас – есть глас Боженьки.
Ты вставай, Илья, с русской печеньки
Да седлай коня богатырского.
Помоги нам, брат, одолеть врага,
Выгнать вон его, неумытого.
Без тебя никак нам не справиться,
Богатырь ты наш, Илья Муромец.
Налился Илья злобой лютою
Ко врагу Руси – нашей матушки.
Налился Илья новой силушкой,
Русской силушкой богатырскою.
Оседлал коня, взял оружие.
Поскакал стрелой на побоище.
Очищать Москву, землю русскую,
Землю русскую, православную.
Прискакал Илья в стольный град Москов.
Испугался враг, зубоскалится.
Поднял меч Илья и давай крушить
Во все стороны разлохматого.
Он копьём колол, булавою бил,
Душу вражию выколачивал.
Выметал метлой распоганою,
Выжигал огнём в закоулочках.
Пол-Москвы разнёс вместе с ворогом.
К ночи справился, обессиленный.
– Что ты, батюшка, пол-Москвы разнёс? –
Молвил русский люд озабоченно.
– Коли рубят лес, то щепа летит, –
Говорил в ответ Илья Муромец. –
Что порушено – снова выстроим!
Пусть попробуют ещё сунуться.
Погляди – кругом лица русские,
Лица русские да славянские

* * *

Люди русские, православные
Закатили пир на весь мир горой.
Праздник празднуют, славят Муромца.
Колокольный звон над Москвой-рекой,
А над городом стала радуга!

Людмила Чебышева

г. Воскресенск, Московская обл.

Людмила Леонидовна Чебышева родилась и живёт в городе Воскресенске. Член Союза писателей России. Награждена Золотой Есенинской медалью, медалью имени А.П. Чехова, памятной медалью «А.С. Грибоедов». Лауреат литературного конкурса «Золотой диплом». Награждена лигой писателей ЕВРАЗИИ золотым дипломом имени Михаила Юрьевича Лермонтова, дипломом Московской областной организации Союза писателей России. Получила диплом и литературную премию имени А.П. Чехова. Лауреат премии конкурса «Воскресенск литературный», лауреат литературной премии имени Елены Слободянюк. Автор поэтических сборников «Любви нечаянной глоток», «Свет души», «Сквозь разлуку и грусть». Публиковалась в антологии «Золотая строка Московии», в литературно-художественных альманахах «Цветы большого города», «Воскресенск – моя Родина светлая» и в других периодических изданиях. По образованию – экономист. Закончила Московский финансово-экономический институт. Работает в частной фирме.

***

Подари мне в ночи тишину,
Млечный Путь подари и луну,
А ещё подари мне закат,
И в саду золотой листопад,

И заросший ракитами склон,
И вечерний малиновый звон.
Я же, хочешь, тебе подарю
Восходящую в небе зарю,

Море синее, тихий прибой,
Небосклон голубой-голубой.
И, прогнав все сомнения прочь,
Подарю эту звёздную ночь.

***

Бегу, за лопухи цепляясь,
Тропинкой узкою к реке.
И, как ребёнок, удивляюсь
Летящим уткам вдалеке.

Я вновь прощаюсь, уезжаю.
На лодке к пристани плыву.
Места я эти обожаю.
Как жаль, что здесь я не живу.

А так хотелось бы остаться
И вновь гулять до петухов,
Росы прохладной наглотаться
И принести для бани дров.

За этим незабытым счастьем
Я обязательно вернусь.
Не раз я буду огорчаться,
Когда вновь в городе проснусь.

И мне в окно не постучатся
Сирени пышные кусты,
И с вихрем мимо не промчатся
Лихие кони. Да и ты

Не скажешь мне: «Привет, невеста.
Как обещал, тебя всё жду»…
Не нахожу себе я места.
Так хочется сказать: «Приду».

***

Как уйти от осенней печали,
От бессонных и долгих ночей?
Там, где зорьку с тобой
мы встречали,
Пролетел караван журавлей.

Где пьянящим густым ароматом
Нас поили когда-то луга,
С грустью ивы глядят виновато,
Укрывая собой берега.

Как вернуться мне в тёплое лето,
Обрести вновь душевный покой,
Чтобы яркие краски рассвета
Мне напомнили, как за рекой

Мы сидели в тиши вечерами,
Наблюдая за сонной луной,
Вспоминая, что было меж нами,
Как играла кувшинка с волной?..

Как хочу в мир любви погрузиться,
В мир, где звонко поют соловьи,
Как хочу по глазам научиться
Понимать все желанья твои!

***

Моя далёкая звезда
То холодит, то обжигает,
То вдруг исчезнет без следа,
То ниоткуда возникает.

Моя нелёгкая судьба
То радует, то огорчает,
То ласкова, а то груба,
А то души во мне не чает.

Вновь голубые звёзд огни
Горят, как маяки вселенной.
И кажется, что мы одни.
И в этой красоте нетленной

Нет ни печали, грусти нет,
А есть таинственная сила.
Есть ты и я, и лунный свет,
И жизнь, что нас соединила.

***

Я всё чаще и чаще с годами
Выхожу посмотреть на закат,
Где усеяно поле цветами
И восходит густой аромат.

О себе мне напомнит кукушка,
Разбудив засыпающий лес,
А сосны-вековухи макушка
Достаёт без труда до небес.

Всё желанней увидеть деревню
И, устав от трудов и забот,
Посидеть под раскидистой сенью
На скамейке у наших ворот,

Вспомнить детство своё озорное,
Позабыв про сумятицу дней,
И свиданья под яркой луною
В окружении звёздных огней.

Коль не счастье, то что же иное –
Жить с любовью на этой земле,
Где всё так мне до боли родное,
Всё такое желанное мне?

***

Прошедших лет
беззвучны струны.
Окаменев, душа молчит.
Несмелой кистью
отблеск лунный
По глади озера скользит.

Всё чаще здесь же, на пригорке,
С луной делю свою печаль,
Когда бывает очень горько,
Когда себя бывает жаль.

Что не случилось, – не жалею,
О том, что было, не грущу,
Но отчего душой болею,
По вечерам чего ищу?

Вновь сердце обожгло зарёю,
И холодит вишнёвый цвет…
Как страшно чувствовать порою,
Что я уже на склоне лет.

***

Из приоткрытого окна
Звучала Лунная соната
То очень громко, то едва,
Звучала так же, как когда-то.

И разлилась в душе тоска.
Мне стало грустно и тревожно.
Коснулась музыка слегка
Моей любви неосторожно.

И заметалась вновь душа.
Умчалась вмиг она в былое,
Туда, где, каясь и греша,
Украла счастье я чужое.

***

В саду тюльпаны расцветали,
С реки чуть веял ветерок,
А мы, влюблённые, мечтали.
И словно счастья островок
Была старинная беседка.
А яблони цветущей ветка,
Как будто юная кокетка,
Блистала в волосах моих.

С тех пор прошло годков немало.
Беседки той в саду уж нет.
Но стелет наземь покрывало
Та яблоня, роняя цвет.
В груди вдруг сразу защемило.
Так значит, сердце не забыло
Всё то, что нам весна дарила
В те дни любви минувших лет.

Как молоды тогда мы были.
Казалось, жизни края нет.
Мечтали, ссорились, любили,
Встречали у костра рассвет.
Какими были мы глупцами!
Сорили чувствами, словами,
И были так щедры годами,
Не зная истинной цены.

А время очень быстротечно.
И счастье далеко не вечно.
Ах, почему же так беспечно
Распорядились ими мы?

***

Меньше часа уже до рассвета.
Меньше часа – проститься с весной.
И опять улыбнётся мне лето,
Засияет своей красотой.

Не жалея ничуть акварели,
Всю палитру плеснёт на луга,
И под звуки пастушьей свирели
Нарисует легко облака,

Брызнет зелени свежей на ветки –
Зазвучат певчих птиц голоса.
Подмигнёт вдруг берёзке-кокетке
И начнёт вновь творить чудеса…

Окропит всё живою водою,
Бросит в небо цветной поясок,
Посидит на крылечке со мною,
Ни о чём поболтаем часок.

Пять минут лишь всего до рассвета,
И опять по траве луговой
Побежит босоногое лето,
Увлекая меня за собой.

***

Вновь тревожат вечерами мысли о былом.
Загрустившая берёза под моим окном
Золотые пряди прячет в зелени кудрей.
Не успела оглянуться – осень у дверей.

Пролетело больше века, дней не берегла.
Беззащитна, как былинка, я порой была.
То беда в дом постучится, а то грусть войдёт,
То удача улыбнётся – и душа поёт.

Если в жизни нет печали, счастья не понять.
И любовь, и боль измены довелось узнать.
Виноватых не искала, да и не ищу.
Верю, что счастливой стану, вот и не ропщу.

По местам всё жизнь расставит, смоет грусти муть.
Смело вычеркнет плохое и оставит суть.

***

Сад старинный. Заброшенный дом.
И беседка, обвитая хмелем.
Вспоминая светло о былом,
Мы цветы полевые расстелем.

Как берёза листву, я легко
Сброшу с плеч васильковое платье…
И туман белый, как молоко,
Примет нас до рассвета в объятья.

***

Я не раз была на перепутье
Жизнью мне отпущенных дорог.
Часто ошибаясь в этой смуте,
Всё искала счастья островок.

Жизнь давала мне печаль и радость,
Горечь слёз, тоску, разлуки боль,
И любви живительную сладость,
И страницы повести «Ассоль».

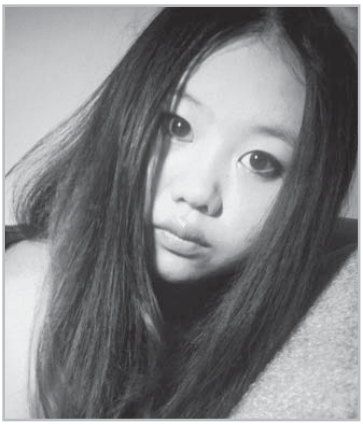
***

В лёгком запахе дурмана
Разливалась птичья трель.
Из ромашек и тумана
Постелила я постель.

Одарив тебя любовью,
Не боясь людской молвы,
Положила к изголовью
Ветку я дурман-травы.

Счастья миг. Забытый голос,
Океан любви в глазах,
Пахнущий лавандой волос,
Привкус мяты на устах…

Я за эту ночь с тобою,
Не жалея, всё отдам.
Назови меня судьбою.
Верь, тебя я не предам.



Диана Цай

х. Левобережный, Азовский р-н, Ростовская обл.

***

Ярко-жёлтые мимозы
В синей вазе на столе,
Пусть мимозы милым розам
Уступают в красоте.
Аромат мимоз пленяет
И чарует простотой,
Нету краше, но кто знает,
Может, мил цветок иной
Для другого. Очень разный
На цветы и вкус, и взгляд –
Кому белый, кому красный
По душе цветов наряд.
Но мимозы мне милее
Переливами лучей,
С каждым мигом всё нежнее
И всё краше для очей.

***

После весеннего дождя
Мир дышит сладостным покоем,
И солнце припекает зноем
Совсем зелёные поля.

И голубые небеса
Чисты, прозрачны и просторны,
Загадочны, нерукотворны,
Прикрыты занавесом сна.

После весеннего дождя
Жизнь начинается сначала.
И где-то там, на дне бокала,
Таится счастье от меня.

***

Мелькают тени за спиной,
Как призрак прошлого столетья,
Идут тихонько за тобой,
С их губ слетают междометья.

Воспоминанья не забыть,
Над ними время и не властно,
И на замок их не закрыть,
Старанья все теперь напрасны.

Мелькают тени за спиной,
И время вспять спешит потоком,
Обрывки прошлого с тобой
Лишь вновь всплывают
ненароком.

А глаза – в шоколаде море…

Одинокая чашка кофе…
Раствориться до дна бы в ней,
Вспомнить наши бы губы
в профиль,
Времена тех минувших дней…

Твои губы, как вишня в роме,
Ярко-алым пьянят и манят,
А глаза – в шоколаде море.
В них мои так безмолвно таят…

Беспокойно, так шумно море.
Дай мне пристань и полный штиль,
Полный штиль дай, когда мы в ссоре,
Через сотни и сотни миль…

Колыбельная

Засыпай, мой младенец, сладко…
Царство сонное… Спит король.
Лишь царевна не спит, украдкой
Сохраняет земной покой.

Засыпай, мой младенец, нежно…
Снов хранители тут как тут.
Месяц сонный в шубейке снежной
С ночкой тёмною песнь поют.

Засыпай, мой младенец, сладко…
Царство сонное… Спит король.
Лишь царевна не спит, украдкой
Сохраняет земной покой.

Мой царевич закроет глазки,
До утра будет видеть сон.
Побывает в волшебной сказке
И в другую умчится он…

Засыпай, мой младенец, сладко…
Царство сонное… Спит король.
Лишь царевна не спит, украдкой
Сохраняет земной покой.

Осенний мираж

Мне казалось, сегодня осень:
пожелтела слегка листва.
Мне казалось, сегодня осень:
чуть заметен дым от костра.

Солнце ярче, но палит меньше,
лету свой вынося вердикт.
Может, слишком даже поспешно
«Суд окончен» судья твердит.

Мне казалось, сегодня осень…
Наступила теперь она,
и на небе сырая проседь
горькой скорби и слёз полна.

***

В порыве ярости и гнева
Бушует ветер одинокий.
Несётся справа, позже слева –
Безмерно близкий, но далёкий.
Над сутью мира в час нелёгкий
Гремит погасший купол света.
Услышав вскоре голос звонкий,
Душа моя опять согрета
Прохладным вихрем
гроз весенних,
Чей аромат пленит и манит…
И пеленою рос вечерних
Шум грома снова одурманит.

Поцелуй

Дыханье на коже до дрожи,
Твой запах так сладко тревожит,
Горячие губы с холодным снегом.
Коснусь их, мой мальчик первый…

Любовь – огонь

Я сказала: «Любовь – огонь,
Загорится, так вспыхнет ярко».
Прошептал мне: «Любовь – огонь.
То тепло, то безумно жарко».

Я обижусь, по капле дождь
Вдруг потушит былое пламя,
Ты напрасно сегодня ждёшь,
Ты словами так больно ранил…

Нева

Дождливый город вдохновенья –
Приют великого Петра
И гений русского творенья,
Застывший в камне на века.

В его болотах скрыты тайны
Уже давно минувших лет.
У берегов реки печальной
Написан не один сонет.

Здесь под холодными мостами
Томится грустная Нева,
И бьёт печальными волнами
В окаменевшие брега.

Веками ждёт она простора
И под бессонницу ночей
Грустит о парусник моря
Голубизной своих очей…

Уж сотни лет в тоске печальной
В творенье гения Петра
Среди красот и в вечной тайне
Томится грустная Нева.

Татьяна Цымбал

г. Санкт-Петербург

Conjoint (фр.)

Немного есть людей
на этом свете,
С которыми и горе – не беда.
Недаром рядом с ним
смеются дети,
Коты и кошки ластятся всегда.

Он по-гусарски дерзко
каламбурит,
И хоть немного падок
всё ж на лесть,
В душе (я рада этому безмерно!)
Такое есть понятие, как честь.

С ним всё легко и просто,
и серьёзно.
Любимый и по жизни
просто друг –
Мужчина с большой буквы,
сердцем нежный,
Душой весьма талантлив –
мой супруг.

Нежным шёпотом

Осень прохладная
чуть притушила
Всё разноцветье
холодным дыханием.
Инея снежного наворожила…
Ну а ко мне отнеслась
с пониманием.

Щёки горят,
и, не чувствуя минуса,
Что столбик ртути
сковал своим холодом,
Я улыбаюсь,
ведь ты мне приснился…
Что-то рассказывал
медленным шёпотом.

Он не даёт мне замёрзнуть!
Немыслимо…
Мне бы дыхание выровнять…
Ветреный,
Пряди волос ворошит
легкомысленно
День,
что так нежно тобою согретый.

Тёмно-зелёная Зима

Так грустно и нестерпимо,
Когда Зима-Белоснежка,
Ступая так гордо мимо,
Меняет свою одежду.

Но что-то однообразен
Фасон и расцветка костюма.
Конечно, это практично,
Хотя и нисколько не умно.

Всё время тёмно-зелёный…
Не тот, что такой разнотравный,
Не тот, что горит изумрудом,
И мало похож на салатный.

Мерещится тёмно-зелёный
В ветвях новогодней ели,
В фонарике, что мигает,
И в шёлке белья постели.

Всегда лишь тёмно-зелёный,
Прозрачно-цветная слеза…
Такой же цвет непреклонный –
Совсем как твои глаза.

Твоё желание

Не сомневаясь,
лёгким движением.
Не убеждая,
одним лишь касанием.
Ты побеждаешь прикосновением.
Я улетаю в космос желанием.

Вызвать оттуда возможно.
Но надо ли?
Вдруг закружит,
завладеет бессонница.
Что ждёт тебя?
Загадай, звездопад ведь!
Это желание может исполниться.

Воздушный замок

Крепость воздушного замка
Не вызывает сомнений –
Толстые стены, бойницы,
Башенки, окна не спят…
Мост подвесной на запоре,
Звуки игры менестрелей,
Стражи суровые лица –
Только доспехи блестят.

В башне высокой принцесса
Косу плести уж устала.
Имя её всем известно –
Это Рапу́нцель-краса.
Ждёт, ну когда же приедет
Принц из соседнего царства
И увезёт на Край Света,
Там, где сине́й небеса.
Вот мост уже опустился,
Лошадь призывно заржала,
Он уже здесь, вот мелькнуло
Злато кудрявых волос…
Тут всё подёрнулось дымкой,
Замок растаял в нирване –
Это ты мне на подносе
Утренний кофе принёс.

Вишнёвый поцелуй

Целуй меня медленно,
сгорев от желания.
Целуй меня быстро,
как сумасшедший.
Я хочу сделать тебе признание –
У моих губ аромат вишен!

Пухлые, словно спелые ягоды.
Бордовые, сочные –
взгляни сквозь солнце!
Соком вишнёвым,
боюсь, захлебнёшься,
Если выпьешь меня до донца.

Осенние ветры развеют листья
И принесут с собой ненастье.
Вдруг ниоткуда аромат вишен…
Может, это на счастье?

Я скучаю

Я ладонью проведу
нежно-нежно…
По щеке, не задавая вопросов.
Улыбнусь на неразумные речи:
«Ты когда-нибудь
бываешь серьёзным?»

Я вздохну и вспомню –
ты где-то рядом.
Счастлив? Вместе? Не со мной?
Я не знаю.
Абонента нет, и он недоступен.
Я скучаю по тебе. Я скучаю…

Рука об руку

Тепло твоей руки хранит рука.
Улыбки нежность губы повторят.
И мыслей суть,
и сходство наших душ
Меня с тобой отчаянно хранят.

Моя любовь к тебе сильнее слов,
Что прозвучат,
как шелест ветерка.
Моя любовь живёт с тобой, пока
Тепло твоей руки хранит рука.

Андрей Цыпляев

г. Новомичуринск, Рязанская обл.

Сегодня Абрек такое учинил… А я ведь этому наглому кошаку так сочувствовал, и прошлым летом мы с девчушками подкармливали сего паразита! Тогда он так вопросительно смотрел на нас и так выразительно мурчал – на тяжкую жизнь сетовал. А нынче этот неблагодарный совершил дерзкое нападение и ограбил мою маму!

Мама купила копчёную селёдку на Благовещенье, выбрала самую крупную рыбину, на 57 рублей потянула, возможно, даже с икрой (этого мы уже никогда не узнаем…) – и вот такой печальный итог!

Ходить маме уже тяжело, села в парке на «нашу» лавочку отдохнуть и пакет с селёдкой рядом положила, а эта хвостатая пакость, видно, внимательно наблюдала за потенциальной жертвой и тихонько подкралась из-за кустов. Мама глуховата стала и шелеста пластика не услышала. Спохватилась, только когда увесистая рыбина шмякнулась вниз, но было уже поздно – рыжий пройдоха забился в кусты боярышника, не дотянуться до него.

Мама и сумкой пыталась его спугнуть, и выгнать на открытое место, и увещевала, и стыдила, и громко отчитывала – ноль эмоций! Прямо у неё на глазах наглец располосовал плотный пакет, достал добычу и принялся трапезничать. На крики мамы прибежали девчушки – Кристинка (11 лет) и Янка (9 лет), мои добрые знакомые. Они попытались помочь маме вернуть похищенное – и по сугробам, по целине, черпая снег сапожками, полезли в кусты. Но где там! Схватив недогрызенное в зубы, рыжая бестия дала дёру прямо напролом через кусты.

Ох, ах, но пока девчушки через полпарка обежали посадку, Абрека уже и след простыл – только вильнул в отдалении его полосатый рыжий хвостяра… Не угонишься за резвым мерзавцем.

Короче, праздничная копчёная селёдочка «сделала нам плавничком». Мама ещё с улицы не пришла, а я уже знал все подробности нападения и наглейшего ограбления средь бела дня беззащитного пожилого человека – девчонки просто не могли мне не позвонить и не поделиться увиденным.

А мы с ними ещё этого бездомного рыжего прохиндея искренне жалели! А он наше семейство обездолил, лишив рыбного деликатеса. Вот и сочувствуй всяким «криминальным личностям» после этого. Совсем одноглазый остатки совести потерял…

Мячик

В дальний двор приехал погостить к бабке пятилетний Витя. Семья у пацана бедненькая, да и бабка, взявшая его на лето под свою опеку, прижимистая. Он у неё целый месяц выпрашивал купить ему резиновый мячик. Обычный детский мячик – чуть дороже 200 рублей. Бабка, когда внук показывал ей на улице какой-либо мяч у играющих детей, фыркала: «Эко сокровище!» – и наотрез отказывалась покупать такой же, а мотивировала отказ тем, что у него уже есть мячик. Да, мячик имелся, в сине-красную полоску, но вдрызг облезлый, подсдутый и совсем не прыгающий – его можно было только катить. Это б и не беда, мы бы накачали, иглы и насосы в нашем хозяйстве есть, но такого «больного» вылечить невозможно: подкачка не предусмотрена изначально, нет отверстия под иглу. Совсем допотопный мячик! Аня и Яна, сестрички-двойняшки, пошутили:

– В него, наверно, сама бабушка в детстве играла!

Так Витя и мучился – то лениво катает свой мячик-инвалид по дорожке, грустно посматривая на соседские резво прыгающие мячи, а коль повезёт и наши девчонки берут его с собой играть, радостно и звонко стукает их современным «сокровищем» об асфальт и весело гоняется за ним по всему парку. Но ведь хочется иметь и своего «попрыгунчика»… Сколько слёз и упрашиваний больше месяца! Чему мы неоднократно были свидетелями. А чего стоило пацану претворение в жизнь его мечты – знает только он и его нещедрая опекунша, так как основные переговоры велись дома за закрытой дверью.

Наконец бабуля со скрипом уступила: купила внуку новый мячик. С изображением футболиста, звонкий, прыгучий и накачивающийся. Радости мальчишки не было предела! Весь вечер и половину следующего дня Витёк был абсолютно счастлив. Его даже не смутили грозные слова родственницы при вручении мечты:

– Что с ним случится – прибью на месте, так и знай!

А потом… Отвлёкся парнишка, наигравшись, и побежал на качели с другими малышами, а мячик не отдал прямо в руки сидящей на лавочке в отдалении бабушке, так и оставил на дорожке. И случилось непоправимое – то ли ветер подул, то ли кто ногой задел, – и «сокровище» выкатилось на проезжую часть и тут же попало под колесо проезжающей машины…

Первой на звук хлопка подбежала Янка и, подняв «тряпочку», в которую превратился раздавленный мячик, горько простонала:

– Всё, дядя Андрей, полный «песец»! Бабка его удушит! Она и так злая, как мегера, ходит…

К счастью, ни Витя, ни его бабка не обратили внимания на «взрыв» за кустами. Витя взлетал на качелях, восторженно приговаривая «прямо до небес!», а бабка надрывно жаловалась своим подружкам-старушкам на тяжкую долю и нерадивых родителей, подкинувших ей внука на всё лето.

– Что будем делать, люди? – поинтересовалась вторая близняшка, Аня. – Точно уроет мегера мелкого! – сёстры даже думают всегда синхронно: одна начинает диалог, а другая тут же подхватывает его.

– Надо новый купить, я точно такой же в «Дикси» видела, 208 рублей всего, – это уже Настя, бросив свою куклу, подбежала.

– Ха, всего! Надо бы, но у нас… – Янка вывернула свои и сестрины карманы, – 17 рублей с копейками!

Остальные тоже принялись подсчитывать имеющуюся наличность. Но набралось меньше тридцати рублей, а проблему надо было решать немедленно, пока бабка не спохватилась о пропаже и не устроила внуку обещанную казнь.

Ну что мне оставалось делать? Внёс недостающее из своего резерва. К всеобщему облегчению.

Далее всё прошло великолепно: счастливые девчонки быстренько сгоняли в магазин, купили точно такой же мяч, для натуральности малость поскребли им об асфальт, поваляли в траве и незаметно поместили у лавочки со старушками, подкатив под ноги Витиной бабуле, продолжавшей свою пламенную речь о бренности земного бытия. Никто не заметил девчоночьих манипуляций, только через пару минут бережливая бабуля деловито зажала мячик между своими стоптанными тапками. А Витя продолжал самозабвенно кататься, перемещаясь с одних качелей на другие, благо, их во дворе несколько и разных.

Затем, решив, что пора домой, бабка забрала мяч, громко кликнула внучка, убедилась, что тот бежит к ней, и пошлёпала к своему подъезду.

Молодцы девчонки! Такую бурю предотвратили!

Николай Широков

д. Золотово, Воскресенский р-н, Московская обл.

Широков Николай Сергеевич родился в 1951 году в селе Виноградово Воскресенского района Московской области. После окончания средней школы проходил срочную службу в Кантемировской танковой дивизии. Участник военного парада на Красной площади в 1970 году. Закончил Московский механический техникум, работал бригадиром, начальником смены, помощником начальника Курского вокзала г. Москвы. Стихи начал писать в юношеском возрасте. Печатался в газетах «Наше слово», «Искра-ТВ», альманахе «Воскресенск – моя родина светлая», русско-болгарском альманахе «Созвучие».

***

Снова весною запахло, мой друг!
Вот и берёз нагота – ненадолго…
А половодий всё ширится круг
От Подмосковья, Оки и – до Волги!

Что это? – сон? Или просто мираж?
Сколько он будет во времени длиться?
Месяц апрель! И включаю форсаж,
Чтоб понимать и прощать научиться!

Каждой весною, с собою в борьбе,
Новой частичкой души отмечаю:
То ли добрей становлюсь я к тебе,
То ли на верность себя проверяю.

Слушай, судьба! Ну давай – наравне:
Что ты диктуешь и что мне пророчишь?
Если любить, то люблю я вдвойне,
Хочешь ты этого или не хочешь!

Если к добру, то иду – напролом,
Всё отметая – сужденья и бредни.
Жизнь – это бег марафонский вдвоём:
Хочешь? – будь первым, вторым – ты последний!

И не уйти от себя никуда…
Лишь заиграют апрельские блики,
Манят разливами лёд и вода,
Птиц побудив на призывные крики!

Так и живу: от весны – до весны…
Так буду жить – в ожиданье апреля…
Только весной – и ненастья красны,
И далеко до январских метелей!

***

Я не думал, не гадал, не ведал,
Что когда-то, на излёте лет,
Буду ждать улыбки – как победы
На моё признание в ответ.

Знаю: не дождусь, не разволную…
Изгоняю чувства из себя.
И любя – нисколько не ревную,
И ревную – может, не любя.

Ты проходишь тенью мимолётной,
Всё во мне опять расшевелив.
О душа! Была ты искромётной…
Что ж теперь загадочно молчишь?

Бесшабашной молодостью гнутый,
Все её предчувствия храня,
Знаю: ты откроешься кому-то,
С безразличьем глядя на меня!

***

Природа мудра, и в параде явлений
Рождается глупый, рождается гений,
Рождается сын, и рождается дочка,
За росчерком длинным – поставится точка.

За счастьем – беда. За веселием – скука.
На смену свиданьям приходит разлука.
И солнце, что новый рассвет пробудило,
В таинственном прошлом звучало: «Ярило»!

Так было и есть, и всегда это будет:
И Космос, и Бог, и пытливые люди,
И Разум Вселенский, и мозг человека,
Где масса вопросов – от века до века.

Но только одно не могу подытожить:
Есть Мир и Война… Без войны мы не можем?!

***

Верба зацветает на канаве,
И глаза проталин на снегу.
Скоро вновь Иисуса будут славить
На пасхальном, праздничном кругу!

Колокол разбудит поднебесья –
Возвестив деревням, городам,
Что Христос воистину воскресе,
Что он с нами, в каждом навсегда!

Разойдутся люди по кладбищам,
Как и встарь – тому не мало лет, –
Всё одно: богатый или нищий, –
Помянуть того, кого уж нет.

Выпив понемногу за усопших,
Попенять на трудности житья,
Улыбнуться тем, кто землю топчет
Вместе с нами в мире бытия,

Рассуждать о вечном без искуса,
Но не осуждая никого…
Если б даже не было Иисуса,
Мы б давно придумали Его!

***

Всё имеет начало…
Всё имеет конец…
Что же ты заскучала,
Выходя под венец?

Что же ты за вуалью
Прячешь думы свои? –
Майской ночью с печалью
Не поют соловьи.

Или, может быть, память
Увела тебя вдруг
В предрассветном тумане
К хороводу подруг?

Не грусти, что же делать?
Но не время тоске.
Юность пишется мелом,
Как на школьной доске!

Но приходит с весною
Тёплый дождь проливной.
Он пейзаж этот смоет –
Жизнь напишет другой.

Ах! Рисунков не мало…
Детство, юность, венец!
Всё имеет начало,
Всё имеет конец!

***

С озера тянет туманом –
Ночь и тиха, и светла.
Сонным напившись дурманом,
Ива к воде прилегла.

Травы – безбрежное море,
Робко в него захожу…
Месяц-мальчишка в задоре
Сдёрнул со звёзд паранджу!

Выбрав упавшую где-то,
Чтоб на неё загадать,
Я побреду до рассвета
Ноги в росе полоскать…

Утро засветит лучину,
Мокрый, усталый чуть-чуть,
Я упаду в стоговину,
Чтобы, как ива, уснуть!

***

Распустила шаль зелёную
Придорожная ветла.
Вешней влагой напоённая –
Даль безбрежна и светла.

Выйду в поле необъятное
Я, не юный и не старый,
Ветер свежестью приятною
Из рубашки сделал парус.

И, свернув с дороги где-то
В тишину неспешных троп,
Вижу: май рисует лето –
Брови, нос, ресницы, лоб.

По лугам, низинам, кочкам
В завершающем мазке
Он цветов разбрызгал точки,
Как веснушки по щеке.

Вижу: май рисует лето, –
И кричу: «Не поспеши…
Дай же, милый, мне, поэту,
Промежуток для души».

После зимних вьюг и стужи,
И морозных распроказ,
Зной июльский будет нужен,
Только позже – не сейчас.

Ты цвети, весенний блудень,
Буйство чувств, любви пора.
Сознают не сразу люди:
Жизнь – великая игра!

И весенняя закваска
В бедах, в радостях, во мгле
Преподносит жизни сказку
Нам, живущим на земле!

***

О Боже! Влей в мои года
Мальчишьей дерзости
И чувства горького стыда –
В часы неверности!

О Боже! Дай ума понять,
Где плут, где праведник.
Сознанья – голову склонять,
Смотря на памятник!

О Боже! В душу привнеси,
Давно не юную,
К той, что невинной искусил, –
Любовь безумную!

О Боже! Дай прожить свой век,
Познав всё сущее –
Обиды, боль, паденья, грех,
Дела кипучие!

О Боже! Дай мне то посметь
В порыве рвения,
Чтоб, жизнь изведав, – умереть
Без сожаления!

***

Успокоились вьюги…
Время тёплым ветрам.
Вновь мальчишечьи струги
Заснуют по ручьям!

Я апрельской порою
Становлюсь нерадив.
Не даёт мне покоя
Половодья разлив!

Я в мальчишку из детства
Превращаюсь весной,
Чтоб душой отогреться
От тоски ледяной!

Чтоб развеять сомненья,
Чтоб забылась беда,
Я бросаюсь в теченье
И плыву в никуда!

Тем мальчишеским стругам –
Повезёт или нет?
Под напором упругим
Я найду свой ответ!

Одолею препоны,
Чтобы птицей кружить!
Ах! Апрельские звоны…
Так и хочется жить!

***

Я желаю тебе добра,
Я желаю тебе удачи!
Потому что любви пора,
Потому что нельзя иначе!

Я желаю тебе разлук,
Чтобы радостней были встречи,
Я желаю счастливых мук
И таких, чтоб утешить нечем!

Я желаю тебе страстей,
Чувства долга и чувства меры,
И приятных тебе вестей,
И в себя бесконечной веры!

Я желаю тебе надежд,
Но познаешь и ты утраты.
Жизнь – напиток: и чист, и свеж,
Только с привкусом –
горьковатым!

Я желаю без приукрас
Ласки, боли, успехов, срывов,
Потому что живём лишь раз,
А без этого – счастье лживо!

Я желаю тебе всего,
От чего эта жизнь прекрасна!
Я желаю тебе того,
Чтоб была она не напрасной!

***

Пусть слово – это серебро,
А золото – молчанье.
Вложите в речь сердец добро –
Она дороже станет!

Ведь и молчанье не всегда
Бывает поучительным.
Как часто кроется беда
В тихоне положительном!

Где слово к делу приведёт,
Даст знак предупредительный,
Молчанье примет оборот
Весьма, весьма сомнительный.

Порой молчащий – это враг,
Упрятавший в бессилии
Душонки завидущей мрак
И злобы изобилие.

Умейте различать добро
От злого упования.
Пусть слово – только серебро,
Не золото – молчание!

***

Небо чистое-чистое,
Васильков – не избыть,
И во всё золотистую
Август вплёл свою нить.

Эти, самые первые,
На картине мазки
И завяжут, наверное,
Паутин узелки!

Бабьим летом поверится,
Что уже по лугам
Запах осени стелется –
С резедой пополам!

***

На счастье молимся порой:
Чего-то вечно не хватает!
Жизнь представляется игрой,
Когда вещизм одолевает!

И мы спешим приобрести
Путём законным и безбожным
Вещь, чтобы душу отвести,
Что сделать, впрочем,
невозможно!

За этой целью в очерёд
Ещё появится, другая.
И засосёт водоворот,
В пучину жадности ввергая.

Но не поймем того подчас,
Что нет предела увлеченью.
Несётся времени Пегас
И жизнь, подобная теченью!

А на исходе наших дней
На землю спустимся несмело,
Усвоив: просто жить на ней –
Есть счастье высшего предела!

***

За призывными ручьями,
Как сошёл апрельский лёд,
Жаворонок над полями
Песнь призывную поёт.

Ищет он свою подругу
Вдалеке от птичьих стай.
Окажи и мне услугу
Ты, зелёный цветень май!

Дай любви мне, дай надежду,
Чтоб скитаться до зари,
Чтоб как в юности, как прежде,
Петь, смеяться, говорить!

Не считать минут упругих,
Что спрессованы в года:
Быть рисковым – будь что будет…
Целовать девичьи груди…
Но в сединах борода!

Я ничем себя не тешу:
Пусть весна моя прошла,
Талисман на грудь повешу –
Нитка, сердце да стрела!

Я ничем себя не тешу,
Но бодрится зрелый пыл:
Был я, кажется, повесой –
Почему же только был?

Мне ещё не чужды ласки:
Коль затронули струну,
Признаюсь – девичьим глазкам
Я с намёком подмигну!

А в намёке жажда жизни,
Милый, юношеский бред.
Я, прошедший катаклизмы,
Юн душой, хотя и сед!

Мне бы только с молодёжью,
Бодро выйдя за порог,
Убежать по бездорожью
Неисхоженных дорог!

Вновь вкусить беду и радость,
Покорить десяток Зей,
Бить наотмашь труса, гада,
Что предал моих друзей!

В общем, я прошу у мая:
«Май, верни мою весну!
Жаворонок напевает…
Ты же дал ему жену!

Вот и мне отдай цветенье,
В жизнь мою весны долей,
Чтоб звенело то же пенье,
Что доносится с полей!»

***

Бабье лето запоздалое…
На пожухлую траву
Опадают листья вялые,
Ткут осеннюю канву.

И оборочкой, каёмкою
Паутин ложится нить.
Паутинка счастья тонкая:
Тронешь – горя не испить.

Вьются, вьются путы белые
По лицу, рукам, груди.
Что там ждёт меня, несмелого?
Что там будет впереди?

Бабье лето растревожило…
Ворох мыслей, как уснуть?
Что-то где-то преумножило
Иль отняло – не вернуть!

Не грущу, не сожалею я,
Перед пухом ледяным
Ты мне память всю развеяло:
Был иль не был молодым?

В одиночестве, в кругу ли я,
Средь врагов, среди друзей:
Чем закончу? – звонкой пулею
Или славою своей?

Бабье лето! Белым инеем
Утром выстели мне путь.
На устах с любимым именем
Побреду – куда-нибудь…

И, грустя о мае ласковом,
В неразбуженной глуши
Я себя утешу сказками
О бессмертии души!

***

Всё в мире приходяще
И уходяще:
Успех блестящий,
Позор смердящий.

Всё в мире непременно
Живо и тленно:
Старик согбенный,
Юнец надменный.

Всё в смысле переносном
Легко и просто,
Но тьма вопросов!

И нет ответа,
И нет просвета
В конце сонета.

***

Звёзды по небу чистому –
Как по ковру бархатистому…
Рассыпаны. Это осень!
Луна – огнём маяка,
Тихо течёт река,
Прохладно. Инея проседь.

Чёрной преградой лес,
Листвы изумруд исчез,
Дождём золотым пролился!
Лета затихший звук –
Сорвавшийся с губ испуг.
Или мне сон приснился?

Там, впереди, зима,
Вьюжная кутерьма,
Долгих ночей томленье.
Но по закону лет
Весны прозвучит сонет,
Выльет в луга цветенье!

***

Отгорело зарево заката,
Сумерки окутали село.
Провожали в армию солдата,
По-российски – пьяно и тепло.

Все желали лёгкой, скорой службы,
«Хоть и не бывает таковой»,
Если есть девчонка –
крепкой дружбы,
Выучки отличной строевой!

«Выходила на берег Катюша»
И «Солдат вернётся, только жди», –
Пели гости весело, он слушал,
Робко улыбался хмельным душам
И не знал, что детство позади!

Татьяна Шашина

учащаяся 5-го класса

г. Новомичуринск, Рязанская обл.

Интересная встреча

Однажды я проснулась от яркого света. После затянувшихся дождей снова сияло яркое солнышко. Оно прокралось своим лучиком ко мне на подушку, пробежало по одеялу, спрыгнуло на пол и вдруг заполнило собой всю комнату. Ура! Значит, как и обещала мама, мы идём за грибами. Мы собрались быстро, взяли корзинки и пошли в лес. Какая красота! Лес буквально за несколько дней стал другим. Его словно посыпали золотом. Под ногами золотой ковёр, на котором вышиты красные цветы. Листья шуршат, и становится как-то весело на душе и спокойно. Ой, что это краснеет там среди осинок? Заглянула я под веточку и увидела пять стройных грибочков. На головке красные шапочки, ну такие симпатичные. Как пройти мимо? Срезала их и – в корзинку. В другую сторону посмотрела, а там ещё три красавца. И их в корзинку. Чуть дальше шагнёшь, – ещё грибы. Набрали так полные лукошки и пошли домой. Иду, листочки палочкой разгребаю, и вдруг колючий комочек. Пригляделась: ёжик. Хотела я его взять, а не могу, колется. Я позвала маму. Она аккуратно завернула его в платок, и мы взяли его с собой. Дома налили ему в блюдце молочка, покормить хотели, а он не раскрывается, пыхтит, сопит и всё тут. Мы не стали его трогать, отошли в сторонку и ждём, что будет дальше. Ёжик, наверное, успокоился. Смотрим, показался чёрный носик, ну прямо как пуговка, понюхал и стал пить молоко. Мы решили, что ему у нас понравилось, и занялись своими делами. Когда вспомнили про ежа, его нигде не было. Убежал ёжик к себе домой. Но я не расстроилась: я поняла, что ему лучше в лесу, у себя дома. А у меня осталось много приятных впечатлений о прогулке по осеннему лесу, об интересной встрече с ёжиком и полной корзинке грибов. Это было здорово!

Желторотик

Маша и Витя отдыхали в деревне у бабушки. Дети со своими друзьями весело проводили время на природе. Однажды Маша заметила птичку на проводе у дома. Это была ласточка. Витя играл в футбол с мальчишками, и Маша решила понаблюдать за птичками. «Но почему она одна?» – подумала девочка. Ласточка улетела, потом, через некоторое время, вернулась и метнулась куда-то под крышу дома, затем снова вылетела и села на провод. Маша решила посмотреть, что там. Она обошла дом и увидела на самой верхушке под крышей гнездо. Оно было такое интересное: слеплено из комочков грязи, переплетено травками, кое-где торчали пёрышки. По форме гнездо напоминало чашку, приклеенную к стене. Вдруг из гнезда показалась головка другой ласточки и снова спряталась. «Бабушка, бабушка! Что-то ласточка не может вылезти из гнезда. Та, что на проводе, её ждёт, а она не летит. Иди, посмотри!» – забеспокоилась девочка.

«Не волнуйся, Машенька! Ласточка-мама отложила яички и теперь выводит птенчиков, а ласточка-папа приносит для неё корм», – успокоила внучку бабушка.

Маша обрадовалась, что всё хорошо, и побежала играть с Витей.

Дни летели, дети купались и загорали на речке, играли в разные игры. Как-то вечером, вернувшись домой, Маша решила навестить ласточку. Как она была удивлена, когда увидела, что из гнезда выглядывали уже четыре головки! Они были страшные, какие-то серые, с большими жёлтыми ртами. Их мама и папа по очереди подлетали к гнезду и кормили своих деток, птенчики только открывали рты.

Прошло ещё несколько дней, птенчики подрастали, становились любопытными и часто высовывались из гнезда.

Однажды вечером дети услышали странный шум. Это была ласточка. Она взволнованно металась – то к земле, то поднимаясь под крышу. Маша не выдержала и побежала на улицу. За углом она увидела кота Барсика и решила, что птенцам угрожает опасность. Маша подбежала к коту и прогнала его. На земле она увидела птенчика, который, видимо, вывалился из гнезда. А мама-ласточка ничего не могла сделать: ведь рук-то у неё нет.

Вышли на улицу и бабушка с Витей. Увидела бабушка, в чём дело, и пошла за лестницей. Взяла она птенчика, поднялась по лестнице и положила его в гнездо. Мама-ласточка метнулась к своим деткам. Было видно, что она сильно перепугана и в то же время благодарна нам за то, что мы спасли её птенца.

«Вот были бы у твоей мамы руки, она бы тебе всыпала», – подумала Маша и улыбнулась, потому что всё закончилось хорошо.

Мышонок Пигви

Жил-был один мышонок по прозвищу Пигви. Жил он с мамой в подполье. Мышонка всегда интересовали звуки сверху. Он спрашивал маму:

– Кто там живёт? Можно мне посмотреть?

Но мама ему не разрешала вылезать из норки наверх. Она говорила:

– Сиди тихо! Там живут люди, а у них есть кот. Он рыжий, пушистый, большой и очень хитрый. Кот не любит нас, мышей, увидит тебя и съест.

Но Пигви не сиделось на месте. Он нашёл дырку в полу и вылез в комнату. Там на стуле лежало что-то лохматое и рыжее. Тут мышонок вспомнил, что говорила мама про кота, и решил, что это он спит на стуле.

Мышонок хотел уже возвращаться, но запах чего-то очень вкусненького остановил его. Пигви увидел миску, в которой лежал кусочек сыра. Мышонок не смог удержаться и побежал к миске. Тут вдруг проснулся кот и бросился за ним. На помощь Пигви прибежала мама. Она велела мышонку немедленно возвращаться в норку, а сама ловко промелькнула перед котом и направилась к ведру с водой, стоящему на полу. Кот прыгнул за ней и угодил прямо в воду. Мама со своим малышом благополучно вернулись в подполье.

Рыжик

Жила в лесу семья белок. Маленькие бельчата подросли, и мать стала учить их самостоятельно находить себе корм и защищаться от врагов. Для начала нужно было научиться прыгать с ветки на ветку.

Все малыши с таким азартом прыгали за мамой, играли друг с другом... Только Рыжик, самый маленький и спокойный из бельчат, сидел у гнезда.

– Что же ты не прыгаешь? – спрашивала мама-белка сына.

– Я боюсь, – отвечал ей Рыжик. – Здесь так высоко, что сердце замирает от страха. А если я не допрыгну до другой ветки, или вдруг меня утащит коршун?

И так продолжалось изо дня в день. Мать переживала за сына, но ничего не могла поделать.

Однажды Рыжик проснулся от крика. Это была его мать. Она звала на помощь. Бельчонок поторопился на зов. Он, не задумываясь, перескочил с ветки на ветку, преодолел несколько деревьев и затаился в листве. Рыжик увидел рысь. Она была в двух шагах от матери-белки, которой некуда было отступать. Сзади был обрыв, а внизу шумела бурная река. Рыжик быстро просчитал свой путь и одним прыжком угодил на спину рыси. Та от неожиданности так перепугалась, что за считанные секунды скрылась из виду.

Мать с сыном благополучно вернулись домой и долго смеялись над трусишкой-рысью.

Котёнок – Мурзик

Каждое лето, как только заканчивается учебный год, мы с братом и мамой уезжаем в деревню к бабушке и дедушке. Там очень красивая природа, и мы с удовольствием отдыхаем.

В этом году нас ждал сюрприз. Кошка окотила котёнка и спрятала его на чердаке в коробке от телевизора. Когда мы услышали мяуканье и достали его, котёнок уже открыл глаза и с радостью рассматривал окружающих.

Я попросила маму взять малыша домой. Сначала котёнок прятался и немного побаивался. Бабушка назвала его Мурзик. День за днём наш новый друг осваивал территорию и скоро стал вести себя как хозяин. Малыш с удовольствием играл. Я сделала ему игрушечную мышку, и он с таким азартом пытался поймать её и съесть, что бабушка с дедушкой не могли удержаться от смеха.

Прошло два месяца. Мурзик подрос, но игрун остался ещё тот. То подкараулит меня, выпрыгнет и за ноги лапками уцепится, перевернётся через голову и убежит. А последнее время стал донимать свою маму. Только она уляжется на диванчике, Мурзик к ней запрыгнет и начинает мучить. То кусает ушки, то играет с хвостом, а то заберётся на маму-кошку, лапками голову обхватит и кусает прямо за носик. Мама терпит, терпит, а потом как схватит своего сыночка, лапами держит, покусает немного и отпустит. А котёнок отбежит, спинку выгнет и опять в бой. Иногда приходится помогать его успокоить. Я Мурзика на улицу выпущу и наблюдаю. Походит наш герой по подоконнику, в окошко посмотрит и успокоится. А мы найдём его где-нибудь на лавочке спящего.

Вот такой у нас в деревне кот-непоседа. Сейчас мы живём в городе и вечерами часто вспоминаем нашего озорника.

Осень

Осенняя пора – прекрасное время года. Ещё тепло, а нам уже становится грустно. Погода очень изменчива и капризна. То светит солнышко и кажется, что лето ещё продолжается: летают пчёлы, бабочки, по вечерам кучами вьются комары... То вдруг небо потемнеет, хмурые тучи поплывут, догоняя друг друга, и засеет мелкий дождь. Иногда он продолжается несколько дней, и настроение сразу ухудшается. Но нужно находить хорошее во всём. Дождь прошёл, значит, будет много грибов.

Идёшь по лесу и любуешься красотой природы. Деревья тоже готовятся к зиме. Они поменяли свои наряды и стали такими яркими, красочными. Вот стоит великан-дуб. Он возвышается над нами, такой могучий, серьёзный, как страж леса. Вокруг берёзки водят хоровод. Стройные, нарядные, они склоняют к нам свои ветви, будто это руки приглашают нас: «Проходите, милости просим!». В лесу тихо, лишь изредка услышишь голоса птиц. Они тоже готовятся в дальний путь. Птицы собираются в стаи, лишь молодые выводки никак не угомонятся. Они ещё не знают, какие неприятности и трудности принесёт им зима. Косяки птиц летят и что-то курлычут. Можно подумать, что они предупреждают нас: «Скоро зима! Мы улетаем! Увидимся весной!».

А мы остаёмся здесь, погреемся ещё немножко на солнышке и понаблюдаем, как природа вместе с нами встретит матушку-зиму, как деревья сбросят свои разноцветные одеяния и накроются пушистыми беленькими шубками. Но это будет чуть позже, а сейчас давайте восхищаться красавицей-осенью. Не зря о ней сложено столько стихов. Многих поэтов и художников осенняя пора очаровывала и вдохновляла на творчество.

Призёры конкурсов, проводимых нашим Издательским Домом на сайте стихи.ру

Татьяна Шкодина
http://www.stihi.ru/avtor/kamikadze1

Улиточное…

Мне плохо. Неотложные дела
Заброшены, забыты…
Жизнь потерпит.
Ещё одна минута умерла…
Я убиваю время. Слабый лепет
Мгновения, потерянного мной…
И маятник не хуже гильотины
Взлетает безучастно за спиной,
Раскалывая день до середины.
Часы бегут… А я, оцепенев,
Ушла в себя… Укрылась.
Я – улитка.
Снаружи – пустоты голодный зев,
А в домике уют шелками выткан.
Я знаю: эволюция, отбор…
Какой-то ген
В упрямой хромосоме
Покинуть мне мешает до сих пор
Медлительную нежность
В хрупком доме,
Обзавестись приютом попрочней,
В процессе выживания зверея…
Но без привычных сердцу
мелочей
Собой остаться вряд ли я сумею…

Чудо

Если ты ждёшь,
а к тебе не приходит Чудо,
Значит, ты просто привык
чудесам не верить,
Кануло Чудо твоё где-то там,
в Бермудах,
«Бульк!» –
в треугольном пространстве,
теряя перья.

И, погружаясь
в четвёртое измеренье,
Куксится Чудо,
уткнувшись лицом в коленки…
Скучные дни расфасованы,
как варенье
В тесные банки…
А кто-то снимает пенки,

Громко хохочет,
в прохожих бросая вишней,
Так, словно счастья,
как вишен – уже в избытке.
И на него, улыбаясь,
глядит Всевышний,
Пёстрое чудо спуская
на тонкой нитке.

Шоколадный вечер

Шоколадом лечить печаль…
М.Цветаева

Шоколадом лечить печаль –
Так по-женски и так наивно.
Мне помогут потоки ливня,
Мягкий плед и горячий чай.

Там, за шторой, – стена воды.
Опустели дворы, скамейки…
Из бесформенной пухлой лейки
Хлещут струи на все лады.

И мне кажется, на часах
Стрелки дрогнули и уснули.
Дом притих, как вечерний улей,
Шоколадом уют пропах.

Сладкий чай и мохнатый плед,
Ну а большего мне не надо.
…И плывёт облаков армада
Сквозь туманную толщу лет…

Ирина Морозова
http://www.stihi.ru/avtor/vbhbyf

Пока я не ушла…

Ключи, помада,
смятый проездной…
Твой кот
меня до двери провожает…
– Прости, усатый, но…
никак со мной…
Да ладно, всё наладится, не ной, –
Святое место пусто не бывает…

Не щурься, серый, я ведь не со зла,
И не грусти… забыл? –
коты не плачут…
Ты есть… а я почти уже была…
И вот ещё… Пока я не ушла,
Дай почешу за ухом на удачу…

Илья Бестужев
http://www.stihi.ru/avtor/dekabrist

А небо сегодня – плакало…
Знаешь… Небо сегодня плакало…
Облаками дрожа – нахмурилось,
И с обрыва – слезами-каплями
В равнодушные, серые улицы.

Стылый ветер в лицо –
пощёчиной
За неспетые песни летние,
И отчётливо пахнет осенью
В её траурном многоцветии

Так – по-женски…
Почти притихшее,
Разрыдается вновь – утроенно.
И слова не помогут – лишнее…
Так уж, милая, жизнь устроена.

Ручейками – да не весенними –
Эта грусть по волнам кораблики
Пустит – листьями – по течению,
Чтоб приплыли.
Кому-то – на руки.

Только…
Жаль – не прочесть послания.
Вдоль по жилкам листвы
(иль кажется)
Вниз сбегает слезой прощание
Летних дней –
погребённых заживо…

Слишком грустно?
Прости – настроение…
Хочешь, стиш перепишем –
набело?
Моя вера… Любовь…
Спасение…
Просто – небо сегодня плакало…

Вы же любите дождь?..

Вы же любите дождь…
И прогулки под зонтиком,
Усыпляющий шелест
и мглу за окном,
Шёпот мокрых ветвей…
И простую эротику
Двух свечей на столе –
со слива́вым вином…

Вы же любите дождь…
Сгиб руки – пластилиново –
Обвивает мой локоть
лианой ручной…
Рассыпаются – вдоль –
переулки старинные
В приглушённых шагах
по камням мостовой…

Вы же любите дождь…
Паутинными струнами
Сквозь два сердца –
как вышивка – грустный мотив.
В промежутках безделья –
играемся рунами
И живём – обещаньем,
что всё – впереди…

Вы же – любите дождь…
Пахнут волосы осенью.
Вы же любите дождь…
Пятикрылым зонтом
Наше счастье мозаикой
по́д ноги бросится…
Семицветною радугой…
Тропкой… Мостом…
Вы же любите дождь?..

Содержание:

Я вечен в невозможном… Анастасия Русских 3
Лев Котюков 4
Григорий Осипов 6
Эдуард Хандюков 8
Леонид Дудин 10
Виктор Симонов 15
Александр Калинников 20
Сергей Антипов 24
Ольга Новикова 26
Людмила Андреева 30
Валентина Атанасова 31
Елена Балашова 32
Алексей Богомазов 36
Аким Болвинов 37
Нина Бушуева 38
Елена Вилкова 39
Надежда Вотинцева 40
Лика Градо 43
Жанна Германович 44
Сергей Глебов 46
Галина Го́лова 48
Николай Дик 50
Светлана Донченко 51
Александр Драло 58
Валентина Дьяченко 59
Владимир Ерош 60
Александр Ильин 63
Эльвира Зенина 66
Марина Золотова 68
Марина Кабанова 70
Сергей Калабухин 72
Елена Качина 78
Антонина Киселевич 79
Вера Кошелькова 80
Пётр Красильникян 81
Любовь Кузьменко 82
Алексей Курганов 83
Сергей Кулешов 86
Лёля Ладная 88
Арина Ладенка 90
Ольга Монкина 91
Ирина Морозова 92
Людмила Михеева 93
Алексей Никонов 94
Александр Олефиренко 96
Клавдия Орлова 97
Зоя Полуэктова 98
Людмила Потапенко 99
Александр Пчелинцев 100
Максим Прокофьев 102
Максим Ролик 103
Валентин Романов 104
Нина Сазонова 105
Галина Самусенко 108
Владимир Сапрыкин 109
Александр Свиридов 112
Антонина Тесленко 117
Пётр Тимошкин 118
Василий Толстоус 120
Марина Точина 126
Алексей Тужилкин 128
Светлана Феоктистова 129
Марина Филимонова 130
Юрий Фокин 131
Людмила Чебышева 132
Диана Цай 134
Татьяна Цымбал 135
Андрей Цыпляев 136
Николай Широков 137
Татьяна Шашина 140
Призёры конкурсов, проводимых нашим Издательским Домом на сайте стихи.ру 142

4-6 октября 2013 года
в г.Рязани прошёл II Межрегиональный фестиваль "Региональная книга России",
на котором наш Издательский Дом "Серебро Слов" был отмечен специальным дипломом
"За вклад в патриотическое воспитание молодёжи",
за выпущенную нами книгу писателя из г.Воскресенска
Леонида Дудина "Твардии генерал Соколов".

Министерство культуры и туризма Рязанской области
Рязанская областная универсальная научная библиотека имени Горького

ФЕСТИВАЛЬ
РЕГИОНАЛЬНАЯ КНИГА РОССИИ

ДИПЛОМ

«За вклад в патриотическое воспитание молодёжи»

Награждается

издательский дом «Серебро слов»
(Коломна Московской области)
за книгу Леонида Дудина
«Гвардии генерал Соколов»

Председатель жюри конкурса «Книга года» **Н.Н. Гришина**

Государственное бюджетное учреждение культуры "Рязанская областная универсальная научная библиотека имени Горького"

2013